ПАЛИНОДІЯ
ЗАХАРІИ КОПЫСТЕНСКАГО
И
ЕЯ МѢСТО ВЪ ИСТОРІИ
ЗАПАДНО-РУССКОЙ ПОЛЕМИКИ
XVI и XVII вв.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. З. ЗАВИТНЕВИЧА.

ВАРШАВА.

—

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

—

1883.

ПАЛИНОДІЯ
ЗАХАРІИ КОПЫСТЕНСКАГО

И

ЕЯ МѢСТО ВЪ ИСТОРІИ

ЗАПАДНО-РУССКОЙ ПОЛЕМИКИ

XVI и XVII вв.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. З. ЗАВИТНЕВИЧА.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1883.

Дозволено духовною цензурою.
Варшава 1883 г. Мая 15 дня.
Цензоръ, протоіерей **К. Чеховичъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи юго-западно русской полемической литературы, вызванной латиноуніатской пропагандой, можно намѣтить два періода: первый обнимаетъ конецъ XVI и первую половину XVII в., второй—вторую половину XVII и начало XVIII в. Представителями перваго періода были лица, выходившія изъ греко-славянскихъ братскихъ школъ, представителями втораго— воспитанники кіево-могилянской академіи. Первый періодъ характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ историческаго элемента надъ богословскимъ, второй—преобладаніемъ богословской стороны надъ историческою. Предметомъ для настоящаго изслѣдованія мы избрали полемическую литературу перваго періода и главнымъ образомъ остановились на одномъ изъ выдающихся ея памятниквъ, „Палинодіи“ З. Копыстенскаго, написанной въ 1621—22 годахъ. Но такъ какъ полная историческая оцѣнка это-

го памятника возможна была только подъ условіемъ разсмотрѣнія его въ связи съ предшествующей ему полемикой, то оказалось необходимымъ изслѣдованію о „Палинодіи“ предпослать обзоръ западнорусской полемической литературы конца XVI и начала XVII в., что и составило первую половину нашего труда. Вторую же его половину составляетъ изслѣдованіе о самой „Палинодіи“, какъ литературно полемическомъ памятникѣ,—въ связи съ біографическимъ изслѣдованіемъ о жизни и ученой дѣятельности З. Копыстенскаго. Частнѣе въ нашемъ сочиненіи можно намѣтить слѣдующихъ пять отдѣловъ.

I. Въ первомъ отдѣлѣ разсмотрены разнаго рода историческіе факторы, вліявшіе на выработку отношенія между русскимъ православіемъ и польскимъ католицизмомъ въ періодъ до брестской уніи,—отношенія, оказавшаго вліяніе на ходъ самой полемики.

II. Второй отдѣлъ посвященъ историко-литературному обзору полемической литературы конца XVI и начала XVII в. до „Палинодіи“ З. Копыстенскаго.

III. Третій отдѣлъ представляетъ біографическое изслѣдованіе о жизни и ученой дѣятельности З. Копыстенскаго.

IV. Четвертый отдѣлъ имѣетъ своимъ предме-

томъ изслѣдованіе о „Палинодіи“, какъ литературно полемическомъ памятникѣ.

V. Въ пятомъ, наконецъ, отдѣлѣ излагается общее содержаніе „Палинодіи“, въ связи съ Обороной Уніи“ Л. Кревзы.

Источниками для насъ служили, главнымъ образомъ, самые памятники полемической литературы. Для ученой разработки этихъ памятниковъ до настоящаго времени сдѣлано было весьма мало. Только въ послѣднее время С.-Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьезное вниманіе на этотъ отдѣлъ нашей литературы и, благодаря трудамъ Члена Коммисіи, П. А. Гильтебрандта, часть этихъ памятниковъ издана въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, двѣ книги которой посвящены почти исключительно „Памятникамъ полемической литературы въ Западной Руси“ (первая и вторая). Попытокъ ученаго изслѣдованія въ области этой литературы еще меньше. Какъ на серьезный опытъ въ этомъ родѣ, можно указать только на изслѣдованіе „Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета“ Н. А. Скабалановича. Отдѣльныя же Историко-библіографическія свѣдѣнія по этому предмету можно встрѣчать въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ и библіографовъ. Сравнительно большаго вниманія въ этомъ случаѣ заслуживаютъ „Замѣ-

чанія объ источникахъ для исторіи литовской Церковной уніи", помѣщенныя въ качествѣ приложенія къ первому тому „Литовской Церковной Уніи" М. О. Кояловича, брошюра „О старопечатныхъ книгахъ" С. Т. Голубева и VIII т. Исторіи литературы Вишневскаго, отличающійся впрочемъ болѣе библіографическимъ, чѣмъ историческимъ характеромъ. Вообще нужно замѣтить, что разсматриваемая литература заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ какое ей до этого времени отводилось. Особенно важный пробѣлъ въ этомъ случаѣ составляетъ отсутствіе болѣе или менѣе полнаго библіографическаго указателя. Отыскивая себѣ дорогу, такъ сказать, ощупью, и останавливаясь по необходимости только на томъ, что случайно попадается подъ руку, изслѣдователь легко можетъ выпустить изъ виду много такого, что заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Само собою разумѣется, что полное и всесторорнее изслѣдованіе исторіи разсматриваемой литературы въ настоящее время еще не мыслимо и сдѣлается возможнымъ лишь подъ условіемъ предварительнаго появленія ряда отдѣльныхъ монографій. Цѣль настоящаго нашего труда и заключается именно въ томъ, чтобы пролить хотя нѣкоторый свѣтъ на эту сравнительно еще очень темную область нашей исторіи и привлечь ученыя силы къ ея разработкѣ. Имѣя

это въ виду, мы поставили своею задачею, во первыхъ, прослѣдить общій ходъ полемики въ указанный періодъ времени, намѣтивъ важнѣйшіе фазисы въ ея развитіи, во вторыхъ, дать возможно точное представленіе о личности З. Копыстенскаго, какъ авторѣ „Палинодіи“ и, вообще, какъ объ одномъ изъ выдающихся ученыхъ западно-русскихъ дѣятелей своего времени и, въ третьихъ, сдѣлать возможно полную оцѣнку самой „Палинодіи“, какъ полемическаго памятника. Само собою разумѣется, что въ нашемъ трудѣ можетъ оказаться много крупныхъ недостатковъ; но это насъ ни мало не смущаетъ, потому что таковъ удѣлъ всѣхъ первыхъ работъ въ области малоизслѣдованныхъ предметовъ: къ истинѣ люди приходятъ путемъ ошибокъ.

Западно-русская богословско-полемическая литература конца XVI и начала XVII в. до Палинодіи Захаріи Копыстенскаго.

I.

Отъ историка не требуется особенной наблюдательности, чтобы онъ могъ замѣтить тотъ фактъ, что почти вся западно-русская полемическая литература конца XVI и первой половины XVII в., какъ со стороны своего возникновенія, такъ и со стороны дальнѣйшаго историческаго развитія, стоитъ въ самой тѣсной, непосредственной связи съ событіемъ, извѣстнымъ въ исторіи западно-русской Церкви подъ именемъ Литовской церковной уніи. Связь эта проглядываетъ какъ въ самомъ содержаніи тогдашнихъ полемическихъ сочиненій, прямо или косвенно направленныхъ, какъ извѣстно, къ разработкѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ, затронутыхъ современной уніатской пропагандой; такъ точно ее подтверждаетъ и непосредственное сознаніе современниковъ: „Если-бы нѣкоторыхъ отъ духовенства нашего отступленіе отъ законнаго своего въ вѣрѣ пастыря не послѣдовало, говорилъ Древинскій въ извѣстной своей рѣчи на Варшавскомъ сеймѣ 1620 г., если-бы отъ насъ изшедшіе на насъ не возстали, то таковыя науки, таковыя училища, толико достойные и ученые люди въ народѣ

Россійскомъ никогда бы не открывались"[1]). И это совершенно понятно. Въ исторіи западно-русской церкви нельзя указать другаго явленія, которое бы произвело столь сильное, возбуждающее вліяніе на пробужденіе народнаго самосознанія и которое бы вызвало Литовско-русскій православный народъ къ столь энергической, по временамъ въ высшей степени плодотворной дѣятельности, какъ это можно сказать относительно Латино-польской уніатской пропаганды конца XVI и начала XVII в. Дѣятельность эта, сообразно съ характеромъ веденія вызвавшей ее пропаганды, естественно, должна была принять самые широкіе размѣры, и должна была развиться въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; но всего сильнѣе и всего рельефнѣе она должна была выступить въ той сферѣ своего проявленія, которая ближе всего граничила съ самою сущностью дѣла. Уніатская пропаганда имѣло дѣло, главнымъ образомъ, съ вѣрой народа, она, такимъ образомъ, затрогивала ту сторону его интересовъ, въ которой сосредоточивается все, что только есть идеальнѣйшаго въ сознаніи массы и къ чему, слѣдовательно, особенно чувствительна бываетъ ея совѣсть. Понятно, что всякая добровольная уступка въ пользу уніи—а въ данномъ случаѣ, строго говоря, только о такого рода уступкахъ и могла быть рѣчь— возможна была лишь подъ условіемъ воспитанія въ народѣ убѣжденія, что приносимая имъ жертва есть лишь простое отреченіе отъ стараго заблужденія, есть простое принятіе неизвѣстной для него доселѣ истины, прямѣе говоря, она возможна была лишь подъ условіемъ примиренія религіозной совѣсти народа съ навязываемыми ему

---

[1]) Истор. Уніи Бант. Кам. стр. 69.

нововведеніями; а этого, безъ сомнѣнія, всего естественнѣе было достигнуть путемъ непосредственнаго воздѣйствія на народное сознаніе. Нужно-ли при этомъ толковать о томъ, что однимъ изъ болѣе прямыхъ и болѣе дѣйствительныхъ средствъ для выработки въ сознаніи православныхъ западно-руссовъ уніонныхъ понятій и, слѣдовательно, для примиренія ихъ съ самымъ фактомъ уніи, должна была служить полемическая литература, и нужно-ли повторять ту общеизвѣстную истину, что православные, если они хотѣли парализировать дѣйствіе этого могущественнаго оружія противниковъ, должны были выступить на борьбу съ соотвѣтствующимъ же оружіемъ? Такимъ образомъ, вызванная уніатской пропагандой полемика въ нашемъ сознаніи рисуется не иначе, какъ въ формѣ борьбы двухъ сторонъ за сознаніе западно-русскаго православнаго народа, или точнѣе выражаясь, за право господства въ этомъ сознаніи тѣхъ, а не иныхъ религіозныхъ воззрѣній, или что тоже — за право примиренія или непримиренія этого сознанія съ фактомъ уніи. Но при этомъ нужно замѣтить, что такое крупное и такое сложное историческое явленіе, какимъ, безспорно, была литовская церковная унія, не могло совершиться за одинъ, такъ сказать, пріемъ: сложный планъ уніи не могъ сразу реализироваться въ одномъ какомъ нибудь актѣ; а, напротивъ, реализація его должна была совершиться посредствомъ множества послѣдовательно выступавшихъ отдѣльныхъ актовъ. А такъ какъ каждый изъ такихъ отдѣльныхъ актовъ былъ своего рода событіемъ, въ большей или меньшей степени останавливавшимъ на себѣ народное сознаніе, то понятно, что каждый изъ нихъ, каждое болѣе или менѣе крупное событіе, направленное къ уніональнымъ цѣлямъ, должно

было становиться предметомъ литературной борьбы, такъ какъ каждое изъ нихъ разсчитано было, такъ сказать, на обладѣніе тѣмъ или другимъ уголкомъ въ народномъ сознаніи. И дѣйствительно, обращаясь къ фактамъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, предъ нами выступаетъ рядъ латино-уніатскихъ полемическихъ сочиненій, предназначавшихся, частію для подготовки народнаго сознанія къ принятію еще имѣвшихъ послѣдовать тѣхъ или другихъ событій уніональнаго характера, частію же для примиренія религіозной совѣсти народа уже съ самымъ фактомъ совершенія этихъ событій; съ другой стороны, мы встрѣчаемся съ православной полемической литературой, которая, заключая въ себѣ большею частію отвѣтъ на полемику латино-уніатовъ, въ свою очередь, предназначалась по преимуществу къ охраненію народнаго смысла отъ увлеченія уніатской пропагандою и къ парализированію тѣхъ успѣховъ, которыхъ первая достигала частію путемъ полемической литературы, частію же посредствомъ различныхъ практическихъ мѣръ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что частныя историческія событія и отдѣльныя явленія въ сферѣ литературной полемики, благодаря единству своихъ задачъ, переплетаясь другъ съ другомъ, вступаютъ между собою въ причинную связь. Съ другой стороны не трудно замѣтить, что и послѣдовательно выступавшія историческія событія, около которыхъ группировались отдѣльныя полемическія сочиненія, въ свою очередь, не только не должны были оказаться другъ въ отношеніи къ другу въ изолированномъ положеніи, но напротивъ, будучи лишь отдѣльными моментами въ процессѣ реализаціи одного постепенно вырабатывавшагося плана уніи, естественно, должны были заключать въ себѣ генетическую связь,

становясь другъ къ другу въ отношеніе причины къ слѣдствію. И такъ, въ данномъ случаѣ, въ нашемъ сознаніи рисуются два ряда явленій, гдѣ отдѣльныя звенья каждаго ряда стоятъ въ тѣсной причинной связи не только другъ съ другомъ, но и съ соотвѣтствующими себѣ звеньями другаго, параллельно идущаго ряда. Конечно, тотъ сильно погрѣшилъ-бы противъ истины, кто задумалъ-бы утверждать, что высказанная нами общая мысль непремѣнно вѣрна и во всѣхъ своихъ деталяхъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ ходомъ историческихъ событій, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что въ области этого рода явленій, больше чѣмъ гдѣ нибудь, можно встрѣтить множество фактовъ, которые, по крайней мѣрѣ въ нашемъ сознаніи, никакъ не могутъ быть подведены подъ тотъ или другой общій законъ, которые ни какъ не укладываются въ созданныя нами для нихъ узкія рамки. Если же мы въ данномъ случаѣ рѣшились прибѣгнуть къ этому не всегда надежному пріему обобщенія, то это единственно для того, чтобы установить общій принципъ, при помощи котораго можно было-бы хоть сколько нибудь оріентироваться въ массѣ тѣхъ разнообразныхъ и малоизслѣдованныхъ фактовъ, съ которыми намъ придется имѣть дѣло въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, сказанное даетъ намъ право признать несомнѣнно вѣрнымъ слѣдующее, существенно важное для насъ въ данномъ случаѣ, положеніе: сдѣлать надлежащую оцѣнку того или другаго полемическаго сочиненія, указать его настоящее историческое значеніе, можно не иначе, какъ только въ связи, во 1-хъ, съ ходомъ современныхъ ему историческихъ событій, подготовившихъ почву для его содержанія, во 2-хъ, въ связи съ предшествовавшей ему литературной поле-

микой, отъ которой зависѣла его общая программа и даже степень его научной состоятельности. Если это положеніе вѣрно вообще, то тѣмъ болѣе оно имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ главному предмету нашего изслѣдованія. Настоящій очеркъ литературы конца XVI и начала XVII в. предназначается служить лишь введеніемъ въ изслѣдованіе о „Палинодіи" Захаріи Копыстенскаго. Палинодія Захаріи Копыстенскаго, по времени своего появленія, занимаетъ далеко не первое мѣсто среди современной ей православной полемической литературы. Прежде чѣмъ Копыстенскій принялся писать это свое сочиненіе, западно-русская полемическая литература насчитывала у себя уже цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ было поставлено и такъ или иначе разсмотрѣно нѣсколько вопросовъ, выдвинутыхъ современною жизнію, мѣтко подхваченныхъ и по своему перетолкованныхъ полемистами противной стороны. Копыстенскій, какъ новый полемистъ, если только онъ не хотѣлъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, долженъ былъ, съ одной стороны, взвѣсить все, сдѣланное его предшественниками, и что было тамъ слабаго, осужденнаго временемъ, подновить и подкрѣпить сообразно съ измѣнившимися запросомъ времени; съ другой стороны, онъ долженъ былъ оказаться чуткимъ и къ тѣмъ вопросамъ, которые вновь выдвинула идущая своимъ чередомъ жизнь. Отъ того, на сколько въ Палинодіи принята во вниманіе указанная задача и на сколько авторъ съумѣлъ воспользоваться всѣми доступными для него средствами для ея выполненія,—отъ этого, говоримъ, зависитъ и большее или меньшее ея историческое значеніе. Понятно, что такая постановка вопроса налагаетъ на изслѣдователя обязанность познакомиться сначала съ тѣми предшество-

вавшими историческими условіями, отъ которыхъ зависѣла подготовка выпавшей на долю Копыстенскаго, какъ полемиста, задачи. Къ этимъ условіямъ, какъ замѣчено, относятся, какъ предшествовавшая по времени Палинодіи полемическая литература, такъ и тѣ историческія обстоятельства, отъ которыхъ зависѣлъ самый ходъ развитія этой литературы. На этихъ-то обстоятельствахъ мы и остановимъ сначала наше вниманіе.

Прежде всего мы должны замѣтить, что когда въ концѣ XVI в. латино-польская пропаганда прямо и открыто начала проводить свои уніонныя тенденціи, когда она рѣшилась прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для вербовки новыхъ поклонниковъ папы среди православнаго литовско-русскаго народа, въ сознаніи послѣдняго, благодаря предшествовавшимъ историческимъ условіямъ, уже существовалъ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на римско-католическую церковь и въ общемъ характерѣ отношенія къ ней уже скрывались болѣе или менѣе сильные задатки симпатій или антипатій. Съ тѣхъ поръ какъ русское православіе вошло въ столкновеніе съ польскимъ католицизмомъ, эти два совершенно своеобразные элемента не могли стать другъ къ другу въ индиферентныя отношенія, равно какъ который нибудь одинъ изъ нихъ не могъ быть сразу подавленъ и ассимилированъ другимъ; напротивъ, характеръ ихъ отношенія долженъ былъ получить опредѣленную окраску, которая подъ вліяніемъ историческихъ условій могла измѣняться, могла принимать то болѣе мягкій и нѣжный, то сильный и рѣзкій цвѣтъ и тонъ; но самый фактъ ея существованія долженъ былъ оставаться и дѣйствительно остался навсегда. Вообще, уніатской пропагандѣ пришлось имѣть дѣло далеко не съ дѣвственной почвой. Въ этой почвѣ

въ теченіи многихъ вѣковъ накопилось множество разнородныхъ семянъ, изъ которыхъ одни въ виду, своихъ цѣлей, ей нужно было заморить, лишить жизненной, произрастающей силы, другимъ, напротивъ, нужно было доставить всѣ необходимыя условія для свободнаго роста. Отъ того, на сколько первые полемисты той или другой стороны съумѣли понять общій тонъ въ характерѣ отношенія православныхъ западно-руссовъ къ латино-польской церкви и насколько они съумѣли извлечь отсюда для себя возможное количество выгодъ,—отъ этого, говоримъ, зависѣлъ какъ успѣхъ ихъ личной полемики, такъ и дальнѣйшее направленіе всей полемической литературы. Въ виду этого намъ предварительно необходимо хотя коротко познакомиться съ тѣми разнообразными историческими факторами, которые, вліяя на фактъ отношенія православныхъ западно-руссовъ къ латино-польской церкви, способствовали окраскѣ этого отношенія въ такой, а не иной цвѣтъ. При обозрѣніи этихъ факторовъ мы раздѣлимъ ихъ на двѣ категоріи: 1) на *отрицательные*, которые способствовали развитію антагонизма между русскимъ православіемъ и польскимъ католицизмомъ при ихъ столкновеніи и 2)—на *положительные*, которые вліяли на ихъ взаимное сближеніе. И прежде всего остановимся на факторахъ перваго рода.

1. Враждебное отношеніе русскаго православія къ польскому католицизму унаслѣдовано было еще отъ первоначальныхъ миссіонеровъ. Извѣстно, что просвѣщеніе славянскаго міра христіанскою проповѣдью совершилось въ тотъ періодъ исторической жизни христіанской церкви, когда весь христіанскій міръ сконцентрировался, такъ сказать, около двухъ великихъ центровъ: Рима на Западѣ и Константинополя на Востокѣ, и ко-

гда эти двѣ великія силы, столкнувшись между собою, вступили въ борьбу за свои какъ церковно-юридическія, такъ и территоріальныя права. Славянскіе народы, представлявшіе къ этому времени еще не тронутую, но богатую почву для дѣятельности христіанской миссіи, а, слѣдовательно, и для новаго разширенія церковной власти, естественно, должны были сдѣлаться яблокомъ раздора между этими двумя силами, и это тѣмъ болѣе должно было случиться, что и самое географическое положеніе славянъ, въ большинствѣ случаевъ, не носило въ себѣ такого основанія, въ силу котораго безъ спора можно было рѣшить, къ которому изъ этихъ двухъ центровъ должны были примкнуть вновь нарождавшіеся члены единаго Христова тѣла. Очевидно, что вопросъ могъ рѣшиться только посредствомъ борьбы, и, дѣйствительно, она началась. Можетъ показаться страннымъ, что провозвѣстники великой истины любви нерѣдко начинали свою проповѣдь съ наученія своихъ новыхъ питомцевъ враждѣ и ненависти къ своимъ товарищамъ по профессіи; но, къ сожалѣнію, это дѣйствительный фактъ, имѣвшій, какъ сказано, свою причину. Понятно, каковы должны были быть результаты отъ такой проповѣди: кто не принадлежитъ къ одной со мною вѣрѣ, тотъ еретикъ, а еретика любить и уважать меня не учили.

Извѣстно, что въ то время какъ на Руси христіанство сразу же распространилось въ формѣ восточнаго православія, въ Польшѣ восторжествовали миссіонеры западные, которымъ предварительно пришлось истреблять здѣсь плоды первоначальной православной миссіи. Очевидно, что успѣхъ западныхъ миссіонеровъ въ Польшѣ не могъ быть достигнутъ безъ значительнаго столкновенія съ православной миссіей, и нѣтъ ничего удивитель-

наго, если вражда учителей перешла и къ ихъ питомцамъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что эта вражда въ глазахъ латинскихъ миссіонеровъ должна была служить одной изъ вѣрнѣйшихъ гарантій для ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Въ свою очередь на Руси былъ свой не менѣе обильный источникъ, съ не меньшимъ успѣхомъ распространявшій нерасположеніе ко всему латинскому. Этимъ источникомъ были: во 1-хъ, первая русская іерархія, которая уже въ силу одного своего происхожденія призвана была оберегать здѣсь интересы восточной Церкви и поэтому, естественно, сразу же должна была стать въ оппозиціонное отношеніе къ всякому постороннему вліянію, и во 2-хъ, первая церковная письменность, въ которой по возможности проводились антилатинскія тенденціи. И вотъ сознанію православнаго мало по малу начинаютъ прививать взглядъ, что латиняне „всѣхъ языкъ поганѣйши и злѣйши суть..., что егоже ни жидове творятъ, то они творятъ..., что нѣсть жизни вѣчныя живущимъ въ вѣрѣ латинской..., что это *татіе* и *разбойницы* евангельской притчи", и что, поэтому, не слѣдуетъ „вѣрѣ латинской ни прилучатися, ни обычая ихъ держати, и комканья ихъ бѣгати, и всякаго ученія ихъ не слушати и всего ихъ обычая и нрова гнушатися и блюстися.., своихъ дщерей не давать за ня, не поймати за себя у нихъ, ни братися съ ними, ни куматися (преп. Ѳеодосій Печерскій въ посланіи о вѣрѣ Варяжской къ великому кн. Изяславу), ни цѣловати ихъ, ни ясти съ ними, ни пити изъ единаго сосуда (Ѳеодосій и митрополитъ Никифоръ), ни брашна ихъ принимати (Ѳеодосій). Тѣмъ же паки у насъ просящимъ, Бога дѣля, ясти и пити дати имъ ясти и пити, но въ своихъ сосудѣхъ (Ѳеодосій и Никифоръ). Аще ли не буде сосуда у нихъ, да въ своемъ

дати и потомъ измывши, створити молитву и проч.“[1]) Это начало недружелюбнаго отношенія къ латинству въ русскомъ народѣ впослѣдствіи поддерживалось многими историческими обстоятельствами. И прежде всего его поддерживали сами западные миссіонеры своимъ нерѣдко крайне возмутительнымъ, невольно отталкивающимъ человѣческое чувство, характеромъ дѣйствія, что напр. нужно сказать объ извѣстныхъ двухъ орденахъ, посѣлившихся въ Пруссіи и Ливоніи. Чтобы видѣть, насколько подобнаго рода проповѣдники могли внушить любовь къ проповѣдуемой ими вѣрѣ, достаточно указать на фактъ распятія жителями Вильны на крестовой горѣ 7 францисканскихъ монаховъ, призванныхъ въ городъ литовцемъ Гастольдомъ[2]). Затѣмъ, когда западно русскія области, частію въ связи съ Литвою, частію отдѣльно, начали вступать въ политическую связь съ польскимъ государствомъ, появились новыя условія, если не усиливщія, то по крайней мѣрѣ помѣшавшія ослабѣть прежнему нерасположенію православныхъ къ латинству. Исторія достаточно доказала тотъ общеизвѣстный фактъ, что всякія насильственныя мѣры въ дѣлѣ религіозной миссіи не только не ведутъ къ желанной цѣли, но, напротивъ, всегда неминуемо влекутъ за собою сопротивленіе, которое, не будучи подавлено грубой физической силой, при извѣстной степени своего развитія, можетъ разразиться религіознымъ фанатизмомъ. А между тѣмъ первые литовско-польскіе государи имѣли неосторожность, если не

---

[1]) Полемич. сочин. противъ Латинянъ, писанныя въ русской церкви въ XI и XII в. Іер. Августина. Труды Кіевск. Дух. Ак. 1867 г. сентябрь, стр. 497—498.

[2]) Литовск. Церк. Унія М. О. Кояловича т. 1, стр. 4.

систематически, то по крайней мѣрѣ по временамъ, прибѣгать къ этимъ именно неблагоразумнымъ мѣрамъ, которыя естественно должны были сопровождаться и соотвѣтствующими результатами. Чтобы не придать этому вопросу излишней сложности, мы представимъ здѣсь простой перечень фактическихъ данныхъ, которыя сами собою достаточно подтвердятъ высказанную мысль. Около 1340 г. прекращается поколѣніе великихъ князей Галицкихъ; часть Галицкой земли отходитъ подъ власть Мазовецкаго князя Болеслава (сына Тройдена Литовскаго) подъ условіемъ, чтобы онъ не нарушалъ ни гражданскихъ ни церковныхъ уставовъ; но условіе это впослѣдствіи игнорируется Болеславомъ и православныхъ начинаютъ насильно принуждать къ принятію латинства[1]). Послѣ смерти Болеслава Волынь и Галиція подпадаютъ подъ власть польскаго короля Казиміра В. на тѣхъ же условіяхъ. Но этотъ король точно также не придаетъ значенія своему обязательству и поднимаетъ открытое гоненіе на православную вѣру: православныя церкви обращаются въ костелы, а духовенство подвергается притѣсненію[2]). При преемникѣ Казиміра Людовикѣ Венгерскомъ и его соправителѣ Опольскомъ князѣ Владиславѣ, православные жители Волыни и Галиціи тоже терпятъ насиліе. По инициативѣ этихъ государей папа Григорій XI присылаетъ (въ 1375 г.) буллу, по которой Галичъ дѣлается каѳедрою латинскаго митрополита, а православные епископы, оказавшіеся въ этой новой митрополіи, лишаются своихъ каѳедръ[3]). Подобное же явленіе мы

---

[1]) Описаніе Кіево Соф. Соб. стр. 93.
[2]) Тамъ же стр. 94.
[3]) Изслѣд. и Монограф. Костомарова т. III; Описан. Кіево-Соф. соб. стр. 94.

встрѣчаемъ и по соединеніи Литвы съ Польшею при Ягайлѣ (1386 г.). Въ 1387 г. Ягайло издаетъ грамоту, въ которой обѣщаетъ „всѣхъ людей народа литовскаго, обоего пола, въ какомъ бы то ни было званіи, состояніи, чинѣ, къ вѣрѣ католической и святому послушанію римской Церкви *привести, принудить* и *всѣми способами присоединить*, какой бы секты и различія они ни были" [1]). Въ 1400 г. уже упомянутый Ягайло сеймовою конституціею лишаетъ своихъ православныхъ подданныхъ права гербовъ, шляхетства и чиновной службы; многія русскія церкви обращаетъ въ костелы и многія другія насильственныя мѣры употребляетъ для подавленія православія [2]). Въ 1480 г. Казиміръ IV издаетъ постановленіе, по которому обыватели русскаго исповѣданія, не признающіе власти римскаго папы, нигдѣ не могутъ строить себѣ новыхъ церквей и починять старыхъ [3]). Около 1432 г. въ Литвѣ при преемникѣ Свидригайлы Сигизмундѣ происходитъ величайшее гоненіе на православныхъ, сопровождающееся разореніемъ церквей [4]). Въ 1436 г. въ Литвѣ же учреждается трибуналъ миссіонерской инквизиціи съ правомъ надзирать за еретиками и русскими отщепенцами и приводить „ихъ въ послушенство римскому престолу" [5]). Преемникъ Казиміра IV, Александръ издаетъ на имя виленскаго епископа постановленіе, гдѣ даетъ ему право обращать православныхъ въ латинство, а въ подкрѣпленіе этого постановленія изда-

---

[1]) Литовск. Церк. Унія М. О. Кояловича тамъ же стр. 8.

[2]) Описан. Кіево-Соф. Соб. стр. 99.

[3]) Волынск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 15 стр. 558.

[4]) Описан. Кіево-Соф. Соб. стр. 106.

[5]) Вѣстн. Юго-Зап. Россіи 1863 г. Мартъ.

етъ грозную грамоту, въ которой онъ угрожаетъ употребить мечь противъ православныхъ жителей своихъ областей и повелѣваетъ насильственно перекрещивать ихъ въ латинство [1]). Сигизмундъ I, по настоянію вельможъ, на Гродненскомъ сеймѣ 1522 г. даетъ обязательство не производить въ сенаторы и высшіе чиновники людей непокорныхъ католической іерархіи, какое обязательство подтверждено было и въ 1529 г. [2]). Ко всему этому нужно прибавить, что литовско-польскіе государи далеко не были одинокими въ такой своей ревности, что, напротивъ, были и такіе вельможи, которые побуждали ихъ къ изданію такихъ указовъ, и такіе епископы, исполненію которыхъ они могли повѣрять эти указы. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всѣ перечисленныя грамоты и постановленія имѣли полную силу въ теченіи всего правленія издававшихъ ихъ государей; большинство изъ нихъ имѣло только временное значеніе. Но ихъ все же достаточно было для того, чтобы поддерживать неудовольствіе къ той вѣрѣ, во имя которой отъ нихъ требовались тѣ или другія жертвы,—неудовольствіе, которое иногда выражалось открытымъ протестомъ. Такъ, напр., насильственныя мѣры противъ православныхъ при Казимірѣ В. вынуждаютъ ихъ искать спасенія у татарскаго хана (1343 г.) и, только разбивши присланныя па помощь православнымъ ханскія войска, полякамъ удается подавить возстаніе [3]). Тоже повторяется и при Ягайлѣ; происшедшее противъ него возстаніе смоленской и полоцкой областей подъ предводительствомъ его брата

---

[1]) Волынск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 15 стр. 558.

[2]) Описаніе Кіево-Соф. Соб. стр. 117.

[3]) Тамъ же стр. 94.

Виндольга мотивировано было, какъ извѣстно, измѣной Ягайлы православію [1]. Но этого мало: ненависть къ Польшѣ къ концу XV в. охватываетъ весь литовско-русскій народъ. Такъ, когда въ іюнѣ 1492 года скончался Казиміръ IV, литовско-русскіе чины тотчасъ же, съ величайшею поспѣшностію, приступаютъ къ избранію себѣ собственнаго князя, желая тѣмъ освободиться отъ ненавистнаго союза съ Польшею, что, впрочемъ, какъ извѣстно, не удалось [2]. Каковы вообще установились отношенія православныхъ западно-руссовъ къ латинству въ концѣ XV вѣка, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ современный писатель, краковскій каноникъ, Иванъ Сакранъ, въ написанномъ имъ 1500 г. небольшомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Истолкованіе заблужденій русской вѣры". „По упорству въ своей схизмѣ, пишетъ онъ, русскіе не вѣрятъ никакой предлагаемой имъ истинѣ, не принимаютъ никакого убѣжденія и всегда противорѣчатъ; убѣгаютъ отъ ученыхъ католиковъ, даже мужей своего обряда (?), ненавидятъ ихъ ученіе, отвращаются отъ ихъ наставленій... Русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянъ, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ [3]". Если проанализировать констатируемый здѣсь Сокраномъ фактъ и сдѣлать отъ него заключеніе къ тому внутреннему психическому состоянію, на почвѣ котораго этотъ фактъ могъ развиться и внѣшнимъ выразителемъ котораго онъ служитъ, то нельзя не признать, что тогдашнее отношеніе православныхъ къ латинству не свободно было отъ

---

[1]) Литовск. Церк. Унія, стр. 244, 22.

[2]) Волынск. Епарх. Вѣд. тамъ же.

[3]) Истор. русск. церкви Макарія т. IX, стр. 141.

фанатическаго элемента, что, въ виду указанныхъ выше историческихъ условій, совершенно естественно и понятно. Послѣдній фактъ невольно намъ приводитъ на мысль слѣдующія характерныя слова Д. Синицкаго: „Польша всегда была для юго-западной Руси страною чужеземною, а полякъ—заграничнымъ человѣкомъ. Причина такого раздѣленія лежала, главнымъ образомъ, въ различіи вѣроисповѣданія. Католицизмъ положилъ непроходимую грань между обѣими народностями“[1]).

Таково было положеніе дѣлъ до начала XVI в., когда въ судьбѣ православныхъ въ Рѣчи Посполитой на нѣкоторое время происходитъ значительное измѣненіе. Въ это время сама католическая Церковь, испытывая внутреннее саморазложеніе, на нѣкоторое время ослабѣваетъ въ своей миссіонерской дѣятельности, что при либеральныхъ воззрѣніяхъ тогдашнихъ государей—Сигизмунда I и особенно Сигизмунда Августа, доставляетъ православнымъ полнѣйшее спокойствіе отъ притѣсненія. Но это счастливое время было непродолжительно. Уже въ концѣ правленія Сигизмунда Августа положено был основаніе для новаго столкновенія между православіемъ и католицизмомъ, которое на этотъ разъ сопровождалось несравненно болѣе тяжелыми послѣдствіями для православныхъ западно-руссовъ, чѣмъ это было прежде. Виновниками этого вновь возникшаго положенія вещей были іезуиты, а благопріятствующимъ для этого условіемъ—Люблинская унія. Оба эти обстоятельства, какъ извѣстно, совпали между собою во времени: Люблинская унія, окончательно подчинившая Литву вліянію Польши, совершилась въ 1569 г., и въ этомъ же году были призва-

---

[1]) Вѣстн. Юго-Зап. Россіи за 1862 г. Октябрь.

ны въ Литву и iезуиты[1]). Намъ нѣтъ нужды распространяться здѣсь о цѣли и характерѣ дѣятельности iезуитовъ вообще; мы коротко намѣтимъ только ту ея сторону, которою обусловливалось развитіе въ литовско-русскомъ православномъ обществѣ полнѣйшаго антагонизма къ той церкви, за которую ратовала эта папская гвардія. Извѣстно, что однимъ изъ свойствъ, подмѣченныхъ исторіей за braciszkami Jezusa, является религiозный фанатизмъ, который они вносили всюду, куда только ни являлись съ своею миссiонерскою и, вообще, съ учительскою дѣятельностiю. А между тѣмъ католическая Польша къ описываемому времени представляла богатѣйшую почву для насажденiи этого рода семянъ; именно, это было время полной реакцiи въ католическомъ мiрѣ, вызванной разнузданностiю протестантства, когда ослабѣвшая было на время ревность католической iерархiи закипѣла съ новою силою. Извѣстно, что послѣ смерти Сигизмунда Августа, когда во время варшавской конфедерацiи (въ 1573 г.) поднятъ былъ вопросъ о полной религiозной вѣротерпимости въ коронѣ польской, высшая польская iерархiя, руководимая легатомъ Коммендони, составила сильнѣйшую оппозицiю противъ узаконенiя такого рода конституцiи и эта оппозицiя сломлена была только благодаря протесту сильной партiи, составившейся изъ протестантовъ и православныхъ, соединившихся для союзнаго дѣйствiя противъ одного общаго врага. Конституцiя эта, такимъ образомъ, была утверждена и слѣдовательно, получила законную сили; но это утвержденiе, получившее законную силу de jure,—de facto осталось про-

[1]) Литовск. Церк. Унiя, тамъ же стр. 34—35.

стымъ pia desideria: нѣкоторые изъ польскихъ іерарховъ, почти насильно вынужденные подписать эту конституцію, впослѣдствіи, какъ говорятъ, всю жизнь сожалѣли о такомъ своемъ поступкѣ; а когда она (конституція) впослѣдствіи сдѣлалась предметомъ обсужденія іезуитовъ, ее нашли противною „канонамъ и законамъ, здравому смыслу, добродѣтели и добрымъ обычаямъ, посѣвающею атеизмъ и грозящею гибелью странѣ [1])". Чѣмъ должно было отразиться проведеніе такихъ взглядовъ на характерѣ отношенія между католиками и диссидентами, это легко можно видѣть уже изъ того, что, когда въ 1595 г. Скарга издалъ свое сочиненіе „Proces na konfederacya" съ прибавленіемъ „Discursa na confederacya", въ которомъ проводился указанный выше взглядъ, то Торунскій съѣздъ того же года (состоявшій, впрочемъ, по преимуществу изъ протестантовъ) категорически заявилъ, что это сочиненіе *разжигаетъ домашнюю войну* [2]). Послѣднія слова заключали въ себѣ глубокую истину: проводимый іезуитами взглядъ на отношеніе господствующей латинской Церкви къ диссидентамъ, — а онъ проводился самыми разнообразными путями и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, — нашелъ себѣ среди представителей первой горячихъ поклонниковъ, и, дѣйствительно, скоро началась домашняя, если не война, то борьба и борьба жестокая, которая какъ извѣстно, нерѣдко переходила и въ открытую, формальную войну. Мы имѣемъ цѣлый рядъ документовъ [3]), изъ которыхъ видно, какого

---

[1]) Апокрисисъ Хр. Фил., Кіевск. изд., примѣч. 10, стр. X.

[2]) Тамъ же.

[3]) Акты Западн. Россіи т. 3 №№ 133, 139, 140, 146, 149; т. 4 №№ 33, 45; Лѣтопись Львовск. Братства, Журн. Минист. Нар. Просв. за 1849 г. Май, стр. 61 и проч.

рода оскорбленіямъ, насиліямъ, наглому и открытому нарушенію разнаго рода правъ и привилегій, подвергались православные еще въ періодъ до брестской уніи потому только, что они были православными, а не католиками.

Но всѣ указанныя мѣры, принимавшіяся противъ православныхъ сначала высшею государственною властію, а потомъ разнаго рода фанатиками, при нѣкоторой систематической послѣдовательности, могли бы окончательно подавить въ литовско-русскомъ православномъ народѣ вѣру въ свои собственныя силы; могли бы привести его къ отчаянію въ возможности хотя когда нибудь окончить начатую борьбу съ успѣхомъ и выработать убѣжденіе въ необходимости преклониться предъ силой,—все это, говоримъ, легко могло бы случиться, если бы эта борьба не совершалась при особаго рода условіяхъ, сильно поддерживавшихъ надежду, а съ нею и энергію въ угнетаемыхъ. Условія эти заключались въ характерѣ самыхъ законовъ литовско-польскаго государства. Мы видѣли, что почти всѣмъ литовско-польскимъ государямъ намѣченнаго нами перваго періода можно приписать изданіе постановленій, направленныхъ противъ православныхъ; но точно также о всѣхъ же этихъ государяхъ извѣстно также и то, что по временамъ они издавали постановленія и благопріятныя для нихъ [1]. Что же касается втораго періода, особенно со времени конфедераціи 1573 г., то съ этого времени во всѣхъ конституціяхъ православные уравниваются во всѣхъ правахъ и привилегіяхъ съ католиками [2].

---

[1]) Истор. Уніи Бант. Кам. стр. 60 и слѣд.

[2]) Апокрисисъ Хр. Ф. тамъ же; Истор. Уніи Бант. Кам. тамъ же.

Вообще, относительно законовъ Рѣчи Посполитой нужно замѣтить, что въ разсматриваемомъ отношенiи они отличались крайнею, такъ сказать, эластичностiю и, по усмотрѣнiю, ихъ легко можно было перетолковывать то въ ту, то въ другую сторону[1]). Такимъ образомъ, православные въ борьбѣ съ своими притѣснителями почти всегда чувствовали подъ своими ногами твердую законную почву, и, ссылаясь въ своихъ протестахъ на свои юридически-обоснованныя права, всегда могли питать надежду на возстановленiе ихъ;—тѣмъ болѣе, что ихъ протестамъ въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ de jure, придавали законное значенiе. Такое положенiе дѣлъ, естественно, должно было закаливать православныхъ въ борьбѣ, которая въ свою очередь должна была все болѣе и болѣе разжигать въ нихъ ненависть къ своему противнику, такъ нагло попиравшему ихъ законныя права. Если теперь ко всему этому прибавить, что въ литовско-польскомъ государственномъ правѣ православная церковь никогда не сливалась съ римско-католическою, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она вполнѣ уравнивалась въ правахъ и привиллегiяхъ съ послѣднею, все же она трактовалась какъ учрежденiе совершенно отдѣльное, паралельно съ нею существующее[2]); если также припомнить, что со времени введенiя новаго календаря въ 1582 г. эти двѣ церкви разошлись и во времени отправленiя богослуженiя, насколько, конечно, оно связано съ числами мѣсяца, что, какъ извѣстно, вызвало въ свое время новую бурю столкновенiй, съ новою силою напомнившихъ православнымъ,

---

[1]) Литовск. Церк. унiя, тамъ же, стр. 258. примѣч. 125.

[2]) Апокрисисъ ч. 1, гл. 3 и 4.

какая громадная пропасть образовалась между ими и ихъ противниками,—если, говорю, все это примемъ во вниманіе, то не трудно будетъ понять, какъ много было исторических условій, благопріятствовавшихъ развитію въ душѣ православныхъ западно-руссовъ такихъ мыслей и чувствъ, которыя звучали тономъ діаметрально противоположнымъ тому, какой нуженъ былъ для успѣшнаго осуществленія плана уніи, и надъ перестройкой котораго, слѣдовательно, прежде всего и должны были остановиться латино-уніятскіе полемисты.

II.

На ряду съ отрицательными факторами въ исторіи западно-русской церкви, въ періодъ до Брестской уніи, дѣйствовали факторы и положительные, не мало способствовавшіе дѣлу подготовки въ западно-русскомъ православномъ народѣ почвы для уніятской пропаганды. Между этими факторами первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ дѣлу ассимиляціи русскаго національнаго элемента польскимъ. Едва ли нужно доказывать ту общеизвѣстную истину, что въ глазахъ человѣка, не получившаго спеціальнаго богословскаго образованія, а тѣмъ болѣе въ глазахъ человѣка вообще мало образованнаго, та или другая вѣроисповѣдная разность, если только она не даетъ о себѣ знать подъ какой нибудь рѣзко-опредѣленной видимой формой, разсматриваемая сама по себѣ, въ своей идеѣ, не всегда имѣетъ то значеніе, какое ей принадлежитъ по самому существу дѣла и какое можетъ придавать ей человѣкъ богословски образован-

ный. Разнаго рода, напримѣръ, догматическія тонкости, надъ которыми съ особеннымъ интересомъ останавливается привыкшая къ тонкому анализу богословствующая мысль, легко ускользаютъ отъ вниманія человѣка, чуждаго богословскаго образованія. Масса же, при выработкѣ взгляда на то или другое вѣроисповѣданіе и при установкѣ въ отношеніи къ нему своихъ симпатій или антипатій, критерій для его оцѣнки заимствуетъ не столько изъ внутренняго его содержанія, сколько изъ совершенно внѣшнихъ, нерѣдко чисто случайныхъ его проявленій, между которыми, между прочимъ, довольно видную роль играютъ и тѣ, которыя обусловливаются національнымъ характеромъ самыхъ его (вѣроисп.) носителей. Въ сознаніи простаго народа та или другая вѣра хороша или дурна не только потому, что въ основѣ ея лежатъ такія, а не иныя догматическія и нравственныя истины, а также и потому, хороши или дурны въ его представленіи тѣ люди, которые воплощаютъ ее въ такой или иной внѣшней формѣ, прежде всего бросающейся въ глаза. Нѣкоторые, напримѣръ, первые латино-уніятскіе полемисты съ изумленіемъ констатируютъ тотъ фактъ, что православные западно-руссы, ничего не знавшіе и знать не желавшіе касательно вѣроисповѣдныхъ разностей между восточною и западною церквами, въ тоже время съ величайшимъ отвращеніемъ относились ко всему тому, что только напоминало о латинствѣ, и скорѣе готовы были „до Ариянов, до новокрещенцовъ удатися, а нижли быти подъ властію папежскою и сгодитися съ папежниками“ [1]), т. е. они готовы были самую послѣднюю хри-

[1]) Унія Грековъ съ костел. римскимъ. Вторая книга пам. полемич. литерат. въ запад. Руси, стр. 117.

стіанскую секту предпочесть латинской церкви. Очевидно, что такая глубокая антипатія къ послѣдней у православныхъ западно-руссовъ образовалась не изъ отрицательнаго отношенія ихъ къ специфическимъ особенностямъ самаго ученія римской церкви, а основывалась на тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, какія западно-русскій народъ вынесъ изъ многовѣковаго сношенія съ людьми, исповѣдывавшими это ученіе. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ прекрасный примѣръ смѣшенія двухъ различныхъ понятій объ истинности церкви. Здѣсь произносится сужденіе на основаніи ознакомленія съ нѣкоторыми, можетъ быть совершенно случайными, особенностями самыхъ ея исповѣдниковъ, т. е. самая доктрина здѣсь смѣшивается съ случайными формами ея проявленія. Слѣдствіемъ такого отношенія къ дѣлу бываетъ сплошь и рядомъ встрѣчающееся въ исторіи смѣшеніе элентовъ національнаго съ религіознымъ. Но для насъ въ данномъ случаѣ важенъ не самый фактъ смѣшенія этихъ элементовъ, а тѣ результаты, которыми онъ сопровождается. Дѣло въ томъ, что всякое измѣненіе въ отношеніи къ которому нибудь одному изъ этихъ элементовъ неминуемо влечетъ за собою измѣненіе и въ отношеніи къ другому. Примѣрами, подтверждающими эту мысль, особенно богата наша западно-русская исторія: западнорусс, становясь вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ во враждебное отношеніе къ поляку, инстинктивно чувствовалъ отвращеніе и къ его вѣрѣ, и, на оборотъ, подвергаясь ассимиляціи со стороны польскаго національнаго элемента, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялъ и свои прежнія отношенія и къ римско-католической вѣрѣ, которая въ его сознаніи представлялась необходимымъ достояніемъ поляка, которымъ онъ теперь въ душѣ стано-

вится. Онъ могъ и не принимать „польской вѣры"; но она переставала казаться ему „проклятой схизмой" и, при удобномъ случаѣ, онъ не прочь былъ вступить въ единеніе съ исповѣдовавшею ее церковію. Этому-то вліянію со стороны польскаго національнаго элемента и подверглись, дѣйствительно, особенно высшіе классы западно-русскаго общества. Польша, подчинивъ литовско русскій народъ въ политическомъ отношеніи, какъ стоявшая въ культурномъ отношеніи выше его, начала оказывать на него и нравственное вліяніе, что прежде всего выразилось въ увлеченіи русской аристократіи польской цивилизаціей. Русская аристократія — цвѣтъ русской интелигенціи, — сосредоточивая свою дѣятельность при дворѣ и сенатѣ, и составляя часть всей аристократіи польскаго королевства, естественно, должна была стремиться приравняться во всемъ къ цѣлому. Результатомъ этого было то, что все старое, родное, русское, какъ потерявшее свой жизненный интересъ, начало уступать свое мѣсто новому польскому. Такъ, прежде всего славянскій языкъ съ его литературой сначала отходитъ на второй планъ, а потомъ и совершенно забывается, уступая свое мѣсто въ обыденной жизни польскому, а въ пользованіи наукой — латинскому: „ученіе святыхъ писаній, писалъ Рагоза въ одномъ окружномъ посланіи, зѣло оскуде паче же словенскаго россійскаго языка и вси человѣцы приложишася простому, не совершенному лядскому писанію и сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы съвершеннаго грамматическаго словенскаго языка" [1]). Далѣе, входя въ родствен-

[1]) Акт. запад. Россіи, т. IV № 32; сравн. 1-е посланіе Іоанн. Вишенскаго; акт. юго-зап. Россіи т. II, стр. 210.

ную или вообще близкую связь съ польскими панами, русская аристократія начинаетъ испытывать на себѣ вліяніе первыхъ и въ сферѣ явленій обыденной жизни вообще, древніе русскіе нравы и обычаи начинаютъ казаться слишкомъ простыми и даже грубыми для русскаго человѣка, познакомившагося съ блестящимъ комфортомъ польской придворной жизни, которой, по возможности, старалась подражать и вся польская аристократія; и если старое поколеніе нелегко разставалось съ прежними своими привычками, то отъ молодаго этого уже никакъ нельзя было ожидать. А вслѣдъ за ополяченіемъ, какъ это мы уже видѣли, естественно, могла слѣдовать холодность къ православію и склоненіе симпатій въ пользу латинства, что также подготовлялось и путемъ полученія образованія въ латинскихъ коллегіяхъ и университетахъ. „Читая польскія хроники, пишетъ авторъ Перестроги, найдешь довольно о томъ, какъ поляки, завладѣвъ русскими землями, войдя съ ними (русскими) въ пріятельскія отношенія и, выдавая своихъ королевскихъ дочерей за русскихъ, чрезъ нихъ свои изящные обычаи и науку укоренили, такъ что русскіе, войдя въ общеніе съ ними, позавидовали ихъ обычаямъ, языку и наукамъ и, не имѣя своихъ наукъ, въ науки римскія своихъ дѣтей стали отдавать; науки же, вліяя на дѣтей съ малолѣтства, всю аристократію русскую перевели въ римскую вѣру, такъ что потомки русскихъ князей изъ православной вѣры перешли въ римскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ поизмѣняли свои фамиліи и имена, какъ будто никогда и не назывались потомками благочестивыхъ прародителей своихъ"[1]). Но

---

[1]) Акт. западн. Россіи т. IV № 149 стр. 204, 205; ср. 1-е посл. Вишенскаго, тамъ же стр. 216.

фактъ ассимиляціи русскаго національнаго элемента польскимъ, кромѣ того, что непосредственно дѣйствовалъ на воспитаніе среди русскихъ симпатій къ латинству, сопровождался еще и другимъ не менѣе важнымъ слѣдствіемъ. Русь, лишаясь высшихъ слоевъ своего общества, лишалась такого рода людей, которые, владѣя капиталомъ и досугомъ, призваны бываютъ поддерживать и распространять въ странѣ образованіе. Мы знаемъ, какими богатыми результатами сопровождалась дѣятельность князя Константина Острожскаго для дѣла образованія западной Руси, и поэтому для насъ понятно, какую громадную потерю въ этомъ отношеніи должна была понести эта Русь, когда цѣлые десятки такихъ же дѣятелей перенесли свою дѣятельность въ польскую корону; это обстоятельство было однимъ изъ главнѣйшихъ условій распространенія въ западной Руси того крайняго невѣжества, о которомъ такъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ современные даже русскіе писатели [1]) и которое въ сферѣ церковной жизни сопровождалось тѣми разнаго рода печальными результатами, которые впослѣдствіи, будучи выставлены на видъ уніатскими полемистами, не могли не смущать совѣсти западно-русскаго православнаго общества. Эта печальная сторона въ жизни православной церкви, ловко поставленная латино-уніятскими полемистами въ причинную связь, во 1-хъ, съ фактомъ зависимости западно-русской церкви отъ Константинопольскаго патріарха и, во 2-хъ, въ связь съ нѣкоторыми изъ тѣхъ особенностей православной церкви.

---

[1]) Сказ. Курб. т. II, стр. 177 и 182. Акт. зап. Росс. тамъ же, № 33 стр. 43 и № 45 стр. 65; Θρῆνος, Rozd. II стр 27 и слѣд. Экземпл. Имп. публич. библ. и пр.

которыми она отличалась отъ церкви римской, — невольно заставляла православныхъ задумываться надъ своимъ положенiемъ. и если въ однихъ она вызывала ничѣмъ непреодолимую рѣшимость во что бы то ни стало выйдти изъ такого бѣдственнаго положенiя путемъ образованiя; то въ другихъ, менѣе рѣшительныхъ и болѣе впечатлительныхъ, она могла вызывать сомнѣнiя и даже отчаянiе въ возможности помочь горю инымъ путемъ, какъ развѣ чрезъ единенiе съ римскою церковiю: „яко аще не устроится развращенiе, говорили православные, въ конецъ разыйдемся, во отступленiи римскаго послушанiя и въ покои безмятежномъ пребудемъ“ [2]).

Другимъ условiемъ, способствовавшимъ распространенiю въ средѣ православныхъ западно-руссовъ унiональныхъ стремленiй, было ихъ сравнительно угнетенное положенiе въ Рѣчи Посполитой, т. е., тотъ самый фактъ, который другою своею стороною долженъ былъ оказывать, какъ мы уже видѣли, совершенно противоположное дѣйствiе. Мы уже говорили, что православные даже de jure не всегда были уравнены въ правахъ съ католиками; а de facto положенiе ихъ всегда было худшее. Послѣднее обстоятельство не могло не тяготить ихъ и, уже въ силу одного инстинкта самосохраненiя, должно было побуждать искать выхода изъ такого положенiя. Для этого представлялся двойной путь: можно было помочь горю, какъ замѣчено было, путемъ протеста предъ закономъ и это былъ прямой путь; но, чтобы идти этимъ путемъ, нужны были: умѣнье, энергiя и матерiальныя средства, вслѣдствiе чего онъ, во 1-хъ, не для всякаго былъ доступенъ, а во 2-хъ, не всегда приводилъ къ желанной

---

²) Акт. западн. Россiи тамъ же № 45.

цѣли. Въ виду это совершенно естественно возникалъ вопросъ: нельзя ли уладить дѣло на болѣе прочныхъ началахъ и при томъ мирнымъ путемъ, безъ борьбы, которая всегда сопровождается жертвами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ одинъ: православные страдали отъ того, что держались восточнаго исповѣданія, которое полагало рѣзкую грань между ними и членами господствующей церкви, уничтожить которую можно было только посредствомъ уніи. Читая извѣстное посланіе кіевскаго митрополита Мисаила къ папѣ Сексту IV, нельзя не признать, что однимъ изъ важнѣйшихъ — чтобы не сказать единственнымъ — побужденій, выпудившимъ православныхъ рѣшиться на унію, была надежда, посредствомъ единенія съ римскою церковію, облегчить свое тяжелое внѣшнее положеніе. „Мы видимъ, читаемъ въ этомъ посланіи, въ нашихъ странахъ многихъ, принадлежащихъ къ западной церкви, содержащихъ ея обычаи, изъ числа называющихся ея пастырями, которые думаютъ яростію умножить стадо, а только больше погубляютъ его, достойныхъ предаютъ суду, вяжутъ и мучатъ, а иныхъ силою влекутъ изъ благочестія въ благочестіе, расторгая союзъ мира и любви завистливымъ гнѣвомъ. Однихъ неискусный пастырь пугаетъ крыкомъ и несправедливо и скоро низвергаетъ и отлучаетъ; другимъ пускаетъ жезлъ во главу, пристращая враговъ, и вдругъ видитъ предъ собою мертвецовъ; третьихъ, объюродѣвъ отъ вспыльчивости, пихаетъ ногою въ спину и преломляетъ имъ ребра... Но мы видимъ иную премудрость вашей святыни, привлекающую любовію и овецъ, яже не суть отъ двора сего... Посему мы молимъ твое человѣколюбіе, о владыко, будь милостивъ къ намъ... Ходатайствуй милостиво и о насъ къ Богу, да спасетъ то-

бою души наша"...[1]). Константинъ Острожскій, далѣе, въ своемъ письмѣ отъ 21 іюня 1593 г. къ Ипатію Поцѣю, въ которомъ проситъ его отправиться въ Москву и тамъ посовѣтоваться съ княземъ и духовенствомъ о средствахъ къ улучшенію положенія православныхъ западно руссовъ, между прочимъ пишетъ, чтобы „тамъ на томъ соборѣ (въ Москвѣ) съ пильностію старатись веспол̓ъ съ ихъ милостью рачилъ, жебы якій слушный початокъ и постановенье, если бы южъ не до якоѣ згоды (што бо рѣчь напреднѣйшая: себо, рече, „коль добро и коль красно, но еже жити братіи вкупѣ), тогда до *полъпшенья животовъ людскихъ* (и то потомъ рѣчь не подлѣйшая) за стараньемъ и початкомъ вашей милости могъ" [2]). Но если люди, подобные князю Острожскому, фактъ уніи, какъ средство *для полъпшенія животовъ людскихъ*, понимали въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, и, какъ это видно изъ прибавленія къ указанному письму, ни мало не склонны были жертвовать даже несущественными сторонами православія для облегченія тяжелаго положенія народа, то, съ другой стороны, среди православныхъ находились и такіе люди, которые къ вопросамъ религіи относились болѣе индиферентно, и которые, если бы только ихъ не смущалъ голосъ общественнаго мнѣнія, не прочь были-бы, ради улучшенія своего общественнаго положенія, согласиться не только на унію, но и на полный переходъ въ римско-католическую церковь. Какъ на образецъ людей съ подобнымъ направленіемъ, можно указать, напримѣръ, на нѣкоторыхъ изъ лицъ, принявшихъ брестскую унію, что документально доказалъ Фи-

---

[1]) Исторія русск. Церк. Макарія т. IX стр. 48.

[2]) Акт. зап. Россіи, тамъ же № 45.

лалетъ въ своемъ Апокрисисѣ[1]). Трудно, впрочемъ. сказать, много-ли между членами православной церкви можно было бы отыскать лицъ, подобныхъ, напримѣръ. Ипатію Поцѣю или Кириллу Терлецкому, но несомнѣнно, что они были; во всякомъ обществѣ всегда можно отыскать большее или меньшее количество лицъ, для которыхъ вопросы практической жизни являются вопросами первостепенной важности, въ жертву которымъ они ни на минуту не задумаются принести все высшее, идеальное. Какъ бы то, впрочемъ, ни было. во всякомъ случаѣ латино-уніятскіе полемисты, какъ увидимъ, въ виду своихъ цѣлей, нашли умѣстнымъ воспользоваться и этою слабою стороною въ жизни православнаго общества.

Таковы главнѣйшія историческія условія, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ былъ слагаться въ сознаніи православныхъ западно-руссовъ взглядъ на римско-католическую церковь и на фактъ единенія съ нею, взглядъ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло полемистамъ той и другой стороны. Если теперь подвести итоги и спросить, какіе изъ этихъ факторовъ, т. е. дѣйствовавшіе ли въ дизунитскомъ или въ уніональномъ направленіи, оказали болѣе сильное вліяніе на духъ западно русскаго народа, то можно, кажется, придти къ слѣдующему результату. Въ моменты обыденной, прозаической жизни, когда весь интересъ послѣдней сосредоточивается на вопросахъ первѣйшей необходимости, какими, конечно, попреиму-

---

[1]) Апокрисисъ ч. I, гл. 6 и 7; ср. Палинодія ч. III, розд. II, Artic. 1. Русск. Ист. Библ. т. IV стр. 1055; Перестрога, Акт. зап. Россіи т. IV стр. 212; 1-е посл. Вишенскаго, тамъ же стр. 221.

ществу бывают вопросы практическіе, очень легко могла пробѣгать въ сознаніи православныхъ постоянно навязываемая имъ мысль, что не мѣшало бы, выражаясь словами К. Острожскаго „для полѣпшенья животовъ,“ примириться какъ нибудь съ вѣчнымъ своимъ врагомъ. Мысль о крайне печальномъ положеніи внутренней жизни церкви и о не менѣе безотрадномъ состояніи въ политическомъ отношеніи ея исповѣдниковъ, въ виду надежды на лучшее будущее, въ случаѣ заключенія союза съ Римомъ, естественно, могла склонять православныхъ къ послѣднему, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли подвергнуться сильному вліянію польской національности. Но дѣло должно было принимать другой оборотъ, когда рѣчь заходила о самыхъ условіяхъ этого союза и когда, вообще, вопросъ о послѣднемъ становился предметомъ горячаго обсужденія. Если такой человѣкъ, какъ Константинъ Острожскій, сильно хлопотавшій о союзѣ съ Римомъ, требовалъ „абыхмо при *всихъ* обрядахъ своихъ, яко церковь восточная держитъ, въ *цалъ* стали“ [1]), то чего можно было ожидать отъ людей съ болѣе консервативнымъ направленіемъ? Для такихъ людей, какимъ былъ, напримѣръ, І. Вишенскій, по мнѣнію котораго „Латина суть ученицы не Христовы, а Антихристовы“, а всѣ специфическія особенности римской церкви суть „діавольскаго нечистаго семене плоды“ [2]), самый фактъ общенія съ Римскою церковію былъ дѣломъ Антихристовымъ. Такіе люди, выражаясь словами автора сочиненія: „Унія альбо выкладъ

---

[1]) Акт. зап. Р. т. IV, № 45, стр. 65.

[2]) IV посл. І. Вишенскаго, тамъ же стр. 258.

преднейшыхъ артыкуловъ ку зъ одноченью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ“ (1595 г.), „волили до Арияновъ, до новокрещенцовъ удатися, аніжли быти подъ властію папежскою и згодитися съ папежниками“ [1]). А что I. Вишенскій не былъ одинокимъ въ своихъ воззрѣніяхъ, это видно изъ того, что авторъ того-же сочиненія, нашелъ нужнымъ написать цѣлый трактатъ „Объ Антихристѣ“ (Articul 5), гдѣ вооружается противъ тѣхъ „безбожныхъ еретиковъ,“ которые называютъ „пастыра видомого церкве Божей (т. е. Римск. папу)— „антихристомъ“ и сыномъ дьяволскимъ,“ а царей господарей хрестиянскихъ и народъ зацный хрестиянскій (т. е. латинянъ) — „невольниками антихристовыми“ и „сынами дьяволскими“ [2]). Не говоримъ уже объ извѣстномъ произведеніи Стефана Зизанія: „Казаніе святаго Кирилла, патріарха іерусалимскаго, объ антихристѣ и знакахъ его, въ Вильнѣ отъ созданія міра 7104, а отъ воплощенія Господа нашего I. Христа 1595,“ гдѣ авторъ, въ коментаріяхъ на слово Кирилла Іерусалимскаго объ Антихристѣ, указанный взглядъ Вишенскаго доводитъ до послѣдней крайности [3]). И такъ, хотя въ общемъ настроеніи православныхъ западно-руссовъ можно было отыскать нѣсколько и слабыхъ сторонъ, больныхъ, такъ сказать, мѣстъ, которыми, при извѣстныхъ условіяхъ, съ успѣхомъ могла пользоваться уніатская пропаганда для своихъ цѣлей; но при этомъ необходимо было соблюдать крайнюю умѣренность и осторожность, такъ какъ вся-

---

[1]) Русс. Ист. Б. т. IV стр. 117.

[2]) Ibid. стр. 116.

[3]) О такъ назыв. кирилловой книгѣ А. Лилова. Казань. 1858 г.

каго рода крайность неминуемо должна была вызывать оппозицію, съ которою такъ свыклось западно-русское православное общество. Такова, по нашему мнѣнію, была та нравственная почва, съ которою пришлось имѣть дѣло завязавшейся къ концу XVI в. литературной полемикѣ, къ которой мы теперь и обратимся.

III.

Было время, когда въ нашей исторической литературѣ высказывалось мнѣніе, что „Брестскій соборъ былъ завязкою какъ уніятскихъ, такъ и православныхъ сочиненій“ [1]). Теперь, особенно съ напечатаніемъ С.-Петербургскою Археографическою Комиссіею второй книги „Памятниковъ полемической литературы въ западной Руси“, этотъ взглядъ, конечно, долженъ быть оставленъ. Да и странно было-бы въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы представители латинской пропаганды, обнаруживавшіе столько находчивости въ изобрѣтеніи средствъ для проведенія въ средѣ православнаго литовско-русскаго народа уніональныхъ тенденцій въ періодъ до Брестской уніи, не могли дойти до сознанія той истины, что полемическая литература можетъ служить однимъ изъ надежнѣйшихъ путей, прямо ведущихъ къ достиженію преслѣдуемой ими цѣли. Къ сожалѣнію, недостатокъ фактическихъ данныхъ не позволяетъ намъ съ точностію указать время, когда впервые ясно сознана была

---

[1]) Подольск. епарх. вѣд. за 1875 г. № 15, стр. 430.

латинянами мысль о важности распространенія среди православныхъ—сочиненій, въ которыхъ тѣмъ или инымъ путемъ преслѣдовались-бы интересы папизма. Въ концѣ XVI вѣка, въ сочиненіяхъ, напр., извѣстнаго Антонія Поссевина, эта мысль выступаетъ уже во всей широтѣ своего объема; но есть основаніе думать, что нѣкоторые проблески ея проявлялись уже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Какъ на примѣръ въ этомъ родѣ, можно указать на небольшое сочиненіе краковскаго каноника Ивана Сакрана, выпущенное имъ въ 1500 году подъ заглавіемъ: Ioannis Sacrani Elucidarius errorum ritus Ruthenici, anno Domini 1500 scriptus [1]), вышедшее въ 1508 году въ сокращенномъ видѣ подъ заглавіемъ: Errores atrocissimorum Ruthenorum [2]). Здѣсь авторъ, охарактеризовавъ предварительно то враждебное направленіе, какимъ проникнуты были отношенія русскихъ того времени ко всему латинскому, излагаетъ затѣмъ въ сорока главахъ заблужденія или, вѣрнѣе, особенности современной русской церкви [3]). Но это сочиненіе по своему направленію еще не можетъ быть отнесено къ одной категоріи съ полемической литературой, выступившей во второй половинѣ XVI вѣка. Дѣло въ томъ, что, задавшись цѣлію разоблачить заблужденія русской церкви, авторъ задачу свою ограничилъ простымъ констатированіемъ факта и освѣщеніемъ его съ точки зрѣнія простаго наблюдателя изъ латинянъ. Мысль о подчи-

---

[1]) Apud Lasicium de Russor., Moscovit. et Tartarorum religione, pag. 184—198, Spirae 1582.

[2]) Bibliotecae Russica. см. Socranus.

[3]) Всѣ они перечислены въ IX т. Русск. церк. истор. преосвящ. Макарія, стр. 141—147.

неніи русской церкви римскому престолу, судя по нѣкоторымъ замѣткамъ касательно взгляда русскихъ па латинскую церковь, для Сакрана казалась слишкомъ смѣлою. „Изъ всѣхъ народовъ, говоритъ онъ въ началѣ своего сочиненія, носящихъ имя христіанское, но отдѣленныхъ отъ римской церкви, нѣтъ ни одного, который бы былъ такъ непоколебимъ въ защищеніи своего схизматическаго заблужденія, какъ народъ русскій... Русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянъ, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ“. Человѣкъ, раздѣлявшій такія убѣжденія, не могъ задаться преслѣдованіемъ тѣхъ же цѣлей, какія преслѣдовались полемистами позднѣйшаго времени. Сакранъ въ концѣ даже дѣлаетъ предостереженіе, что если русскіе съ притворнымъ смиреніемъ и простотою будутъ приходить къ апостольскому сѣдалищу, то не должно имъ тотчасъ же вѣрить и принимать ихъ. Очевидно, что какой нибудь Скарга, совѣтующій королю въ посвященіи къ второму изданію своего сочиненія „О единствѣ церкви“ принимать даже чисто полицейскія мѣры для обращенія православныхъ въ унію, не похвалилъ бы Сакрана за такой совѣтъ. Словомъ, задачу своего сочиненія Сакранъ полагалъ не столько въ полемикѣ противъ тѣхъ пунктовъ ученія русской церкви, которые раздѣляли ее отъ церкви римской, сколько въ простомъ описаніи всѣхъ выдающихся ея особенностей и недостатковъ, которые только ему удалось подмѣтить и съ которыми онъ имѣлъ въ виду познакомить людей, не имѣвшихъ возможности путемъ собственнаго наблюденія познакомиться съ внутреннею жизнію русской церкви. Совершенно другимъ характеромъ отличаются сочиненія, начавшія появляться во второй половинѣ XVI вѣка. Въ относящихся къ это-

му времени памятникахъ латинской полемической литературы съ ясною опредѣленностію проводится одна основная тенденція,—это именно необходимость подчиненія русской церкви подъ власть римскаго папы. Эта мысль проникаетъ всю современную полемику, она составляетъ, такъ сказать, ея душу. Въ виду этого, согласно съ своей задачею, свой очеркъ мы начнемъ съ сочиненій конца XVI вѣка и прежде всего остановимся на анализѣ произведенія уже упомянутаго знаменитаго придворнаго проповѣдника, іезуита, Петра Скарги: „О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскимъ народамъ, держащимся грековъ"[1]. Сочиненіе это впервые появилось въ свѣтъ въ Вильнѣ въ 1577 г. Затѣмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, опущеніями и прибавленіями, вторично издано было въ 1590 г. Часть его, далѣе, вошла въ извѣстное сочиненіе Скарги же „Synod Brzeski", изданное въ 1596 году. Наконецъ, въ 1877 году оно издано членомъ Археографической Комиссіи, И. А. Гильтебрантомъ, во второй книгѣ „Памятниковъ полемической литературы въ западной Руси", съ указаніемъ измѣненій и прибавленій втораго изданія.

---

[1]) Полное заглавіе этого сочиненія на польскомъ языкѣ, на которомъ оно написано, такое: O jedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem y o Greckim od tej jedności odstąpieniu. Z przestroga y upominaniem do narodów Ruskich, przy Grekach stojących: Rzecz krotka, na trzy części rozdzielona, teras przez k(siędza) Piotra Skargę, zebrania Pana Jezusowego, wydana w Wilnie, z drukarni iego książęcey miłości pana Mikołaja Chrisztopha Radziwiła, marszałka wielkiego księstwa Litewskiego etc. Roku 1577.

Если на нѣкоторое время отрѣшиться отъ объективнаго взгляда па вещи и посмотрѣть на это сочиненіе съ точки зрѣнія проводимой въ немъ тенденціи, то придется признать, что находчиво задуманный авторомъ планъ составленъ умно и выполненъ прекрасно. Для той цѣли, которая преслѣдовалась Скаргой, лучшаго сочиненія и желать нельзя. Сравнительно очень богатая эрудиція автора давала ему возможность подобрать значительное количество фактовъ, необходимыхъ для обоснованія проводимой имъ тенденціи; а схоластически—изворотливый умъ помогъ придать этому матеріалу такую внѣшнюю обработку, при которой онъ оказался въ значительной степени пригоднымъ для той цѣли, служить которой предназначался. Все сочиненіе Скарги „О единствѣ церкви" раздѣляется на три части, изъ которыхъ каждая подраздѣляется па нѣсколько отдѣловъ. Первая часть спеціально посвящается обоснованію ученія римской церкви о главенствѣ папы. Но прежде, чѣмъ приступить къ самому дѣлу, авторъ высказываетъ нѣсколько положеній, предназначенныхъ служить основаніемъ всему сочиненію. Единственно-возможный путь ко спасенію, разсуждаетъ онъ, есть единеніе съ церковію. Внѣ церкви нѣтъ спасенія. Но спасеніе возможно только въ церкви истинной, признаками которой служатъ: 1) духовное единеніе всѣхъ членовъ церкви съ ея главою и между собою, 2) твердость и постоянная вѣрность истинѣ, которая никогда не можетъ пошатнуться, 3) универсальная всеобщность, 4) непрерывающаяся преемственность церковной іерархіи, ведущей свое начало отъ апостоловъ, 5) плодовитость церкви, выражающаяся въ пріобрѣтеніи путемъ миссіонерской дѣятельности новыхъ членовъ, и неоскудѣвающее живое слово евангельской

проповѣди, 6) проявленіе чрезъ членовъ церкви чудодѣйственной силы, 7) самое имя—„Церковь вселенская", которое никогда не рѣшалась присвоить себѣ ни одна еретическая секта, и мног. др., Анализируя эти признаки, авторъ находитъ, что всѣ они присущи только одной церкви римской и что ихъ нельзя отыскать ни въ одной еретической сектѣ. Такимъ образомъ, истинная церковь только одна: существованіе другихъ истинныхъ церквей исключается самымъ понятіемъ истинности. Но какимъ образомъ разобщенные члены церкви могутъ поддерживать между собою единеніе? Единеніе въ церкви возможно подъ условіемъ существованія въ ней, какъ сложномъ тѣлѣ, одной главы, которою является одинъ верховный пастырь. Безъ послѣдняго не возможно единеніе въ вѣрѣ и таинствахъ. Но сущность самой церкви, какъ состоящей изъ видимыхъ членовъ, требуетъ, чтобы она имѣла не только невидимую главу, которою признается самъ І. Христосъ, но и главу видимую, которою служитъ Его намѣстникъ. Монархизмъ есть вообще самая идеальная форма правленія; онъ же имѣетъ полное примѣненіе и въ церкви, которая должна имѣть одного всеобщаго правителя (sprawca). Такимъ верховнымъ правителемъ или пастыремъ всей церкви І. Христосъ поставилъ св. Петра. Здѣсь авторъ приводитъ рядъ (значительно расширенныхъ во второмъ изданіи) доводовъ изъ св. Писанія и св. отцевъ въ пользу того мнѣнія, что апостолъ Петръ былъ „найвысшею главою и верховнымъ правителемъ и пастыремъ Христовой церкви", и опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые не признаютъ, что ап. Петръ былъ епископомъ въ Римѣ. Но указанныя права апостола Петра, продолжаетъ далѣе авторъ, не могли умереть вмѣстѣ съ Петромъ, такъ какъ всякое учрежде-

ніе существуетъ не ради того лица, которое является представителемъ этого учрежденія, а ради тѣхъ людей, для которыхъ оно установлено. Но къ кому же, спрашивается, должны были перейти эти исключительныя іерархическія права св. Петра въ Церкви? Отвѣтъ ясенъ: къ римскому епископу, какъ его прямому преемнику по епископской каѳедрѣ. Здѣсь авторъ, показавъ на основаніи греческихъ и латинскихъ учителей церкви, что главенство римскаго епископа въ церкви дѣйствительно, якобы, имѣетъ универсальный характеръ, доказываетъ далѣе, что свои высшія іерархическія права римскій епископъ и на практикѣ примѣнялъ во всѣ времена къ церквамъ всей вселенной, не исключая и церкви Греческой, что выражалось; во первыхъ—въ созваніи соборовъ, предсѣдательствованіи на нихъ и санкцированіи дѣлаемыхъ на нихъ постановленій; во вторыхъ — въ томъ, что патріарховъ, равно и другихъ епископовъ, если они провинялись, римскій епископъ проклиналъ, низлагалъ и замѣнялъ другими; въ третьихъ,—въ томъ, что къ римскому епископу, какъ найвысшему судьѣ, апеллировало духовенство всего свѣта, и въ четвертыхъ, наконецъ, — въ томъ, что безъ участія римскаго епископа цѣлыя церкви и соборы впадали въ заблужденія, а чрезъ него всѣ члены церкви Христовой получаютъ благословеніе. Этимъ заканчивается первая часть разсматриваемаго сочиненія. Установивъ въ первой части принципъ главенства папы и уяснивъ его церковное значеніе,—во второй части авторъ задается цѣлію освѣтить съ точки зрѣнія этого принципа важнѣйшіе моменты изъ исторіи отношенія между восточною и западною церквами, начиная съ первыхъ вѣковъ и оканчивая Флорентійской уніей. Съ этою цѣлію онъ сначала устанавливаетъ различіе между поня-

тіями „ересь“ и „расколъ“ и находитъ, что Греки, какъ отступившіе отъ римской церкви, должны быть названы раскольниками. Далѣе, указавъ на четыре коренныя причины, послужившія, по его мнѣнію, основаніемъ для отступленія Грековъ отъ подчиненія столицѣ римской, авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за постепеннымъ возвышеніемъ значенія на востокѣ константинопольскаго патріарха, указываетъ на недружелюбное отношеніе къ этому факту римскихъ епископовъ, останавливается на происходившихъ между этими двумя столицами столкновеніяхъ и временныхъ разрывахъ и старается объяснить все это: а) духомъ буйной гордости константинопольскихъ патріарховъ, не хотѣвшихъ по временамъ признавать законныхъ правъ намѣстника св. Петра, в) особенною склонностію какъ патріарховъ, такъ и императоровъ константинопольскихъ къ еретическимъ заблужденіямъ, подававшимъ поводъ къ разрыву и, наконецъ, — г) жаждой мести, какую императоры питали къ западу, освободившемуся отъ нихъ въ политическомъ отношеніи. Дойдя затѣмъ до времени, когда начало распространяться христіанство между славянскими народами, авторъ коротко останавливается на этомъ фактѣ, при чемъ признаетъ, что въ то время какъ одни изъ славянскихъ народовъ приняли христіанство отъ миссіонеровъ латинскихъ, другіе—въ томъ числѣ и русскіе—приведены были ко Христу миссіонерами греческими, и что такъ какъ около этого времени Греки часто входили въ столкновеніе съ латинянами, то враждебныя свои отношенія къ послѣднимъ они естественно передали и Русскимъ. Съ этого времени Греки въ своихъ придиркахъ къ римской церкви стали навязывать ей разнаго рода ереси, отъ чего римскіе папы ихъ предостерегали. Но Греки, идя

все дальше и дальше въ своемъ грубомъ упорствѣ, стали все сильнѣе и сильнѣе проявлять свой духъ непокорности и вражды къ латинянамъ, что они особенно заявили во время отправленія западныхъ христіанъ на освобожденіе гроба Господня, хотя впослѣдствіи поневолѣ вошли въ единеніе съ римскою церковію, когда латиняне завладѣли Константинополемъ. Послѣ этого авторъ переходитъ къ довольно подробному разсмотрѣнію послѣдней уніи Грековъ съ латинскою церковію на Флорентійскомъ соборѣ, при чемъ всѣ силы свои напрягаетъ къ тому, чтобы доказать вселенскій характеръ этого собора. Таково общее содержаніе двухъ первыхъ частей разсматриваемаго сочиненія. Не трудно видѣть, что основная мысль, къ которой сводится вся аргументація автора, коротко можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ: восточная церковь, въ составъ которой входитъ и русская церковь, находясь въ единеніи съ церковію римскою, съ самой глубокой древности признавала церковно-монархическія права римскаго первосвященника; фактъ раздѣленія церквей есть не что иное, какъ отпаденіе отъ тѣла вселенской церкви одного ея члена—церкви греческой, что вполнѣ сознавала послѣдняя и цѣлымъ рядомъ попытокъ, изъ которыхъ послѣдняя состоялась на Флорентійскомъ соборѣ, старалась возстановить прежнее единеніе. Все это въ свою очередь направляется авторомъ къ тому, что русская церковь, какъ одинъ изъ меньшихъ членовъ тѣла вселенской церкви, поставленная исторіею въ необходимость поддерживать единеніе съ ея главою посредствомъ связующаго звена — церкви греческой, въ настоящее время, когда это связующее звено окончательно отпало отъ церковнаго организма, должна отказаться отъ посредничества греческой церкви

и стать въ непосредственную связь съ церковію римскою.

Но Скарга, какъ человѣкъ безспорно умный и образованный, не могъ не понимать, что вся эта аргументація его не достаточно сильна для того, чтобы сломить цѣлыми вѣками образовавшееся предубѣжденіе русскихъ противъ римско-католической церкви. Въ самомъ дѣлѣ, указанной аргументаціи Скарги, если-бы даже въ ней заключалась и дѣйствительная истина, надлежащую цѣну могъ придать только человѣкъ образованный, имѣвшій возможность подвергнуть ее критической оцѣнкѣ, хотя бы даже съ чисто апріорической точки зрѣнія. Въ глазахъ же необразованной массы, которую въ данномъ случаѣ никакимъ образомъ не могъ игнорировать Скарга, сила этой аргументаціи сводилась, главнымъ образомъ, къ авторитету автора, и поэтому защитникамъ православія слѣдовало только авторитету противопоставить авторитетъ и сила аргументаціи разсматриваемаго историко-догматическаго отдѣла была бы значительно парализована: стоило только константинопольскому патріарху или, еще лучше, какому нибудь аѳонскому иноку, въ родѣ, напр., Іоанна Вишенскаго, написать, что все сказанное Скаргой не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшей доли правды, и масса народа, предубѣжденная противъ всего латинскаго, безъ сомнѣнія, скорѣе повѣрила бы тому, чему ей хотѣлось вѣрить и что утверждало авторитетное въ ея глазахъ лицо, чѣмъ тому, что доказывалъ какой нибудь латинникъ. И вотъ для подкрѣпленія своего историко-догматическаго отдѣла, Скарга вводитъ въ свое сочиненіе новый отдѣлъ, гдѣ онъ частію изъ вѣроученія православной церкви, частію изъ самой дѣйствительной ея жизни, заимствуетъ основанія для подкрѣпленія прежде прове-

деннаго взгляда. Извѣстно, что православные, инстинктивно чувствуя отвращеніе отъ римской церкви, когда имъ приходилось перевести это темное чувство на языкъ сознанія и отыскать основаніе для оправданія такого своего отношенія къ ней, обыкновенно ссылались на ея заблужденія, при чемъ идеаломъ, нормой, такъ сказать, истинной церкви, которую можно было-бы поставить критеріемъ при опредѣленіи этихъ заблужденій, обыкновенно признавалась церковь восточная, и всѣ малѣйшія особенности римской церкви, которыя представляли уклоненіе отъ этой нормы, считались заблужденіями или, какъ тогда обыкновенно выражались—„ересями“, которыхъ люди съ тонкимъ анализомъ и плодовитымъ умомъ могли насчитывать цѣлые дѣсятки [1]). Понятно, что чѣмъ больше православные насчитывали ересей въ римско-католической церкви, тѣмъ глубже вѣрили они въ святость и истинность своей церкви и тѣмъ, слѣдовательно, труднѣе было склонить ихъ на какія бы то ни было уступки въ пользу первой, такъ какъ это равносильно было-бы, съ ихъ точки зрѣнія, принятію завѣдомо ложныхъ вѣрованій. Очевидно, что для того, чтобы убѣдить право-

---

[1]) Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ полемической литературы мы имѣемъ нѣсколько кодексовъ ересей римской церкви, которые какъ нельзя лучше подтверждаютъ высказанную мысль. Какъ на образецъ той изобрѣтательности, съ какою православные отыскивали ереси въ римско-католической церкви, можно указать на сочиненіе іеродіакона Печерскаго монастыря, Леонтія, въ которомъ авторъ перечисляетъ всѣ ереси, какія внесли уніаты въ православную церковь, вслѣдствіе своего соединенія съ церковію католическою и насчитываетъ ихъ 34 (Акт. юго-зап. Россіи т. II, стр. 271). Скарга въ 12 артикулѣ II части насчитываетъ 26

славныхъ отказаться отъ тѣхъ или другихъ особенностей своей церкви, необходимо было сначала поколебать укоренившійся въ ихъ сознаніи взглядъ на эту церковь, какъ на идеальную и, такимъ образомъ, ниспровергнуть тотъ основной принципъ, глубокая вѣра въ который, при неразвитости, пораждала почти нравственную невозможность допустить хотя малѣйшее уклоненіе отъ привычной нормы. Скарга прекрасно понималъ всю важность этой задачи и взялся выполнить ее въ третьей части своего сочиненія. Съ этою цѣлію, указавъ на то, какъ опасно для русской церкви оставаться больше въ единеніи съ церковію греческою, онъ приводитъ цѣлый рядъ заблужденій русской церкви, которыя разсматриваетъ какъ естественное слѣдствіе отдѣленія ея отъ церкви римской. Заблужденія эти, которыхъ насчитывается (цѣлыхъ) 19-ть, касаются частію вѣроучительной и частію обрядовой сторонъ православной церкви, частію же составляютъ личныя недостатки православнаго духовенства. Такъ какъ выставляемые здѣсь пункты Скарга считаетъ „великими заблужденіями и ересями", безъ устраненія которыхъ „здоровая наука и цѣлая вѣра быть не можетъ и безъ

ересей, которыя навязывались римской церкви. Копыстенскій въ Палинодіи перечисляетъ только „переднѣйшіе артикулы", чрезъ которые западная церковь прервала единеніе съ восточною и все—таки насчитываетъ ихъ 12. Латиняне, въ свою очередь, отплачивали православнымъ тѣмъ же. Скарга въ I отдѣлѣ III части насчитываетъ 19 артикуловъ заблужденій русской церкви. Жебровскій въ катихизисѣ Ст. Зизанія насчитываетъ 10 ересей. Kakol. Смотрицкій въ Ѳриносѣ говоритъ о 12 отщепенствахъ, которыя противники незаконно приписываютъ православной церкви (Rozd. III).

согласія въ которыхъ не можетъ быть единенія въ вѣрѣ", то, очевидно, что отрѣченіе отъ всѣхъ этихъ пунктовъ онъ считалъ необходимымъ условіемъ со стороны православной церкви, безъ котораго она не можетъ быть принята въ единеніе съ церковью римскою. Вотъ эти пункты: 1) Ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца; 2) непризнаніе за римскою церковію унаслѣдованныхъ ею отъ апостола Петра исключительныхъ правъ на главенствующее значеніе во всей вселенной; 3) ученіе о томъ, что души умершихъ, до вторичнаго соединенія съ своими тѣлами, еще не наслаждаются лицезрѣніемъ Божіимъ; 4) отрицаніе чистилища; 5) непризнаніе неразрѣшимости брачныхъ узъ и вытекающія отсюда разнаго рода нарушенія святости таинства брака, каковы, напр., бракъ одного съ нѣсколькими живыми женами, постриженіе въ монахини одной жены съ цѣлію вступленія въ бракъ съ другою и другія; 6) принципіальное отрицаніе возможности существованія больше семи вселенскихъ соборовъ; 7) отрицаніе пригодности прѣснаго хлѣба для совершенія Евхаристіи; 8) поклоненіе на литургіи простому еще неосвященному хлѣбу и неоказываніе должнаго почитанія „св. таинству и тѣлу Божію"; 9) ученіе о томъ, что не только словомъ Божіимъ, но и молитвою священника происходитъ превращеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову; 10) заготовленіе св. даровъ въ великій четвергъ на цѣлый годъ для пріобщенія больныхъ, соединенное съ отрицаніемъ возможности такого приготовленія въ другое время; 11) потребленіе священниками послѣ обѣдни остающихся послѣ пріобщенія вѣрныхъ—св. даровъ; 12) разведеніе въ чашѣ вина водою, доходящее до полной потери виномъ своего вкуса; 13) совершеніе священниками литургіи и соединенное съ

этимъ пріобщеніе св. таинъ, безъ предварительной исповѣди, такъ какъ священники, подобно мірянамъ, бываютъ у исповѣди только разъ въ годъ; 14) предоставленіе священникамъ права совершать таинство мѵропомазанія, свидѣтельствующее о непризнаніи этого таинства за таковое; 15) совершеніе таинства елеопомазанія надъ бездушнымъ тѣломъ умершаго; 16) отнятіе у неженатыхъ права на полученіе священническаго сана; 17) святокупство, выражающееся въ снимапіи пошлины при возведеніи въ ту или другую іерархическую степень; 18) присвоеніе права посвящать св. мѵро исключительно митрополиту; 19) приписываніе церемоніямъ и обрядамъ большаго значенія, чѣмъ сколько слѣдуетъ. Но Скарга не ограничивается однимъ обличеніемъ вѣроисповѣдныхъ заблужденій русской церкви. Чтобы успѣшнѣе достигнуть своей цѣли, онъ нападаетъ на ту слабую сторону тогдашней православной церкви, которая для всякаго была доступна и непосредственно очевидна, какъ напр. невѣжество, распущенность духовенства, стараясь на основаніи фактовъ дѣйствительной жизни, доказать несостоятельность и самыхъ теоретическихъ началъ, лежащихъ въ основѣ той іерархіи, которая была руководительницей этой жизни. Съ этою цѣлію онъ выставляетъ слѣдующіе три недостатка въ устройствѣ русской церкви, которые по его мнѣнію, были причиною внутренняго ея неустройства. *I, Семейная жизнь священниковъ*, вслѣдствіе которой они не могутъ всецѣло посвятить себя на служеніе церкви. Здѣсь лежитъ причина ихъ невѣжества, отсюда происходятъ разнаго рода заблужденія и опущеніе въ занятіяхъ науками человѣческими и словомъ Божіимъ. Отсюда же происходитъ и то, что паства лишена проповѣданія слова Божія и тѣхъ

духовныхъ потребностей, которыя необходимы для спасенія. Когда же возникаютъ ереси, то ни сами пастыри не могутъ и не умѣютъ защититься, ни паству свою не могутъ спасти отъ заблужденія. Этимъ объясняется также и то, что на Руси наука пришла въ упадокъ и попы омужичились, вслѣдствіе чего никогда не могутъ принести своей паствѣ той пользы, какая желательна была бы. *II, Языкъ славянскій.* Существуетъ только два языка, греческій и латинскій, которыми святая вѣра во всемъ мірѣ распространена и привита; кромѣ этихъ двухъ нѣтъ ни одного, который бы оказался пригоднымъ какъ для науки вообще, такъ и въ частности для науки духовной. Не было и не будетъ во всемъ мірѣ такой академіи или коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія свободныя науки читались на какомъ нибудь другомъ языкѣ. При употребленіи только славянскаго языка не можетъ образоваться ни одинъ ученый; къ тому же теперь уже его никто хорошо не знаетъ. Отсюда происходитъ то, что когда попы хотятъ что-нибудь понимать по славянски, то вынуждены бываютъ обращаться за толкованіями къ польскому языку. У нихъ и школъ другихъ нѣтъ, какъ только для обученія чтенію. И въ этомъ состоитъ совершенство всей ихъ науки для всѣхъ духовныхъ степеней. Отсюда возникаетъ невѣжество и безконечныя заблужденія, что совершенно естественно, „когда слѣпой слѣпаго ведетъ". *III. Вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ дѣла церкви,* вслѣдствіе чего духовенство находится въ совершенномъ униженіи и поэтому не можетъ достойно служить своему назначенію. При этомъ нужно замѣтить, что такъ какъ латинянамъ не было расчета раздражать и безъ того недружелюбно относившихся къ нимъ православныхъ, то Скарга, указывая на всѣ

эти недостатки русской церкви, всю вину по возможности старается сложить на Грековъ. Такъ, напр., славянскій языкъ, по его мнѣнію, оставленъ былъ за русскою церковію вслѣдствіе коварства Грековъ, которые не дали Русскимъ своего языка для того, чтобы держать ихъ въ постоянномъ невѣжествѣ, а чрезъ это и въ повиновеніи у себя. Но русская церковь, увѣряетъ авторъ, можетъ выйти изъ настоящаго печальнаго своего состоянія и достигнуть какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ выгодъ; слѣдуетъ только ей согласиться, чтобы, во первыхъ, русскій митрополитъ ѣздилъ за благословеніемъ не къ константинопольскому патріарху, который вслѣдствіе своего раскольничества и вызваннаго имъ проклятія, потерялъ всякую духовную силу,—а въ Римъ, къ римскому папѣ, чтобы, во вторыхъ, каждый человѣкъ греческаго закона во всѣхъ артикулахъ вѣры былъ согласенъ съ римскою церковію, и чтобы, въ третьихъ, наконецъ, признавалось верховное значеніе римской столицы и отдавалось должное повиновеніе ея авторитету въ дѣлахъ вѣры.

IV.

Нѣтъ нужды толковать о томъ, какъ мало правды во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Скарги. Вся эта аргументація его, какъ это сразу можно замѣтить, построена въ формѣ избитаго, осужденнаго логикой, но ходячаго въ софистикѣ, силлогизма, по которому отъ слѣдствія дѣлается заключеніе къ одной опредѣленной причинѣ. Правда, Скарга въ данномъ случаѣ дѣлаетъ заключеніе отъ слѣдствія не къ одной, а къ тремъ причинамъ. Но не-

пригодность ихъ для объясненія приписываемаго имъ слѣдствія до того очевидна, что можно даже усумниться въ искренности вѣры въ дѣйствительную причинную связь между сопоставляемыми здѣсь явленіями даже самаго автора. Но въ тоже время нельзя не признать, что этотъ, по мѣткому выраженію Смотрицкаго, „не послѣдній герцъ іезуитской роты", обнаружилъ въ данномъ случаѣ не мало находчивости и умѣнья принаровиться къ обстоятельствамъ. Дѣло въ томъ, что фактъ внутренняго неустройства русской церкви для всѣхъ непосредственно былъ очевиденъ; но относительно причинъ его возникновенія и средствъ для его устраненія еще можно было гадать и спорить. И вотъ Скарга спѣшитъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и, взявъ на себя задачу разрѣшить этотъ вопросъ, направляетъ дѣло согласно съ основною своею тенденціею: ненормальное состояніе церковной жизни, убѣждаетъ онъ васъ, есть результатъ допущенія ненормальностей въ самомъ ея устройствѣ; послѣднее же обстоятельство, въ свою очередь, есть слѣдствіе уклоненія церкви отъ своего первоначальнаго идеала путемъ разрыва ея связи съ церковію римскою; средство для выхода ея изъ такого состоянія—возвращеніе къ первой своей нормѣ чрезъ возстановленіе единенія съ церковію римскою. Силлогизмъ, какъ видите, построенъ остроумно и сѣть разставлена съ истинно - іезуитскою ловкостію. Поэтому, если къ этому прибавить еще то обстоятельство, что обѣщанные Скаргой результаты отъ уніи вполнѣ совпадали, какъ мы видѣли, съ стремленіемъ православныхъ улучшить какъ внѣшнее, такъ и внутреннее состояніе своей церкви, а равно и матеріальное благосостояніе ея исповѣдниковъ, то легко можно признать прав-

доподобнымъ слѣдующее свидѣтельство самаго Скарги, которое находимъ во второмъ изданіи, въ посвященіи Сигизмунду III: „эта книга, пишетъ онъ, какъ я знаю, многимъ принесла пользу, раскрыла имъ глаза, и многіе изъ нихъ доселѣ не перестаютъ спрашивать о ней и ко мнѣ обращаться, чтобы я снова издалъ ее въ свѣтъ". Эти слова не были плодомъ самообольщенія автора. Что разсматриваемое сочиненіе произвело извѣстное вліяніе въ средѣ православныхъ, объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство православныхъ же современниковъ. „Нѣкій іезуита виленскій Петръ Скарга, писало львовское братство въ своемъ письмѣ къ константинопольскому патріарху Іереміи, отправленномъ при посланіи къ тому же Іереміи отъ 7-го сентября 1592 года, выдруковалъ книги о вѣрѣ своей и о грецкомъ заблужденіи глаголюще, и кролеви сіе писаніе (второе изданіе) въручилъ, да всякая грады мірская власть потрясе насъ, и готовятся по своему хотѣнію съвершити. Людіе же разсудиша, яко можетъ Христова вѣра подъ римскою властію правовѣрно исповѣдатися, якоже изначала бысть: понеже безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается и законы отеческіе попраны суще и православіемъ лицемѣрствующихся учителей лжа покры церковь"[1]. Изъ приведенныхъ словъ достаточно видно, что Скарга, предназначая третью часть своего сочиненія служить своего рода ключемъ для открытія у православныхъ довѣрія къ тому, что сказано было въ отдѣлѣ историко-догматическомъ, не ошибся въ своемъ расчетѣ: мы видимъ, что, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ православныхъ вѣрятъ, что, подчинившись власти Рима, они не уклонятся отъ православія, а

[1]) Акты западн. Россіи т. IV, № 33.

достигнуть лишь того, что было „изначала“, т. е. они согласны съ тѣмъ взглядомъ, который проводилъ Скарга въ отдѣлѣ историко-догматическомъ. Что же, спрашивается, привело ихъ къ такой мысли? А то, что православная церковь страдаетъ отъ своего внутренняго нестроенія: въ ней царствуетъ безначаліе, ея недостойные учители разсѣваютъ ложь, а ея права и привиллегіи попираются; короче говоря, ихъ привелъ къ этому тотъ самый фактъ, который констатированъ Скаргою въ третьей части его сочиненія. Какое вообще впечатлѣніе должно было производить разсматриваемое сочиненіе Скарги на православныхъ современниковъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ очень характернымъ словамъ одного изъ его критиковъ, автора „Зачапки:“ „колись ми тую книжку силою принудивши себѣ прочиталъ, праведно вамъ правовѣрнымъ глаголю, ижъ есми отъ страха и ужаса въ забвеніе и изступленіе мыслное пришолъ, дивуючися тому трудови того писаря, и разума его мудрости разсужаючи бѣглость и хитрость“ [1]). Возможно, что въ этихъ словахъ дѣло представлено нѣсколько въ гиперболическомъ видѣ. Но чтобы создать гиперболу, для этого нужно имѣть какое нибудь основаніе. Такой же точно отзывъ объ этомъ сочиненіи дѣлается и въ другомъ противъ него написанномъ православномъ сочиненіи — въ „Кратко - словномъ отвѣтѣ Феодула“: „прочиталъ есми не складно и бридко тую составленную Скаржину лжу, отъ котораго вокуса, во истину вамъ глаголю, мало есми не врацалъ, дивуючися той смертелной потраве латинскаго мудрованія, которую во истину кто со сладостію поживати хощетъ, о-

---

[1]) Труд. Кіевск. дух. ак. 1878 года май, стр. 110.

труется и нагле невѣріемъ здохнетъ[1]). При всемъ томъ мы сильно ошиблись бы, если бы задумали утверждать, что разсматриваемое сочиненіе Скарги произвело указанное дѣйствіе на всѣхъ православныхъ западно-руссовъ. Мало того, мы сказали-бы слишкомъ много, если бы признали даже и то, что такихъ людей было большинство. Въ виду разсмотрѣнныхъ нами историческихъ условій, это было положительно не возможно. Большая и притомъ лучшая часть православнаго общества должна была отнестись къ этому сочиненію скептически. Тотъ же авторъ „Зачанки", высказавъ впечатлѣніе, произведенное на него сочиненіемъ Скарги, продолжаетъ: „все аерная, а не небесная знайдохъ бо въ томъ писаніи, вѣруйте православные... Смотрижъ пилне, правовѣрный христіанине, и разсужай, чій то духъ отъ Скарги дышетъ, и съ котораго жерела воду мудрованія разумнымъ почерпаломъ чернаетъ. И яко ся во всемъ науцѣ Христовой, апостольской, и всее соборное церкви, святыхъ богоносныхъ отецъ сопротивляетъ". Самъ Скарга, замѣтивъ во второмъ изданіи, что его книга многимъ принесла пользу, въ тоже время заявляетъ, что „русскіе труднѣе обращаются, ссылаясь на своихъ отцовъ и древность своего исповѣданія". И это совершенно понятно. Вѣковое изолированное положеніе православной церкви въ отношеніи къ церкви римско-католической, ихъ всегдашняя взаимная вражда, образовали между ними непроходимую пропасть, которая хотя и съуживалась, какъ мы видѣли, нѣкоторыми, въ противоположномъ направленіи дѣйствовавшими факторами, но все же она была слишкомъ широка и глубока для того, чтобы ее сразу можно

---

[1]) Ibid. стр. 72--83.

было уничтожить. Простой здравый смыслъ литовско-русскаго православнаго народа достаточно подготовленъ былъ предшествовавшей исторіей для того, чтобы понять, какую опасную ловушку готовятъ ему вновь появившіеся у него друзья и пріятели и какъ мало у него наличныхъ средствъ для того, чтобы достойно встрѣтить готовившуюся опасность; а уже одного этого достаточно было для того, чтобы заставить православныхъ сильно задуматься надъ своимъ положеніемъ. И, дѣйствительно, чистосердечное самобичеваніе львовскаго братства въ его посланіяхъ къ константинопольскому патріарху [1]) показываетъ, что католическая пропаганда, а равно и многія, случившіяся къ этому времени обстоятельства, сильно пробудили самосознаніе народа и вызвали его изъ продолжительнаго нравственнаго сна къ высшей степени энергической дѣятельности, которую главнымъ образомъ приняла на себя такая крупная сила, какую представлялъ какъ единоличный, такъ и корпоративный патронатъ. Понятно, что на тѣхъ, въ чьихъ душахъ запылалъ огонь рѣшимости во что бы то ни стало отстоять свободу вѣры и народности, сочиненіе Скарги должно было дѣйствовать только возбуждающимъ образомъ и въ отношеніи къ этого рода людямъ, если и можно было сказать, что это сочиненіе „принесло пользу", то, конечно, совершенно не ту, о которой говоритъ Скарга въ посвященіи во второмъ изданіи.

Такъ, по нашему мнѣнію, понималъ въ разсмотрѣнномъ сочиненіи свою задачу Скарга и такими средствами онъ пользовался для ея осуществленія. Такъ же точно относились къ дѣлу и другіе латино-уніятскіе полемисты

---

[1]) Акт. западн. Россіи т. IV. № 33.

за описываемый періодъ времени, которые пропаганду уніи считали прямою своею задачею. Кромѣ разсмотрѣннаго сочиненія Скарги, намъ извѣстна еще въ этомъ же направленіи и духѣ написанная небольшая брошюра Бенедикта Гербесста: „Выводы вѣры римской церкви и исторія греческаго порабощенія: для единства", изданная въ Краковѣ въ 1586 г. [1]). Поводомъ къ написанію этой брошюры, по свидѣтельству самаго автора, было простое желаніе исполнить пастырскій долгъ. Скорбя объ отсутствіи единенія между тѣми, которые „соединены смертію І. Христа", и не имѣя возможности лично вступать въ бесѣду съ находившимися во Львовѣ, гдѣ онъ былъ священникомъ при главномъ костелѣ, исповѣдниками греческой и армянской церкви, авторъ счелъ необходимымъ издать эту краткую брошюру, которая, по его же сознанію, представляетъ простое извлеченіе изъ болѣе обширной исторіи. Брошюра эта, собственно го-

---

[1]) Брошюра эта напечатана во второй книгѣ „Памятниковъ полемич. литератур. въ запад. Россіи", стр. 581—600. Указаніе на годъ выхода, кромѣ двойной даты въ самомъ сочиненіи (въ концѣ предисловія и въ концѣ самой брошюры), находимъ еще въ изданной въ 1598 г. въ Острогѣ „Книжицѣ", содержащей въ себѣ, между прочимъ, семь посланій патріарха александрійскаго Мелетія; здѣсь въ концѣ трактата объ исхожденіи Св. Духа указывается годъ изданія какъ сочиненія Скарги, такъ и брошюры Гербеста (Малышевскій. „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ", II, приложеніе 11, стр. 28). Такое же указаніе сдѣлано и въ другомъ сочиненіи Острожскаго изданія, именно въ такъ называемой „Книжицѣ" клирика Острожскаго (Русская истор. биб.; вторая книга Памят. полемич. литератур. въ запад. Руси, стр. 726).

воря, есть рядъ краткихъ тезисовъ, которые по своему содержанію почти не выходятъ изъ предѣловъ второй и третьей частей разсмотрѣннаго сочиненія Скарги. Раздѣляется она, какъ то можно видѣть уже изъ самаго заглавія, на двѣ половины. Содержаніе первой половины относится къ періоду времени отъ перваго вселенскаго собора до смерти сына Михаила Палеолога, Андроника. Эта половина брошюры имѣетъ своею цѣлію показать, что римскому епископу всегда принадлежало главенствующее значеніе на всѣхъ вселенскихъ соборахъ, что греческіе патріархи часто впадали въ ереси, за что подвергались низложенію и проклятію, что константинопольскіе патріархи постоянно домогались первенства между другими греческими патріархами, но постоянно встрѣчали сопротивленіе этому въ римскомъ папѣ, что греческая церковь всегда признавала надъ собою главенство римскаго папы и что отступленіе началось со времени раскола Фотія. Упоминается здѣсь также, въ точно такомъ же духѣ, какъ и у Скарги, и о крещеніи Руси и Польши, равно и о нѣкоторыхъ другихъ фактахъ, относящихся къ исторіи внутренней и внѣшней жизни греческой церкви послѣ ея разрыва съ церковію римскою. Словомъ, вся эта половина брошюры имѣетъ своею цѣлію доказать законность притязаній римскаго папы на главенство въ церкви и незаконность греческаго отступленія.

Во второй половинѣ брошюры авторъ констатируетъ фактъ отношенія турецкихъ императоровъ къ византійской имперіи до паденія Константинополя. Фактъ этотъ разсматривается какъ слѣдствіе отступленія грековъ отъ церковнаго единства. Въ заключеніе авторъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что Греки и Русь, по-

добно жидамъ, лишены всего отъ Бога: „не имѣютъ“ ни памяти, чтобы знать „Отче нашъ” или „Вѣрую“, ни ума, чтобы видѣть необходимыя для спасенія вещи, ни доброй воли, чтобы хорошо жить“. Это же нужно сказать и относительно таинствъ. Такимъ образомъ, вся брошюра Гербеста отъ начала до конца проникнута той же тенденціей, которая проводится и въ сочиненіи Скарги „О единствѣ церкви“.

Теперь посмотримъ, какія мѣры принимали защитники православія для того, чтобы парализировать дѣйствіе на умы своихъ единовѣрцевъ этого рода полемической литературы. Самымъ опаснымъ для православныхъ сочиненіемъ, безъ сомнѣнія, было разсмотрѣнное сочиненіе Скарги „О единствѣ церкви“. Какъ же отнеслись къ нему ревнители православія? Существуетъ мнѣніе, что противъ этого сочиненія Скарги написана „Книжица“, извѣстнаго клирика Острожскаго Василія. За этимъ мнѣніемъ необходимо признать нѣкоторую долю правды; но его нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Задача клирика Острожскаго, какъ увидимъ въ свое время, была нѣсколько другаго рода и притомъ несравненно шире той, какую ему часто навязываютъ. Если въ „Книжицѣ“ клирика Острожскаго оказался, напримѣръ, трактатъ о главенствѣ папы, то это не потому, что по этому же предмету одиннадцать лѣтъ назадъ писалъ Скарга въ своемъ сочиненіи, а потому, почему авторъ „Книжицы“ счелъ нужнымъ писать и о другихъ предметахъ, которыхъ Скарга въ упомянутомъ своемъ сочиненіи не касается; прямѣе говоря, — просто потому, что этотъ вопросъ, на ряду съ другими разсматриваемыми въ книжицѣ, сдѣлался вопросомъ дня. Правда, въ трактатѣ о Св. Духѣ клирикъ, полемизируя противъ латинянъ,

прямо ссылается на „друкованую въ Вилни въ року 1577 Скаржину книжицу" [1]); но подобнаго же рода ссылки у него дѣлаются и на сочиненія другихъ современныхъ латинскихъ полемистовъ, каковы, напр., „Выводы вѣры" Бенедикта Гербеста [2]), „Книжки Казанья нѣкоего Станислава Млодецкаго" [3]). Наконецъ если признать даже, что книжица клирика направлена была спеціально противъ сочиненія Скарги, то во всякомъ случаѣ она появилась слишкомъ поздно сравнительно съ тѣмъ вниманіемъ, какое должны были оказать, и несомнѣнно оказывали, православные сочиненію „О единствѣ церкви". Болѣе же ранняго и притомъ спеціально направленнаго противъ *перваго* изданія сочиненія Скарги, какъ есть основаніе думать, православными не было выпущено. Къ этому приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Прежде всего трудно предположить, чтобы сочиненіе, прямо направленное противъ Скарги, не сдѣлалось извѣстнымъ самому Скаргѣ. Между тѣмъ, упоминая во второмъ своемъ изданіи, вышедшемъ чрезъ 13 лѣтъ послѣ перваго, о тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгали православные для того, чтобы парализировать дѣйствіе его сочиненія на народъ, Скарга ничего не говоритъ о литературной полемикѣ противъ него, что едва-ли бы онъ сдѣлалъ, если-бы таковая существовала. При томъ же нельзя не обратить вниманія и на тотъ фактъ, что сочиненіе Скарги, какъ ни велика его тенденціозность, все же, особенно въ исторической своей части, далеко было не по плечу совре-

---

[1]) Вторая книга Памятн. полемич. литер. въ запад. Руси, стр. 724, 726.

[2]) Ibid. стр. 726.

[3]) Ibid. стр. 856.

меннымъ представителямъ православной церкви. Первое изданіе этого сочиненія появилось еще до открытія первой греко-славянской школы (въ Острогѣ около 1580 года); а извѣстно, въ какомъ жалкомъ состояніи находились западно-русскія школы, предшествовавшія школамъ греко-славянскимъ: исторія о нихъ или ничего не знаетъ, или, если и имѣетъ кое-какія отрывочныя свѣдѣнія, то они говорятъ далеко не въ пользу этихъ школъ: „inney szkoły, упрекаетъ самъ же Скарга православныхъ, chyba na czytanie nie maia. I to ich wszytke nauki duchowne, stan y doskonalstwo!"[1]). Почти также характеризуетъ русскія школы и Павелъ Одербонъ[2]). По его отзыву, въ этихъ школахъ даже не преподавали катихизиса. Понятно, что при такомъ состояніи школъ о какой бы то ни было подготовкѣ къ ученой дѣятельности не могло быть и рѣчи. „Изъ духовныхъ греко-русской вѣры, говоритъ современникъ, не нашелъ бы и десятка во всей Руси, чтобы умѣли объяснить, что такое таинство, чистилище, папская власть и проч.; а когда владыки и игумены порывались показать свое просвѣщеніе, то возбуждали смѣхъ, когда какую нибудь простонародную польскую или русскую поговорку приписывали какому нибудь Соломону или Пиѳагору"[3]). „Подана намъ, говоритъ Курбскій объ одномъ, полученномъ съ Аѳона, полемическомъ сборникѣ, отъ св. горы, яко самою рукою Божіею принесена, *простоты ради и глубокаго неискуства церковниковъ русскихъ*[4]). Такимъ образомъ, до

---

[1]) O jednośei, часть III, разд. 5.

[2]) Ист. Русск. Церкви Макарія т. IX, 410.

[3]) Изслѣдов. и монограф. Костомарова т. III.

[4]) Листъ Курбск. до Кузьмы Мамонича. Сказ. Курбск. С.-Петерб. 1842 г. стр. 236.

открытія греко-славянскихъ школъ, люди, призванные отстаивать интересы церкви, поставлены были въ такія условія, при которыхъ ученая борьба съ человѣкомъ, который, по отзыву автора Эктезиса, былъ „naj-sławnieyszy y nawymownieyszy miedzy iezuitami w Polsce[1]), была дѣломъ слишкомъ рискованнымъ. Затѣмъ, если, со второй половины восемьдесятыхъ годовъ XVI столѣтія начавшія вновь возникать школы[2]), и выпускали людей болѣе или менѣе подготовленныхъ, то все же на первыхъ порахъ эта подготовка была слишкомъ ограничена и первый изъ православныхъ доморощенныхъ, такъ сказать, полемистовъ, уже извѣстный намъ клирикъ Острожскій, по своему образованію далеко уступалъ Скаргѣ. Эрудиція, которую онъ обнаруживаетъ въ своей книжицѣ, почти исчерпывается знаніемъ св. писанія. Правда, онъ иногда касается и исторіи, но свѣдѣнія, какія онъ обнаруживаетъ въ этой области знанія, говорятъ не въ его пользу. Не слѣдуетъ также забывать и того, что клирикъ Острожскій писалъ свою книжицу уже въ 1588 году, т. е. чрезъ 11 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Скарги; а въ такой промежутокъ времени, при тогдашней въ высшей степени энергической дѣятельности на Руси, интеллектуальныя силы православныхъ могли значительно увеличиться. Одиннадцать лѣтъ въ тогдашнее время, какъ это отчасти намъ удастся показать, значили много. Правда, православные могли отдавать, и дѣйствительно отдавали, своихъ дѣтей въ іезуитскія школы[3]). Но въ интересы іезуитовъ не

---

[1]) Ekthesis, раз. 23,

[2]) Православныя церковныя братства. Флерова, стр. 89.

[3]) Истор. Русск. Церкви Макарія т. IX стр. 409.

входило выпускать изъ своихъ школъ людей, которые-бы разрушали созидаемое ими зданіе; а извѣстно, что если іезуиты за что брались, то дремать не любили. „Хотя Бѣлорусы, говоритъ Павелъ Негребецкій, и учатся латинскимъ языкомъ скудости ради греческаго (кромѣ Львова, гдѣ учатся гречески), однако припоминати надобно, что малая часть ихъ не падаетъ въ унію, а тѣ, что не падаютъ, познаваются въ нихъ остапки іезуитскіе; понеже іезуиты не учатъ ихъ высокимъ паукамъ, покамись предъ Богомъ не обѣщаются держатися латинской религіи“ [1]). Итакъ можно предполагать, что, между православными, по профессіи призванными отстаивать интересы церкви, на первыхъ порахъ не пашлось ни одного человѣка, который бы рѣшился выступить на борьбу со Скаргой. И вотъ извѣстный ревнитель православія, князь К. К. Острожскій, вынужденный крайнею необходимостію, обращается къ нѣкоему Мотовилѣ, человѣку, какъ есть основаніе думать, не православному, но который, тѣмъ не менѣе, нашелъ возможнымъ принять на себя роль защитника православія и выступилъ съ полемикой противъ Скарги. Такъ какъ сочиненіе Мотовилы въ настоящее время неизвѣстно наукѣ, то для составленія понятія какъ о немъ самомъ, такъ и объ его авторѣ, мы должны обратиться къ современному его оцѣнщику, извѣстному московскому выходцу въ Литвѣ, князю Курбскому. Этотъ ревностный защитникъ православія, получивъ отъ своего друга, К. Острожскаго, экземпляръ сочиненія Мотовилы, такъ благодаритъ его за подарокъ: „другое оставя, немощи ради недуга моего, обдержащаго мя, о томъ-то Мотовилѣ реку: кто слыхалъ отъ вѣ-

---

[1]) Ученыя зап. кн. 3, стр. 207.

ка, или гдѣ писано въ кроникахъ, ижъ бы волка растерзателя ко стаду овецъ на пажить взывати? сирѣчь, ижъ бы христіанинъ правовѣрный отъ аріанина Христоненавистнаго, услаждался эпистоліями, или пріймовалъ отъ него писанія, на помощь церкви Христа Бога? А той то Мотовило инославный не токмо аріянскаго духа въ себѣ имѣетъ, но воистину сугубѣ злѣйшаго неистовнѣйшаго діавола лясфимы (богохульства) на общаго Владыку Христа нашего, отригающаго далеко горчайшій и ядовидшій нежели Арій безбожный: бо онъ согласникъ и обновитель Павла Самосатскаго ереси и Фотинуса нѣкоего, древнихъ еретиковъ, которые прѣли прежде вѣчность Сына Божіяго и не вѣрили пророческимъ словесемъ, начало полагающе отъ Маріи Христу, ихъ же давно попранна и обличена ересь, и проклятіемъ осуждена и съ ними вкупѣ" [1]). Дополненіе къ этой характеристикѣ Мотовилы находимъ въ другомъ письмѣ Курбскаго къ тому же Острожскому: „любовникъ твой, Мотовило, пишетъ онъ, не токмо во всей прекрасной книзѣ своей фальшивѣ пророческія словеса выкладываетъ, паче же прескверпѣ и грубе, но и въ конклюзіи тое-то книги своей Христа проповѣдуетъ: паки пріити, и на тысящу лѣтъ еще тлѣнное житіе уставити вѣрнымъ своимъ, и ясти и пити и подъ винницами наслаждатися... еще пре-горшій въ догматѣхъ своихъ скверныхъ о Христѣ, нежели Магометъ! бо и Магометъ въ алкоранѣ таковыхъ о Христѣ и о Родшей его хуленій не полагаетъ... А моглъ бы, ваша милость тую книгу, сваровъ и ядовъ смертоносныхъ исполненную, тайно свѣту своему Александру даровати... А мнѣ, слузѣ твоему вѣрному и

---

[1]) Сказ. Курбск. ibid. стр. 281—282.

пріятелю присяжному, на что сей былъ въ домѣ гной?“ и проч. [1]). Трудно сказать, на сколько Курбскій вѣрно характеризуетъ религіозныя воззрѣнія Мотовилы. Съ вѣроятностію можно предполагать о немъ только одно, что это былъ одинъ изъ тѣхъ свободныхъ мыслителей или вѣрнѣе-вольнодумцевъ, которые съ успѣхомъ нарождались вездѣ, куда только проникало охватившее тогда всю Европу реформаторское движеніе, и которые были естественнымъ продуктомъ крайне реактивнаго движенія религіозной мысли, протестовавшей противъ своего средневѣковаго рабства. Для насъ, во всякомъ случаѣ, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что Константинъ Острожскій между православными не могъ отыскать человѣка, которому можно было-бы поручить полемику со Скаргой, и рѣшился искать помощи у протестантовъ. Сочиненіе Мотовилы, послѣ сдѣланной ему и его автору аттестаціи Курбскимъ, найдено было, по всей вѣроятности, негоднымъ для распространенія въ печати. На эту мысль наводитъ тотъ фактъ, что это сочиненіе игнорируется послѣдующими латино-уніятскими полемистами, въ другихъ случаяхъ, какъ извѣстно, очень зорко слѣдившими за православной литературой съ цѣлію пріисканія тамъ ересей, которыхъ, какъ можно думать на основаніи отзыва Курбскаго, у Мотовилы можно было отыскать въ избыткѣ. Итакъ, остается предположить, что со стороны православныхъ не было выпущено ни одного сочиненія спеціально направленнаго противъ *перваго* изданія сочиненія Скарги „О единствѣ церкви“ и что имъ не приходилось ничего другаго дѣлать, какъ развѣ прибѣгать къ такого рода средствамъ, какъ, напримѣръ, ис-

---

[1]) Ibid. стр. 285.

требленіе выпущенныхъ экземпляровъ [1]). Прямое по видимому указаніе, подтверждающее эту мысль, находимъ въ вышедшемъ въ 1587 году православномъ полемическомъ сочиненіи „Ключъ Царства Небеснаго", направленномъ, главнымъ образомъ, противъ „выводовъ" Гербеста, но затрогивающемъ мимоходомъ и Скаргу. Въ „предмовѣ до народовъ русскихъ" авторъ, сказавъ, что, въ его время, учители римскаго костела какъ съ церковныхъ каѳедръ, такъ и въ выпускаемыхъ изъ типографій сочиненіяхъ, устремляютъ особенное вниманіе на русскій народъ, стараясь до небесъ превознести въ его глазахъ римскаго папу и римскую вѣру и какъ можно больше унизить греческихъ патріарховъ и содержимую ими вѣру и законъ, продолжаетъ далѣе: „Вжды то есть людскій обычай и повинность на пытане чинити отповѣдь, а на писане такое другое, чого еще *отъ васъ (православныхъ) не видати, а ни слыхати и до нынѣ* [2])". Впрочемъ

---

[1]) Высокопреосвященный Макарій, признавая несомнѣннымъ, что „іезуиты жгли книги иновѣрцевъ", скептически относится къ заявленію Скарги, сдѣланному имъ во второмъ изданіи въ посвященіи королю, что „богатная Русь скупила его сочиненія и сожгла". Но мы рѣшительно не находимъ основанія, почему бы этому свидѣтельству нельзя было вѣрить. Если этотъ пріемъ практиковался одною стороною, то могла практиковать его и другая; ссылка же на тотъ фактъ, что это свидѣтельство не подтверждено никѣмъ другимъ, не можетъ быть признана достаточно резонною; если такого рода доводамъ придавать значеніе, то въ такомъ случаѣ придется отвергнуть въ исторіи многое такое, безъ чего и самая исторія невозможна.

[2]) Малышевскій „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигас". Этотъ томъ еще не вышелъ въ свѣтъ. Мы пользова-

крайняя бѣдность оригинальной литературы за этотъ періодъ времени въ нѣкоторой степени искупалась переводами готовой греческой полемической литературы. Такъ, несомнѣнно извѣстно, что у православныхъ былъ подъ руками славянскій переводъ сочиненія Нила Кавасила „De primatu Papae", въ которомъ, по отзыву того же Курбскаго, „не только теперешнія іезуитскія дудки, но всѣ силлогизмы, измышленные ихъ папою, кардиналами и выше небесъ превознесеннымъ ихъ богословомъ Ѳомою (Аквинатомъ) и ядовито изрыгнутые на восточную церковь, опровергнуты ясно и полно"... Пользовались также православные сочиненіями: Варлаама Калабрійскаго, Геннадія Схоларія, Максима Грека. Копыстенскій въ Палинодіи упоминаетъ даже о цѣломъ „Соборникѣ словенскомъ, старомъ рукописномъ, въ которомъ много писемъ зобраныхъ есть напротивъ костелови римскому". Но, конечно, какъ бы ни была хороша эта переводная и вообще заимствованная литература, все же она, по совершенно понятной причинѣ, не могла вполнѣ замѣнить оригинальную.

Иначе отнеслись православные ко *второму* изданію разсмотрѣннаго сочиненія Скарги, вышедшему, какъ замѣчено было, въ 1590 году [1]). По свидѣтельству поле-

лись корректурными листами. Т. II, приложеніе III, стр. 105.

[1]) Второе изданіе вышло подъ заглавіемъ: O Rządźie y iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem. I o Greckim y Ruskim od tey iedności odstąpieniu. Pismie x. Piotra Skargi, societatis Iezu. Ian 17. Proszę, Oycze, aby byli iedno, iako y my iedno iesteśmy. W Krakowie. W drukarniey Andrzeia Piotrkowczyka 1590. Авторъ предисловія къ Кіевскому изданію Апокрисиса (1870), объ этомъ второмъ изда-

мизировавшихъ противъ этого сочиненія авторовъ, львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ отправилъ одинъ экземпляръ его чрезъ нѣкоего отца Исаакія къ александрійскому патріарху Мелетію. Мелетій, не зная польскаго языка, отправилъ его въ свою очередь на Аѳонъ, приложивъ къ нему свое письмо. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ аѳонскихъ монаховъ изъ русскихъ прочитать это сочиненіе и, если окажется необходимымъ, дать ему знать; въ противномъ же случаѣ,—написать на него отвѣтъ въ формѣ предостереженія православныхъ, не вда-

---

ніи, между прочимъ, замѣчаетъ: „новое изданіе сочиненія Скарги не было, однако, повтореніемъ прежняго. Онъ частію дополнилъ его и особенно въ главахъ о Флорентійскомъ соборѣ, частію выправилъ, исключивши, напр., тирады о славянскомъ языкѣ, какъ непригодномъ для богослуженія, ни для науки, о бракахъ въ духовенствѣ, и даже о вмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла вѣры у грековъ и русскихъ" (стр. VII—VIII). Замѣчаніе это совершенно невѣрно. Второе изданіе этого сочиненія Скарги, какъ это видно изъ настоящаго изданія, дѣйствительно, подверглось значительному измѣненію, но только совершенно не въ тѣхъ пунктахъ, которыя указаны въ приведенной выдержкѣ. Послѣднія шесть главъ второй части (15—20), составляющія трактатъ о Флорентійскомъ соборѣ и о ближайшихъ его слѣдствіяхъ, во второмъ изданіи представляютъ почти дословную перепечатку изъ перваго изданія. Только въ концѣ 16-й главы сдѣлано небольшое прибавленіе, составляющее простую замѣтку касательно спора Константинопольскаго патріарха Іереміи по вопросу о Св. Духѣ съ западноевропейскими протестантами, съ которыми, какъ извѣстно, этотъ патріархъ велъ полемическую переписку. Всѣ же остальныя измѣненія въ этихъ главахъ состоятъ въ измѣненіи, опущеніи или прибавленіи отдѣльныхъ словъ и выраженій. Тоже нужно сказать и относительно тирадъ *о славянскомъ*

ваясь въ большую полемику съ противникомъ, такъ какъ, по его увѣренію, отвратить латинянъ отъ ихъ заблужденій нѣтъ никакой возможности. Въ отвѣтъ на эту просьбу въ Россію послано было съ Аѳона два сочиненія: 1) „Зачапка мудраго латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію, или по просту рекши въ гаданіе, или бесѣду“ и 2) „Краткословный отвѣтъ Феодула, въ святой аѳонской горѣ скитствующаго, противъ безбожнаго, лживаго, потворнаго и настоящаго вѣка, погански, а не евангельски мудрующаго писанія Петра Скарги о речепномъ раде и едности костела Божіяго подъ единымъ пастыремъ, и о греческомъ и русскомъ отъ тое едности от-

---

языкѣ, о бракахъ въ духовенствѣ и о вмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла вѣры. Всѣ эти тирады, составляющія въ первомъ изданіи пятый отдѣлъ третьей части, дословно перепечатаны во второмъ изданіи, гдѣ онѣ составляютъ четвертый отдѣлъ, что произошло вслѣдствіе выпуска во второмъ изданіи небольшаго третьяго отдѣла. Дѣйствительныя же измѣненія втораго изданія сдѣланы, главнымъ образомъ, въ первой части и частію во второмъ отдѣлѣ 3-й части. Начиная съ третьяго отдѣла первой части, во второмъ изданіи идетъ рядъ новыхъ статей, которыя въ большинствѣ случаевъ составляютъ болѣе подробное развитіе аргументаціи статей перваго изданія. Всѣ эти новыя статьи въ настоящемъ изданіи помѣщены въ концѣ текста перваго изданія. Что же касается измѣненій втораго отдѣла третьей части, то они состоятъ въ простомъ опущеніи 11, 12, 14, 15, 16 и 18-го пунктовъ (см. выше текстъ) такъ называемыхъ, заблужденій русской церкви. Во второмъ изданіи измѣненъ, конечно, и выходной листъ, а также и посвященіе, адрессованное теперь уже не князю Константину Острожскому, а королю Сигизмунду III. Къ разсматриваемому сочиненію о единствѣ церкви Скарга, по словамъ Высокопреосвященнаго Макарія, издалъ въ 1582 году небольшое дополненіе на ла-

ступленіи"[1]). Авторъ „Зачапки", говоря о побужденіяхъ, вынудившихъ его взяться за перо, между прочимъ замѣчаетъ: „для того—отвѣтъ ни малѣйшій па тую книжку отъ насъ не вышолъ". Это мѣсто даетъ основаніе предположить, что „Зачапка" была писана раньше „Кратксловнаго отвѣта Феодула". Кто же былъ авторъ „Зачапки?" — „Христофоръ инокъ русинъ, во святѣйшей аѳонской горѣ странствуя".—Прежде чѣмъ сдѣлался извѣстенъ самый текстъ „Зачапки" и когда о пей судили по одной заголовкѣ только, сдѣлано было предположеніе, что Христофоръ, авторъ Зачапки, есть лице тождественное съ Христофоромъ Филалетомъ, авторомъ Апокрисиса. Но теперь, когда есть возможность сравнить между собою эти два сочиненія, это мнѣніе должно быть оставлено, такъ какъ эти два автора существенно отличаются другъ отъ друга какъ со стороны эрудиціи, такъ и со стороны своихъ научныхъ пріемовъ, которые они обнаруживаютъ въ своихъ сочиненіяхъ. Авторъ „Зачапки" чис-

---

тинскомъ и польскомъ языкахъ: „о заблужденіяхъ русскихъ и причинахъ, по которымъ Греція отдѣлилась отъ русской церкви (т. IX стр. 421"). Это опять недоумѣніе. Никакого новаго дополненія Скарга не издавалъ: это такъ называемое дополненіе есть ни больше, ни меньше, какъ переизданіе вышеуказаннаго втораго отдѣла третьей части, напечатаннаго въ сборникѣ Ласицкаго подъ заглавіемъ: „Appendix de Russorum erroribus et de causis, propter quas Graecia Romana ecclesia defecerit", и вышедшаго, по свидѣтельству Вишневскаго, тогда же и самостоятельнымъ изданіемъ (Вишневскій т. VIII, стр. 285—288).

[1]) Оба эти сочиненія напечатаны въ Матеріалахъ для исторіи западно-русской православной церкви (XVI и XVII в.), изд. въ приложеніи къ Труд. Кіевск. Дух. Ак. за 1878 г. мѣсяцы —апрѣль, май и іюнь, стр. 67—145.

тосердечно сознается, что „въ художествѣ риторскаго наказанія и ремесла (еллино—или латино-мудрныхъ) во причастіи общенія нѣсмъ былъ, или навыкъ что отъ хитро-діалектическихъ силогизмовъ; тѣмъ же и ни мудрованія хитрословцаго къ вамъ (ко удивленію) начертати могу, или тщуся; но отъ простоты, и нашего языка словянскаго еже аще глаголю, вѣщаю и мудрствую"[1]). Понятно, что объ авторѣ Апокрисиса ничего подобнаго сказать нельзя. Несравненно больше сходства можно найти между „Зачапкой" и посланіями Іоанна Вишенскаго, тоже инока аѳонской горы: тотъ же рѣзко бранчивый тонъ, таже беззавѣтная преданность православію, соединенная съ непримиримой, дышащей фанатизмомъ, враждой къ римско-католической церкви, тѣ же ненаучные пріемы въ обоснованіи мыслей, тотъ же способъ доказательства превосходства славянскаго языка надъ латинскимъ; словомъ, между этими двумя литературными памятниками много есть общаго, что даетъ основаніе предположить и о близкомъ духовномъ родствѣ ихъ авторовъ. О времени написанія „Зачапки" трудно сказать что нибудь опредѣленное. Брестская унія, какъ можно судить по нѣкоторымъ довольно яснымъ намекамъ, для автора, когда онъ писалъ „Зачапку," была уже совершившимся фактомъ; о патріархѣ александрійскомъ Мелетіи и епископ. львовскомъ Гедеонѣ Балабанѣ авторъ выражается:—"блаженные памети", съ прибавленіемъ о первомъ—„къ Богу отшедшему"; а первый изъ нихъ скончался въ 1601 г.[2]), второй въ 1607. Болѣе точнаго указанія пока сдѣлать нельзя.

---

[1]) Ibid. апрѣль, стр. 68.

[2]) Малышевскій. Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви. Кіевъ 1872 г. 1 стр. 656.

Задачею своею авторъ ставитъ отвѣтить на два артикула въ сочиненіи Скарги: 1) „Единъ артикулъ хульный на грецкихъ учителей, ижъ отъ зазрости не подали русскому роду, въ словенскомъ родѣ, писмѣ і языку живущему, своей науки"; 2) „Другій артикулъ самохвальный, ижъ щасливый костелъ латынскій, яко всюды въ папы римскаго послушенствѣ науки и школы фундованы суть". Но прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ двухъ тезисовъ, авторъ высказываетъ нѣсколько совѣтовъ и предостереженій. Заявивъ, что самъ онъ не силенъ „въ хитродіалектическомъ силогизмѣ и хитрословномъ мудрованіи", онъ доказываетъ, что „духа сила не въ художествѣ вышняго наказанія и философскаго постиженія обрѣтается, но вѣрою смиренномудрія даруется", что многіе изъ епископовъ русскихъ потому именно и пали, что, забывъ о благочестіи, погнались за философскою мудростію, что латиняне потому и не могутъ воротиться къ простотѣ православной вѣры, что, отказавшись отъ водительства Св. Духа, и предавшись „разуму отъ стихіи міра сего", они вдались въ „самовластіе естества человѣческаго" и что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ настоящее время, когда между русскими „словесныхъ пастыревъ никакоже обрѣсти нѣсть", и когда они „точію по бруху и самолюбію" ходятъ,—люди отрываются отъ православной вѣры „до матере прелести". Далѣе, въ новомъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: „Начало о унѣи и притчахъ о вѣрѣ", авторъ предостерегаетъ православныхъ, чтобы они „отъ тое молодое (вѣры) стерегли и не лакомилися на ню", потому что „юная вѣра шаленая и непостоянная,... наставниковъ и учителевъ бѣсомудренныхъ, воздушныхъ, поднебесныхъ духовъ тая юная и шаленая (вѣра) имѣетъ", убѣждаетъ,

далѣе, что въ православныхъ школахъ нужно обучать только греческой грамматикѣ, которая составляетъ ключъ къ обученію священному писанію и знакомить съ церковно-богослужебными книгами; „до поганскихъ же учителей и до латинское хитрословіе лжи“ ходить не совѣтуетъ, чтобы не потерять вѣры. Затѣмъ предлагаетъ принять посылаемые имъ „отъ своее простоты и глупства словянскаго языка *три цвѣточка*: 1) „Древо зовомое разумное, философія, не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла“, 2) „Церковницу, въ которой о учтивости опое письмомъ коротко изображено есть“ 3) „Маленькую пѣсенку церковную, которую зрозумѣвши богоразумную мысль, отъ сладости николиже пѣти не престанешъ“. Наконецъ, совѣтуетъ непремѣнно напечатать одинъ рекомендуемый имъ „сборникъ“. Въ самой „Зачапкѣ“ авторъ прежде всего отвѣчаетъ на вопросъ, предлагаемый имъ отъ лица Скарги: почему глупая Русь не стремится къ единенію съ Римскою церковію, гдѣ скрывается родникъ разума и науки? Послѣ этого у него излагается исторія о томъ, какимъ образомъ попало на Аѳонъ сочиненіе Скарги, указываются двѣ причины, вызвавшія его на отвѣтъ,—именно, письмо Мелетія и долгое непоявленіе отвѣта Скаргѣ,—высказывается впечатлѣніе, какое на автора произвело сочиненіе его противника, при чемъ вниманіе останавливается особенно на чрезмѣрной гордости и тщеславіи, какимъ въ сочиненіи окружается римскій папа, и наконецъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ вышепоставленныхъ тезисовъ. Въ отвѣтѣ на первый тезисъ онъ отстаиваетъ превосходство славянскаго языка и науки предъ языкомъ и наукою латинскою. Превосходство это онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ томъ,

что есть много святыхъ, которые спасались по славянскимъ книгамъ. Напротивъ, латиняне, вдавшись въ мудрованіе вѣка сего, лишились благодати Св. Духа и дошли до такой дерзости, что недостатокъ своихъ собственныхъ святыхъ они стремятся пополнить похищеніемъ у Грековъ. Если же латинскій языкъ въ настоящее время процвѣтаетъ, а славянскій находится въ упадкѣ, то это потому, что „латынскаго языка вседушне діяволъ любитъ..., славянскаго же не любитъ и отъ всѣхъ другихъ на онаго подвигомъ сильнѣйшимъ (стлумити и угасити его хотяй) подвинулся есть“. Наконецъ въ отвѣтъ на второй тезисъ авторъ доказываетъ, что благополучіе римской церкви и ея науки не мирятся съ простотою христіанской вѣры и потому правовѣрная Русь не соблазняется ими.

Изъ этого общаго обзора содержанія „Зачанки“ видно, что, далеко уступая сочиненію Скарги въ научномъ отношеніи, она ни-мало не уступаетъ ему со стороны тенденціозности. Безусловно осуждая римскую церковь, авторъ въ тоже время силится представить въ идеальномъ свѣтѣ все то, что только касается церкви русской. Главное вниманіе въ сочиненіи, какъ это сразу бросается въ глаза, обращается на оправданіе православной церкви отъ обвиненія Скаргою ея членовъ въ крайнемъ невѣжествѣ. Замѣчателенъ пріемъ, которымъ въ данномъ случаѣ пользуется авторъ для достиженія своей цѣли. Невѣжество православнаго духовенства, на которое указываетъ Скарга, было непосредственно очевиднымъ фактомъ и отвергать этотъ фактъ не было никакой возможности. И вотъ авторъ, чтобы выйти изъ такого критическаго положенія, прибѣгаетъ къ оригинальному пріему. Воспѣвая панегирикъ такъ высокопревознесен-

ной въ христіанствѣ сердечной простотѣ, онъ наивно смѣшиваетъ ее съ простотою умственною или, говоря по просту, съ невѣжествомъ и, такимъ образомъ, восхваляя въ православныхъ „голубиную простоту", думаетъ, что освобождаетъ ихъ отъ обязательства обладать „зміиною мудростію". Но какъ ни остроуменъ этотъ пріемъ, все же при помощи его нельзя было оправдать всѣхъ тѣхъ пунктовъ, которыхъ касалось обвиненіе. Съ точки зрѣнія выдвинутаго здѣсь начала можно было оправдать только невѣжество православныхъ въ свѣтскихъ наукахъ. Между тѣмъ обвиненіе шло далѣе этого: Скарга обвинялъ представителей православной церкви въ томъ, что они ничего не смыслятъ въ дѣлахъ касающихся самой вѣры; мало того, онъ обвинялъ ихъ даже въ незнаніи самаго языка, на которомъ написаны богослужебныя книги, т. е. онъ обвинялъ ихъ въ такомъ незнаніи, извинить котораго уже нельзя было ни подъ какимъ предлогомъ. Тутъ ужъ нашъ авторъ поставленъ былъ въ такое положеніе, выйти изъ котораго нельзя было иначе, какъ только прибѣгнувъ къ посредству діавола: діаволъ-де не любитъ истины, разсуждаетъ какъ-бы такъ авторъ, не любитъ онъ, поэтому, и славянскаго языка, который служитъ чуть-ли не единственнымъ средствомъ для ея выраженія; не удивительно послѣ этого, что онъ принялъ мѣры къ его искорененію. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ пунктъ въ „Зачанкѣ", потому что онъ долго останавливалъ на себѣ вниманіе нашихъ полемистовъ, хотя отношеніе къ нему, по мѣрѣ поднятія между православными образованія, все болѣе и болѣе измѣнялось. Въ первомъ фазисѣ развитія западно-русской православной полемической литературы взглядъ автора „Зачанки" на невѣжество православныхъ былъ почти всеобщимъ; онъ проводится въ

„Краткословномъ отвѣтѣ Ѳеодула“,—онъ со всею рельефностію выступаетъ и въ посланіяхъ Іоанна Вишенскаго. Уже иначе смотритъ на дѣло авторъ Перестроги. Выставляя эту печальную сторону въ жизни православной церкви въ настоящемъ свѣтѣ, онъ уже не оправдываетъ ее, а старается только отыскать въ прошломъ дѣйствительныя причины ея возникновенія. Еще дальше въ этомъ отношеніи идетъ въ своемъ Ѳриносѣ Мелетій Смотрицкій. Послѣдній не страшится обратиться даже съ укоромъ къ пастырямъ православной церкви и въ ихъ нерадѣніи указать причину невѣжества какъ ихъ собственнаго, такъ и ихъ паствы. Такое безпристрастное отношеніе къ своимъ собственнымъ недостаткамъ въ свою очередь служило лучшимъ предзнаменованіемъ наступленія того времени, когда православная полемика, въ лицѣ Захаріи Копыстенскаго, могла сказать: „Омянаютъ, за ласкою Божею, россійскую нашу церковь лѣта грубой простоты: свѣтити ей почала свѣтлость умѣетности и правды“[1]).

Вторымъ, извѣстнымъ наукѣ, отвѣтомъ на второе изданіе сочиненія Скарги былъ „Кратко словный отвѣтъ Ѳеодула“. Объ авторѣ этого сочиненія извѣстно только, что онъ жилъ прежде въ Луцкѣ[2]), а во время написанія своего отвѣта „скитствовалъ во святой афонстѣй горѣ“, и что патріархъ Мелетій, отправляя чрезъ выше упомянутаго Исаакія на Аѳонъ сочиненіе Скарги, адресовался лично къ нему, считая, вѣроятно, его болѣе подготовленнымъ въ научномъ отношеніи[3]). О времени на-

---

[1]) Палинодія, часть III, отд. 1, Artic. 2.

[2]) Труд. Кіевск. Дух. Ак. 1878 г. май. стр. 114.

[3]) Ibid. стр. 109.

писанія этого сочиненія трудно сказать что нибудь определенное. Раньше, основываясь на словахъ „Зачапки“, гдѣ говорится, что „отвѣтъ ни малѣйшій на тую книжку отъ насъ не вышолъ“, мы сдѣлали предположеніе, что отвѣтъ Феодула написанъ позже „Зачапки“. Въ самомъ же отвѣтѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на это обстоятельство. Напротивъ, есть нѣкоторыя основанія, вынуждающія къ совершенно противоположному заключенію. Такъ, патріархъ Мелетій называется здѣсь просто святѣйшимъ Мелетіемъ патріархомъ александрійскимъ, безъ сдѣланнаго въ „Зачапкѣ“ добавленія—„блаженной памети“. Кромѣ того, авторъ „Зачапки,“ разсказавъ исторію появленія на Аѳонѣ сочиненія Скарги, дѣлаетъ ясные намеки на то, что онъ не скоро взялся за это сочиненіе, потому что, по его собственному сознанію, онъ счелъ полезнымъ въ данномъ случаѣ послѣдовать предостереженію Григорія Синаита, который не совѣтуетъ человѣку, только что начавшему подвижническую жизнь, читать писанія еретическія: „бо не до чюжихъ плетокъ человѣку забава и опытъ, коли въ своемъ дому бѣда ся дѣетъ“ [1]). Напротивъ, авторъ Краткословнаго отвѣта, сказавъ о сдѣланномъ ему отъ патріарха повелѣніи, заявляетъ тутъ-же, что опасеніе за то, чтобы не соблазнился кто-нибудь изъ братьевъ его любимой Руси, заставило его взяться за дѣло. Въ виду этихъ соображеній можно предположить, что авторъ „Зачапки“, выразившись, что „отвѣтъ ни малѣйшій на тую книжку отъ насъ не вышолъ“, подъ словомъ „насъ“ имѣлъ въ виду себя лично, тѣмъ болѣе, что приведенныя слова онъ ставитъ въ причинную связь съ тѣмъ, что онъ не имѣлъ

---

[1]) Ibid. апрѣль стр. 81.

возможности прочитать сочиненіе Скарги: „бо есми ее (книжки) ажъ до сего часу не читалъ“; хотя съ другой стороны нельзя скрывать и того, что, говоря о себѣ лично, авторъ Зачапки употребляетъ личное мѣстоимѣніе въ единственномъ числѣ. Наконецъ, нѣтъ ничего неправдоподобнаго и въ томъ предположеніи, что авторъ Зачапки, пиша свое сочиненіе, могъ не знать о раньше написанномъ отвѣтѣ Феодула. По своему содержанію отвѣтъ Феодула составляетъ прямое дополненіе къ Зачапкѣ. Авторъ Зачапки обратилъ вниманіе исключительно на третью часть сочиненія Скарги. Феодулъ въ своемъ отвѣтѣ почти не выходитъ изъ предѣловъ первыхъ пяти артикуловъ первой части этого сочиненія.

Упомянувъ о вышеуказанномъ порученіи Мелетія, обличивъ Скаргу въ дѣлаемомъ имъ въ посвященіи королю нехристіанскомъ совѣтѣ принимать свѣтскія принудительныя мѣры для обращенія православныхъ въ римско-католическую вѣру, а также въ ложно взведенномъ на православныхъ обвиненіи въ истребленіи путемъ сожженія его (Скарги) сочиненія, подавъ совѣтъ православнымъ, какъ относиться къ сочиненіямъ, которыя не согласуются съ „евангельскимъ разумомъ“, а представляютъ плодъ „премудрости міра сего“, — авторъ переходитъ къ отвѣту на первые артикулы въ сочиненіи своего противника. Выставленнымъ въ этихъ артикулахъ положеніямъ Скарги, въ которыхъ онъ разсматриваетъ признаки истинной церкви, авторъ противополагаетъ рядъ своихъ собственныхъ признаковъ. Пріемъ, къ которому прибѣгаютъ оба противника въ данномъ случаѣ, одинъ и тотъ же. Признаки, перечисляемые тѣмъ и другимъ, составляютъ простое указаніе различныхъ сторонъ изъ ученія и жизни той церкви, къ которой принадле-

жалъ каждый изъ нихъ. Скарга, напр., задачею котораго было доказать универсальное значеніе идеи главенства римскаго папы, при опредѣленіи признаковъ истинной церкви, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на идею церковнаго единства, на необходимость существованія въ церкви одного высшаго іерархическаго лица, своего рода монарха, безъ котораго невозможно поддержаніе единенія между разрозненными членами одного церковнаго организма, и на другіе пункты изъ ученія и жизни римской церкви, стоящіе въ связи съ ученіемъ о главенствѣ папы. Напротивъ, авторъ отвѣта Феодула, интересъ котораго главнымъ образомъ сосредоточивался на томъ, чтобы отстоять русскую церковь отъ взводимыхъ на нее обвиненій и доказать, что эта церковь есть возможно-полное воплощеніе того идеала, къ которому должна стремиться всякая истинная христіанская церковь, при перечисленіи признаковъ истинной церкви, выставляетъ, главнымъ образомъ, различные моменты изъ жизни современной ему православной церкви. Извѣстно, что одною изъ выдающихся сторонъ въ жизни тогдашней какъ греческой, такъ и русской церкви было внѣшнее уничиженное положеніе, первой—подъ властію турокъ, второй — подъ властію поляковъ — католиковъ. На эту-то сторону почти исключительно и обращаетъ свое вниманіе нашъ авторъ. Поэтому, выставленные въ отвѣтѣ Феодула семь признаковъ истинной церкви могутъ служить лучшимъ матеріаломъ для характеристики указанной стороны современной западно-русской церкви. Вотъ эти признаки: а) „подобаетъ правдивой церкве Христовой въ борьбѣ вставичной отъ діавола и и ему служачихъ духъ и человѣкъ... быти"; в) „подобаетъ церкве Божіей правдивой отъ діавольскихъ слугъ

преслѣдованной быти, единако звитяжитися не дати"... г) „подобаетъ правдивой церкве Христовой въ послѣднихъ часѣхъ вѣка того въ умаленіе приходити отъ побѣды князя мирскаго и оторванія себѣ годныхъ на службу свою множество многое"; д) „подобаетъ правдивой церкве Христовой ненавидимой отъ міра и мірскому князю служачихъ быти"; е) „подобаетъ церкве Божіей правдивой крестъ носити и нищету любити"; ж) „подобаетъ церкви Божіей правдивой въ мірскую премудрость глупой и не хитрой и во всемъ не искусной быти"; з) „подобаетъ правдивой церкви Божіей и тѣ нижеречепные плоды въ себѣ всюды множити..." Совершенно такою же тенденціозностью отличается перечисленіе авторомъ и тѣхъ признаковъ, которыми должны отличаться самы члены истинной церкви. Признаками этими, по его мнѣнію, служатъ: а) наглое и насильственное возстаніе „діавола—князя міра сего, со своими войсками воздушными и подземными, ему подлеглыми, па православныхъ восточной вѣры", такъ что ихъ „часть нѣкая въ православной вѣрѣ между роды, восточной вѣры послѣдующими, остала", б) пребываніе членовъ восточной церкви въ неволѣ, в) въ ненависти, г) въ бѣдности, д) въ убогости и скудости относительно мірской мудрости, е) и въ терпѣніи преслѣдованій. Остальная часть отвѣта посвящена критической оцѣнкѣ признаковъ истинной церкви, выставленныхъ Скаргою. Здѣсь авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на томъ, что римскій папа съ его монархическими и узурпаторскими тенденціями не имѣетъ ничего аналогическаго съ личностію апостола Петра, который не выдѣлялъ себя изъ ряда другихъ апостоловъ.

По основному характеру воззрѣній отвѣтъ Феодула

имѣетъ много общаго съ „Зачапкой". Но сравнительно болѣе спокойный тонъ, стройное и систематическое изложеніе, большая широта и глубина мысли, все это ставитъ его выше первой.

Изъ сдѣланнаго обзора обоихъ, направленныхъ противъ Скарги, православныхъ сочиненій видно, что наши полемисты, раскусивъ мягкіе куски въ сочиненіи своего противника, побоялись взяться за кости. Вся историческая часть сочиненія Скарги, гдѣ во всей силѣ выступаетъ его эрудиція, осталась почти не тронутою. Правда, наши полемисты стараются объяснить такое свое поведеніе безплодностію борьбы съ непобѣдимымъ упорствомъ враговъ; но, очевидно, это простая замаскировка своего безсилія. Авторы Апокрисиса, Өриноса, Палинодіи имѣли дѣло съ тѣми же самыми врагами, тѣмъ не менѣе они не только не игнорировали этотъ пунктъ полемики, а, напротивъ, обращали на него особенное вниманіе. И это совершенно понятно. Рѣшеніе на основаніи историко-догматическихъ данныхъ вопроса о всемірномъ значеніи монархическихъ правъ римскаго епископа въ церкви въ глазахъ уніатскихъ полемистовъ всегда служило исходнымъ пунктомъ въ ихъ полемикѣ съ православными. Правда, на ряду съ этимъ вопросомъ въ различное время выдвигались и другіе вопросы, изъ которыхъ каждый въ свое время, какъ увидимъ, по преимуществу овладѣвалъ вниманіемъ споривших. Но въ то время какъ эти побочные вопросы, занявъ на время первое мѣсто въ борьбѣ противниковъ, скоро потомъ отходили на второй планъ, вопросъ о главенствѣ папы никогда не терялъ своего значенія. Напротивъ, разбору историко-догматическихъ данныхъ, на которыхъ его обосновывали, отводилось современемъ все большее и боль-

шее мѣсто въ полемическихъ сочиненіяхъ какъ уніатскихъ, такъ и православныхъ, такъ что въ „Обронѣ Уніи“ Льва Кревзы и въ „Палинодіи“ Копыстенскаго, стоящихъ въ концѣ разсматриваемаго нами періода полемической литературы, этому вопросу придапа такая широкая постановка, какой онъ до этого времени никогда не получалъ.— Повторяемъ, что игнорированіе авторами Зачапки и Отвѣта Феодула историко-догматическаго отдѣла сочиненія Скарги должно быть объяснено, главнымъ образомъ, младенческимъ состояніемъ современной православной полемической литературы. Съ этимъ обстоятельствомъ, очевидно, стоитъ въ причинной связи тотъ достойный вниманія фактъ, что оба наши полемиста, въ противоположность полемистамъ послѣдующаго времени, въ принципѣ отказываются отъ прямой борьбы со своимъ противникомъ и ограничиваютъ свою задачу лишь простымъ оправданіемъ православной церкви отъ взводимыхъ на нее обвиненій: „тогда, говоритъ авторъ Зачапки, есми оставихъ срамоту чинити отвѣтомъ и писаніемъ на Скаржино лживое и потворное злѣпленіе, объ отступленіи грековъ и Руси отъ костела латинскаго и прочіихъ басней, ихъ же налѣпивъ, выдаючи тое, яко патріарха Александрійскій глаголетъ, хотя есми, яко простою правдою оправдали себе, и хулу лживую обличили и обнажили, тымъ воздушныхъ духовъ разума не только не улѣчимо, але сваръ и вражду воздвигнемъ; того ради зъ мытаремъ самоукорнымъ и смиреномудрымъ, фарисея велерѣчиваго и укоряющаго *на плещахъ терпѣнія, молчаніемъ пренести мусимо*“[1]). И нужно замѣтить, что не одни только авторы Зачапки и Отвѣта Фео-

---

[1]) Ibid. стр. 86.

дула считали необходимымъ „съ молчаніемъ, на плечахъ терпѣнія, переносить многоглаголивыхъ и обличающихъ фарисеевъ". На первыхъ порахъ такое отношеніе къ латинянамъ, къ ихъ сочиненіямъ и диспутамъ было почти всеобщимъ. Въ посланіяхъ Курбскаго сплошь и рядомъ можно встрѣтить предостереженіе православнымъ не вступать въ споры съ латинянами. Сила, съ какою іезуиты нападали въ литературной и устной полемикѣ, на первыхъ порахъ, производила такое подавляющее впечатлѣніе на православныхъ, что они просто приходили въ отчаяніе относительно возможности устоять въ неравной борьбѣ: „по второй и по третьей кратъ напоминаю васъ, пишетъ Курбскій въ письмѣ къ К. Мамоничу, духовныя ради любве, не унывайте, а ни отчаявайтесь; не ужасайтеся тѣхъ—то предреченныхъ софизматовъ"[1]). Мало того: православные вынуждены были даже принимать мѣры, чтобы выпущенное ими то или другое сочиненіе какъ нибудь не попало въ руки ихъ враговъ. Курбскій, посылая львовскому мѣщанину, Семену Сѣдларю, желавшему знать, какъ думалъ І. Златоустъ о чистилищѣ, переведенную самимъ же Курбскимъ бесѣду этого отца на ап. Павла, между прочимъ пишетъ: „А вашей милости прошу: пріими мой сей подарокъ духовный завдячно, и внимай, читаючи себѣ, и услаждайся имъ со правовѣрными восточныхъ церквей, а схизматикомъ онымъ не показуй того, а ни споруйся съ ними: бо зело сварливы и упрямы"[2]). Ясно, что Курбскій, прося Сѣдларя не показывать посылаемой бесѣды св. Златоуста схизматикамъ, боится здѣсь, чтобы какъ нибудь не за-

---

[1]) Сказ. кн. Курбск. С.-Петерб. 1842 г. стр. 265.

[2]) Ibid часть III, стр. 289.

вязался по поводу этой бесѣды споръ, въ которомъ схизматики могутъ оказаться „зело сварливыми и упрямыми". Но сварливость и упрямство вещи далеко не столь опасныя сами по себѣ, чтобы на нихъ нужно было обращать особенное вниманіе и писать по поводу ихъ особое предостереженіе. Очевидно, что Курбскій предостерегаетъ здѣсь отъ того же, относительно чего онъ высказываетъ опасеніе въ своемъ письмѣ къ Кузьмѣ Мамоничу, когда пишетъ къ нему: „совѣтуйте нашимъ, чтобы безъ ученыхъ нашей страны они не сражались съ іезуитами и не ходили къ нимъ на поученія"[1]), т. е. онъ боится здѣсь тогоже самого обстоятельства, которое Феодулъ въ своемъ отвѣтѣ пророчитъ читающимъ сочиненіе Скарги: „воистину кто со сладостію поживати хощетъ оттруется и нагле невѣріемъ здохнетъ"[2]).

Но если въ чисто научномъ отношеніи Зачапка и Отвѣтъ Феодула значительно уступаютъ сочиненію Скарги, то этого никакъ нельзя сказать, если разсматривать ихъ со стороны пригодности для той цѣли, для достиженія которой они предназначались. Хотя такое рѣзкое раздѣленіе этихъ, повидимому, такъ тѣсно связанныхъ между собою сторонъ въ сочиненіи, на первыхъ порахъ, можетъ показаться довольно страннымъ, тѣмъ не менѣе это дѣйствительный фактъ. Дѣло въ томъ, что общій уровень умственнаго развитія современнаго русскаго общества былъ еще на столько низокъ, что всякая попытка произвесть на него болѣе или менѣе значительное вліяніе путемъ исключительнаго воздѣйствія на мысль, или, вообще, на интеллектуальную способность духа, было дѣ-

[1]) Ibid стр. 261.

[2]) Труд. Кіевск. Дух. Ак. 1878 г. май, стр. 110.

ломъ не совсѣмъ надежнымъ. Мысль Герберта Спенсера, что „не идеи управляютъ міромъ и ниспровергаютъ его, а міръ управляется и ниспровергается чувствами, что всякая новая идея, если только она не гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ господствующаго въ данный моментъ въ обществѣ чувства, не принимается этимъ обществомъ, а если и вводится случайно, то тотчасъ же исчезаетъ, какъ только прекращается временный фазисъ чувствъ, обусловливавшій ея появленіе",—эта, говоримъ, мысль по отношенію къ данному случаю имѣетъ полное примѣненіе. Сочиненіе Скарги не могло оказать на православныхъ особенно большаго вліянія не столько потому, что онѣ сознали тенденціозность его аргументаціи, сколько потому, что проводимыя въ этомъ сочиненіи мысли шли въ разрѣзъ съ тѣми чувствами, которыя питалъ каждый современный западно-руссъ ко всему латинскому. Понятно послѣ этого, что всякое православное сочиненіе тѣмъ успѣшнѣе должно было достигать своей цѣли, чѣмъ больше оно заключало въ себѣ элемента, способнаго подогрѣвать чувство вражды и ненависти православныхъ къ латинству. А этотъ-то элементъ въ разсматриваемыхъ православныхъ сочиненіяхъ выступаетъ съ особою силою. Наши полемисты, особенно авторъ Зачапки, не останавливаются ни передъ какими выраженіями, чтобы представить римско-католическую церковь въ темномъ свѣтѣ. О чемъ бы латинскомъ онъ не заговорилъ, о папѣ-ли, о самой ли римской церкви, о мудрости-ли латинской,— слово діаволъ, со всѣми его нравственными аттрибутами, у него почти не сходитъ съ языка. А православнымъ это только и нужно было. Нѣтъ ничего удивительнаго, могли разсуждать православные по прочтеніи Зачапки, что сочиненіе схизматика Скарги написано съ такою

мудростію и убѣдительностію; вѣдь на то чрезъ него говоритъ самъ діаволъ; а развѣ въ изобрѣтеніи средствъ для истребленія истины можетъ быть кто нибудь мудрѣе исконнаго врага истины, самаго отца лжи! Понятно, что человѣкъ, въ головѣ котораго раждались такія мысли, не могъ повѣрить ни единому слову въ сочиненіи Скарги; а если онъ еще не читалъ его, то навѣрное оно и оставалось непрочитаннымъ. А что эти мысли не могли быть чужды большинству православныхъ того времени, это можно было-бы доказать цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ. Здѣсь считаемъ не лишнимъ замѣтить, что указанное соотвѣтствіе между разсматриваемыми двумя православными сочиненіями и настроеніемъ того общества, для котораго они предназначались, произошло не въ силу сознательнаго стремленія авторовъ этихъ сочиненій приспособиться къ запросу времени и среды, а скорѣе вслѣдствіе того, что сами авторы, въ своихъ отношеніяхъ ко всему латинскому, не свободны были отъ тѣхъ мыслей и чувствъ, какія раздѣлялъ и весь современный западно-русскій народъ. Когда вы читаете сочиненіе Скарги, вамъ невольно приходитъ въ голову мысль, что этотъ умный и хитрый іезуитъ во многихъ случаяхъ писалъ не то, въ чемъ самъ былъ убѣжденъ, а то, что считалъ нужнымъ для того, чтобы произвесть желанное впечатлѣніе на извѣстнаго рода читателей. Напротивъ, въ сочиненіяхъ нашихъ полемистовъ все такъ просто и естественно, что о какой бы то ни было маскировкѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Изъ всего видно, что высказываемыя здѣсь мысли были не только продуманы, но и прочувствованы авторами; вы чувствуете, что духъ отрицанія и нетерпимости, доходящій въ Зачапкѣ нерѣдко до полнаго фанатизма, вырывается непосредственно изъ груди са-

маго автора. Это опять новая сторона въ сочиненіяхъ нашихъ полемистовъ, которая должна была способствовать усиленію ихъ вліянія на православныхъ, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что оба эти полемиста жили на Аѳонѣ, который въ глазахъ русскаго народа всегда окружался ореоломъ высшей святости, и подвижники котораго всегда пользовались глубокимъ авторитетомъ. Къ сожалѣнію, оба эти сочиненія почему-то не появились въ печати, что, конечно, должно было препятствовать ихъ успѣшному распространенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшать ихъ практическое значеніе. Есть даже основаніе думать, что извѣстность ихъ была совершенно ничтожна. На это, повидимому, дѣлается намекъ въ Ѳриносѣ Мелетія Смотрицкаго. Указавъ на разнаго рода компрометирующіе православную церковь недостатки, которые навязывались ей различными латино уніятскими полемистами и въ томъ числѣ и Скаргой, авторъ отъ лица церкви обращается къ русскому народу и спрашиваетъ его: „спрашиваю, зачѣмъ на столь великія и неслыханныя сплетни отмалчиваетесь? Зачѣмъ оболганные—не оправдываетесь? Почему оклеветанные нерадѣете? Слыша не слышите, видя не видите, и какъ будто это менѣе всего васъ касалось,—мимо себя пускаете“ [1]).

Не оставлена была безъ отвѣта и вышеуказанная брошюра Бенедикта Гербеста „Выводы вѣры римскаго костела“. Въ 1587 году, по всей вѣроятности, въ Острогѣ, издано было прямо направленное противъ этой брошюры православное сочиненіе „Ключъ Царства Не-

---

[1]) Стр. 28.

беснаго"[1]). Замѣчательно, что и этотъ православный полемистъ, подобно авторамъ „Зачапки" и „Отвѣта Ѳеодула", почти совершенно не касается историческаго отдѣла въ сочиненіи своего противника, не смотря на то, что этотъ отдѣлъ какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, составляетъ основное ядро сочиненія; „тутъ только самый початокъ и конецъ книжокъ предъ написаныхъ в коротце ся припомянуло, а што в средку писано, тее ся занехало"[2]). И вообще, авторъ даже не ставитъ своею задачею вести ученую полемику съ своимъ противникомъ, потому что гдѣ же „плохому и голому за сбройного рыцера воевати, а простаку неученому, за мудрого оратора отповедати"[3]). Но оскорбленный ничѣмъ недоказываемымъ, совершенно голословнымъ приговоромъ Гербеста надъ православными, гдѣ онъ говоритъ о нихъ, „же не маютъ розуму, памяти и доброе воли", прибавляя къ этому „глупство и блуды"[4]), нашъ полемистъ считаетъ своимъ долгомъ обличить „чор-

---

[1]) Указаніе на годъ изданія находится въ самомъ сочиненіи. Именно, въ „предмовѣ до народовъ русскихъ," читаемъ: „Поневажъ у книжце своей (т. е. въ брошюрѣ Гербеста) *такъ рокъ Львове въ твореной* выѣхалъ на пляцъ зъ выводами вѣры костела римскаго." (Малышевскій „Александр. патр. Мелетій Пигасъ, II, приложеніе III, стр. 106); а такъ какъ брошюра Гербеста вышла въ 1586 году, то, слѣдовательно, „Ключъ царства небеснаго" изданъ былъ въ 1587 году. Сочиненіе это напечатано при книгѣ Малышевскаго: „Александр. патріархъ Мелетій Пигасъ", въ III прил. ко второму тому, стр. 101—133.

[2]) Ibid. стр. 109

[3]) Ibid. стр. 107.

[4]) Ibid. стр. 109.

топодобную гордость и буйство" врага православія. Трактату, составляющему самое сочиненіе, авторъ предпосылаетъ „*посвященіе*" Александру Константиновичу Острожскому и „*предисловіе*", написанное въ формѣ обращенія къ русскому народу. Въ посвященіи напоминается юному князю о знатности его происхожденія, съ которою обязательно должна соединяться и высота призванія и подается совѣтъ разумно пользоваться своими молодыми годами и твердо держаться вѣры предковъ, особенно въ такое время, когда погоня за новизною сдѣлалась повальною болѣзнію и когда стремленіе проникнуть въ глубины таинства церковныхъ догматовъ овладѣло не только мужчинами, но и „*бѣлыми головами*, которымъ призвоитша бы куделя з веретеномъ, а нижли тое, што писано перомъ".—Въ обращеніи къ русскому народу авторъ сначала констатируетъ фактъ усиленной дѣятельности въ его время латинской пропаганды среди православныхъ, упрекаетъ послѣднихъ въ невнимательномъ отношеніи къ принятію мѣръ для парализированія дѣйствій этой пропаганды, что, между прочимъ, вынудило его „неучонаго простака" взяться отвѣчать „мудрому оратору", сочиненіе котораго: „выводы вѣры костела римскаго" православными обойдено молчаніемъ; указываетъ, далѣе, на всеобщую шаткость убѣжденій и непостоянство въ вѣрѣ, для уврачеванія чего умоляетъ внимательно прочитать коротко, но правдиво написанное его небольшое сочиненіе; наконецъ, общо, но мѣтко, выставляетъ на видъ тенденціозность своего противника, который, посредствомъ недобросовѣстной подтасовки фактовъ, старается вознести до небесъ римскаго папу и какъ можно больше унизить грековъ и ихъ единовѣрцевъ, низводя тѣхъ и другихъ на степень еретиковъ.

Далѣе слѣдуетъ уже самое сочиненіе, состоящее изъ двухъ трактатовъ; 1) „Ключъ царства небеснаго и нашее христіанское духовное власти нерешимый узелъ" и 2) „Календарь римскій новый". Въ первомъ трактатѣ авторъ, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ новозавѣтнаго Св. Писанія, доказываетъ принципъ соборности церковнаго управленія, останавливается на извѣстной идеи іерархическаго пентархизма въ церковномъ управленіи и совершенно правильно устанавливаетъ ея отношеніе къ принципу соборности, наконецъ, даетъ правильное толкованіе факта внѣшняго бѣдственнаго состоянія членовъ какъ греческой, такъ и западно-русской церкви, что, обыкновенно, латино-уніаты выставляли какъ доказательство гнѣва Божія за допущенныя якобы этими церквами заблужденія въ вѣрѣ. Въ трактатѣ о новомъ календарѣ авторъ, главнымъ образомъ, останавливается на тѣхъ разнаго рода неурядицахъ, которыми наполнилась семейная и церковно-общественная жизнь вслѣдствіе введенія новаго календаря, а въ концѣ коротко разсматриваетъ нѣкоторые изъ пунктовъ разногласія между римскою и греко-восточною церквами.

Разсмотрѣнный трактатъ не можетъ быть названъ ученымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ больше напоминаетъ собою написанную въ популярной формѣ публицистическую статью, чѣмъ ученое сочиненіе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, онъ отличается несомнѣнными достоинствами. Хотя авторъ называетъ себя „неученымъ простакомъ", что можетъ быть и вѣрно относительно его познаній въ специально церковно-исторической области, но тѣмъ не менѣе со стороны общаго своего развитія онъ стоитъ несравненно выше какого нибудь ав-

тора Зачапки. Широта и трезвость взгляда, способность къ тонкому анализу, легкость изложенія, по мѣстамъ живой, невольно вызывающій въ читателѣ улыбку, юморъ,—все это заставляетъ отнести этотъ небольшой трактатъ къ числу лучшихъ памятниковъ нашей перво начальной полемики.

V.

На ряду съ литературой, непосредственно посвящавшейся обсужденію вопроса объ уніи, спорившими сторонами выпускались и такія сочиненія, въ которыхъ тѣже самыя тенденціи проводились сравнительно окольнымъ путемъ. Мы имѣемъ въ виду литературу, спеціально посвященную разработкѣ вопроса о догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ между восточною церковью съ одной стороны и западной церковью и разными протестантскими сектами — съ другой. Фактъ появленія литературы этого рода стоитъ въ непосредственной связи съ обсужденіемъ вопроса объ условіяхъ предполагавшагося соединенія церквей. И такъ какъ этотъ вопросъ, по совершенно понятной причинѣ, всегда долженъ былъ возникать, какъ только заходила рѣчь о самой уніи, и такъ какъ самую видную роль въ этомъ вопросѣ, естественно, должны были играть догматико-обрядовыя особенности въ исповѣданіи церквей; то понятно, что на ряду съ сочиненіями, спеціально посвященными обсужденію вопроса о самой уніи, должны были появляться и сочиненія тоже спеціально посвященныя вопросу о догматико-обрядовыхъ разностяхъ. Литература этого рода касалась, главнымъ образомъ, слѣдующихъ частныхъ вопросовъ: объ

исхожденіи Св. Духа, о главенствѣ римскаго папы, о чистилищѣ, о прѣсномъ и квасномъ хлѣбѣ въ евхаристіи, о постѣ, о формѣ причащенія міряиъ, о крестномъ знаменіи, объ употребленіи иконъ, о новомъ календарѣ и многихъ другихъ пунктовъ, въ которыхъ различались между собою церкви. Почти всѣ эти вопросы, какъ служившіе въ свое время предметомъ споровъ между греками и латинянами, имѣли свою богатую литературу, которая теперь и эксплуатировалась новыми полемистами. Что же касается въ частности вопроса о новомъ календарѣ, то онъ, будучи вызванъ оппозиціей, какую встрѣтило это нововведеніе по преимуществу со стороны православной церкви, до тѣхъ поръ не переставалъ останавливать на себѣ вниманіе полемистовъ, пока нововводители окончательно не примирились съ мыслію о невозможности преодолѣть твердость православныхъ. А такъ какъ это совершилось не скоро, то полемика по этому вопросу, начавшаяся съ конца XVI вѣка, т. е., непосредственно послѣ самаго факта введенія (1582 г.), перешла и въ XVII в. и вслѣдствіе тогдашняго обыкновенія переводить чисто научные вопросы на религіозную почву, сама собою не могла придти къ какимъ нибудь конечнымъ результатамъ. Здѣсь считаемъ нужнымъ замѣтить, что раздѣляя между собою указанные два рода разсматриваемой полемики, мы этимъ не хотимъ сказать, что между ними и въ дѣйствительности всегда существовала рѣзкая граница. Въ виду единства преслѣдовавшейся въ нихъ цѣли, это было положительно невозможно. Прежде всего вопросъ о главенствѣ папы, всегда фигурировавшій на первомъ мѣстѣ въ сочиненіяхъ, непосредственно посвящавшихся вопросу объ уніи, какъ составлявшій одну изъ разностей въ ученіи предназначавшихся къ соединенію

12

церквей, обязательно становился предметомъ изслѣдованія и въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя спеціально посвящались разсмотрѣнію догматическихъ и обрядовыхъ разностей. Далѣе, почти во всѣхъ полемическихъ памятникахъ перваго рода, въ связи ли съ общимъ обзоромъ исторіи отношенія между восточною и западною церквами, или просто въ формѣ сухаго перечня, сопровождавшагося незначительными замѣтками, затрогивались и нѣкоторые пункты церковнаго разногласія, составлявшіе предметъ спеціальнаго изслѣдованія сочиненій втораго рода. Съ другой стороны, въ памятникахъ литературы этого послѣдняго рода, частію въ предисловіяхъ, частію въ послѣсловіяхъ, частію, въ общемъ освѣщеніи всего сочиненія, проводилась тенденція, развитіе которой спеціально брала на себя полемика перваго рода. Но изъ указаннаго сходства между памятниками того и другаго рода ясно видно, что между ними существуетъ и значительное различіе, которое позволяетъ намъ, въ виду удобства изложенія, разсматривать ихъ отдѣльно.

Между памятниками полемической литературы этого втораго рода прежде всего обращаетъ на себя вниманіе напечатанное въ 1588 году[1]) въ Острогѣ православное сочиненіе „О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало при-

---

[1]) Кромѣ прямой даты, выставленной въ концѣ трактата „О пременении дней и праздниковъ", въ самомъ содержаніи „Книжицы" есть указаніе на то, что она написана была въ 1588 году. Такъ, въ началѣ указаннаго трактата, авторъ даетъ обѣщаніе коснуться „книжокъ казанья нѣякого Станислава Млодецкаго, которое онъ чинилъ в року теперь близко прошломъ осмъ десятъ седмомъ, у мѣстѣ Виленскомъ, въ костеле светого Яна" (стр. 4 на обор.).

няла и како повсюду распростреся"[1]). Заглавіе это относится только къ первому трактату и поэтому въ литературѣ оно больше извѣстно подъ названіемъ „Книжицы клирика Острожскаго Василія", какъ называетъ себя въ сочиненіи самъ авторъ. Предметъ и цѣль „Книжицы" стоитъ въ тѣсной связи съ особенностями того историческаго момента, который переживало современное западно-русское православное общество. Это было время, когда восьмидесятые годы XVI ст. приходили къ концу, когда навербованные среди православныхъ сторонники уніи уже сами начинали помышлять о приведеніи своихъ затѣй къ концу и о превращеніи ихъ въ дѣйствительный фактъ. Въ тоже время это былъ моментъ, когда, выражаясь словами З. Копыстенскаго, „совы окончательно убѣдились, же того свѣта (т. е. охватившаго всю Русь духовно-нравственнаго возрожденія) знести не могутъ, якъ въ двоеженствѣ, такъ и нерядной распустѣ порочніи"...[2]); вообще, то было время очищенія русскаго церковно-общественнаго организма отъ проникшей внутрь его плѣсени, которая образовалась въ теченіи вѣковаго мертвеннаго его состоянія подъ вліяніемъ вѣянія разнаго рода заразительныхъ вѣтровъ. А извѣстно, что всѣ подобнаго рода процессы неминуемо сопровождаются сильнымъ внутреннимъ броженіемъ всего организма, которое происходитъ уже въ силу того одного обстоятельства, что отпадающая гнилая часть не можетъ сразу изолироваться отъ своего цѣлаго, а вслѣдствіе прежней тѣсной связи съ нимъ, при своемъ выдѣленіи, необходимо тормозитъ смежныя съ собою болѣе здоровыя его

---

[1]) Напечатано въ Русск. истор. биб., во второй кн. Памятн. полемич. литер. въ Запад. Руси стр. 601—938.

[2]) Столб. 1059.

части, какъ бы стараясь увлечь ихъ за собою. Съ другой стороны, теперь наступалъ тотъ моментъ, когда уже сильно волновалось все, что только было мыслящаго въ обществѣ. „Теперь, свидѣтельствуетъ авторъ сочиненія „Ключъ Царства Небеснаго", вышедшаго въ свѣтъ за годъ предъ изданіемъ „Книжицы" клирика Острожскаго, „не только мужчины, але изъ бѣлыхъ головъ (т. е. женщины) нѣкоторые хотятъ вѣдати глубокости писма, таемницы догматъ церковныхъ, которымъ призвоитша бы куделя з веретеномъ, а нижли тое, што писано перомъ"[1]. А между тѣмъ извѣстно, что одной пытливости ума недостаточно для ознакомленія съ интересующимъ насъ предметомъ; для этого еще нужно положительное знаніе. Но откуда было его взять? Православные учители не могли дать его, потому что сами не имѣли, и народъ, чтобы удовлетворить появившейся у него потребности, охотно прислушивался ко всему тому, что только могъ отъ кого бы-то ни было услышать по интересующему его предмету; а услышать въ то время со всѣхъ сторонъ онъ могъ много такого, что далеко не говорило въ пользу той церкви, къ которой онъ принадлежалъ. „Многіе учители костела римскаго, говоритъ тотъ же современникъ, особенно въ наше время, подобно соловьямъ, съ церковныхъ каѳедръ, равно какъ и въ сочиненіяхъ съ типографскихъ станковъ, многими, оказывающими дѣйствіе, средствами, съ великимъ тщаніемъ и усиленнымъ стараніемъ, минуя тѣхъ изъ своихъ, которые, узнавъ коекакія непристойности въ своемъ костелѣ, отступили отъ него, обращаются къ вамъ, русскій народъ, и различными формами и способами превозносятъ славу, святость,

[1]) Малышевскій. Ibid. прилож. III стр. 103.

могущество и верховность надъ всѣми подъ небомъ своихъ римскихъ папъ и установленные ими законы и вѣру. Вашихъ же греческихъ патріарховъ и содержимую ими вѣру и законъ, вмѣстѣ съ вами, уподобляя полувѣрію, глупости и расколу, въ вашихъ глазахъ топчутъ ногами, а васъ призываютъ къ единенію съ собою... Теперь (православная церковь) вмѣсто того, чтобы питать надежду, наслаждаться радостями и утѣхами, жалостно нарекаетъ и много-слезно плачетъ: по однихъ,—потому что отступили отъ нея, по другихъ — потому что объ этомъ нерадѣютъ, да и вообще, всѣ мало помнятъ о своемъ долгѣ, различными способами колеблясь въ вѣрѣ, подражая одинъ другому въ слабости и злыхъ поступкахъ" [1]).

Но кромѣ такой энергической дѣятельности римско-католической пропаганды, въ это же время шла не менѣе усиленная пропаганда среди православныхъ различныхъ протестантскихъ сектъ, оказывавшая по мѣстамъ значительные успѣхи [2]). Прекрасную характеристику современнаго положенія дѣлъ съ разсматриваемой стороны находимъ въ вышедшемъ въ 1595 году уніятскомъ сочиненіи „Унія Грековъ съ костеломъ римскимъ". „Въ настоящее несчастное время, говоритъ авторъ, когда разнаго рода ересей намножилось, большое стараніе (къ совращенію) принимаютъ даже и тѣ, которые не къ спасенію, а къ вѣчной погибели овцы Христовы изъ истинной овчарни въ свои пустыни выводятъ, и въ этомъ имъ

---

[1]) Ibid. стр. 105 и 107.

[2]) Скарга, Synod Brzeski, см. Кіевск. изд. Апокрисиса Филалета (1870 г.) стр. 409 - 410. Αντιρρησις, стр. 72, 77, 170, въ Вильнѣ, 1600 г.

не какъ нибудь везетъ, потому что не по одной, а цѣлыми массами, расхищая стадо Христово, въ свое плюгавое стойбище (обора) загоняютъ. А овцы, будучи слабой природы, безъ размышленія, слѣпо, какъ глупыя, подражая своимъ пастырямъ, вслѣдъ за ними бѣгутъ на свою погибель за волками. Старшіе же пастыри, которые призваны за этимъ слѣдить и ставить распространенію столь большаго зла преграды—совѣтомъ-ли то, наукою-ли, или своими сочиненіями,— вовсе объ этомъ не заботятся, и, право, добровольно стадо Христово отдаютъ на закланіе... И вотъ овцы, выйдя изъ своей овчарни и блуждая по пустыни, кто бы не натолкнулся, — будетъ ли то лютеранинъ, кальвинистъ или аріанинъ — евіонитъ (ебіонъ), или новокрещенецъ (нурокъ), не обращая вниманія на то, пастырь-ли онъ, или волкъ, сбившись съ пути, пристаютъ къ нему. Другія же, болѣе умныя, чтобы избѣжать волковъ, минуя своихъ пастырей, пристаютъ къ чужимъ, видя ихъ добрыя дѣла и лучшій порядокъ"[1]). Это-то положеніе дѣлъ и вынудило клирика Острожскаго взяться за перо. Въ одномъ изъ трактатовъ своей „Книжицы", изъясняя поводъ, побудившій его коснуться извѣстнаго предмета, онъ говоритъ: „понеже бо въ нинешнее многомятежное время, зряще церковь Христову чистою кровію его искупленную, отъ всюду различныхъ вѣтровъ волненіемъ колеблему и многихъ з насъ разслабленныхъ душами и не твердыхъ вѣрою, въ прелести зловѣріа уклоняющихся, сего ради" и проч... Эту же мысль онъ высказываетъ и въ общемъ предисловіи къ

---

[1]) Русск. Истор. библіот.; Памятн. полем. литер. въ Запад. Руси, кн. II, стр. 113—114.

„Книжицѣ“ [1]). Защитить православную церковь отъ этого колебанія ея различными вѣтрами и было прямою цѣлію клирика Василія, которую онъ и преслѣдуетъ въ своей „Книжицѣ“. И такъ какъ этими колеблющими вѣтрами были „прелѣсти зловѣрія“, въ которыя православные совершенно невинно, и, можетъ быть, даже не подозрѣвая этого, — „отъ невѣденія“, какъ выражается самъ клирикъ, уклонялись подъ вліяніемъ пропаганды латинянъ и протестантовъ; то авторъ книжицы и обращаетъ свое вниманіе на тѣ догматическія и обрядовыя особенности этихъ двухъ церквей, ученіемъ о которыхъ проповѣдники послѣднихъ спѣшили, если можно такъ выразиться, начинить образовавшуюся пустоту въ головахъ православныхъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ православному полемисту было не до Скарги или кого-бы то ни было отдѣльнаго писателя противной стороны: его вниманіе должны были привлекать къ себѣ всѣ тѣ неправославныя мнѣнія, которыя въ различное время, различными лицами и различными путями распространялись среди православныхъ, и которыя въ описываемое время могли сдѣлаться, такъ сказать, ходячими въ народѣ. Ему предстояла не легкая задача разобрать всѣ эти мнѣнія, показать ихъ несостоятельность и, такимъ образомъ, очистить ученіе православной церкви отъ начавшихъ вкрадываться въ него заблужденій: „потреба, говоритъ авторъ въ предисловіи къ „Книжицѣ“, спочатку взявши, ажъ до конца доволне выправить,—іедину, істинную вѣру показать; а змысленые всѣ отщепенства, яко прелестные и облудные, обнажить и обличить“ [2]).

---

[1]) Книжица клир. Острожск. стр. 4.
[2]) Ibid. стр. 1.

Вся „Книжица“ клирика состоитъ изъ шести главныхъ трактатовъ, которымъ предшествуетъ одно общее предисловіе. „Тѣ, которые просвѣщены божественнымъ писаніемъ, говорится между прочимъ въ предисловіи, и которые прелесть діавольскую узнали и мрачныхъ лукавыхъ сѣтей его избѣжали, не могутъ не преподать совѣта другимъ, чтобы они, какъ нибудь по невѣдѣнію, не впали въ пагубныя ереси и не лишились своего спасенія“. Вотъ и авторъ, движимый этимъ чувствомъ, счелъ нужнымъ предложить кое что объ истинной вѣрѣ. Такъ какъ есть только одинъ истинный Богъ, то и вѣра истинная можетъ быть только одна, и какъ всякая ложь есть отступленіе отъ истины, такъ и всѣ ереси суть простое искаженіе истинной вѣры. Но подобно тому, какъ тьма, при появленіи свѣта разсѣявается, такъ и ереси, будучи обличены отъ истинной вѣры, исчезаютъ. Въ заключеніе предисловія авторъ заявляетъ, что свое сочиненіе онъ посвящаетъ собственно „присным въ вѣрѣ православнымъ христіанамъ, да не отъ невѣденія нѣцыи прелестію вражіею у того волю уловлены будутъ“. За предисловіемъ слѣдуетъ самый трактатъ — 1) *О единой вѣрѣ.* Направляя мысль противъ тенденціи латинянъ поставить Римъ центромъ всего христіанскаго міра, авторъ, при помощи богатаго подбора различныхъ мѣстъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, доказываетъ, что начало истинной вѣры положено не въ какомъ нибудь иномъ мѣстѣ, а въ Іерусалимѣ, и что здѣсь же совершается и утверждается основаніе и созиданіе святой, непорочной, апостольской церкви, что Іерусалимская церковь была источникомъ распространившейся по всей вселенной православной вѣры и матерью всѣхъ церквей, что изъ этого города приняли вѣру и науку народы всѣхъ язы-

ковъ, что, наконецъ, въ Іерусалимѣ совершился цѣлый рядъ событій изъ земной жизни І. Христа. Все это ясно даетъ понять, что единая истинная восточная церковь изъ Іерусалима привита, наполнена вѣрой и непреложно содержится, и что всѣ остальныя вѣры блудливы, суетны, исполнены прелестей... Поэтому-то всѣ, которые отрываются отъ единой истинной вѣры, имѣщей свой источникъ въ Іерусалимѣ, чужды божественной благодати и не причастны Св. Духа и такого рода людей православнымъ христіанамъ всячески слѣдуетъ чуждаться. Внѣшнее же униженное состояніе восточной церкви не только ничего не говоритъ противъ нея, напротивъ это есть лучшее доказательство ея истинности, потому что царство Христово не отъ міра сего.... Далѣе слѣдуетъ что-то въ родѣ отдѣльнаго прибавленія къ этому трактату, гдѣ авторъ доказываетъ, что кромѣ указанной имъ вѣры, исповѣдующей единаго истиннаго Бога въ трехъ ѵпостасяхъ, другой истинной вѣры не было, нѣтъ и быть не можетъ. Второй трактатъ „Книжицы" посвященъ вопросу—II) „*Объ исхожденіи Св. Духа*". Въ предисловіи къ этому трактату авторъ, указавъ на непостижимость для ограниченнаго человѣческаго разума глубины таинства этого догмата, заявляетъ, что самъ онъ „не смѣетъ таковыхъ неизреченныхъ и непостижимыхъ касатися" и что предлагаемый трудъ написанъ имъ „не отъ своихъ умышленій", но есть „заимствованіе" отъ писаній нѣкоихъ трудолюбивыхъ старецъ, въ духовномъ любомудріи воспитаныхъ, паче же отъ Максима, инока, святыа Аѳонскыа горы сожителя". Такимъ образомъ, этотъ трактатъ, по сознанію самаго автора, есть простая компиляція. И, дѣйствительно, въ основу здѣсь положено напечатанное впослѣдствіи при „Книгѣ о вѣрѣ" Азаріи,

кіевскаго изданія, сочиненіе Максима Грека, которое въ этомъ трактатѣ приводится частію дословно, частію въ передѣлкѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы авторъ рабски слѣдовалъ своимъ авторитетамъ; по мѣстамъ онъ совершенно свободно относится къ дѣлу: такъ, напримѣръ, онъ полемизируетъ противъ сочиненія Скарги „О единствѣ церкви“ [1]) и противъ „Выводовъ вѣры“ Б. Гербеста [2]). Въ третьемъ трактатѣ разсматривается вопросъ — III) „*О первенствѣ римскомъ и о старшинствѣ ихъ епископа*“. Этотъ трактатъ, гдѣ авторъ разсматриваетъ съ обыкновенной православной точки зрѣнія вопросъ о главенствѣ папы, тоже не весь принадлежитъ клирику. Именно, имъ сдѣланы двѣ довольно значительныя вставки: „*Посланіе Варлаама Калаврійскаго къ нѣкоему Францишку, учителю римской церкви, о первенствѣ папы*“ [3]) *и* „*Сказаніе въ кратцѣ отъ лѣтописца, сирѣчь — отъ кройники, о латынѣхъ, како отступиша отъ православныхъ патріархъ, и извержены быша отъ первенства своего и отъ книгъ поминныхъ, и о иконоборныхъ царехъ въ Константинѣ*

---

[1]) Русск. Истор. библ., втор. кн. Памят. полем. литер. въ Зап. Руси, стр. 724, 726.

[2]) Ibid стр. 726.

[3]) Варлаамъ родомъ изъ Калабріи, монахъ Базиліянскаго ордена (процвѣталъ около 1370 г.). Воспитанный первоначально въ латинскомъ духѣ, онъ сочувствовалъ Латинянамъ въ ихъ воззрѣніяхъ на Грековъ; но потомъ перешелъ на сторону Грековъ и съ ожесточеніемъ началъ громить Латинянъ. Большинство его сочиненій, написанныхъ какъ за, такъ и противъ латинянъ, посвящены разбору двухъ вопросовъ: 1. о главенствѣ римскаго папы и преимуществахъ римской каѳедры и 2. объ исхожденіи Св. Духа. Къ числу

градъ царствовавшихъ еретицкихъ" [1]). Четвертый трактатъ посвященъ вопросу.—IV) *О нѣкоторыхъ разностяхъ въ ученіи между восточною и западною церквами*, гдѣ говорится: а) „объ опрѣснокахъ и агнцѣ, которые предназначены были служить для іудеевъ прообразомъ вольнаго страданія и распятія Христова за наши грѣхи и объ истинномъ причащеніи божественнаго тѣла

первыхъ принадлежатъ: 1. *Liber contra Primatum Papae*, a Ioanne Luido primum Gr. Lat. editus Oxoniae 1592, 4, 2. *Epistolae II ad amicos in Graecia constitutos de primatu Ecclesiae Romanae.* Lat. apud. Bzovium ad an. 1331, § 13; 3. Tractatus duo de primatu Papae (Scriptorum ecclesiasticorum Historia Literaria. Guil Cave p. 33 A.

[1]) Это сказаніе, по мнѣнію г. Лилова, есть переводъ съ греческаго, сдѣланный въ отдаленнѣйшее время. На эту мысль наводятъ его слѣдующія данныя: а) въ рукописныхъ сборникахъ, въ которыхъ передается это сказаніе (напр. въ рукоп. Сол. № 606), на поляхъ попадаются въ различныхъ мѣстахъ слѣдующія замѣтки: *изъ кроники греческой, или лѣтописецъ греческій*; б) у Льва Аллація приводится нѣсколько отрывковъ на греческомъ языкѣ, буквальный переводъ которыхъ иногда попадается въ этомъ сказаніи. Подлинный греческій текстъ его, по всей вѣроятности, не сохранился. Переводный текстъ можно встрѣтить въ разнаго рода славянскихъ сборникахъ, въ хронографахъ и въ Кормчихъ. При одинаковости содержанія, изложеніе въ разныхъ кодексахъ очень разнообразно, въ иныхъ-короче, въ другихъ—обширнѣе. Текстъ „Книжицы" пр иводятся по болѣе краткому списку, чѣмъ напр., въ соловецкомъ хронографѣ (№ 51), по крайней мѣрѣ, это несомнѣнно относительно разсказа о Петрѣ Гугнивомъ. Содержаніе этого сказанія переполнено самыми грубыми искаженіями исторіи и ошибками, что г. Лиловъ объясняетъ небрежностію и произволомъ переписчиковъ (О такъ называемой Кириловой книгѣ. Казань. 1858 г).

Христова и животворящей крови Его; в) „О субботнемъ постѣ — на основаніи правилъ“, с) „О возпошеніи совершенпой службы, иначе — божественной литургіи, и именно о томъ, что не слѣдуетъ совершать ее во всѣ дни великаго поста“, д) „о бракѣ, т. е. о женитбѣ пресвитеровъ и діаконовъ“, е) „о нѣкоемъ чистилищѣ, которое римляне называютъ „purgatorium“. Въ этомъ трактатѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе отдѣлъ о чистилищѣ. Возставая противъ этого пункта въ ученіи римский церкви, авторъ, повидимому, впадаетъ въ другую крайность. Выходя изъ того чисто — православнаго взгляда, что послѣ смерти „время покаянію нѣсть“ и что, по смыслу притчи о богатомъ и Лазарѣ, „душа умершыхъ кааждо абіе (тотчасъ) постигла мѣста своего, ова убо геену, ова же нѣдра Авраамля, и яже посредѣ имать утвержденная пропасть веліа, возбраняющая имъ ляже другъ къ другу стремленіе“, авторъ, повидимому, не считалъ возможнымъ примирить съ такимъ взглядомъ ученіе православной церкви о значеніи молитвъ за усопшихъ. Отвѣчая на ходячее въ то время возраженіе латинянъ, что „если пуркгаторіи хто не вѣруетъ, тогда напрасны за усопшихъ молитвы и жертвы приносятъ“ [1]), авторъ доказываетъ, что совершаемыя поминовенія умершихъ имѣютъ значеніе собственно для поминающихъ: благочестивыя собранія въ память усопшихъ, разсуждаетъ онъ, напоминая каждому конецъ его собственной жизни и дѣла усопшаго, дѣлаютъ его цѣломудреннѣе. Даже раздача имѣнія умершихъ нищимъ,

---

[1]) „Унія“ Памятники полемич: литер. въ Зап. Руси кн. II, стр. 130; см. также „Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ“. 1603 г. Ibid. стр. 58, вопросъ 28.

по его мнѣнію, приноситъ нравственную пользу собственно раздающимъ, такъ какъ „раздавати нищимъ полезнѣе, нежели въ сластолюбіи оставившымъ е изживати". Впрочемъ, осторожность, съ какою выражена въ „Книжицѣ" разсматриваемая мысль, показываетъ, что клирикъ какъ будто стѣснялся категорически, въ рѣзко опредѣленной формѣ, отвергнуть признаваемое православною церковію вѣрованіе, что „превеликая будетъ польза душамъ, о нихъ же моленіе возносится, егда жертва" и пр.. но тѣмъ не менѣе контекстъ рѣчи не позволяетъ сомнѣваться въ такомъ его воззрѣніи. Что такой взглядъ могъ раздѣляться нѣкоторыми изъ православныхъ современниковъ, это совершенно правдоподобно: авторъ вышеупомянутаго сочиненія „Унія", въ трактатѣ о чистилищѣ, прямо укоряетъ православныхъ, что они „твердятъ, ижъ чистца нѣтъ, а затымъ и памети, и молитвы, и припошенія за умерлыхъ быти прожніи, повѣдаютъ" [1]). Но что этотъ взглядъ не былъ всеобщимъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ сочиненій ближайшихъ православныхъ современниковъ клирика Василія. Такъ, напр., въ вышедшемъ въ 1603 году сочиненіи „Вопросы и отвѣты православному зъ папежникомъ" прямо говорится, что мы „для того-жъ за умершихъ молимося и милостиню чинимо..., абы тымъ передъ декретомъ судію ублагати" [2]). Таже самая мысль и почти тѣми же словами высказывается и въ вышедшемъ въ 1608 году православномъ сочиненіи „Antigrafi" [3]). Въ пятомъ трактатѣ, написанномъ по поводу

---

[1]) Втор. кн. Памятн. полемич. литер. въ Зап. Руси стр. 130.

[2]) Ibid. стр. 60.

[3]) Antigrafi стр. 64 об. и 65.

введенія новаго календаря, подробно говорится—V) *„объ измѣненіи дней и праздниковъ“* [1]) и наконецъ въ шестомъ —VI) a) *„о святыхъ храмахъ“* и b) *„объ иконахъ“* [2]).

Такимъ образомъ, въ этомъ довольно значительномъ трудѣ затронуты и посильно рѣшены почти всѣ важнѣйшіе вопросы, которые въ разсматриваемое время мо-

---

[1]) Въ концѣ этого трактата, направленнаго противъ введенія новаго календаря, помѣщена „таблица, или ключъ, на обрѣтеніе пасхи христіанское отъ святѣйшихъ патріархъ константинопольскаго, и александрійскаго, къ благочестивому христіанскому князю Константину Острожскому, воеводѣ Кіевскому, съ епистоліею принесена бысть въ лѣто отъ созданія мира 7091, индикта 7, круга солнечнаго 7, а луннаго 3; западнымъ же пишуще отъ плоти рождества Господня лѣта 1583, мѣсяца Генваря 28“.

[2]) Мы сказали, что всѣ вопросы, которыхъ касается Клирикъ въ своей „Книжицѣ“ были ходячими въ описываемое время. Въ отношеніи къ послѣднимъ двумъ пунктамъ это можетъ показаться невѣроятнымъ. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, повѣрить, чтобы неразвитый народъ, у котораго внѣшность въ религіи играетъ первостепенную роль, могъ сомнѣваться въ необходимости почитанія храмовъ и иконъ, на чемъ настаиваетъ клирикъ въ послѣднихъ двухъ трактатахъ своей „Книжицы“. Но въ этомъ-то и заключается характеристическая особенность тогдашняго состоянія общества, состоянія, которое мы назвали „броженіемъ умовъ“ и которое клирикъ Острожскій называетъ „разслабленіемъ душъ“, происходящимъ отъ колебанія церкви волненіемъ различныхъ вѣтровъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, фактъ распространенія среди православныхъ вольнодумствъ съ протестанскимъ душкомъ несомнѣненъ и находитъ себѣ подтвержденіе у другихъ современныхъ писателей. Такъ, І. Вишенскій въ первомъ своемъ посланіи находитъ нужнымъ увѣщевать православныхъ „иконное поклоненіе съ учтивостію почитать,

гли быть предметомъ горячихъ споровъ и въ разрѣшеніи которыхъ существенно нуждались члены православной церкви. Что касается внутренняго достоинства „Книжицы“ клирика Василія, то съ этой стороны о ней можно сказать только то, что, будучи однимъ изъ первыхъ памятниковъ православной полемики за описываемое время, она въ то же время есть и самый лучшій памятникъ этого времени. Правда, въ ней можно встрѣтить много такого, что свидѣтельствуетъ о слабости общей научной подготовки въ авторѣ; но этотъ недостатокъ въ значительной степени искупается другими достоинствами, напр., хорошимъ знакомствомъ съ Священнымъ Писаніемъ, богатый подборъ мѣстъ изъ котораго часто замѣняетъ недостатки научнаго пріема.

Клирикъ Острожскій, приготовляя къ выпуску въ свѣтъ свою „Книжицу“, направляемую противъ внѣшнихъ враговъ православной церкви, вѣроятно, и не подозрѣвалъ того, что уже въ нѣдрахъ послѣдней, въ средѣ ея же собственныхъ членовъ, существовали не менѣе опасные враги. Дѣйствительно, изъ сохранившагося письма тогдашняго бискупа Луцкаго Бернарда Маціевскаго (отъ 22 августа 1588 г.) къ папскому нунцію въ Польшѣ, неаполитанскому архіепископу Аннибалу, видно, что уже въ 1588 году брестскій судья, Адамъ Поцѣй, впослѣдствіи епископъ Владимірскій Ипатій, серьезно помышлялъ о приведеніи западно-русской право-

---

креетомъ Христовымъ до церкви пришедши креститися, *не стыдясь Латины и еретиковъ* (протестантовъ).... до церкви на правило церковное ходить, ни прилагающе отъ своего умысла что, ни отъимающе безстудіемъ, ни раздирающе мнѣніемъ (Акт. юго-Зап. Р. т. II стр. 209).

славной церкви въ подчиненіе римскаго престола [1]). Съ этого-то времени въ средѣ православныхъ и, именно, въ средѣ высшей іерархіи, мало по малу начинаетъ выдѣляться партія, которая, сначала тайно, путемъ разнаго рода подпольныхъ дѣйствій, а потомъ и открыто начинаетъ заявлять о своихъ симпатіяхъ къ латинской церкви и, наконецъ, фактически переходитъ на ея сторону. Въ нашу задачу не можетъ входить разсмотрѣніе самыхъ историческихъ событій, совершившихся въ періодъ времени отъ перваго возникновенія мысли объ уніи до окончательнаго превращенія этого замысла въ дѣйствительный фактъ. Мы прямо перейдемъ къ выпущенному уже на канунѣ, такъ сказать, формальнаго принятія нѣкоторыми изъ высшихъ православныхъ іерарховъ подданства папы сочиненію, которое на этотъ разъ уже писано было не латиняниномъ, а сторонникомъ уніи изъ православныхъ. Именно, въ 1595 году, въ Вильнѣ, изъ уніатскаго лагеря выпущено было сочиненіе подъ заглавіемъ: „Унія. альбо выкладъ предиейшыхъ арътикуловъ, ку зъодноченью Грековъ съ костеломъ Римскимъ належащихъ. У Вильни. Року Божого Нароженния 1500 деветдесятъ пятого. За дозволеннемъ старшыхъ [2]). Этотъ небольшой трактатъ былъ своего рода исповѣданіемъ вѣры, подъ которымъ должны были подписаться тѣ изъ православныхъ, которые уже рѣшили войти въ единеніе съ Римомъ и которые должны были положить основаніе

---

[1]) Истор. Русск, Церкви Макарія т. IX, стр. 470—180.

[2]) Кромѣ этой прямой даты, на годъ выхода Уніи есть еще указаніе въ трактатѣ. „О календару“ въ томъ же сочиненіи. Сочиненіе это недавно издано во второй книгѣ, Пам. полем. литер. стр. 111—168.

вновь образовавшейся уніятской церкви. Кто написалъ это сочиненіе—съ полною достовѣрностію сказать нельзя; но въ самомъ его содержаніи есть нѣкоторыя данныя, позволяющія съ значительною точностію опредѣлить личность автора. Изъ нѣкоторыхъ выраженій прежде всего видно, что писавшій былъ изъ русскихъ[1]), принадлежалъ къ духовному званію[2]) и имѣлъ епископскій санъ[3]), а въ концѣ посвященія сочиненія новогродскому воеводѣ Ѳедору Скумину авторъ называетъ себя „здавна знаемымъ слугою, а теперь и уставичнымъ богомольцею“ этого воеводы. Слогъ, а равно и общій характеръ сочиненія, обличаютъ въ авторѣ человѣка съ значительнымъ для тогдашняго времени образованіемъ, хорошо умѣющаго владѣть перомъ. Все это невольно наводитъ на мысль, что авторомъ „Упіи“ былъ не кто другой, какъ Ипатій Поцѣй. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ авторскихъ правъ Ипатія Поцѣя на это сочиненіе служитъ поразительное сходство между этимъ сочиненіемъ и другими письменными памятниками, вышедшими изъ подъ пера этого ревнителя уніи. Не только мысли, но и цѣлыя довольно значительныя выраженія, встрѣчающіяся въ этихъ памятникахъ, буквально повторяются въ „Уніи“, особенно въ ея предисловіи[4]). Какое бы впро-

---

[1]) Ibid. стр. 118.

[2]) Ib. стр. 111, прим. I.

[3]) Ib. стр. 115.

[4]) Такъ, напр. выраженіе: „а але подъ тымъ часомъ нещасливымъ, котораго розмаитыхъ ересей намножилося“.... буквально повторяется въ написанномъ въ началѣ декабря 1694 г. декретѣ, и, какъ есть основаніе думать, вышедшемъ изъ подъ пера Поцѣя, который первый подъ нимъ подпи-

чемъ имя ни носилъ творецъ этой письменной, такъ сказать, уніи, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ числу лицъ, принимавшихъ живѣйшее участіе въ созиданіи и уніи дѣйствительной. Это съ особенною ясностію выступаетъ въ предисловіи, представляющемъ собою довольно искусно написанную рѣчь, въ которой авторъ защищаетъ себя и своихъ единомышленниковъ отъ сыпавшихся на нихъ со всѣхъ сторонъ обвиненій въ затѣянномъ ими дѣлѣ. Предисловіе это заслуживаетъ полнаго вниманія. Здѣсь, съ одной стороны, мы находимъ изображеніе тѣхъ ближайшихъ мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершился фактъ уніи и которые высказаны здѣсь частію прямо, частію въ формѣ обвиненій со стороны православныхъ; съ другой стороны,—здѣсь довольно рельефно обрисованъ тотъ антагонизмъ, съ какимъ относились къ дѣлу уніи люди, не принадлежавшіе къ лагерю ея сторонниковъ. Общее плачевное состояніе современной западно-русской церкви, успѣхи между ея членами пропаганды различныхъ протестантскихъ сектъ, нерадѣніе объ ея интересахъ восточныхъ патріарховъ, полное умственно-нравственное разслабленіе ея собственныхъ пастырей, вмѣшательство не только во внѣшнюю, но и во внутреннюю жизнь церкви свѣскихъ лицъ, начиная съ самаго короля и оканчивая какимъ нибудь простымъ ремесленникомъ, мелкое честолюбіе и погоня за наживой въ средѣ высшей іерар-

---

санъ. Далѣе періодъ: „ижъ всимъ геретическимъ и дьявольскимъ сектамъ волно старшымъ о порядку межи своими промышляти; а намъ... горкимъ часто епископомъ“... почти буквально повторяется въ письмѣ Поцѣя кн. К. Острожскому (Ак З. Р. т. IV. № 70.

хіи,—все это были дѣйствительные факты, которые, взятые вмѣстѣ, составляли очень сильный импульсъ, толкавшій людей извѣстнаго закала въ объятія римской церкви. Но съ другой стороны, глубокая вѣра въ истинность древняго преданія, соединенная съ не менѣе сильнымъ антагонизмомъ къ латинской церкви, непоколебимая, такъ часто встрѣчающаяся въ дѣлахъ вѣры, стойкость въ отстаиваніи своихъ убѣжденій,—все это, въ свою очередь, заставляло людей другаго рода подозрительно относиться къ скрытнымъ дѣйствіямъ первыхъ и принимать свои мѣры къ ихъ парализированію. Эти-то явленія изъ жизни современной церкви и составляютъ предметъ предисловія въ „Уніи“ Поцѣя. Главнымъ побужденіемъ, вынудившимъ сторонниковъ уніи хлопотать объ ея интересахъ, по увѣренію автора, было печальное состояніе современной православной церкви. Если пастырь безсловеснаго стада, разсуждаетъ онъ, тяжко отвѣчаетъ предъ своимъ господиномъ за всякую свою неисправность, сопровождающуюся какимъ нибудь вредомъ для стада; то во сколько же больше должна быть отвѣтственность тѣхъ пастырей, которымъ ввѣрено охраненіе того многоцѣннаго стада, которое искуплено не имѣющимъ себѣ цѣны сокровищемъ—кровію Христа Искупителя? За всякій вредъ въ такомъ стадѣ пастырь долженъ расплатиться вѣчною погибелью своей души. А между тѣмъ въ настоящее время, тогда какъ истинное стадо Христово расхищается окружающими его со всѣхъ сторонъ волками, его старшіе пастыри (патріархи) вовсе объ этомъ нерадѣютъ, оставляя своихъ овецъ на произволъ судьбы. При такомъ положеніи дѣлъ, „подпасичамъ“, очевидно, не остается ничего другаго дѣлать, какъ искать инаго овчаго двора, съ лучшими порядками.

„Когда же объ этомъ, продолжаетъ авторъ, мы согласно съ своимъ долгомъ, начали совѣтоваться и помышлять, вмѣсто благодарности и признательности за наше старанiе, впали въ великую ненависть и немилость у своихъ же. Мало того: не только колкихъ словъ въ предосудительныхъ сочиненiяхъ насмотрѣлись и наслушались, но дѣло дошло даже до того, что отовсюду начали сыпаться угрозы, наконецъ, и самая жизнь начала подвергаться опасности". Но всего прискорбнѣе то, что тогда какъ начальникамъ всѣхъ еретическихъ сектъ позволительно по своему распоряжаться среди своихъ подчиненныхъ, мы горькiе епископы „не имѣемъ права заботиться о лучшемъ порядкѣ и исправленiяхъ въ церкви Божiей. И за все это терпимъ преслѣдованiе не отъ чужихъ .., а отъ своихъ такъ называемыхъ православныхъ христiанъ!" Эти то наши прiятели, не говоря уже о множествѣ другихъ словесно и письменно взнесенныхъ на насъ разнаго рода поклепахъ, распространяютъ о насъ странные новые слухи, что будто „мы хотѣли вѣру свою православную, евангельскую, истребить, всѣ обряды церкви нашей и таинства святыя, пренебрегая древнимъ обычаемъ церкви Восточной, въ ни во что превратить, словомъ, ничего не оставивъ своего, все замѣнить инымъ. Не говоримъ уже о другихъ обвиненiяхъ, въ родѣ, напр., того, что мы якобы все это дѣлали для свой личной пользы, для полученiя мѣстъ въ сенатѣ, для увеличенiя пышности, лакомства" и проч... И, главное, кто же всѣ эти слухи распускаетъ? Какiе нибудь „простые ремесленники," которые, оставивъ свое ремесло (дратву, ножницы и шило) и присвоивъ себѣ пастырскiя права, распоряжаются по своему священнымъ писанiемъ, перетолковываютъ его, извращаютъ на изнанку и все передѣлываютъ

съ точки зрѣнія своихъ хульныхъ и фальшивыхъ мнѣній; пастырей же своихъ срамятъ, безчестятъ и оклеветываютъ"…. И въ этомъ своемъ увлеченіи доходятъ до того, что готовы скорѣе „къ аріанамъ, къ новокрещенцамъ присоединиться, чѣмъ быть подъ властію папскою и войти въ согласіе съ папистами".

Чтобы ослабить такую ненависть православныхъ къ римско-католической церкви, которая (ненависть), думаетъ авторъ, поддерживается, главнымъ образомъ, невѣжествомъ православныхъ въ отношеніи къ тому, что касается различія этой церкви отъ православной, онъ беретъ на себя задачу коротко разсмотрѣть всѣ тѣ пункты разногласія между Греками и Римлянами, изъ-за которыхъ русскій народъ бѣжитъ отъ уніи съ римскою церковью. Такихъ пунктовъ имъ насчитывается пять; они касаются вопросовъ: I) объ исхожденіи Св. Духа, II) о чистилищѣ, III) о верховности видимаго и найстаршаго пастыря, IV) о календарѣ и V) объ Антихристѣ. Послѣдніе два пункта, по признанію самаго автора, сами по себѣ не имѣютъ большаго значенія, но такъ какъ враги уніи пользуются ими для подкрѣпленія въ православныхъ чувства вражды къ латинянамъ, то и ихъ нельзя игнорировать. Если въ этихъ пяти пунктахъ православные сойдутся съ латинянами, то во всѣхъ остальныхъ, увѣряетъ авторъ, соглашеніе легко послѣдуетъ, такъ какъ все остальное въ Восточной церкви останется не тронутымъ. И такія условія,—считаетъ нужнымъ увѣрять авторъ,—заключаются не на годъ или на два, какъ это думаютъ нѣкоторые, старающіеся видѣть въ уніи простую ловушку латинянъ, а навсегда. Вотъ до какого ничтожнаго минимума низведены тѣ широкія требованія, которыя когда-то были предложены Скаргою въ качествѣ условій для

возсоединенія православной церкви съ римскою. О цѣлыхъ 16-ти пунктахъ заблужденій русской церкви, которыя Скаргою признаны были существенно-важнымъ препятствіемъ для уніи, теперь уже нѣтъ и помину.

Итакъ, въ „Уніи“ Поцѣя мы слышимъ уже голосъ перебѣжчика, который, оказавшись въ лагерѣ непріятеля, обращается къ своимъ съ оправдательною рѣчью, убѣждаетъ ихъ послѣдовать его примѣру и тутъ же знакомитъ ихъ съ тѣми условными знаками, которые могутъ открыть имъ свободный пропускъ, въ случаѣ если-бы они рѣшились воспользоваться этимъ его совѣтомъ и примѣромъ. Время колебаній и подпольныхъ дѣйствій уже, значитъ, прошло и сторонники уніи считаютъ возможнымъ открыто заявить о своихъ намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ. Но эта же „Унія“ знакомитъ насъ и съ другимъ, совершенно противоположнаго рода, явленіемъ. Изъ нея мы убѣждаемся, что по мѣрѣ того, какъ въ русскомъ церковно-общественномъ организмѣ все съ большею и большею рельефностію обнаруживались элементы, оказывавшіеся непригодными для общей съ нимъ жизни и потому стремившіеся выдѣлиться изъ него, самъ этотъ организмъ все больше и больше крѣпнулъ въ своихъ специфическихъ особенностяхъ: мало того, въ немъ даже стала съ небывалою до этого времени силою развиваться реакція, направлявшаяся къ парализированію тѣхъ вредныхъ дѣйстій, которымъ онъ могъ подвергнуться въ процессѣ своего очищенія со стороны выдѣлявшихся частей, стремившихся увлекать за собою все, что только оказывалось податливымъ. Лучшимъ примѣромъ, характеризующимъ это реактивное движеніе, служитъ личность Стефана Зизанія и его сочиненія.

Первоначальное образованіе Стефанъ Зизаній, по

всей вѣроятности, получилъ во Львовской братской школѣ, при которой, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Лаврентіемъ, оставленъ былъ дидаскаломъ. Есть основаніе думать, что уже въ это время онъ въ своей дѣятельности выходилъ изъ узкихъ рамокъ школьнаго учителя. Михаилъ Рагоза, въ грамотѣ своей (отъ 16 іюля 1595 г.) Виленскому духовенству и Стефану Зизанію, между прочимъ, дѣлаетъ намекъ, что „Стефанокъ еще во Львовѣ кровопролитья насѣялъ съ своими пособниками [1])". Это выраженіе наводитъ на мысль, что Зизаній былъ въ числѣ передовыхъ защитниковъ интересовъ православной церкви противъ разбойническихъ похожденій Львовскаго бискупа Суликовскаго, по приказанію котораго въ декабрѣ 1583 года латинянами совершенъ былъ цѣлый рядъ насилій надъ православными, поводомъ для которыхъ послужило празднованіе послѣдними праздника Рождества Христова по старому календарю [2]). Дарованія и ревность Зизанія скоро были замѣчены, и въ 1591 году митрополитъ Михаилъ Рагоза, послѣ личнаго посѣщенія Львова, выдалъ благословенную грамату, которою Стефанъ Зизаній, вмѣстѣ съ Кирилломъ Транквилліономъ, назначались оффиціальными проповѣдниками во всѣхъ Львовскихъ православныхъ церквахъ [3]). Время жизни Зизанія во Львовѣ должно было оказать неотразимое вліяніе на воспитаніе въ немъ того глубокаго чувства вражды и ненависти ко всему латинскому, которое съ такою силою выступаетъ во всей его послѣдующей дѣятельности. Львовъ съ его братствомъ въ это время

---

[1]) Акт. Зап. Русс. т. VI, № 73, стр. 105.

[2]) Ibid. т. III, № 740, стр. 281.

[3]) Ibid. т. IV № 27 стр. 37.

былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ центровъ, въ которыхъ сосредоточивалась жизнь современнаго русскаго общества. Одна изъ особенностей такого рода центровъ состоитъ въ томъ, что они по преимуществу бываютъ чутки къ интересамъ страны въ тяжелыя минуты ея испытаній. Дѣйствительно, посланія Львовскаго братства къ Константинопольскому патріарху Іереміи показываютъ, какъ зорко слѣдило это братство за ходомъ дѣлъ во всей западно-русской церкви и какою нравственною болью отзывались въ немъ ея страданія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Воспитанный при такихъ условіяхъ и имѣя возможность лично наблюдать печальные факты горькой дѣйствительности, Зизаній, при своей пылкой натурѣ, долженъ былъ много накопить желчи противъ тѣхъ, которые, пользуясь внутреннимъ разслабленіемъ дорогой для него церкви, не пренебрегали никакими мѣрами для того, чтобы, доведя до полнаго разложенія, поправить на ея счетъ свои собственные интересы. Когда, затѣмъ, Зизаній перешелъ въ Вильну[1]), здѣсь онъ

[1]) Это случилось въ 1593 или 1594 годахъ, такъ какъ въ 1592 г. онъ былъ еще во Львовѣ (Акт. Зап. Р. т. IV, № 33 стр. 43), а въ 1595 г. его начинаетъ преслѣдовать Рагоза уже какъ члена виленскаго братства (Ibid. № 43, стр. 105). Поводомъ къ переходу могли послужить съ одной стороны сильныя столкновенія братства съ своимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, благодаря интрыгамъ котораго, братство, не имѣя возможности поддержть школу, стало распускать своихъ дидаскаловъ (Ibid. стр. 43 № 33); съ другой стороны— неотступныя просьбы Виленскаго братства, которое неоднократно обращалось къ львовскому братству, „ищуще, по словамъ самаго же братства, у насъ священника и учителя, якоже Ахавъ алчнымъ конемъ своимъ травы, глада ради

не только не могъ услышать ничего утѣшительнаго, но напротивъ, сюда со всѣхъ сторонъ стали доходить слухи о новомъ несчастіи для русской церкви—объ измѣнѣ ея перваго представителя въ сообществѣ съ другими высшими іерархами и объ ихъ намѣреніи поддаться подъ власть папы. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, Зизаній, призванный оффиціально отстаивать интересы православной церкви, долженъ б.лъ разразиться страшной филиппикой противъ всего того, что только шло въ разрѣзъ съ этими интересами. О силѣ и тонѣ обличенія проповѣдей Зизанія за это время можно судить по грамотѣ митрополита Михаила Рагозы, присланной ему 30 сентября 1595 года: „ты, читаемъ здѣсь между прочимъ, возгордился, неистовствуешь противъ всѣхъ насъ, своихъ пастырей, и попралъ повелѣніе наше[1]); ты не въ правѣ никого судить и обличать, не имѣя духовнаго сана, а между тѣмъ безстудно порицаешь съ амвона всѣхъ духовныхъ, отъ высшихъ до низшихъ; ты въ Вильнѣ возмущаешь церкви, раздвоилъ народъ и, особенно въ послѣднее время, яришься и клевещешь на пастырей и на наше церковное управленіе. Всѣ епископы, архиман-

---

умножившася на земли, ради студныхъ священниковъ“ (Ibid. стр. 46).

[1]) Здѣсь митрополитъ напоминаетъ о грамотѣ (отъ 16 іюля 1595 г.), присланной виленсимъ священникамъ и Стефану Зизанію, которою онъ строго предостерегалъ ихъ, чтобы они не разсѣевали ложнаго слуха о намѣреніи митрополита и прочихъ епископовъ перейти на сторону латинства и не возмущали народа, а въ противномъ случаѣ угрожалъ отлучить ихъ отъ церкви и, какъ бунтовщиковъ, предать королевскому суду (Акт. Зап. Р. т. IV, № 73).

дриты, игумены и все духовенство жалуются на твою гордость и своеволіе намъ и самому королю и единогласно положили составить на тебя соборъ. Но какъ для созванія собора нужно предварительно испросить королевское позволеніе, то мы, еще до того собора, не благословляемъ тебя, какъ противника церкви Божіей, и отлучаемъ отъ проповѣди, да не дерзнешь дѣлать ничего, что прилично крылошанамъ, даже пѣть и читать"[1]). Такъ аттестуетъ Зизанія митрополитъ. Не малое, значитъ, имѣлъ значеніе этотъ человѣкъ, если для осужденія его потребовалось собраніе цѣлаго собора. Дѣйствительно, воспользовавшись настоятельнымъ требованіемъ Константина Острожскаго созвать соборъ для обсужденія вопроса объ уніи, митрополитъ въ октябрѣ того же года приглашалъ духовенство на соборъ, который назначилъ въ Новогродкѣ на 25 число генваря 1596 года. Въ означенное время соборъ состоялся, но не въ томъ объемѣ и не по тому вопросу, какъ предпотагалось: на этомъ соборѣ свѣтскихъ лицъ, принимавшихъ въ то времa живѣйшее участіе въ соборныхъ совѣщаніяхъ, вовсе не было, а изъ духовенства собралось только 13 человѣкъ (два владыки, 4 архимандрита, 6 протопоповъ и 1 священникъ); предметомъ же соборнаго совѣщанія была не унія, а личность Стефана Зизанія. Самъ Зизаній на соборъ не явился и никого отъ себя не прислалъ. Собравшіеся, чтобы найти поводъ къ осужденію, придрались къ недавно предъ тѣмъ написанному имъ катихизису,—произвольно, какъ нижеувидимъ, навязали ему мысль, будто онъ отвергаетъ посредничество Сына Божія въ дѣ-

---

[1]) Истор. Русск. Цер. Макарія т. IX, стр. 612.

лѣ искупленія человѣка и отлучили его, какъ еретика отъ церкви. Единомысленнымъ съ нимъ двумъ братскимъ священникамъ (Василію и Герасиму) запретили священнослуженіе, а державшихъ его сторону свѣтскихъ людей предали анаѳемѣ. Но па такое постановленіе собора осужденные отвѣтили протестомъ, который поддержанъ былъ всѣмъ Виленскимъ братствомъ. Протестъ былъ выраженъ въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: а) тотъ соборъ не былъ составленъ по правиламъ св. отцевъ, потому что многіе духовные люди и мы сами о немъ не знали и изъ Виленскаго духовенства на немъ никто не былъ; б) намъ не присылали ни одного позва явиться на соборъ и судили насъ, вопреки правиламъ св. отцевъ, заочно; в) на томъ соборѣ не было судіи, который могъ-бы разсудить насъ съ отцемъ митрополитомъ и постановить декретъ: ибо мы первые позвали митрополита на судъ за его измѣну православной церкви, о чемъ и вносили много разъ въ духовныя и свѣтскія книги и онъ, какъ прежде позванный нами на судъ, и нашъ соперникъ, не можетъ быть намъ судьею по девятому правилу четвертаго вселенскаго собора[1]). Изъ третьяго пункта протеста ясно видно, что Зизаній и его единомышленники на свое осужденіе смотрѣли какъ па месть со стороны митрополита, поводомъ для которой послужили громкія обличенія его въ измѣнѣ православію. Такою грозою былъ Зизаній для сторонниковъ уніи изъ православныхъ. Что же касается латинянъ и, впослѣдствіи,—настоящихъ уніатовъ, то для нихъ онъ казался настолько опаснымъ и ненавистнымъ врагомъ, что, не находя возможности

---

[1]) Ibid. стр. 613—614.

парализовать его громадное вліяніе на народъ тѣмъ же оружіемъ, какимъ онъ дѣйствовалъ, они рѣшились прибѣгнуть къ чисто насильственнымъ мѣрамъ: „Стефана Зизанія, говорить авторъ „Перестроги“ въ обличительной рѣчи противъ латино-уніатовъ, дидаскала школьнаго и казнодѣю, который на васъ волалъ и книжки свои явнѣ друковалъ, обезчестили есте и на его здоровье такъ есте ся важили, ажъ черезъ коминъ (печную дымовую трубу) утекъ зъ Вилна“[1]). Наконецъ, для общей характеристики той необыкновенной пылкости и страстности увлеченія, какими дышала обличительная рѣчь Зизанія, не лишне будетъ привести слѣдующій, нелишенный остроумія, отзывъ о немъ одного изъ современныхъ литературныхъ его противниковъ: „Удивляюсь, милый Зизаній, что ты, будучи тѣмъ, чѣмъ есть, отваживаешься на такія большія дѣла. Съ небомъ и землею сражаешься, ни Богу ни людямъ спуску не даешь; святыхъ съ неба выпихиваешь (намекъ на отрицаніе частнаго суда); шатановъ (діаволовъ) до некла не пускаешь; не вѣришь въ ходатайство Христа; Духа Св. богохульно не признаешь исходящимъ отъ Отца и Сына. Не довольствуясь этимъ, на своихъ начальниковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, дерзко направляешь языкъ, о нашемъ панѣ королѣ не хорошо отзываешься въ своихъ казаньяхъ. На митрополита лаешь. Латинниковъ проклинаешь. Русь къ бунту и раздору подстрекаешь. Сказать въ кратцѣ: исполняешь на землѣ дьявольскія обязанности. Подтвердить это могутъ тѣ, которые слушали твои проповѣди. Я не знаю,

---

[1]) Ibid, т. IV, № 149, стр. 225.

[2]) Kąkol, który rozsiewa Stephanek Zizania w cerkwiach Ruskich w Wilnie. Wilno, w drukarni Bratctwa cerkiewnego,

на что ты только надѣешься и каковъ отвѣтъ будешь давать тѣмъ, которые по своей обязанности потребуютъ этого отъ тебя" [2]). Но Зизанію не долго пришлось пользоваться выгоднымъ положеніемъ Виленскаго проповѣдника для осуществленія своихъ стремленій, которыя онъ съ такимъ жаромъ преслѣдовалъ; его враги оказались сильнѣе его. 28 мая 1596 года издана была королевская грамота, которою Стефанъ Зизаній и его ближайшіе сотрудники, два упомянутые братскіе священника, изгонялись изъ всѣхъ государствъ короны польской; жителямъ городовъ, мѣстечекъ королевскихъ, княжескихъ, помѣщичьихъ, земскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, подъ угрозой отвѣтственности предъ государственными законами, приказывалось не входить съ ними ни въ какія сношенія, въ домахъ своихъ не укрывать, никакой помощи и защиты не оказывать; напротивъ, если представится случай, наложить на нихъ арестъ и о таковомъ довести до свѣдѣнія короля". Грамоту эту приказывалось воеводамъ, старостамъ и ихъ намѣстникамъ объявить во всеуслышаніе въ городахъ, на торгахъ и при костелахъ, копіи же съ нее прибить въ обычныхъ мѣстахъ [1]). Такимъ образомъ, съ Зизаніемъ поступили такъ, какъ поступаютъ съ самыми важными государственными преступниками; и нужно замѣтить, что такой строгій приговоръ надъ нимъ произнесенъ былъ не по однимъ интригамъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось входить въ непосредственное столкновеніе: независимо отъ послѣднихъ,

---

Жебровскаго. См. Библіогр. Замѣч. о нѣкоторыхъ Церк. Слав. кн. конца XVI и XVII вв. стр. 129—130.

[1]) Акты Зап. Р. т. IV, № 95, стр. 132—133.

[2]) Ibid. № 142, стр. 196 и дал.

за нимъ зорко слѣдили при. самомъ дворѣ [1]). Тѣмъ не менѣе Зизаній не унывалъ. Вынужденный на нѣкоторое время замолкнуть, онъ снова загремѣлъ въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, какъ только сошелъ со сцены осудившій его митрополитъ [2]). Но положеніе его теперь было уже слишкомъ непрочное. Въ то время, какъ надъ его головой уже висѣлъ вышеупомянутый королевскій декретъ, въ сентябрѣ 1599 года послѣдовала на имя королевскаго Виленскаго магистрата королевская грамота, которою опять приказывалось не дозволять Зизанію проповѣдывать [3]). Вѣроятно, во исполненіе этого приказанія, магистратъ потребовалъ отъ Зизанія, чтобы онъ оставилъ Троицкій монастырь; но тотъ на этотъ разъ наотрѣзъ отказался, заявивъ, ,,что онъ не съ разрѣшенія бургомистровъ, радцевъ и лавниковъ въ этотъ монастырь вошелъ, а съ вѣдома и дозволенія Троицкаго архимандрита отца Іосафа, съ его-же благословенія проповѣдуетъ и ни подъ какимъ условіемъ монастыря не оставитъ" [4]). Этотъ отвѣтъ магистратъ довелъ до свѣдѣнія тамошняго митрополичьяго намѣстника, соборнаго протопопа Іоанна Пароеновича, который еще раньше получилъ отъ нареченнаго митрополита Ипатія Поцѣя предписаніе запечатать церковь при Троицкомъ монастырѣ, если Зизаній не перестанетъ проповѣдывать. Какъ отнесся къ упорству Зизанія Пароеновичъ и долго-ли первый портилъ кровь своимъ противникамъ, мы не знаемъ. По всей вѣроятности, къ этому времени должно быть от-

---

[1]) Ibid. № 142, стр. 196 и дал.

[2]) Ibid. № 146, стр. 201.

[3]) Ibid 144, стр. 199.

[4]) Ibid. № 145, стр. 200.

несено вышеприведенное свидѣтельство автора „Перестроги“ о насильственномъ изнаніи Зизанія изъ монастыря, при которомъ онъ вынужденъ былъ спасаться чрезъ дымовую трубу.

Борьба Стефана Зизанія съ латинянами не ограничивалась одною устною проповѣдью. Имъ написано было еще два полемическія сочиненія: „Катихизисъ“ и такъ называемое „Казанье св. Кирилла объ Антихристѣ“. Катихизисъ Зизанія въ настоящее время неизвѣстенъ библіографіи и судить о немъ приходится на основаніи тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя сохранились въ современныхъ литературныхъ памятникахъ. Въ 1596 году вышло изъ католическаго лагеря сочиненіе подъ заглавіемъ: „Plewy Stephanka Zyzaniey, Heretyka, z cerkwi Ruskiey wyklętego (Wilno, in 4)“. Эта небольшая брошюрка была направленая. собственно противъ „Казанья св. Кирилла“, но авторъ, хотя и стороною, упоминаетъ въ ней и о его катихизисѣ „Въ недавнее время, читаемъ въ „Плевахъ“, Зизаній привезъ на Виленскія торжища множество куколя, т. е., фальшивой еретической науки, и хотѣлъ было продавать все это за чистую пшеницу. Но, къ счастію, вильняне были предупреждены о такомъ зломъ умыслѣ и торгъ для Зизанія былъ испорченъ. Но, оставивши въ покоѣ куколь, Зизаній обратился къ *Плевамъ*, думая попытать счастья здѣсь“... Изъ дальнѣйшихъ словъ брошюры видно, что подъ куколемъ разумѣется *Катихизисъ* Зизанія, а подъ плевами — извѣстное „Казанье св. Кирилла“.

Съ самымъ содержаніемъ Катихизиса Зизанія можно познакомиться изъ другой католической брошюры, изданной въ 1595 году Жебровскимъ: Kakol który rozsiewa Stephanek Zizania w cerkwiach Ru-

skich w Wilnie (Wilno, w drukarni Bractwa cerkiewnego). Здѣсь говорится, что въ недавнее время С. Зизаній издалъ небольшую книжку, содержащую объясненіе Никейскаго символа. Эта книжка, по отзыву брошюры, вполнѣ достойна автора. Она, подобно ему, полна куколя и плевелъ, полна фальшивой и еретической науки. Если бы прежде кто сказалъ русскимъ, что у нихъ находится такой казнодѣй, который проповѣдуетъ не греческую, а еретическую религію, то ему бы никто не повѣрилъ. Но, въ настоящее время, всякій невѣрующій можетъ убѣдиться въ этомъ, прочитавши изданную Зизаніемъ книгу... Всѣхъ ересей въ этой книгѣ Жебровскій насчитываетъ десять. *Первая ересь* состоитъ въ томъ, что *І. Христосъ не признается нашимъ ходатаемъ предъ Богомъ*, въ подтвержденіе чего приводится слѣдующая выдержка изъ Катихивиса Зизанія: „проклинаемъ еретиковъ, которые умаляютъ честь Сына Божія, называя его ходатаемъ предъ Богомъ Отцомъ. Мы вѣруемъ, что Христосъ возсѣдаетъ одесную Бога Отца и имѣетъ одинаковую съ нимъ честь и славу, а не меньшія. А потому Онъ и не ходатай, ибо кто ходатайствуетъ предъ кѣмъ за другихъ, тотъ не можетъ возсѣдать рядомъ съ тѣмъ, предъ кѣмъ ходатайствуетъ, и не имѣетъ равнаго съ нимъ могущества“. *Вторая, третья и четвертая ереси* состоятъ въ томъ, что Зизаній *не признаетъ Духа Святаго Дуновеніемъ, Даромъ и Перстомъ Божіимъ*, въ подтвержденіе чего приводится выдержка изъ 9 артикула Катихизиса: „Совершенное лицо Пресвятыя Тройцы Духъ Св. не есть дуновеніе, потому что самъ дышетъ, гдѣ хочетъ; не есть даръ, потому что самъ раздаетъ дары; не есть и перстъ, потому что—не частица Божества“. *Пятая ересь—Духъ Св. не исходитъ отъ*

Сына, но только отъ одного Отца. Шестая, седьмая и осьмая ереси состоятъ въ томъ, что онъ утверждаетъ, будто *ни злые въ пекло, ни добрые на небо ранѣе суднаго дня не посылаются*, въ подтвержденіе чего приводится слѣдующее мѣсто изъ 8 артикула: „въ этомъ артикулѣ проклинаемъ ересь тѣхъ, которые говорятъ, что (для умершихъ) былъ уже судъ и что души грѣшныхъ терпятъ муки, а праведные получили совершенную награду, что противно Писанію и самому разуму". *Девятая ересь*— называетъ еретиками тѣхъ, *которые не совершаютъ таинства евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ*. Наконецъ, *десятая ересь*—считаетъ еретиками *не допускающихъ малолѣтнихъ дѣтей до причастія Св. Таинъ*.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ, какъ нужно смотрѣть на всѣ перечисленныя Жебровскимъ ереси? Слѣдуетъ-ли ихъ признать дѣйствительными заблужденіями Зизанія, или они составляютъ плодъ изобрѣтательности его критика?

Прежде всего замѣтимъ, что пункты, составляющіе у Жебровскаго *пятую, девятую* и *десятую* ереси, могутъ быть названы таковыми только съ точки зрѣнія римско-католической церкви, такъ какъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, совершеніе евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ и причащеніе малолѣтнихъ дѣтей признается православною церковію. Далѣе, *вторая, третья и четвертая* ереси, если правильно понимать приведенное Жебровскимъ мѣсто, на которомъ онъ въ данномъ случаѣ основываетъ свое мнѣніе, не могутъ быть названы ересями ни съ православной, ни съ католической точки зрѣнія. Здѣсь Зизаній, не признавая Духа Св. *дуновеніемъ, даромъ и перстомъ Божіимъ*, въ тоже время находитъ

нужнымъ утверждать, что „Духъ Св. есть совершенное лицо“, а это ясно показываетъ, что приведенное Жебровскимъ мѣсто направлено было Зизаніемъ противъ тѣхъ, которые раздѣляли мнѣніе древнихъ *антитринитаріевъ-динамистовъ*, т. е., онъ въ приведенной выдержкѣ хочетъ сказать только то, что Духъ Святый не есть какое нибудь свойство, сила или частная принадлежность Божества, какъ могли учить нѣкоторые изъ современныхъ ему вольнодумцевъ, а есть такое же отдѣльное, самостоятельное лицо, какъ и два первыя лица Св. Троицы. Такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ Зизаній не расходится съ православною церковью. Труднѣе установить опредѣленный взглядъ на тѣ пункты въ Катихизисѣ Зизанія, которые у Жебровскаго выставлены какъ *первая*, *шестая*, *седьмая* и *осьмая* ереси. Г. Голубевъ въ брошюрѣ „О старопечатныхъ книгахъ“ и Высокопреосвященный Макарій въ IX т. своей исторіи признаютъ за несомнѣнное, что въ этихъ пунктахъ Зизаній уклоняется отъ ученія православной церкви, и объясняютъ это младенческимъ состояніемъ современной богословской мысли, не успѣвшей получить еще окончательной опредѣленности и устойчивости въ духѣ строго православномъ. Высокопреосвященный Макарій даже утверждаетъ, что „такое колебаніе молодой богословской мысли между православными было неизбѣжно, пока не явилось для нея довольно подробное руководство отъ лица церкви: „Православное исповѣданіе“ Петра Могилы“[1]). Но мы имѣемъ нѣкоторыя основанія, которыя не позволяютъ намъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ почтенныхъ ученыхъ, по крайней мѣрѣ на сколько дѣло касается взгля-

---

[1]) стр. 614—615.

да Зизанія на І. Христа, какъ *на нашего ходатая предъ Богомъ.* Приведенное въ данномъ случаѣ Жебровскимъ мѣсто изъ катихизиса, очевидно, вырвано изъ контекста рѣчи и въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ служить основаніемъ для какого нибудь опредѣленнаго заключенія. Съ несомнѣнностію изъ него можно вывести прежде всего то, что Зизаній признаетъ Сына Божія равнымъ въ чести, славѣ и могуществѣ съ Богомъ Отцомъ; изъ него видно также, что на этомъ положеніи онъ нашелъ нужнымъ настаивать потому именно, что были люди, которые не признавали такого равенства и что это непризнаніе свое они выражали въ томъ, что называли Сына Божія ходатаемъ нашимъ предъ Богомъ Отцомъ. Теперь спрашивается, что понималъ въ данномъ случаѣ Зизаній подъ словомъ „ходатай"? То-ли, что понимаетъ подъ этимъ словомъ Апостолъ Павелъ, когда говоритъ: *единъ есть Богъ, и единъ ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, давый себе избавленіе за всѣхъ* (I Тим. 2, 5—6), или то, что понимается подъ этимъ словомъ въ 4-й пѣсни канона втораго гласа: *пришелъ еси отъ Дѣвы—ни ходатай, ни ангелъ, но Самъ, Господи, воплощся* и проч. Очевидно, что для того, чтобы осудить Зизанія, необхидимо предположить, что онъ понимаетъ слово „ходатай" въ первомъ смыслѣ; но это будетъ произвольно. Напротивъ, есть данныя, которыя заставляютъ думать, что Зизаній въ данномъ случаѣ соединялъ съ этимъ словомъ именно тотъ смыслъ, какой соединяется съ нимъ въ указанной пѣсни Канона. Данныя эти находятся въ современномъ полемическомъ православномъ сочиненіи Antigrafi. Вотъ что читаемъ мы въ началѣ третьяго отдѣла этого сочиненія, посвященнаго вопросу „о посредничествѣ Сына Божія". „Присту-

паю, пишетъ авторъ, къ показанію втораго заблужденія въ вѣрѣ нашей, т. е., якобы мы, не признавая посредникомъ Сына Божія, противимся въ этомъ наукѣ Св. Письма. А въ доказательство и несправедливое подкрѣпленіе этой своей ошибочной правды берутъ книжки Стефана Зизанія въ 1596 году изъ типографіи выданныя, не понявъ не только mentem scriptoris, но и самыхъ касательно этого предмета словъ, а тѣмъ болѣе разсужденій и доводовъ его"[1]). „Стефанъ Зизаній открыто признаетъ, что Христосъ Господь сдѣлался истиннымъ посредникомъ и поручителемъ (recoymia) нашимъ, т. е. тѣмъ, который между Богомъ и человѣкомъ примиреніе совершилъ не временное, но вѣчное, не недостаточное (watpliwe), а совершенное, не многократно принося жертвы, какъ другіе священники, а самъ чрезъ себя разъ навсегда совершилъ. Это, говорю, Стефанъ Зизаній явно и выразительно (expresse) признаетъ. Но знаю, чего онъ не признаетъ: того, чтобы Сынъ Божій и теперь молился за насъ (какъ другіе святые) къ Отцу, съ Которымъ во всемъ равенъ, т. е. одной славы, силы и существа. И это свое мнѣніе не на голой (какъ ты выдаешь) повѣсти основалъ, а подкрѣпилъ великими и важными доказательствами изъ Св. Письма, которыхъ я здѣсь (для краткости рѣчи) повторять не стану"[2]). Изъ этого прекраснаго комментарія ясно видно, что Зизаній, отказываясь признать Сына Божія *ходатаемъ*, имѣлъ въ виду только опровергнуть тѣхъ заблуждающихся, которые, называя І. Христа ходатаемъ нашимъ предъ Богомъ, соединили съ этимъ словомъ то же самое понятіе, какое обыкно-

---

[1]) Rozd. III, стр. 31 обор.

[2]) Ibid. стр. 33 и обор.

венно соединяется съ нимъ въ приложеніи къ святымъ Божіимъ. Мы считаемъ нужнымъ даже замѣтить, что другаго освѣщенія приведенной Жебровскимъ выдержки, безъ нѣкоторой натяжки, и сдѣлать нельзя. Дѣло въ томъ, что здѣсь Зизаній, сказавъ, что называющіе Сына Божія ходатаемъ предъ Богомъ Отцемъ, умаляютъ чрезъ это Его честь, въ доказательство вѣрности такого своего вывода ссылается на фактъ возсѣданія І. Христа одесную Отца и на равенство Ихъ чести и славы, а это какъ нельзя лучше подтверждаетъ то предположеніе, что мѣсто, изъ котораго приводится Жебровскимъ эта выдержка, посвящено было Зизаніемъ развитію именно той мысли, на какую указываетъ авторъ „Antigrafi“. Здѣсь Зизаній разсуждаетъ какъ бы такимъ образомъ: вы еретики (т. е. аріане) утверждаете, что І. Христу нужно молиться въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы молимся обыкновеннымъ святымъ, т. е., вы утверждаете, что І. Христосъ есть только простой ходатай и посредникъ въ возсылаемыхъ нами къ Богу Отцу молитвахъ и что Ему не свойственно равное съ Отцемъ божеское поклоненіе. Но вы при этомъ забываете, что Онъ возсѣдаетъ одесную Отца и слѣдовательно имѣетъ одинаковую съ Нимъ честь и славу, а этого нельзя сказать о простомъ ходатаѣ: словомъ, это мѣсто въ Катихизисѣ Зизанія направлено было, по всей вѣроятности, противъ аріанскаго воззрѣнія на І. Христа, а если освѣщать его, вслѣдъ за авторомъ Antigrafi, съ этой точки зрѣнія, то въ такомъ случаѣ въ немъ ничего не окажется неправославнаго. Что же касается того обстоятельства, что за этотъ пунктъ Зизаній осужденъ былъ на Новогродскомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ православный митрополитъ, то въ противовѣсъ этому факту можно указать на тотъ не ме-

нѣе знаменательный фактъ, что Катихизисъ Зизанія въ свое время пользовался большою популярностію между православными [1]). Ссылаться для ослабленія доказательной силы послѣдняго факта на то, что православные, при предполагаемой шаткости и неопредѣленности въ тогдашнее время богословской мысли, могли и не замѣтить заблужденія Зизанія въ этомъ пунктѣ, будетъ несправедливо, такъ какъ приведенное мѣсто изъ „Antigrafi“ достаточно показываетъ, что этотъ пунктъ православной догматики ближайшими современниками Зизанія уясненъ былъ съ такою точностію и опредѣленностію, лучше которой и желать нельзя. Что же касается поведенія митрополита и прочихъ его соучастниковъ, осудившихъ Зизанія, то оно объясняется очень просто: этимъ людямъ во что бы то ни стало нужно было осудить Зизанія, они и придрались къ его Катихизису, и остановились на такомъ пунктѣ, который, благодаря двусмысленности употребленнаго авторомъ выраженія, дѣйствительно представлялся нѣсколько щекотливымъ для непривычнаго уха. Это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что Зизаній и два другіе осужденные съ нимъ священника тогда же протестовали противъ взнесеннаго на нихъ обвиненія, заявивъ, что „въ Сына Божія единороднаго они вѣруютъ и другихъ учатъ вѣрить такъ, какъ содержитъ и учитъ св. каѳолическая православная церковь“.

Теперь остается еще установить взглядъ Зизанія на состояніе душъ до страшнаго суда. Для обвиненія Зизанія въ заблужденіи по этому вопросу, кромѣ вышеука-

---

[1]) По словамъ автора „Гармоніи“, православные „Книжкамъ баламутнымъ (Зизанія) лѣпѣй, нижъ евангеліи, вѣрятъ“. Вторая кн. Пам. З. Р. пол. Л. стр. 180.

заннаго мѣста изъ Катихизиса, приводятъ еще слѣдующее мѣсто изъ его казанья: „Немашъ поединкомъ суду, але всѣмъ заровно... А тотъ судъ и декретъ Божій не самымъ душамъ безъ тѣла, яко учатъ еретицы, маетъ быти, але гды душа съ тѣломъ по воскресеніи на судъ повстанетъ, тогда и заплату за учинки пріети маетъ... А не тылько душѣ безъ тѣла теперь не бываютъ караны, але и ангелы, которіи згрѣшили, т. е. діаволи, еще суду и за учинки свои караня не взяли и не мучатся во огни некельномъ, але суть заперты во адѣ, который не есть пекломъ, яко еретицы выкладаютъ, абовемъ пекло ся разумѣетъ што печетъ и палитъ, а адъ грецкое есть слово и разумѣется мѣсце не вѣдомое, мѣсце темное и низкихъ пропастей“ [1]). Мысль, высказанная въ этомъ мѣстѣ, стоитъ въ полнѣйшемъ согласіи въ вышеприведенной выдержкой изъ Катихизиса; коротко она можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ: одиночнаго (поединкомъ) суда нѣтъ; для умершихъ судъ еще не наступалъ; полнаго возмездія души до вторичнаго соединенія ихъ съ своими тѣлами не получаютъ; въ частности, души грѣшниковъ, равно какъ и согрѣшившіе ангелы, еще не мучатся въ огнѣ, а находятся только въ аду. Судя по этимъ положеніямъ можно подумать, что Зизаній существенно расходится съ ученіемъ православной церкви по вопросу о состояніи душъ до всеобщаго суда, какъ это, дѣйствительно, и утверждаютъ г. Голубевъ и Высокопреосвященный Макарій. Между тѣмъ въ дѣйствительности выходитъ далеко не то. Для разъясненія своей мысли, мы прежде всего укажемъ на слѣдующую довольно оригинальную особенность, замѣченную нами у нѣкоторыхъ современныхъ

---

[1]) Казанье изд. 1596 г. стр. 8—11.

Зизанію православныхъ полемистовъ: не признавая частнаго суда на словахъ, они, когда начинаютъ толковать о состояніи душъ до всеобщаго суда, высказываютъ такой взглядъ на этотъ предметъ, который ни на минуту не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что они по вопросу о частномъ судѣ совершенно согласны съ ученіемъ православной церкви. Прекраснымъ примѣромъ въ этомъ родѣ служатъ вышеупомянутые „Вопросы и отвѣты православному зъ папежникомъ". Сочиненіе это заслуживаетъ особеннаго вниманія нашего въ данномъ случаѣ не только потому, что было написано ближайшимъ современникомъ Зизанія, но также и потому, что оно написано подъ вліяніемъ сочиненій послѣдняго. Вышеприведенная, напр., выдержка изъ Казанья почти вся буквально повторяется въ 33 отвѣтѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого сочиненія, особенно въ отвѣтѣ 29-мъ, мы находимъ прямое указаніе на то, что авторъ его въ своемъ воззрѣніи на „частный судъ" былъ совершенно солидаренъ съ Зизаніемъ. Такъ, въ указанномъ 29-мъ отвѣтѣ между прочимъ читаемъ: „впродъ суда Богъ жаднаго партикулярнаго суду, ани отплаты за добрые и злые учинки не чинитъ". Судя по этому мѣсту, можно подумать, что авторъ совершенно расходится съ ученіемъ православной церкви по данному вопросу; между тѣмъ не дальше какъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ мы читаемъ, что „души справедливыхъ (писмо святое мовитъ) суть въ рукахъ Божіихъ и не доткнется ихъ мука", что они „доступили рай..., гдѣ завше навѣжаетъ свѣтлость обличности Божое" (отв. 33), души же грѣшныхъ (отв. 33) „въ темностяхъ затримани, гдѣ ани свѣта, ани жизни человѣческія немашъ, ани свѣтлость облича Божого ихъ не навѣжаетъ". Для подтвержденія такого своего взгляда онъ пользуется тѣми

же самыми классическими примѣрами, которые приводятся въ „Православномъ исповѣданіи" П. Могилы и въ нашихъ современныхъ догматикахъ, каковы, напр., притча о богатомъ и Лазарѣ, исторія распятаго со Христомъ разбойника и др. Точно также, далѣе, какъ и въ нашихъ догматикахъ, авторъ дѣлаетъ различіе между неполнымъ возмездіемъ, которое получаютъ души до всеобщаго суда, и тѣмъ полнымъ, которое они получатъ послѣ этого суда, когда они соединятся съ своими тѣлами (отв. 33). Совершенно такой же взглядъ на этотъ предметъ высказываетъ и авторъ Antigrafi, который, какъ мы видѣли, тоже находился по своимъ богословскимъ воззрѣніямъ въ близкой связи съ Зизаніемъ. Онъ прямо говоритъ, что избранники Божіи уже получили свое возмездіе „въ несомнѣнномъ ожиданіи и въ нѣякомъ воображаемомъ предвкушеніи сладостей уготованныхъ имъ будущихъ наслажденій"[1]) и далѣе: „какъ добрые въ царство небесное, такъ злые въ адскія муки еще не вступали, но эти подъ стражей вѣчной темноты, а тѣ въ райскихъ наслажденіяхъ пребываютъ"[2]). А что Зизаній совершенно солидаренъ былъ съ этими двумя полемистами въ разсматриваемомъ пунктѣ, это ясно видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ изъ Катихизиса и Казанья. Онъ отвергаетъ не то, чтобы души праведныхъ уже получили награду, а то, что они получили *совершенную* награду; далѣе, отвергая то, что души грѣшныхъ равно какъ и согрѣшившіе ангелы уже терпятъ муки „во огни пекельномъ", онъ въ то же время признаетъ, что они находятся въ аду (что признаютъ и два другіе вышеупомянутые

---

[1]) стр. 61 об.

[2]) стр. 64.

полемиста), который, по переводу съ греческаго, означаетъ „мѣсце темное и низкихъ пропастей"... И такъ несомнѣнно, что разсматриваемые полемисты, отвергая частный судъ, признавали въ тоже время его слѣдствія. Какъ же, спрашивается, объяснить такое противорѣчіе? Оно объясняется очень просто. Отвергая „частный судъ", эти полемисты соединяютъ съ этимъ выраженіемъ совершенно не то понятіе, какое теперь соединяется съ нимъ. Изъ хода ихъ разсужденій видно, что признать *частный судъ*—это, по ихъ представленію, значило допустить, что души умершихъ „поединкомъ", т. е. каждая по одиночкѣ, еще до всеобщаго суда, получаютъ *полное* осужденіе или оправданіе съ ихъ послѣдствіями. Частный судъ, такимъ образомъ, по ихъ представленію, какъ это отчасти можно видѣть изъ первыхъ словъ вышеприведенной выдержки изъ Казанья, отличался отъ всеобщаго не сравнительно меньшею полнотою слѣдствій, а исключительно тѣмъ, что первый производился надъ каждою отдѣльною душою, а второй будетъ производиться надъ всѣми вмѣстѣ. Поэтому, когда эти полемисты отвергали частный судъ, то этимъ они хотѣли только доказать, что каждая душа, до соединенія своего съ тѣломъ, что послѣдуетъ только послѣ всеобщаго суда, *полнаго* возмездія не получаетъ. Словомъ, они расходятся съ позднѣйшей догматикой не въ самомъ понятіи о частномъ судѣ, а только въ терминологіи, т. е. они отвергаютъ не тотъ частный судъ, который признается православною церковью, а тотъ, который навязывали имъ латинскіе полемисты, учившіе, что грѣшники „южъ приняли свою заплату, же южъ каждый мѣсце свое *певное* осягнулъ"[1]).

---

[1]) Вопросы и отвѣты православному съ папежи. вопр. 31.

Катихизисъ С. Зизанія изданъ былъ, по всей вѣроятности, въ 1595 г.[1]), а въ слѣдующемъ году вышло въ свѣтъ упомянутое „Казанье св. Кирилла объ Антихристѣ“. Въ основѣ этого сочиненія положенъ еще раньше сдѣланный Зизаніемъ же переводъ 15-го огласительнаго слова св. Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго. Полагаютъ[2]), что переводъ этотъ впервые сдѣланъ былъ по инициативѣ К. Острожскаго, желавшаго найти въ святоотеческой литературѣ подтвержденіе высказанной въ вышеупомянутомъ сочиненіи Мотовилы мысли, что римскій епископъ есть антихристъ. Но такъ какъ это слово не заключало въ себѣ ничего соотвѣтствующаго ожиданію, то С. Зизаній, предположивъ, что князь Острожскій сочувствуетъ этой мысли Мотовилы, предпринялъ второе изданіе этого слова, причемъ снабдилъ его своими комментаріями, въ которыхъ и развилъ эту мысль съ возможною полнотою. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Особенно правдоподобно то, что мысль о воплощеніи въ лицѣ папы антихриста впервые выпущена изъ среды протестантовъ. Это предположе-

---

Напечат. во II кн. Пам. зап. Р. пол. литературы (Рус. Ист. библ. т. VII стр. 1—110).

[1]) Время выхода въ свѣтъ Катихизиса опредѣляется замѣчаніемъ вышеупомянутыхъ католическихъ брошюръ, что „объясненіе Никейскаго символа вѣры“ вышло *въ недавнее время*; а такъ какъ одна изъ нихъ, — Kąkol Жебровскаго, вышла въ 1595 г., то, слѣдоватльно, и Катихизисъ Зизанія не могъ быть изданъ ни позже этого времени, ни на значительное время раньше, такъ какъ въ противномъ случаѣ нельзя было бы сказать, что онъ изданъ въ *недавнее время*.

[2]) А Лиловъ. О такъ называемой Кирилловой книгѣ. Казань 1858 г., стр. 157 и далѣе.

ніе подтверждаютъ своимъ свидѣтельствомъ современные латино-уніатскіе писатели. Такъ, авторъ „Уніи“, упрекнувъ русскихъ за то, что они, слѣдуя еретикамъ (протестантамъ), называютъ папу антихристомъ, продолжаетъ дальше: „А кгды бы ихъ (русскихъ) хто спыталъ, жебы то ясне показали и съ писма Божьего достатечне вывели, заложуся, же бы не умѣли на то и слова отказать и мусили бы до потвары и писма геретыческаго удать! Бо еще зъ нашихъ ни одинъ таковый не показался, хто бы о томъ писати мѣлъ“ [1]). Но если вѣрно то, что до Зизанія еще ни одинъ изъ православныхъ писателей не говорилъ о папѣ какъ объ антихристѣ, то съ другой стороны не менѣе вѣрно и то, что въ условіяхъ жизни тогдашняго русскаго общества, помимо даже протестантской литературы, много было такого, что съ значительнымъ успѣхомъ подготовляло почву для возникновенія и дальнѣйшаго развитія этой мысли. Обманъ, лесть, коварство, различныя формы самаго грубаго насилія, словомъ, глубокое нравственное разслабленіе съ одной стороны и полнѣйшее нерадѣніе блюстителей общественной нравственности,—съ другой, все это, по описанію современныхъ писателей, не исключая и самаго Зизанія, было всеобщимъ явленіемъ въ тогдашнее время. А извѣстно, что по изображенію ап. Павла, „въ послѣдніе дни наступятъ времена тяжкія. Ибо люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злорѣчивы..., невоздержны, клеветники, жестоки, нелюбящіе добра, предатели, наглы, напыщены, болѣе сластолюбивы, нежели боголюбивы“... (2 посл. къ Тим. III, 1—5). Съ другой

---

[1]) Вторая кн. Пам. полем. литер. въ западн. Р. стр 145—146.

стороны, времена Зизанія были тѣмъ моментомъ, когда латиняне покою, такъ сказать, не давали православнымъ своими безпрестанными толками о томъ, что римскій папа есть намѣстникъ І. Христа на землѣ, что ему должны покориться всѣ народы, что всѣ другія вѣроисповѣданія должны исчезнуть и по всей землѣ должна восторжествовать одна вѣра римская и пр. Это вѣчное, неумолкаемое воспѣваніе панигирика папѣ невольно могло рождать въ сознаніи православныхъ вопросъ: не есть-ли этотъ до небесъ превозносимый папа то самое лицо, которое у того же апостола характеризуется какъ человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ, или святынею, который въ храмѣ Божіимъ сядетъ какъ Богъ, выдавая себя за Бога (2 Солун. II, 3—4), котораго пришествіе, по дѣйствію сатанину, будетъ со всякою силою..., со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ(—9, 10 ст.)". Словомъ, въ нравственной атмосферѣ современнаго русскаго общества накопилось много такихъ элементовъ, которые составляли возможно лучшую среду для воспитанія той мысли, что *послѣдніе дни* приближались и что антихристъ уже явился въ лицѣ римскаго папы. Вліянію этой среды, по всей вѣроятности, подвергся и Зизаній. Зорко слѣдя за дѣйствіями сторонниковъ уніи, онъ не могъ не видѣть, что, не смотря на всѣ усилія ревнителей православія разстроить затѣянное владыками крайне постыдное, съ его точки зрѣнія, дѣло, послѣднее быстро подвигалось къ концу. При такихъ условіяхъ, какъ сынъ своего времени, отличавшійся къ тому же необыкновенно высокимъ, доходившимъ до полнаго энтузіазма, подъемомъ религіознаго чувства, Зизаній самымъ искреннимъ образомъ могъ быть убѣжденъ, что успѣхи среди испо-

вѣдниковъ православной вѣры ненавистнаго папизма происходятъ не иначе, какъ силою дьявольскою, живымъ источникомъ которой служитъ римскій папа. Такія убѣжденія, естественно, вынуждали его употребить всѣ свои силы на разрушеніе плановъ уніатской партіи. И вотъ въ критическую минуту, когда всѣ прочія средства оказались не дѣйствительными и когда унія уже оказалась, такъ сказать, на носу, Зизаній рѣшается испробовать еще одно. Взявъ прежде изданное имъ слово св. Кирилла, онъ снабжаетъ его своими комментаріями, въ которыхъ, не особенно придерживаясь комментируемаго текста, доказываетъ, что 1) въ осьмомъ вѣкѣ должны совершиться второе пришествіе Христа на землю и кончина міра, что 2) изъ осьмой тысячи лѣтъ его время есть самое близкое къ совершенію этихъ событій, признаки которыхъ уже существуютъ на дѣлѣ и выражаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что антихристъ уже пришелъ и царствуетъ на землѣ въ лицѣ римскаго папы [1]). Болѣе рѣзкой выходки противъ уніи придумать было нельзя: подчиниться папѣ, съ точки зрѣнія Зизанія, значило предаться во власть антихриста; а хуже этого, конечно, религіозное сознаніе представить ничего не можетъ [2]).

---

[1]) Подробный анализъ этихъ мыслей, ихъ оцѣнка и отношеніе къ слову св. Кирилла, см. въ брошюрѣ А. Лилова: „О такъ называемой Кирилловой книгѣ“.

[2]) Вмѣстѣ съ *Казаньемъ* Зизаній издалъ посланіе константинопольскаго патріарха, направленное противъ іезуитовъ и новаго календаря. По поводу этого посланія авторъ брошюры „Plewy“ говоритъ слѣдующее: „двоякую цѣль преслѣдовалъ Зизаній въ своей книгѣ: въ первой части онъ имѣлъ въ виду поселить въ народѣ ненависть къ іезу-

Такимъ образомъ, въ „Казаньи" Зизанія реактивное направленіе антиуніатской партіи въ періодъ до Брестской уніи достигаетъ возможно большаго своего развитія.

Стефанъ Зизаній, конечно, былъ не единственнымъ представителемъ разсмотрѣннаго направленія. Это направленіе уже въ значительной степени выступаетъ въ „Книжицѣ" Клирика острожскаго; оно съ особою силою даетъ о себѣ знать, какъ мы видѣли, и въ „Зачапкѣ"; съ нимъ же мы впослѣдствіи встрѣчаемся въ „Посланіяхъ" Іоанна Вишенскаго. Посланія Іоанна Вишенскаго относятся ко времени ближайшему послѣ брестской уніи; но по своему содержанію, особенно по своему тону и направленію, они могутъ быть разсматриваемы на ряду съ „Казаньемъ" Зизанія. Литературная дѣятельность Вишенскаго на пользу западно-русской церкви уже получи-

---

итамъ и новому календарю, во второй—развить ненависть къ папѣ, выдавая его за антихриста. А чтобы успѣшнѣе этого достигнуть, онъ ссылается не на свой собственный авторитетъ, а на чужое якобы свидѣтельство: добылъ какое-то письмо, имъ-ли самимъ или ему подобнымъ мастеромъ сфабрикованное (для нихъ это не новость), и въ немъ отъ лица цареградскаго патріарха, безчеститъ іезуитовъ и запрещаетъ принимать новый календарь". Изъ дальнѣйшихъ словъ брошюры видно, что поводомъ къ написанію этого посланія былъ распространенный какимъ - то іезуитомъ и дошедшій до Константинополя слухъ о принятіи К—скимъ патріархомъ новаго календаря. Авторъ брошюры отвергаетъ подлинность этого посланія, доказывая это во-первыхъ тѣтъ, что самый фактъ распространенія іезуитомъ упомянутаго слуха никому неизвѣстенъ, во вторыхъ тѣмъ, что посланіе это написано съ дѣтскою наивностію и состоитъ изъ непристойныхъ словъ и ругательствъ, что не согласно съ достоинствомъ патріарха.

ла свою оцѣнку въ спеціальномъ изслѣдованіи о немъ и его посланіяхъ С. Л-ва [1]). Поэтому мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ только замѣтить, что посланія Вишенскаго, разсматриваемыя какъ полемическія сочиненія, нѣсколько выдѣляются изъ ряда другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ полемической литературы за описываемый періодъ времени. Первыя три изъ нихъ даже не могутъ быть названы полемическими сочиненіями въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Это простыя письма, въ которыхъ авторъ, не придерживаясь строго-опредѣленной системы, обличаетъ, главнымъ образомъ, религіозно-нравственные недостатки современнаго православнаго западно-русскаго общества и убѣждаетъ твердо держаться вѣры предковъ. Полемикой противъ заблужденій латинской церкви онъ занимается собственно въ IV посланіи. Здѣсь онъ касается слѣдующихъ вопросовъ: а) „*объ исхожденіи св. Духа*", б) „*о церкви старшей и начальнѣйшей*", в) „*о начальствѣ и власти старшинства папъ римскихъ*", г) „*о послѣди быти хотящихъ плодѣхъ латынскихъ*, и наконецъ, д) „*о чисту латинскомъ, вымышленномъ мистеромъ діаволомъ и его учениками, папами римскими*". Такимъ образомъ, Вишенскій въ своихъ посланіяхъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, двѣ цѣли: онъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, представить обличеніе уніи съ отеческимъ увѣщаніемъ твердо держаться православія, съ другой стороны — исправить недостатки современной западно-русской церкви. Что касается научнаго достоинства его посланій, то С. Л-въ дѣлаетъ о немъ слѣдующій отзывъ: „напрасно

---

[1]) Іоаннъ Вишенскій, полемистъ изъ временъ уніи. Подольск. Епарх. Вѣд. за 1875 годъ №№ 15, 17, 18, 19, 20 и 21.

бы мы стали искать въ обличеніи Вишенскаго глубокаго анализа и всесторонняго разбора разностей между восточною и западною церквами: Вишенскій и не имѣлъ въ виду разбирать во всей полнотѣ неосновательность папскихъ отступленій; онъ не обращается къ суду церкви, къ писаніямъ отцовъ и учителей церкви, онъ только на основаніи одного св. Писанія выставляетъ ложность католической догмы съ тою цѣлью, чтобы укрѣпить вѣрующихъ въ правой вѣрѣ"[1]. Дѣйствительно, при опредѣленіи значенія посланій Вишенскаго для современной западно-русской церкви нужно обращатъ вниманіе не на научное ихъ достоинство, а на ту замѣчательную особенность, которая въ свое время указана была нами въ „Зачапкѣ" и „Краткословномъ отвѣтѣ" Θеодула и которая вообще составляетъ характерную черту всей первоначальной православной полемики. Эта особенность состоитъ въ проникновеніи посланій какою-то необыкновенною нравственною силою, которая свидѣтельствуетъ о сильной возбужденности въ авторѣ религіознаго чувства и которая, поэтому, должна была служить въ свое время самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія той цѣли, какая преслѣдовалась въ посланіяхъ. Вообще говоря, въ этой особенности лежитъ тотъ признакъ, которымъ характеризуется дѣятельность всѣхъ передовыхъ современныхъ поборниковъ православія. Только благодаря той необыкновенной силѣ убѣжденія и рѣдкой стойкости, какую современные защитники интересовъ православной церкви выказали въ борьбѣ съ латинской пропагандой, и можно объяснить тотъ фактъ, что эта церковь, при столь неблагопріятныхъ для нея условіяхъ, не

[1]) Подольск. Епарх. Вѣд. ibid стр. 527.

была цѣликомъ поглощена папизмомъ. Эта сила религіознаго убѣжденія, эта непоколебимая стойкость въ отстаиваніи своихъ интересовъ составляетъ въ тоже время ту характерную черту, которою представители православной стороны отличались отъ сторонниковъ уніи. Дѣйствительно, какъ нравственный характеръ представителей обѣихъ этихъ сторонъ, такъ и ихъ дѣятельность, представляетъ въ себѣ столько своеобразной и до крайности противоположной типичности, что, пожалуй, на первыхъ порахъ можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ одно и тоже общество, въ одно и тоже время могло совмѣщать въ себѣ столь разнородные элементы. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ съ одной стороны вы встрѣчаете лицъ съ полнымъ религіознымъ индифферентизмомъ, единственнымъ мотивомъ дѣятельности которыхъ является узкій эгоизмъ, а послѣднюю цѣль стремленій составляютъ удобства внѣшней жизни и нажива,—съ другой стороны предъ вами выступаютъ люди съ глубокимъ религіознымъ убѣжденіемъ, съ беззавѣтною преданностію вѣрѣ отцовъ, съ горячею, по временамъ доходящею до фанатизма, ревностью рѣшившихся отстаивать ея интересы. Въ то время, какъ первые, чуть-ли не изъ-за пріобрѣтенія права на полученіе кресла въ сенатѣ, воровски пробираются въ Римъ, чтобы тамъ, игнорируя освященной вѣками традиціей, вѣроломно измѣнить первосвятителю востока и перемѣнить легкую отъ него зависимость на полное подчиненіе повелителю религіознаго запада, — въ это же самое время вторые во всеуслышаніе предаютъ римскаго папу анафемѣ, называютъ его антихристомъ: объявляютъ его виновникомъ всякаго зла и нечестія на землѣ и готовы скорѣе идти на крестъ, чѣмъ преклонить предъ нимъ свои ко-

лѣна. Вообще не трудно, кажется, замѣтить, что въ этихъ двоякаго рода типическихъ личностяхъ съ возможною полнотою воплотились тѣ до полнаго контраста противоположные принципы, которые лежали въ основѣ стремленій двухъ, далеко впрочемъ неравныхъ между собою, половинъ современнаго западно-русскаго православнаго общества и источникъ которыхъ скрывался въ глубинѣ прошедшей исторіи, и именно, во вліяніи уже разсмотрѣнныхъ нами двоякаго рода факторовъ. Понятно послѣ этого, что когда зашла рѣчь объ уніи и когда вопросъ поставленъ былъ категорически: быть или не быть ей?—то между представителями обоихъ этихъ лагерей неминуемо должно было произойти разногласіе, и о какомъ-то бы ни было компромиссѣ не могло быть и рѣчи; такъ-что имъ не приходилось ничего другаго дѣлать, какъ только разойтись по своимъ дорогамъ. Такъ, дѣйствительно, какъ увидимъ, и случилось.

VI.

Продолжительная дѣятельность католической пропаганды завершилась, какъ извѣстно, поѣздкой въ ноябрѣ 1595 г. Поцѣя и Терлецкаго въ Римъ, заключеніемъ тамъ уніи и, наконецъ, созваніемъ въ октябрѣ 1596 г. Брестскаго собора, гдѣ предполагалось этотъ частный договоръ нѣсколькихъ, почти никѣмъ неуполномоченныхъ, лицъ превратить въ обязательный для всей западно-русской православной церкви законъ. Поѣздка въ Римъ и Брестскій соборъ со стороны сторонниковъ уніи были своего рода смѣлой попыткой взять, такъ сказать, несдававшуюся крѣпость приступомъ, которому предшествовала предварительная артиллерійская канонада.

Этими двумя событіями унія, существовавшая до этого времени лишь въ словахъ и на бумагѣ, должна была превратиться въ дѣйствительный реальпый фактъ. Но извѣстно, что еще Поцѣй и Терлецкій не возвратились изъ Рима, какъ со стороны православныхъ посыпался цѣлый рядъ протестовъ противъ самовольной продажи ихъ въ папскую неволю; а когда дѣло дошло до брестскаго собора, фабрикаторы уніи окончательно убѣдились, что опи въ своихъ надеждахъ обманулись: крѣпость почти во всѣхъ своихъ пунктахъ оказалась неприступной и взять ее штурмомъ оказалось немыслимо. Правда, въ происшедшемъ на соборѣ раздвоеніи, на сторонѣ уніи оказалась большая часть высшей іерархіи съ митрополитомъ во главѣ; но за то къ сторонѣ противниковъ ея примкнулъ въ лицѣ своихъ депутатовъ весь православный народъ; а въ немъ, въ данномъ случаѣ, и заключалась вся сила православія. Къ тому же это раздвоеніе уже самымъ своимъ фактомъ парализировало дѣйствіе уніятскаго собора и лишало его той всеобщности и законности, безъ которыхъ сдѣланныя на немъ постановленія теряли свою обязательную силу для всей православной мѣстной церкви и безъ которыхъ этотъ соборъ не могъ придать совершившемуся факту уніи той высшей санкціи, которая въ данномъ случаѣ была необходима для того, чтобы этотъ фактъ получилъ для себя прочную, законную основу. А между тѣмъ было очевидно, что если бы этотъ соборъ могъ имѣть за собою всѣ признаки законнаго собора, то не только уже принявшая унію часть православныхъ имѣла бы въ немъ достаточно твердую опору для своего оправданія, но и противники уніи поставлены были бы въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ они не только юридически, но и нравствен-

но должны были бы сознать себя неправыми. Такимъ образомъ, все побуждало творцовъ уніи во что-бы то ни стало отстоять брестскій соборъ, такъ какъ въ немъ, въ данномъ случаѣ, заключалось то основаніе, на которомъ должно было быть построено затѣянное ими зданіе. И вотъ не прошло и года послѣ этого собора, какъ тотъ же неутомимый Скарга издаетъ посвященное этому вопросу сочиненіе подъ заглавіемъ „Соборъ Брестскій"[1]. Для насъ въ данномъ случаѣ особенно важна та постановка, которую придалъ Скарга въ этомъ сочиненіи затронутому имъ вопросу. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ затронутые здѣсь частные вопросы направлены, главнымъ

---

[1]) Сочиненіе Synod Brzesci въ послѣднее время потерпѣло два изданія: 1) при кіевскомъ изданіи Апокрисиса и 2) во второй книгѣ Пам. полем. литер. въ Запад. Р. подъ заглавіемъ „Берестейскій соборъ и оборона его. Сочиненіе Петра Скарги 1596 г. (ст. 937—1002)". Этого сочиненія, по словамъ П. А. Гильтебранта, которымъ сдѣлано послѣднее изданіе, въ изданіи первомъ (1596 г.) нѣтъ въ Импер. Публич. библ. и оно воспроизведено съ изданія 1738 года, въ „Kazaniach Przygodnych (часть 2). Изслѣдованіе объ этомъ сочиненіи Скарги „о единствѣ церкви" см. въ изслѣдованіи „объ Апокрисисѣ Хр. Филалета" Н. А. Скабаллановича. Отъ этого сочиненія Скарги нужно отличать другое латино-уніатское сочиненіе, тоже посвященное брестскому-собору, вышедшее въ томъ же 1597 году подъ заглавіемъ: „Справедливое описаніе поступковъ и справы собора берестейскаго" По поводу этого сочиненія въ Антиррисисѣ говорится: „Если ты хочешь любезный о Христѣ брать, составить понятіе о сборищѣ противниковъ (т. е. православномъ бресетскомъ соборѣ), о томъ, гдѣ оно было, въ какомъ мѣстѣ и съ кѣмъ,—то читай печатныя русскія книжки,—не тѣ, противъ которыхъ писалъ Филалетъ, но другія, подъ заглавіемъ „Справедливое описаніе поступковъ и справы собора берестейскаго (Antirrisis, изд. 1600 г. стр. 19). Здѣсь совершенно ясно дѣлается различіе между этимъ сочиненіемъ и сочиненіемъ Скарги Synod Brzeski.

образомъ, къ тому, чтобы обосновать одно общее положеніе, именно, законность брестскаго собора и его постановленій. Для достиженія этой цѣли Скарга избираетъ слѣдующій, нелишенный остроумной находчивости, путь. Прежде всего онъ силится доказать законность этого собора со стороны собранія и со стороны самаго процесса его отправленія. Такъ какъ, далѣе, основнымъ пунктомъ его постановленій было признаніе главенства римскаго папы, то авторъ и переходитъ затѣмъ къ обоснованію этого пункта, чего старается достигнуть троякимъ путемъ: 1) съ точки зрѣнія теоретической, посредствомъ изложенія ученія римской церкви о главенствѣ папы, основанной на извѣстной теоріи церковнаго монархизма; 2) съ точки зрѣнія исторической, гдѣ онъ повторяетъ уже прежде проводимую мысль, что сами греки прежде признавали главенство въ церкви римскаго первосвященника, и только впослѣдствіи разорвали единеніе съ Римомъ, которое, впрочемъ, старались возобновить цѣлымъ рядомъ попытокъ, послѣдняя изъ которыхъ была на флорентійскомъ соборѣ; наконецъ, въ 3-хъ, съ точки зрѣнія практической, гдѣ онъ говоритъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ греческую церковь, якобы за ея отступленіе отъ послушанія римскому престолу. Наконецъ, авторъ обращается къ русскому народу, представляетъ ему нравственныя и матеріальныя выгоды отъ единенія съ Римомъ и предостерегаетъ отъ увлеченія распространявшимися разнаго рода слухами, направленными къ осужденію уніатскаго собора и къ оправданію собора православныхъ. Итакъ, вышедшій изъ подъ пера Скарги брестскій соборъ не только самъ въ себѣ носилъ всѣ признаки законности; но, кромѣ того, онъ былъ законенъ еще и потому, что сдѣланныя на немъ постановленія имѣ-

ли подъ собою историко-догматическую почву. Такимъ образомъ, повидимому, сдѣлано было все необходимое для того, чтобы окружить брестскій соборъ неприступной стѣной законности. Но не успѣлъ Скарга насладиться и налюбоваться плодами своихъ рукъ, какъ вдругъ надъ воздвигнутымъ имъ зданіемъ разразился ужасный громовой ударъ, который разметалъ его до основанія, не оставивъ и камня и на камнѣ. Мы имѣемъ въ виду „Апокрисисъ" Христофора Филалета. Сочиненіе это слишкомъ хорошо извѣстно въ нашей литературѣ, чтобы о немъ нужно было говорить подробно [1]). Замѣтимъ только, что знаменитый „braciszek Jezusa", по всей вѣроятности, во всю жизнь свою не терпѣлъ такого пораженія, какое нанесъ ему теперь схизматикъ Филалетъ. Вооружившись богатой коллекціей какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ документовъ, необходимыхъ для тото, чтобы представить совершившійся фактъ уніи въ его истинномъ свѣтѣ, обладая блестящей для того времени богословской ерудиціей, при крупномъ природномъ талантѣ, Филалетъ имѣлъ полную возможность разобрать, такъ сказать, по ниточкѣ сочиненіе Скарги и разоблачить до малѣйшей подробности почти всѣ слабыя стороны, изъ которыхъ оно, какъ извѣстно, цѣликомъ состоитъ. И дѣйствительно, послѣ обнародованія Фила-

---

[1]) Спеціальное изслѣдованіе объ Апокрисисѣ написано Н. А. Скабаллановичемъ. Затѣмъ очень дѣльное изслѣдованіе о личности Филалета и объ изданіяхъ Апокрисиса сдѣлано С. Голубевымъ въ его брошюрѣ: „о старопечатныхъ книгахъ", изданной при Труд. Кіевск. Дух. Ак. за 1876 годъ, стр. 137. Кромѣ Кіевскаго изданія Апокрисиса въ переводѣ на современный русскій языкъ, онъ еще изданъ во второй книгѣ Пам. Полемич. Литер. въ Зап. Руси, гдѣ помѣщенъ польскій и западно-русскій его текстъ, стр. 1002.

летомъ нѣкоторыхъ документовъ, сдѣлалось прежде всего извѣстнымъ, что эти самыя лица, которыя приняли теперь унію, нѣсколько времени назадъ, съ клятвою отрекались, если кто даже заподозривалъ ихъ въ намѣреніяхъ подобнаго рода; а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось непосредственно очевиднымъ, что совершившійся фактъ уніи былъ плодомъ вѣроломства нѣсколькихъ лицъ, измѣннически злоупотребившихъ своимъ высокимъ положеніемъ въ церкви съ цѣлію улучшить свое внѣшнее благосостояніе,—удовлетворить своимъ личнымъ, чисто эгоистическимъ интересамъ. Что касается, далѣе, православнаго брестскаго собора, который, вслѣдствіе преобладанія на немъ мірскаго элемента, Скарга называетъ „сеймикомъ", то, послѣ выхода Апокрисиса, не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, хотя на этомъ соборѣ, дѣйствительно, и не участвовала большая часть высшей православной іерархіи, но тѣмъ не менѣе на немъ, а не па уніятскомъ соборѣ, выразился дѣйствительный голосъ всей православной церкви, такъ какъ на немъ присутствовала депутація почти отъ всѣхъ православныхъ областей короны польской. Вообще, сдѣлался несомнѣннымъ тотъ фактъ, что вся православная литовско-русская церковь, за исключеніемъ немногихъ отступниковъ, стояла на сторонѣ православнаго, а не уніятскаго собора. Скарга, далѣе, доказывалъ, что принятое уніятами ученіе о главенствѣ папы покоится на твердомъ догматико историческомъ основаніи, по разсмотрѣніи же этого вопроса Филалетомъ, оказалось, что все это плодъ іезуитской софистики. Скарга также утверждалъ, что отпаденіе грековъ отъ власти папы римскаго, сопровождавшееся будто бы утратой православія, имѣло своимъ слѣдствіемъ порабощеніе ихъ турками и вообще

обусловливало какъ внѣшнее, такъ и внутреннее бѣдственное состояніе ихъ страны и церкви. Но Филалетъ, на основаніи аналогическихъ примѣровъ, доказалъ, что связь между этими двумя явленіями не дѣйствительная, а фиктивная, и что вообще ставить ихъ между собою въ причинную связь—это значитъ противорѣчить фактамъ исторіи. Коротко говоря, вышедшій изъ подъ пера Филалета Брестскій соборъ столько же былъ похожъ на „Synod Brzeski" Скарги, сколько можетъ быть общаго между положеніемъ и отрицаніемъ: все, что у Скарги рѣшено было въ положительномъ смыслѣ, то у Филалета категорически было отвергнуто, и наоборотъ. И такъ-какъ на сторонѣ Филалета была объективная истина, подкрѣпленная неотразимой аргументаціей, и такъ-какъ притомъ же эта истина была предметомъ страстнаго желанія всѣхъ, оставшихся вѣрными православію, то понятно, что въ происшедшемъ литературномъ поединкѣ Скарга, а съ нимъ и вся латино-польская сторона, потерпѣла полнѣйшее пораженіе. Такимъ образомъ, хитросоставленный планъ—поразить православныхъ силою совершившагося факта—распался отъ перваго удара, нанесеннаго ему Филалетомъ, и латиняне горько должны были разочароваться въ своей надеждѣ построить въ брестской уніи крѣпкое основаніе для ея дальнѣйшаго развитія. На практикѣ они, конечно, могли ссылаться на постановленія брестскаго собора, какъ на совершенно законное основаніе для существованія уніатской церкви; они даже могли видѣть въ нихъ (какъ это и было на дѣлѣ) поводъ для того, чтобы прибѣгать къ разнаго рода принудительнымъ мѣрамъ для обращенія въ унію православныхъ; но все же въ душѣ они должны были сознаваться, что у нихъ нѣтъ достаточнаго основанія для

оправданія своего поведенія. Но дѣло не въ томъ: для, латинянъ, въ данномъ случаѣ, не достаточно было владѣть такимъ основаніемъ, которое могло-бы убаюкивать ихъ собственную совѣсть; совѣсть ихъ, какъ это показываютъ факты, легко мирилась съ какимъ угодно средствомъ, если только оно вело къ достиженію преслѣдуемой цѣли. Что же касается самихъ вновь состряпанныхъ уніятовъ, то съ ними уже нечего было особенно церемонится: надъ ихъ свободой уже царила несокрушимая сила факта, предъ которою, въ виду безцеремонности ихъ новыхъ патроновъ, должна была замолкнуть способная къ самой чувствительной щепетильности совѣсть. Но совершенно другое дѣло было съ людьми, оставшимися вѣрными вѣрѣ предковъ. Какъ ни падки были виновники уніи на принудительныя мѣры въ данномъ случаѣ, но все же они, уже на основаніи своего собственнаго опыта, не могли не убѣдиться, что сила православія заключалась не въ одномъ только грубомъ упрямствѣ, которое стоило лишь сломить точно такою же грубою силою,—и дѣло непремѣнно увѣнчалось бы успѣхомъ; но что въ основѣ этой силы лежала глубокая вѣра въ святость идеи православія и ничѣмъ непреодолимая рѣшимость сохранить ей неизмѣнную вѣрность. По крайней мѣрѣ для лучшихъ изъ представителей католической пропаганды хорошо было извѣстно, что ослабить эту силу можно было лишь при помощи средствъ однородныхъ съ нею по природѣ. Фактъ существованія значительной латино-уніятской полемической литературы за описываемый періодъ показываетъ, что предложенный когда-то Антоніемъ Поссевиномъ совѣтъ-влiять на русскихъ посредствомъ сочиненій—никогда не забывался сторонниками уніи. Ясно послѣ этого, что когда послѣ выхода

„Апокрисиса“ разрушена была надежда латинянъ имѣть въ брестской уніи твердую опору для дальнѣйшей дѣятельности пропаганды, когда они убѣдились, что въ сознаніи православныхъ брестскій уніятскій соборъ съ его постановленіями потерялъ всякую законность и нравственную обязательность; то, естественно, должна была почувствоваться необходимость перенести центръ тяжести въ аргументаціи при полемикѣ на такой пунктъ, на которомъ можно было бы опереться съ сравнительно большими шансами на успѣхъ, который бы носилъ въ себѣ больше нравственной обязательности для православныхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ которому можно было бы питать надежду, что при извѣстныхъ условіяхъ эта обязательная сила можетъ быть придана ему. Такъ, дѣйствительно, какъ увидимъ, и было сдѣлано.

Но здѣсь намъ необходимо оговориться. „Synod Brzeski“ и „Апокрисисъ“ Филалета далеко не были единственными сочиненіями, посвященными обсужденію разсматриваемаго въ нихъ вопроса. Заключеніе уніи въ Римѣ и принятіе ея извѣстною частію православныхъ на брестскомъ соборѣ навсегда остались самыми крупными событіями въ исторіи уніятской церкви, послуживъ для нея началомъ, такъ сказать, новой эры. Совершенно естественно поэтому, что на этихъ двухъ моментахъ, около которыхъ группировалось много другихъ частныхъ фактовъ, особенно должно было останавливаться вниманіе полемистовъ какъ той, такъ и другой стороны, такъ какъ фактически здѣсь именно скрывался тотъ клубокъ, изъ котораго,—выражаясь образно,—разматывалась нить уніи если не вообще, то, по крайней мѣрѣ, какъ оффиціально признаннаго факта. Поэтому, въ литературѣ описываемаго времени, на ряду съ упомянутыми двумя

сочиненіями, можно указать нѣсколько и другихъ, въ которыхъ разсматриваются событія, непосредственно связанныя съ фактомъ брестской уніи. Таковъ прежде всего вышедшій въ 1597 году „Ekthesis", или краткое собраніе дѣяній, которыя происходили на партикулярномъ, т. е. помѣстномъ соборѣ въ Брестѣ литовскомъ. Въ Краковѣ, отъ сотворенія міра въ 7104, а отъ воплощенія Господа нашего І. Христа въ 1597 г." [1]). Это небольшое сочиненіе (въ 33 страницы въ 8 д. л.) написано, какъ можно думать, однимъ изъ лицъ, непосредственно

---

[1]) Въ Краковѣ Ектезисъ изданъ былъ на польскомъ языкѣ, но есть основаніе думать, что тогда же онъ изданъ былъ и на русскомъ. На эту мысль наводитъ нѣкоторое различіе заглавія въ Краковскомъ изданіи отъ заглавія, какое находимъ въ русскомъ текстѣ „Апокрисиса". Въ Краковскомъ изданіи онъ озаглавленъ такъ: „Ekthesis abo krotkie zebranie spraw, ktore się działy na partykularnym, to iest, pomiastnym Synodie w Brześciu Litewskim". Это заглавіе буквально повторяется и въ Польскомъ текстѣ Апокрисиса (Русск. Ист. Биб. т. VII, стр. 1027); въ русскомъ же текстѣ оно приводится въ такомъ видѣ: „Ектезисъ албо короткое собранья справъ, которіися дѣяли на помѣстномъ синодѣ въ Брестю Литовскомъ". (ibid). Это послѣднее заглавіе, вѣроятно, подало поводъ г. Головацкому включить Ектезисъ въ число церковно-славянскихъ книгъ. („Дополненіе къ Очерку славяно русской библіографіи В. М. Ундольскаго" № 7) Въ послѣднее время Ектезисъ изданъ А. Н. Поповымъ въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Истор. и древн. Россійскихъ" (1879 г. январь—мартъ). Въ приложенномъ къ Палинодіи З. Копыстенскаго „Каталогъ книгъ, которыхъ ся до той книги уживало", помѣщены „Берестейскаго собору „Дѣи въ части православныхъ", т. е. Акты православнаго брестскаго собора (1696 г.). Этого изданія нельзя смѣшивать съ Ектезисомъ, который тоже помѣщенъ въ каталогѣ.

присутствовавшихъ на брестскомъ соборѣ. Авторъ поставилъ себѣ скромную задачу — представить коротко ходъ веденія на соборѣ дѣлъ лицами, составлявшими православную половину брестскаго собора, съ цѣлью доказать, что, съ одной стороны, на этомъ соборѣ соблюдены были всѣ условія, какія только необходимы для признанія за нимъ права законности, и что, съ другой стороны, этотъ соборъ, въ лицѣ присутствовавшихъ на немъ депутатовъ, былъ выразителемъ мнѣнія всего православнаго народа королевства Польскаго. Послѣ краткаго предисловія, гдѣ авторъ отступничество митрополита и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ называетъ измѣной древнему преданію, постановленіямъ св. Отцовъ и своей собственной клятвѣ, и гдѣ указываетъ на то тревожное состояніе, въ какое православные приведены были этимъ отступничествомъ, — онъ переходитъ къ изложенію исторіи православнаго брестскаго собора, которую разсказываетъ въ порядкѣ четырехъ дней, въ которые происходили соборныя засѣданія. Въ разсказѣ о событіяхъ перваго дня, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, относящихся къ предварительнымъ дѣйствіямъ собора, коротко передается содержаніе рѣчей Гедеона Балабана, епископа львовскаго, Кирилла, протосинкела церкви константинопольской; затѣмъ приводится *парагностикъ*, отправленный соборомъ къ митрополиту Михаилу и его единомышленникамъ; наконецъ приводится отвѣтъ собору митрополита, передаваемый однимъ изъ отправлявшихся къ нему отъ собора съ парагностикомъ депутатовъ, Игнатіемъ, пресвитеромъ острожскимъ. Далѣе точно также коротко говорится о событіяхъ втораго дня и приводится посланный соборомъ тѣмъ же лицамъ второй паранагностикъ, и опять передается отвѣтъ

митрополита собору. Въ разсказѣ о событіяхъ третьяго дня приводятся копіи съ посланій, отправленныхъ еще предъ соборомъ къ тому же митрополиту: одно отъ имени протосинкела Никифора, другое отъ имени обоихъ протосинкеловъ. Тутъ же приводится третій паранагностикъ собора къ митрополиту и сравнительно длинная рѣчь протосинкела Никифора. Затѣмъ указываются „причины отступничества, которое тайно допустили владыки безъ согласія христіанскаго множества русскаго народа", перечисляются имена важнѣйшихъ пословъ, прибывшихъ на соборъ, и всѣ пункты посольскихъ инструкцій. Наконецъ, въ разсказѣ о событіяхъ четвертаго и послѣдняго дня указываются въ пяти пунктахъ причины, побудившія соборъ низложить отступниковъ, приводится самый соборный декретъ и списокъ лицъ подписавшихъ его.

Ведя свой разсказъ, авторъ удерживается отъ высказыванія своихъ личныхъ взглядовъ на тотъ или другой передаваемый фактъ, и поэтому изложеніе содержанія „Ектезиса" вполнѣ объективно.

Но въ своихъ нападкахъ на брестскую унію православная полемика не остановилась на брестскомъ соборѣ и на непосредственно предшествовавшей ему подготовительной дѣятельности коноводовъ уніятской партіи. Указывая ближайшія причины совершившагося факта, наши полемисты не могли не сознавать, что при другихъ условіяхъ причины эти не могли бы произвести того дѣйствія, которое они оказали на дѣлѣ. Люди, которымъ еще задолго до брестской уніи приходилось со стороны православныхъ выслушивать заявленія, въ родѣ, напримѣръ, того, что „яко аще не устроится развращеніе въ конецъ разыйдемся, во отступленіи римскаго послушанія и въ

покои безмятежно пребудемъ,—этого рода люди должны были сознавать, что измѣна православію нѣсколькихъ владыкъ не есть дѣйствительная, конечная причина уніи, что, напротивъ, настоящей причины послѣдней слѣдуетъ искать въ чемъ то другомъ, чѣмъ только воспользовались нѣкоторыя лица для своихъ личныхъ цѣлей, и безъ чего подобная мысль не могла бы придти имъ и въ голову. И такъ, здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: такъ въ чемъ же заключается это злосчастное нѣчто, которое надѣлало православной церкви столько зла? Ближайшій отвѣтъ на этотъ вопросъ для всѣхъ былъ очевиденъ: всѣ видѣли, что искомая причина заключается въ полномъ какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ разстройствѣ самой православной церкви. Но тѣхъ, которые серіозно ставили этотъ вопросъ, подобный отвѣтъ не могъ удовлетворить. Дѣло въ томъ, что кто въ то время серіозно задумывался надъ вопросомъ о причинахъ уніи, тотъ интересовался имъ не ради простаго любопытства, а потому, что въ уясненіи этого вопроса онъ видѣлъ лучшее средство для предотвращенія въ будущемъ отъ соблазна тѣхъ, которые еще оставались вѣрными православію. Если унія естъ результатъ печальнаго состоянія православной церкви, то нужно, значитъ, вывести послѣднюю изъ такого ея состоянія, а это можно сдѣлать лишь подъ условіемъ прекращенія дѣйствія тѣхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ она пришла къ такому состоянію. Что такъ именно смотрѣли на вещи лучшіе современники, въ этомъ можно убѣдиться изъ напечатаннаго въ 1600 году во Львовѣ „Оглашенія церкве братской львовской". Указавъ на крайне бѣдственное свое состояніе, братство тутъ же говоритъ и о средствахъ противъ него: „школу наукъ христіанскихъ, грецкихъ и словенскихъ

дѣтемъ вашимъ и всѣмъ посполите уфундовали, ижбы піючи въ чужихъ студенцахъ воды наукъ умоязыческихъ вѣры своей не отпадали, зачимъ правѣ и всенародное сгиненіе барзо близко ходитъ" [1]). Братство сознаетъ, что отсутствіе своихъ собственныхъ *студенцовъ воды наукъ* и обращеніе къ чужимъ служитъ причиною отпаденія отъ своей вѣры, и для устраненія дѣйствія этой причины оно предлагаетъ соотвѣтствующее средство—распространеніе своего собственнаго образованія. Итакъ, вопросъ о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя привели православную церковь до настоящаго ея состоянія, послуживъ коренною причиною потери ею значительнаго количества своихъ исповѣдниковъ, естественно, долженъ былъ интересовать всѣхъ тѣхъ изъ православныхъ, которые хоть сколько нибудь подготовлены были осмысливать вещи съ болѣе или менѣе широкой точки зрѣнія. Въ разрѣшеніи этого вопроса была настоятельная нужда еще и потому, что имъ, какъ мы видѣли, злоупотребляли латино-уніяты, разсматривавшіе уничиженное состояніе православной церкви, какъ результатамъ потери ею православія. Правда, противъ такого пониманія дѣла съ значительнымъ успѣхомъ уже раньше возражали православные полемисты; но ихъ аргументація сводилась лишь къ отрицанію при помощи аналогическихъ примѣровъ дѣйствительной причинной связи между сопоставлявшимися въ данномъ случаѣ явленіями; положительнаго же отвѣта на вопросъ о томъ, что привело православную церковь къ настоящему ея состоянію, или совершенно не было дано, или, если онъ и предлагался, то не въ той полнотѣ,

---

[1]) Труд. Кіевск. Дух. Ак. 1876 годъ, т. 1 стр. 386.

въ какой это желательно было. Когда, напримѣръ, Филалетъ въ „Апокрисисѣ" доказываетъ, что промыслъ, для искупленія грѣховъ своихъ избранниковъ, часто посылаетъ на нихъ тяжелыя испытанія, то здѣсь, очевидно, еще оставался неразрѣшеннымъ вопросъ: какіе же именно грѣхи искупаетъ современный западно-русскій народъ своимъ столь тяжкимъ страданіемъ? Вотъ къ чему въ концѣ концовъ сводился вопросъ о породившихъ унію причинахъ. Но, на ряду съ разъясненіемъ исторической стороны въ фактѣ уніи, православныхъ должна была интересовать еще и другая сторона. Кто смотрѣлъ на унію какъ на плодъ разнаго рода ненормальностей въ жизни православной церкви, въ сознаніи того, естественно, возникалъ вопросъ: имѣетъ-ли этотъ своего рода выкидышъ достаточно собственныхъ внутреннихъ силъ для своего существованія, и нельзя-ли на основаніи внутренняго безсилія уніатской церкви доказать незаконность ея существованія? Итакъ, на ряду съ вышеуказаннымъ вопросомъ, возникалъ еще вопросъ о средствахъ, при помощи которыхъ введена и продолжала дальнѣйшее существованіе уніатская церковь. Эти то вопросы, на ряду, конечно, съ другими, сдѣлавшимися ходячими къ этому времени, каковъ, напр., вопросъ о главенствѣ папы, о Флорентійской уніи, о корыстолюбивыхъ стремленіяхъ перешедшихъ въ унію владыкъ и др. и легли въ основаніе выпущеннаго однимъ львовскимъ священникомъ сочиненія, извѣстнаго подъ названіемъ „Перестроги".

Заглавіе свое Перестрога получила отъ перваго слова, которымъ она начинается: „Перестрога зѣло потребная на потомные часы православнымъ Христіаномъ, святые каѳолическія восточные церкве сынамъ", Первый разъ сочиненіе это издано было С. П. археографическою

коммиссіею въ IV томѣ Актовъ Западной Россіи, подъ № 149, по списку, сдѣланному извѣстнымъ галицкимъ ученымъ, Д. Зубрицкимъ, съ подлинника, хранившагося въ библіотекѣ бывшаго львовскаго ставропигіальнаго братства. Въ недавнее время оно вторично издано во Львовѣ А. С. Петрушевичемъ.—По общему мнѣнію ученыхъ Перестрога написана однимъ священникомъ Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Мнѣніе это основывается, главнымъ образомъ, на самомъ содержаніи сочиненія, въ которомъ дѣйствительно есть много указаній на то, что оно вышло изъ подъ пера человѣка, хорошо знакомаго съ жизнію львовской церкви. Есть даже попытка точнѣе опредѣлить личность автора. Говоря о брестскомъ соборѣ 1596 года, авторъ Перестроги между прочимъ замѣчаетъ: „коли съѣхалися... вси благочестія нашего (т. е. православные) такъ стану свѣтскаго, якъ и духовенство,—гдѣ я и самъ былъ въ тыхъ всѣхъ *хоженіяхъ* и *отправленіяхъ*, пытали митрополита [1])!.... Эти слова даютъ основаніе предполагать, что авторъ Перестроги былъ одинъ изъ семи членовъ депутаціи, составленной по предложенію председателя собора, экзарха Константинопольскаго патріарха, Никифора, для увѣщанія Митрополита Рагозы. Сопоставляя эти слова съ тѣмъ мѣстомъ Ектезиса [2]), гдѣ перечисляются самые члены этой депутаціи и находя между ними имя львовскаго священника Андрея (Iedżey prezbiter Lwowski), который подъ актами собора подписался—Andrzey Woź-

---

[1]) Перестрога, стр. 214.

[2]) Чтен. въ Императ. Общ. Истор. и др. 1879 г. Январь Мартъ, Ekthesis, стр. 6.

niesieński Lwowski notary Synodowy [1]), заключаютъ, что этотъ о. Андрей и былъ авторомъ Перестроги. Затѣмъ, тѣсная внутренняя связь приводимой въ Перестрогѣ рѣчи, произнесенной „единымъ съ братства львовскаго“ на сеймѣ 1600 года, съ общимъ содержаніемъ этого сочиненія, даетъ основаніе предположить, что авторъ Перестроги непосредственно участвовалъ на этомъ сеймѣ и что имъ именно и произнесена была эта рѣчь. — Ближайшимъ поводомъ къ написанію Перестроги признаются событія сейма 1600 года, на которомъ, между прочимъ, разбирался вопросъ о дѣятельности уніатскихъ епископовъ, обвинявшихся въ несправедливомъ отношеніи къ православнымъ [2]). Представителями уніатской стороны на сеймѣ были Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй. Въ отвѣтъ на защитительную рѣчь послѣдняго и произнесена была депутатомъ отъ львовскаго братства вышеуказанная рѣчь, положенная въ послѣдствіи въ основаніи Перестроги. Что касается, наконецъ, времени написанія этого сочиненія, то его обыкновенно опредѣляютъ 1600—1605 гг. Что Перестрога немогла быть написана раньше 1600 года, это необходимо признать, если только согласиться съ тѣмъ вполнѣ правдоподобнымъ предположеніемъ, что подъ сеймомъ, о которомъ идетъ въ ней рѣчь, нужно разумѣть сеймъ 1600 года. Это предположеніе подтверждается и нѣкоторыми другими данными, напримѣръ, констатированіемъ авторомъ факта смерти митрополита Рагозы, которая, какъ извѣстно, послѣдовала въ 1599 году [3]). Предположеніе же, по которо-

---

[1]) Ibid. стр. 29.

[2]) Костомаровъ Историческ. Монографіи т. III, статья „Южная Русь“.

[3]) Акт. Зап. Р. т. IV № 133 стр. 198.

му написаніе Перестроги относится къ 1605 году, основывается на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что уніаты „книгами фальшивыми закидаютъ, книги змышляютъ, пишучи подъ датою старою, письмомъ старымъ, якобы колись тая згода (т. е. флор. унія) травити мѣла“ [1]). Основательно предполагая, что здѣсь идетъ рѣчь объ изданіи въ 1605 году И. Поцѣемъ извѣстной кревской рукописи, заключавшей въ себѣ такъ называемое посольство къ Сиксту IV, заключаютъ, что и Перестрога написана была не раньше 1605 года. Это предположеніе, конечно, можетъ быть принято лишь въ томъ случаѣ, если окажется не возможнымъ признать, что Поцѣй еще на сеймѣ 1600 года дѣлалъ ссылки на кревскую рукопись.

Такимъ образомъ, „Перестрота“ представляетъ первую попытку освѣтить факъ уніи съ исторической точки зрѣнія. Мысли въ этомъ, очень интересномъ въ научномъ отношеніи, памятникѣ развиваются въ слѣдующемъ порядкѣ. Христіанство на Руси распространилось изъ Греціи. Первые ревнители Христіанства, много обращавшіе вниманія на нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства въ церковной жизни, не обратили должнаго вниманія на постройку школъ. Укоренившееся вслѣдствіе этого невѣжество повлекло за собою раздѣленіе, а затѣмъ и раздоры между представителями отдѣльныхъ княжескихъ родовъ, которые не стѣснялись призывать къ себѣ на помощь иноземцевъ. Послѣдніе, являясь спачала въ качествѣ союзниковъ, обращали впослѣдствіи свое оружіе на призвавшихъ ихъ, побѣждали ихъ и завладѣвали ихъ землями и разнаго рода сокровищами. Не имѣя своихъ собственныхъ школъ и своей науки, такъ какъ книги

---

[1]) Перестрога, стр. 229.

славянскія въ большомъ количествѣ собирались завладѣвшими Русью поляками и запирались въ склепахъ, русскіе, увлекаясь польскими науками, правами и обычаями, стали подвергаться ассимиляціи со стороны польскаго національнаго элемента, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали измѣнять своей народности и православію. Высшій классъ русскаго общества сталъ пренебрегать духовнымъ званіемъ, вслѣдствіе чего на высшихъ ступеняхъ церковной іерархіи стали появляться люди „неискусные", неотличавшіеся качествами своихъ предшественниковъ. Результатомъ этого было то, что церковная жизнь начала приходить въ упадокъ. Къ несчастію, въ это время греческое царство завоевано было турками, что помѣшало константинопольскимъ патріархамъ оказывать непосредственное вліяніе на русскую церковь. Въ это время выступилъ князь Константинъ (Василій) Острожскій, который своими матеріальными средствами и личною дѣятельностью на пользу церкви много подвинулъ дѣло впередъ. Тутъ авторъ переходитъ къ пріѣзду въ Россію константинопольскаго патріарха Іереміи, говоритъ о извѣстныхъ его распоряженіяхъ здѣсь, ставитъ въ причинную связь съ этими распоряженіями возникновеніе у нѣкоторыхъ епископовъ мысли объ уніи съ Римомъ, подробно говоритъ о ихъ тайной дѣятельности въ этомъ направленіи, закончившейся формальнымъ заключеніемъ уніи въ Римѣ и брестскимъ соборомъ; затѣмъ характеризуетъ отношеніе уніатовъ къ православнымъ, причемъ подробно останавливается на извѣстной исторіи съ протосинкеломъ Никифоромъ. Далѣе авторъ приводитъ длинную рѣчь, сказанную на сеймѣ „единымъ съ братства львовскаго" по поводу защитительной рѣчи Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго, изъ которыхъ послѣдній обвинял-

ся въ утопленіи при посредствѣ близкихъ ему лицъ православнаго священника Стефана Добрянскаго. Въ этой рѣчи сначала защищается константинопольскій патріархъ, обвинявшійся уніятами въ нерадѣніи о русской церкви, затѣмъ высказывается на основаніи исторіи клирика острожскаго, взглядъ на флорентійскую унію, приводится нѣсколько чудесныхъ случаевъ въ доказательство того, что вновь совершившаяся унія не угодна Богу, дѣлается упрекъ уніятамъ въ воздвигаемыхъ ими гоненіяхъ на православныхъ полемистовъ, высказывается критическій взглядъ на ученіе Римской церкви о главенствѣ папы, наконецъ, развивается мысль, что промыслъ, имѣя въ виду благо людей, часто справедливыхъ заставляетъ терпѣть отъ несправедливыхъ. Далѣе авторъ, указавъ на разнаго рода предосудительныя мѣры, посредствомъ которыхъ уніяты старались привлекать къ уніи православныхъ,-- какъ напримѣръ, изданіе подложныхъ документовъ, предпочтеніе, отдававшееся въ судахъ католикамъ и уніятамъ предъ православными,—разбираетъ ученіе римской церкви о главенствѣ папы, причемъ, главнымъ образомъ, останавливается на той мысли, что апостолъ Петръ не былъ римскимъ епископомъ. Въ концѣ сочиненія авторъ, указавъ на разнаго рода заблужденія римской церкви, константируетъ фактъ, что греческая церковь, не смотря на свое порабощенное состояніе подъ властію турокъ, остается вѣрною истинѣ, причемъ предостерегаетъ православныхъ не вѣрить болтовнѣ тѣхъ, которые указываютъ на это состояніе, какъ на наказаніе Божіе за утрату православія[1]).

---

[1]) Перестрога, какъ историческій памятникъ, со стороны заключающихся въ ней фактическихъ данныхъ, не всегда

Такъ отнеслись къ совершившемуся факту уніи православные полемисты. Что же касается латино-уніатскихъ полемистовъ, то Филалетъ своимъ „Апокрисисомъ" произвелъ на нихъ такое впечатлѣніе, что казалось положительно невозможнымъ касаться событій брестской уніи иначе, какъ развѣ путемъ критики „Апокрисиса": „Апокрисисъ" рисовался въ ихъ сознаніи въ формѣ защищавшей православіе крѣпкой стѣны, такъ что уязвить его (православіе) можно было не иначе, какъ развѣ разрушивши эту стѣну; обойти же ее, игнорировать ее было положительно невозможно, такъ какъ это представлялось равносильнымъ тому, если бы какой-нибудь полководецъ рѣшился углубиться внутрь непріятельской страны, оставивъ позади себя ничѣмъ не связанную превосходную непріятельскую армію. Но такъ какъ православные въ свою очередь тоже очень зорко слѣдили за поведеніемъ въ этомъ отношеніи латино-уніатовъ, отвѣчая на критику антикритикой, то около „Апокрисиса", какъ около основнаго ядра, образовалась чуть-ли не цѣлая литература, которая даже можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльная вѣтвь на кудрявомъ деревѣ общей полемиче-

---

отличается строгою точностію и вѣрностію (см. Истор. Русскіи, Ц. Макарія т. IX. стр. 491, примѣч. 480). Но, по словамъ г. Калужняцкаго (см. рефератъ, читанный на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. „Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ". Труды III археологическаго сѣзда), въ архивѣ Львовскаго бывшаго ставропигіальнаго братства находится другое правдивое „описаніе" уніи, гдѣ событія доводятся до 1620 года. Подобно Перестрогѣ, и это „описаніе" принадлежитъ перу анонима.

ской литературы описываемаго времени. Такъ чрезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ „Апокрисиса“, именно въ 1599 году, выпущено было, какъ полагаютъ, Ипатіемъ Поцѣемъ сочиненіе „Антиррисисъ“, направленное, главнымъ образомъ, противъ исторической части „Апокрисиса”. Попытка эта, гдѣ авторъ, по мѣткому выраженію православнаго современника, „разжевывая мягкіе куски, оставлялъ кости, которыми можно подавиться“, оказалась не удачною и на нѣкоторое время отбила охоту у латино-уніатовъ къ подражанію. Но въ 1628 году борьба возобновилась съ новою силою. Начиная съ этого года, выпущено было нѣсколько сочиненій, въ которыхъ „Апокрисису“ Филалета отводилось не послѣднее мѣсто. Начало полемики на этотъ разъ положилъ, перешедшій уже теперь на сторону уніи, Мелетій Смотрицкій въ своей „Апологіи путешествія въ страны восточныя“, изъ которой въ томъ же 1628 году сдѣлана была компиляція виленскимъ свято-троицкимъ проповѣдникомъ базиліанцемъ Ѳеодоромъ Ликиніемъ Намысловскимъ. Въ отвѣтъ на „Апологію” написано было въ 1629 году протопопомъ слуцкимъ и копыльскимъ Андреемъ Мужиловскимъ не совсѣмъ удачное сочиненіе подъ заглавіемъ „Противоядіе (Антидотъ) именитому народу русскому“, на которое Смотрицкій отвѣтилъ „Экзетезисомъ“, вышедшимъ въ томъ-же 1629 году. На „Экзетезисъ“, а вмѣстѣ и на туже „Апологію“ въ свою очередь отвѣтила православная сторона „Антапологіей“, написанной однимъ изъ воспитанниковъ Кіево - Могилянской школы, Геласіемъ Диплицемъ, и изданной какимъ-то его пріятелемъ въ 1632 году. Какъ „Антиррисисъ” направленъ былъ, главнымъ образомъ, противъ исторической части „Апокрисиса“ такъ позднѣйшая полемика, начиная съ „Аполо-

гіи", останавливалась, главнымъ образомъ, на богословскихъ воззрѣніяхъ его автора. Но мы не будемъ останавливаться на этой полемикѣ частію потому, что она уже разсмотрѣна Н. А. Скабаллановичемъ въ его изслѣдованіи объ „Апокрисисѣ", частію потому, что она выходитъ изъ объема программы предпринятаго нами труда.

Одновременно съ разсмотрѣнной полемикой по тѣмъ же вопросамъ шла полемика частная, выражавшаяся въ перепискѣ отдѣльныхъ лицъ. Переписка эта, замѣняя собою нашу газетную и журнальную печать, была въ свое время почти единственнымъ средствомъ къ обмѣну мыслей по тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросамъ и поэтому къ ней охотно прибѣгали всѣ выдающіеся современные дѣятели. Хотя письма и посланія этого рода отправлялись въ большинствѣ случаевъ по частнымъ адрессамъ, но они нерѣдко носятъ на себѣ всѣ признаки настоящихъ полемическихъ сочиненій и поэтому заинтересованныя лица, на сколько оказывалось возможнымъ, всегда старались предавать ихъ гласности чрезъ напечатаніе, примѣръ чего видимъ въ Апокрисисѣ Хр. Филалета. Въ нашу задачу, конечно, не можетъ входить полный обзоръ переписки, вызванной фактомъ брестской уніи. Мы остановимся только на тѣхъ доступныхъ намъ ея памятникахъ, которые отличаются богословско-полемическимъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаетъ вниманія „Посланіе Мелетія патріарха александрійскаго къ всеславному и великолѣпному, благочестивому и православному государю и владыцѣ Острожскому, воеводѣ кіевскому, всесвѣтлому княжати Василію и инымъ православнымъ и великимъ княжатамъ, милостивымъ панамъ всей малой Россіи. Благовѣрнымъ же священникамъ и всѣмъ христолюбивымъ людямъ во

всемъ томъ началѣ обрѣтающимся, сыномъ о господѣ возлюбленнымъ" [1]). Поводомъ къ написанію этого посланія послужилъ распространившійся на дальнемъ востокѣ слухъ о принятіи въ Римѣ нѣкоторыми православными западно-русскими владыками уніи. Слухъ этотъ дошелъ до Александріи, вѣроятно, черезъ Константинополь, куда, по словамъ Ектезиса, отправлено было много писемъ, въ которыхъ многіе русскіе люди просили патріарха прислать имъ на помощь кого либо изъ ученыхъ людей [2]). Просьба эта, какъ извѣстно, была услышана и въ Россію отправлены были два протосинкелла: константинопольской церкви Никифоръ и александрійской — Кириллъ Лукарисъ. Недовольствуясь отправленіемъ своего уполномоченнаго, Мелетій написалъ еще вышеуказанное посланіе, помѣченное датой отъ 1 августа 1596 года. Выразивъ глубокое сожалѣніе о томъ, что „нѣкоторые изъ святительствующихъ" на Руси, „возлюбивъ славу человѣческую болѣе, чѣмъ славу Божію, сами добровольно пошли на путь широкій и просторный" и воздавъ похвалу тѣмъ, которые съумѣли „среди такой бури устоять безстрашно", Мелетій въ этомъ посланіи коротко, но сильно опровергаетъ ученіе римской церкви о главенствѣ папы: выяснивъ истинный смыслъ 18 и 19 стиховъ XVI главы евангелія отъ Матѳея, на которые латиняне обыкновенно ссылаются при обоснованіи этого своего

---

[1]) Посланіе это впервые напечатано было въ Апокрисисѣ Хр. Филалета, а въ настоящее время издано при кіевскомъ изданіи Апокрисиса 1870 г., а также въ книгѣ Малышевскаго: Александр. Патр. Мел. Пигасъ, II, приложеніе I, № 16, стр. 28—44.

[2]) Ekthesis. Przedmowa.

ученія, онъ констатируетъ извѣстный въ исторіи случай, когда папа Зосимъ, по случаю аппеляціи въ Римъ низложеннаго на кареагенскомъ соборѣ 419 года пресвитера Аппіарія, чтобы оправдать свое вмѣшательство въ церковныя дѣла Африки, сослался на правила Сардикійскаго собора, выдавъ ихъ за правила собора Никейскаго. Упомянувъ, далѣе, мимоходомъ о совершеніи латинянами евхаристіи на опрѣснокахъ, о причащеніи міряпъ подъ однимъ видомъ и объ искаженіи римскою церковью ученія объ исхожденіи Св. Духа, онъ защищаетъ православныхъ отъ упрека со стороны латинянъ въ бѣдственномъ положеніи Грековъ подъ властью турокъ и, наконецъ, осуждаетъ введеніе новаго календаря. Въ заключеніе авторъ приглашаетъ отступниковъ покаяться и возвратиться въ лоно православной церкви; а въ случаѣ ихъ нераскаянности, даетъ православнымъ совѣтъ избрать себѣ новаго митрополита и епископовъ.

Мелетій трудился не напрасно. Князь Острожскій не только остался вѣрнымъ православію, но и открыто объявилъ себя врагомъ уніи. Этотъ фактъ немогъ не смущать уніатовъ. Константинъ Острожскій составлялъ въ Польшѣ немалую нравственно-политическую силу и поэтому склонить его на свою сторону было весьма желательно для сторонниковъ уніи. И вотъ главный предводитель уніатской партіи, Ипатій Поцѣй, пишетъ князю письмо (1598 г.), въ которомъ, воспѣвъ панигирикъ уніи, какъ дѣлу весьма любезному Богу, доказываетъ, что унія между Греками и Римлянами— не новость, что на нѣкоторыхъ греческихъ островахъ и въ настоящее время Греки находятся въ единеніи съ римлянами и даже совершаютъ совмѣстно богослуженіе и поэтому совѣтуетъ князю непремѣнно приступить къ уніи и лично-ли,

или чрезъ пословъ испросить благословеніе у папы. Князь не нашелъ нужнымъ лично отвѣчать на это посланіе, а поручилъ это сдѣлать одному острожскому клирику, который отвѣтилъ цѣлымъ полемическимъ сочиненіемъ, выпущеннымъ подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ на письмо, которое писалъ священный Ипатій, епископъ владимірскій и брестскій, въ 1598 году къ его милости— князю Константину Острожскому, воеводѣ кіевскому и въ которомъ одобрялъ и восхвалялъ унію или согласіе восточной церкви съ западною. Составленъ въ томъ же году нижайшимъ клирикомъ Острожскимъ [1]). — Направляя мысль противъ письма Поцѣя, авторъ доказываетъ что врагъ человѣческаго рода, зорко слѣдя за слабостями людей и пользуясь ими для своихъ цѣлей, нерѣдко самыя благія намѣренія направляетъ ко злу. Вотъ почему и согласіе между людьми, какъ ни хорошо оно само по себѣ, невсегда пріятно бываетъ Богу; напротивъ, если оно достигается противъ воли Божіей, оно вредно, и, вообще, всякое даже „доброе дѣло, если оно совершается не по волѣ Божіей, бываетъ непріятно и противно волѣ Божіей". Съ другой стороны, бываютъ случаи вражды и несогласія вполнѣ пріятныя Богу. А что брестская унія неможетъ быть пріятна Богу, это авторъ доказываетъ на основаніи ея слѣдствій. „Что надѣлали вы съ своимъ согласіемъ, достойнымъ плача и рыданія?" обращается онъ съ упрекомъ къ уніатамъ. „Нѣтъ такого города, нѣтъ такого селенія, гдѣ бы вы не наполнили плачемъ, рыданіемъ, стенаніемъ, воплями и слезами людей, держащихся отеческаго преданія и вѣры, и ихъ ду-

---

[1]) Отвѣтъ напечатанъ при кіевскомъ изданіи Апокрисиса.

ши... Вы поссорили свѣтъ, смутили людей, изсушили взаимную любовь въ людяхъ; произвели раздоръ между родителями, между братомъ и братомъ, возбудили однаго противъ другаго, уничтожили духъ братства, прогнали пріязнь, ввели ссору... Вы поссорили господина съ крестьянами, привели въ сомнѣніе и взаимное недовѣріе монарховъ, королей, знатныхъ и духовныхъ. Вы потеряли совѣсть, преступили клятву, обманули папу, неисполнили даннаго ему слова, присягали за всѣхъ насъ, отправляли отъ насъ посольство, о которомъ мы не думали; показывали наши письма, о которыхъ намъ и неснилось" [1])... Коснувшись, затѣмъ, коротко другихъ вышенамѣченныхъ пунктовъ письма Поцѣя, клирикъ разбираетъ ходячіе доводы латинянъ въ пользу главенства папы, и въ заключеніе обращается къ Богу съ молитвой объ истинной уніи.—Отвѣтъ написанъ живымъ, бойкимъ языкомъ, и обличаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ священнымъ писаніемъ.

Отвѣтъ клирика не привелъ Поцѣя къ сознанію своихъ заблужденій и предчувствіе Мелетія сбылось: разъ рѣшившись измѣнить православію, онъ остался вѣренъ себѣ до конца. И вотъ, когда возвратившійся изъ Россіи Кириллъ Лукарисъ передалъ Мелетію о такомъ упорствѣ Поцѣя, святитель рѣшился писать къ нему лично: изъ этого *посланія* [2]), помѣченнаго датой отъ 15-го октября

---

[1]) Апокрисисъ Хр. Филалета. Кіевъ 1870 года, стр. 345 и 346.

[2]) Мы пользовались польскимъ изданіемъ этого посланія, напечатаннымъ въ качествѣ приложенія къ сборнику: Kazania y Homilie męża Bożego nieśmiertelney sławy, y pamięci Hipacyusza Pocieia Metropolity kiowskiego, halickiego, y ca-

1599 года, видно, что Кириллъ доставилъ патріарху самыя разносторонпія свѣдѣнія о личности Поцѣя и его дѣятельности. Выдавая его за „человѣка ученаго и способнаго достойно проходить должность епископа", Кириллъ не преминулъ познакомить Мелетія и съ отрицательными сторонами его нравственной личности. Въ одномъ мѣстѣ посланія читаемъ: передаютъ, что „причиною отступничества были обличенія совѣсти въ какихъ нибудь преступленіяхъ, ибо такъ говорятъ о васъ (скажу тебѣ откровенно), отдѣлившихся отъ насъ, и что именно ты сдѣлался отступникомъ для того, чтобы избѣжать строгаго суда восточной церкви, желая у другихъ заслужить себѣ отступничествомъ милостивое снисхожденіе и такимъ образомъ избѣжать наказанія за преступленіе". Мнѣніе, что перешедшія на сторону уніи лица руководствовались въ своихъ поступкахъ не совсѣмъ чистыми побужденіями, было въ свое время общераспространеннымъ между западно-руссами. Но восточный свя-

---

ley Rusi, Biskupa Włodzimierskiego y Brzeskiego. Z listem Melecyusza Patryarchy Alexandryiskiego, a responsem Hipaciusza. Przez Leona Kiszkę z ruskiego ięzyka na polski przetłumaczone y światu ogłoszone roku pańskiego 1714. Typis Supraslensis PP. Basilianorum. Экземпляръ этого изданія есть въ варшавской публичной библіотекѣ. Кромѣ того извѣстны еще два изданія этого сборника: Suprasl 1674 года и Poczajow 1788 года. Посланіе Мелетія также напечатано въ приложеніи къ II т. вышеупомянутаго сочиненія г. Малышевскаго. Въ библіотекѣ холмской духовной семинаріи есть списокъ этого посланія, сдѣланный собственно-ручно б. ректоромъ семинаріи, прот. Криницкимъ. Текстъ этой рукописи, по свидѣтельству б. инспектора той же семинаріи, свящ. Семеновича, заключаетъ въ себѣ признаки стариннаго польскаго языка

титель какъ будто не вѣритъ этому. Мелетій скорѣе склоненъ думать, что Поцѣй „введенъ былъ въ заблужденіе хитросплетеніями схоластическаго богословія“ и что „къ такому поступку привели его сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ неразъясненныхъ вопросовъ, а также хитростное и лживое философское ученіе“, поэтому онъ считаетъ нужнымъ разъяснить тѣ сомнительные вопросы, и опровергнуть тѣ ложныя мнѣнія, которыя не только Поцѣя прельстили, но и для каждаго могутъ быть причиною заблужденія“. Главнѣйшихъ вопросовъ онъ указываетъ два: первый имѣетъ своимъ предметомъ ученіе о символѣ вѣры и въ частности — объ исхожденіи Св. Духа, второй — ученіе о таинствѣ евхаристіи. Въ посланіи сначала коротко доказывается истинность православнаго ученія о причащеніи міряръ подъ обоими видами и совершеніи таинства евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, а затѣмъ авторъ переходитъ къ обстоятельному изслѣдованію вопроса объ исхожденіи Св. Духа. Указавъ предварительно на необходимость различать въ священномъ писаніи тѣ мѣста, въ которыхъ говорится „о временномъ посольствѣ и пришествіи въ міръ (Св. Духа), — въ каковомъ смыслѣ Духъ св. посылается какъ отъ Отца и Сына, такъ и отъ самаго себя“, — отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ заключается ученіе о „вѣчномъ и соприсущномъ исхожденіи“ отъ одного Отца, авторъ на основаніи мнѣнія сначала восточныхъ, а потомъ западныхъ Отцевъ церкви доказываетъ, что *изводить* — есть личное свойство Отца и поэтому никакимъ образомъ не должно быть приписываемо Сыну и что ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа *и отъ сына* извращаются истины, „что одно есть начало Божества, что личныя свойства несообщимы, что вводить два начала — мысль еретическая, что лица

пресвятой Троицы не должны быть смѣшиваемы". — Въ уклоненіи отъ указанныхъ пунктовъ въ ученіи церкви авторъ посланія видитъ „причину всего злаго, потрясеній и возмущеній во всемъ христіанскомъ мірѣ" А такъ какъ все это было результатомъ чрезмѣрнаго развитія въ римскомъ епископѣ „честолюбія и ненасытимой жажды славы, притязаній къ господству и власти", то авторъ и обращается къ папѣ съ упрекомъ, признавая его вмѣстѣ съ тѣмъ виновникомъ страданій восточной церкви и разнаго рода нестроеній на западѣ, имѣвшихъ слѣдствіемъ образованіе протестантскихъ сектъ, и въ заключеніе предлагаетъ отказаться отъ своихъ новшествъ и вступить въ единеніе съ восточною церковью. Затѣмъ Мелетій опять обращается къ Поцѣю, указываетъ на несостоятельность идеи всемірнаго главенства папы, вводящей въ церковь произволъ и посягающей на авторитетъ вселенскихъ соборовъ, обращаетъ вниманіе на „раздоръ и смуты", внесенные въ церковь отступничествомъ, предлагаетъ подумать о томъ новомъ неестественномъ положеніи, въ какомъ оказался отступникъ— Поцѣй, съ одной стороны, въ отношеніи къ своей православной паствѣ, съ другой — къ самой римской церкви, признающей уніатовъ „на половину чужими", и, въ заключеніе, совѣтуетъ ему опять возвратиться въ лоно православной церкви. Посланіе оканчивается слѣдующими трогательными словами: „прошу тебя, пріими благосклонно это посланіе наше, которое мы сквозь слезы и дрожащей рукой тебѣ написали, рукой, которою мы при сѣдинахъ нашихъ и въ изнеможеніи отъ бѣдствій и непомѣрныхъ трудовъ едва владѣемъ, однако написали тебѣ съ сердечной благожелательностію и пламенною любовію"...

Въ этомъ посланіи патріарха есть и твердыя основанія, покоящіяся на несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ, и здравая логика, растворенная христіанскою любовью, искренностію и сердечною теплотою, словомъ, здѣсь есть все, что дѣлаетъ человѣческое слово убѣдительнымъ; но тѣмъ не менѣе Поцѣй, какъ извѣстно, остался неубѣжденнымъ. И это совершенно понятно. Неисканіе истины привело его къ уніи съ Римомъ, поэтому и неразоблаченіе заблужденій могло возвратить его въ лоно православной церкви. Если бы вмѣсто всѣхъ этихъ глубокомысленныхъ разсужденій, выдержекъ изъ священнаго писанія и отцевъ церкви, Мелетій помѣстилъ въ своемъ посланіи дарственную грамоту на какое нибудь крупное имѣніе или королевскій декретъ на право занятія кресла въ сенатѣ, или что нибудь другое въ этомъ родѣ, то, безъ сомнѣнія, посланіе имѣло-бы другой успѣхъ. Но патріархъ не могъ этого сдѣлать и поэтому посланіе не произвело на Поцѣя ни малѣйшаго впечатлѣнія. Въ его отвѣтѣ на это посланіе не видно и тѣни колебанія; рѣчь отвѣта звучитъ тономъ, какимъ говорятъ люди убѣжденные въ правотѣ своихъ дѣйствій, разъ на всегда покончившіе съ интересовавшимъ ихъ вопросомъ. *Отвѣтъ* этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Здѣсь самый видный изъ уніатскихъ дѣятелей представляетъ данныя въ оправданіе своего перехода на сторону Рима. Такъ какъ нѣтъ основанія сомнѣваться ни въ умѣньи, ни въ желаніи Поцѣя оправдать себя, то на его отвѣтъ въ данномъ случаѣ можно смотрѣть какъ на послѣднее слово въ своемъ родѣ [1]). Чѣмъ же оправдыва-

[1]) Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ томъ же сборникѣ проповѣдей Поцѣя (стр. 528 — 612) подъ заглавіемъ: Respons

етъ Поцѣй свой переходъ на сторону уніи? Высказавъ въ началѣ посланія сожалѣніе о томъ, что далекое отстояніе Египта отъ Польши, дурныя дороги и нѣкоторыя другія препятствія непозволяютъ ему лично бѣсѣдовать съ Мелетіемъ, принявъ стыдливо, съ румянцемъ на щекахъ, высказанную патріархомъ со словъ Кирилла похвалу его учености и способности достойно занимать епископскую каѳедру, Поцѣй переходитъ къ указанію причинъ, заставившихъ его отшатнуться отъ восточной церкви и перейти на сторону западной. Главнѣйшимъ побужденіемъ къ такому дѣйствію, по его увѣренію, послужило якобы исканіе истинной мудрости, которая изсякла на востокѣ. Объяснивъ, что онъ понимаетъ подъ истинною мудростію, Поцѣй продолжаетъ: „этой-то мудрости искалъ народъ русскій въ странахъ греческихъ, но не нашелъ ея тамъ; напрасно онъ мчался въ мудрыя Аѳины, гдѣ не нашелъ болѣе остроумныхъ Ликиніевъ, не нашелъ бывшихъ тамъ нѣкогда свѣтилъ восточной церкви Василія и Григорія Назіанзина, а напротивъ, съ болью сердца увидѣлъ тамъ только развалины нѣкогда цвѣтущихъ школъ; справлялся объ Аѳанасіи въ Александріи, объ Іоаннѣ Златоустѣ въ Константинополѣ, о Кириллѣ въ Іерусалимѣ, но вмѣсто боголюбивыхъ отцевъ, переселившихся въ вѣчность, нашелъ въ Александріи Кальвина, въ Іерусалимѣ—Цвинглія и съ глубокимъ сожалѣніемъ надъ паденіемъ Греціи отвернулся

Hipacyusza Pocieia, Metropolity całey Rusi, Biskupa Włodzimierskiego y Brzeskiego, na list Melecyusza Patriarchy Alexandryiskiego. См. также: Obrońca wiary św. katolickiej Hipacyusz Pociej, metropolita całej Rusi, zbijający błędy Melecyusza Patriarchy Alexandryjskiego (Suprasl 1768 г.).

отъ нея, чтобы не заразиться опасною ересью; когда же обратился на западъ, то нашелъ тамъ источникъ жизни, ключъ живой истинной вѣры, безупречное духовное управленіе, безпрекословную подчиненность, неиспорченную чистоту нравовъ". Словомъ, Поцѣй пришелъ къ заключенію, что „Греческій берегъ не можетъ быть хорошимъ путемъ къ вѣчной жизни и я, — заявляетъ онъ,— не хочу забрасывать на немъ якоря своей надежды; евангеліе у Грековъ искажено и я не хочу вѣровать въ него; святость на востокѣ исчезла, потому что здѣсь нѣтъ (правильнаго) обряда, и я нехочу быть соучастникомъ грековъ. Преданія отцевъ поруганы на востокѣ, тѣла святыхъ угодниковъ отсюда перенесены въ Римъ, поэтому и я желаю умереть вблизи св. отцевъ, къ чему я склоненъ не силлогизмами, но очевидностію самой правды". Въ своихъ нападкахъ на Грековъ Поцѣй по мѣстамъ до того увлекается, что начинаетъ говорить непростительную глупость: „я, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, земнымъ поклономъ преклоняюсь предъ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ, но не любопытствую чрезъ мѣру, что написано въ нихъ рукою предвѣчнаго Бога и преподано устами отцевъ греческой церкви, такъ какъ лживость приписывается грекамъ, а не римлянамъ"... Вотъ почему Поцѣй „убѣжалъ отъ пышныхъ и роскошныхъ столицъ востока и присталъ съ ввѣренными ему овцами къ смиренной столицѣ запада и, удержавъ такимъ образомъ вѣру отцевъ, не сомнѣнно убѣдился, что въ Греціи древнія постановленія нарушены и вѣра истреблена". И разъ сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, онъ „не намѣренъ больше наклонять своихъ ушей къ Александріи, простирать рукъ къ Іерусалиму и искать свѣта въ Константинополѣ, ибо онъ сталъ твердою ногою на ска-

лѣ, нашелъ свѣтъ во всемірномъ пастырѣ, Климентѣ VIII и въ немъ увидѣлъ Петра"; словомъ, онъ „навсегда отвернулся отъ востока, бросивъ грекамъ вавилонскую блудницу". Въ этомъ своемъ переходѣ на сторону Рима онъ видитъ фактъ аналогичный съ обращеніемъ ап. Павла. Хотя, замѣчаетъ онъ, „возрожденіемъ духовнымъ я возродился по обряду восточной церкви, но это возрожденіе не было небеснымъ; воспитала меня церковь греческая, но вскормила не молокомъ спасительнаго ученія, а ядомъ, изготовленнымъ въ адѣ; рукоположенъ я въ той же церкви, но возложившій на меня руку былъ тотъ, который наложилъ свою святотатственную руку на Петра и на Христа. Я справедливо могу сказать съ ап. Павломъ: вы слышали о моемъ прежнемъ образѣ жизни, что я жестоко гналъ церковь Божію и опустошалъ ее и преуспѣвалъ въ отщепенствѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи неумѣреннымъ ревнителемъ моихъ отеческихъ преданій".—Послѣ этихъ общихъ, такъ сказать, мѣстъ, въ отвѣтѣ слѣдуетъ длинное разсужденіе, посвященное главнымъ образомъ тремъ вопросамъ: о совершеніи евхаристіи и формѣ пріобщенія мірянъ, объ исхожденіи Св. Духа и о главенствѣ папы. Хотя этимъ вопросамъ посвящено четыре пятыхъ всего довольно объемистаго отвѣта, тѣмъ не менѣе въ немъ ничего нельзя отыскать такого, о чемъ на тысячу ладовъ не толковалось-бы въ сочиненіяхъ латинскихъ полемистовъ. Впрочемъ, здѣсь иногда попадается такая аргументація, за которую какой нибудь „магистръ сентенцій" не похвалилъ-бы Поцѣя. Вотъ напримѣръ, какой доводъ приводитъ онъ въ подтвержденіе той мысли, что Господь Таинство причащенія для мірянъ установилъ будто-бы подъ однимъ видомъ: „я

признаю, говоритъ онъ, что Христосъ на тайной вечерѣ благословилъ хлѣбъ и вино, и преподалъ ученикамъ своимъ подъ этими видами тѣло и кровь свою, но преподалъ не всѣмъ, какъ вы утверждаете: именно, не преподалъ бывшимъ тамъ прочимъ послѣдователямъ своимъ. Были тамъ Марія Мгдалина и матерь Іисусова и всѣ 70 учениковъ, которые, однакожъ, не сподобились пріобщенія тѣла и крови; сама Матерь Божія не коснулась чаши святой, ибо знала то, чего не знаетъ Греція, а именно, что слово „всѣ" относится только къ апостоламъ и ихъ преемникамъ священникамъ, а не ко всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ"... Вѣроятно, потому, что евангеліе написано на востокѣ, уніатскій митрополитъ „нелюбопытствовалъ чрезъ мѣру, что въ немъ написано", иначе онъ не могъ-бы не замѣтить тамъ прямаго свидѣтельства о томъ, что І. Христосъ пришелъ въ горницу, въ которой надлежало совершить послѣднюю пасху, только „съ двѣнадцатю" учениками (Лук. г. 14, ст. 17).—Такова сила той аргументаціи, на которой Поцѣй строитъ оправданіе своего перехода въ унію. Но если во всѣхъ этихъ мудрствованіяхъ его ничего больше нельзя отыскать, кромѣ набора звонкихъ фразъ, плохо скрывающихъ непосредственно очевидную ложь, то тѣ мѣста отвѣта, въ которыхъ онъ касается личности Мелетія, поражаютъ своею низкою пошлостію, способною оскорбить всякое благородное чувство. Въ посланіи почтеннаго старца высказано столько смиренія, искренности, сердечности и самаго высокаго благородства, что рѣшиться на оскорбленіе такой личности могъ только человѣкъ глубоко нравственно испорченный. А между тѣмъ въ отвѣтѣ Поцѣя сплошь и рядомъ попадаются мѣста, имѣющія прямою цѣлью оскорбить святителя. Срав-

ните, напримѣръ, вышеприведенную глубокопрочувствованную тираду изъ конца посланія Мелетія съ слѣдующимъ отвѣтомъ на пес Поцѣя: „дѣйствуй, язвительно обращается онъ къ патріарху, въ отдаленной Индіи и Ливіи, въ страшной по одному имени своему Эѳіопіи и плодородномъ Египтѣ, — въ краяхъ, на которые безъ пользы простирается власть Александрійскаго патріарха, такъ какъ магометанская секта поглотила все, оставляя Вашей милости весьма скудную и ничтожную паству. Тамъ поусердствуй, тамъ вздыхай и созидай церковь,а чужую землю оставь въ покоѣ, не орошай слезами ниву, которую Петръ воздѣлалъ, потому что слезы грековъ, орошая землю русскую, производятъ терніе и волчцы“. Или, воспользовавшись тѣмъ фактомъ, что Мелетій учился въ протестантскомъ городѣ Аугсбургѣ, Поцѣй съ эхидствомъ замѣчаетъ: „несчастный востокъ, который сыновъ своихъ, вскормленныхъ въ еретическихъ академіяхъ, ставитъ на престолахъ своихъ, чтобы, напоившись нечестивымъ ученіемъ Лютера, кормили онымъ искупленную кровію Господа паству свою. Не можешь, Ваша милость, открыть истину, потому что ты искалъ ее въ молодости въ еретическомъ Аугсбургѣ“. „О, пастырь Аугсбургскій! восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Ты смѣшалъ съ молокомъ правовѣрныхъ отцевъ греческихъ желчь Лютера, мѵро Кальвина и ядъ Цвинглія“ и пр. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Поцѣй менѣе кого нибудь другаго вѣрилъ въ справедливость этихъ словъ. Наборъ этихъ звонкихъ, но пустыхъ фразъ, очевидно, разсчитанъ былъ единственно на оскорбленіе патріарха.

VII.

Но въ то время какъ происходила ожесточенная полемика по вопросу о брестской уніи и ея ближайшихъ слѣдствіяхъ, у неугомонныхъ защитниковъ папизма созрѣлъ новый планъ борьбы. Имѣемъ въ виду уже указанную попытку уніятовъ отыскать новое основаніе, которое можно было-бы поставить базисомъ аргументаціи въ дальнѣйшемъ спорѣ съ православными. Мы уже видѣли, что еще до брестской уніи латиняне, потерявъ надежду повліять на умы православныхъ путемъ разоблаченія недостатковъ въ жизни православной церкви, отчасти сознавали потребность перенести центръ тяжести въ своей аргументаціи въ исторію, мотивируя это тѣмъ соображеніемъ, что русины ссылаются на своихъ отцовъ и древность своего православія. Теперь же, — когда и возлагавшіяся на брестскую унію надежды тоже не оправдались, по крайней мѣрѣ въ желанной степени, — стало уже непосредственно очевиднымъ, что ничѣмъ настоящимъ нельзя разрушить вѣры православныхъ въ правоту своего поведенія, имѣвшаго за себя древность преданія, и что если и можно было чѣмъ-нибудь поколебать ихъ стойкость, такъ это развѣ отнятіемъ у нихъ этого преданія: нужно было убѣдить ихъ, что брестская унія сильна не своею собственною силою, а что она есть лишь простое возобновленіе старины. Такая постановка вопроса, конечно, не была чѣмъ-нибудь совершенно новымъ, чего-бы совершенно не было въ предыдущей полемикѣ; но дѣло въ томъ, что выдвинутый теперь на первый планъ вопросъ, до этого времени, въ системѣ доказательствъ, всегда фигурировалъ на второмъ планѣ: именно, центромъ внима-

нія борющихся сторонъ теперь становится флорентійскій соборъ съ его послѣдствіями. Такому обороту дѣлъ много помогало еще слѣдующее обстоятельство. Съ тѣхъ поръ, какъ латинянамъ удалось положить основаніе уніятской церкви, главныя заботы какъ о ея поддержаніи, такъ и о дальнѣйшемъ распространеніи, естественно, уже должны были принять на себя ея представители. А между тѣмъ представителями уніятской церкви теперь были тѣ самыя лица, по инціативѣ которыхъ совершился самый фактъ уніи и на которыхъ, слѣдовательно, по мнѣнію православныхъ, падала вся тяжесть отвѣтственности за происшедшее отступничество отъ вѣры предковъ, отъ древняго преданія. Очевидно, что для того, чтобы оправдать себя въ глазахъ православныхъ,— а это было необходимо въ виду интересовъ самой уніи,— имъ нужно было доказать, что они „не отступники“ отъ православія какъ ихъ обыкновенно честили православные, не новаторы какіе-нибудь, а поборники старины, которая попирается ихъ бывшими единовѣрцами, Настаивать на этой мысли побуждало уніятовъ еще одно обстоятельство. Въ коронѣ польской, какъ это уже мы видѣли, православная церковь со стороны своихъ правъ и привиллегій никогда не смѣшивались съ церковью римско-католическою: въ законахъ Рѣчи Посполитой сплошь и рядомъ встрѣчаются королевскіе статуты, гдѣ дается обѣщаніе охранять права обѣихъ этихъ церквей въ отдѣльности, не смѣшивая ихъ одну съ другой. Теперь же, когда между этими двумя церквами образовалась третья и притомъ такая, которая отдѣлилась отъ одной изъ нихъ и не пристала къ другой, но существованіе которой тѣмъ не менѣе оффиціально было признано, естественно возникалъ вопросъ: какими правами и

привиллегіями она должна пользоваться, т. е., тѣми-ли, которыя узаконены были за церковью римско-католическою, или тѣми, которыя принадлежали церкви русско-православной? Уніяты, по самому существу тогдашней уніи, не имѣли ни малѣйшаго основанія смѣшивать себя въ этомъ отношеніи съ римско-католиками: трактуя себя послѣдователями древне-греческаго исповѣданія, они естественно должны были считать себя прямыми наслѣдниками и тѣхъ правъ и привиллегій, которыя утверждены были за церковью этого исповѣданія. Вторымъ пунктомъ условій, на которыхъ владыки соглашались принять унію, прямо требовалось, чтобы русскія владычества, церкви, монастыри и ихъ имущества оставались въ цѣлости [1]). Но въ этомъ пунктѣ они неизбѣжно сталкивались съ православными, которые, въ свою очередь, по совершенно понятной причинѣ, тоже заявляли претензіи на эти права и привиллегіи [2]). И вотъ, чтобы доказать законность своихъ притязаній и превосходство своихъ правъ предъ правами православныхъ, уніяты задумали прибѣгнуть къ слѣдующему пріему: они рѣшились доказать, что всѣ привиллегіи, какія только получила греко-русская церковь со времени Владислава, т. е. со времени флорентійской уніи, даны были ей только подъ условіемъ принятія этой уніи, которая яко-бы, дѣйствительно, и была принята западно-русскою православною церковію. Здѣсь, такимъ образомъ, было новое побужденіе для уніятской полемики обратить вниманіе на флорентійскую унію. Насколько всѣ указанныя нами соображенія сознавались и проводились современниками, это видно

---

[1]) Церковная исторія Макарія т: IX, стр. 554.

[2]) См. Апокрисисъ Хр. Фил. ч. 1, гл. 6—7.

изъ слѣдующихъ очень характерныхъ словъ Ипатія Поцѣя: „Волають на насъ (православные) яко бысь мы права и вольности ломали, новые и неслыханные речи до панъства тутешнего въ провожаты мели, а того глухи коли ихъ упоминаемъ, абы до першое згоды и милости христіаньское, для которое тыхъ правъ и вольностей доступили вернулися, а сами своихъ правъ и привилеевъ не ломали. Поведають же веру православную и церемоніи светое восточъное церъкве ломаемъ, а мы просимъ, абы при вере своей стародавной, которое насъ светые богоносные отцы светое восточъное церкве научили моцъне стояли зъгоду и единость которую они съ церковью римскою держали, абы они въ томъ наслѣдовали прысеги предковъ своихъ не ломали, которую не разъ отновляючи тую едность светую чинили... Але рекутъ, гдежъ о томъ, чимъ того доводимъ? О то привилеи господарей нашихъ отъ полътораста лѣтъ выданые Владиславовъ, Александровъ, Жыкгимонтовъ светъчитъ, о то соборъники русскіе велми старые, въ которыхъ соборъ вселенскій, флорентійскій уписаный отъ летъ шестидесятъ и далей показуютъ. О то листъ на паргамене с печатью завесистою Исидора митрополита кіевъскаго, подъ тоеюжъ немаль датою тоюжъ посветъчаетъ. Наконецъ о то теперь не давъно знашлися книжки барзо старые въ церкви кревской, въ которыхъ и тотъ соборъ флорентейскій, такъ же яко и въ соборъникахъ виленъскихъ уписаный, а надъ то листъ митрополита кіевъскаго Мисаила, и иныхъ духовныхъ такъ же княжатъ и великихъ пановъ сенаторовъ и иныхъ зацныхъ становъ русскаго народу, который писали до папежа Сикста четвертаго въ року 1476, за датою у Вильни, съ которымъ листомъ и двохъ особъ зацъныхъ въ посельстве до Ры-

му посылали“ [1]). Въ этихъ немногихъ словахъ вполнѣ достаточно обрисованы не только предметъ и направленіе полемики въ этотъ новый фасисъ ея развитія, но и самые пути, которыми она задумала достигнуть преслѣдуемыхъ сю цѣлей. Центромъ вниманія полемистовъ теперь, какъ видимъ, сдѣлался флорентійскій соборъ; слѣдовательно, выдвинуто было на сцену событіе, происходившее больше чѣмъ за полтораста лѣтъ тому назадъ; вопросъ, такимъ образомъ, становился на строго-историческую почву, и чтобы доказать его, нужны были историческія данныя, нужны были факты, которые можно было извлечь только изъ документовъ. И вотъ, начинаются усиленные поиски въ библіотекахъ и архивахъ, куда съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ устремляется вниманіе доброжелателей уніи. Но ожидать пришлось недолго и, въ извѣстномъ смыслѣ, не напрасно: плодомъ усиленныхъ экскурсій въ области пыли и фоліантовъ начали появляться то „сборъники русскіе велми старые“, то „листы на пергамине“, то „книжки баръзо старые“.., короче говоря, появился цѣлый рядъ документовъ и литературныхъ памятниковъ, на основаніи которыхъ стали доказывать, что уніяты „ни правъ, ни привиллегій не преступали, ни новыхъ и неслыханныхъ вещей въ здѣшнее государство вводить не намѣревались, ни обрядовъ святой восточной церкви не преступали“..., а что, напротивъ, „къ первоначальному согласію и любви христіанской, изъ-за которыхъ сдѣлались владѣтелями этихъ правъ и привиллегій, воротились; что они стоятъ при вѣрѣ стародавней, которой ихъ святые богоносные отцы

[1]) Вишневскій, т. VIII; см. Кіевск. Епарх. Вѣд. за 1877 г. № 17, стр. 444—445.

святой восточной церкви научили, что они упаслѣдовали то согласіе и единеніе, которыя тѣ содержали съ римскою церковію, что они клятвы предковъ своихъ не преступили" и проч., и проч. Если обратиться теперь къ самой полемикѣ по этому вопросу, то, по крайней мѣрѣ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы можемъ располагатъ въ настоящее время, легко дается замѣтить, что главное вниманіе полемистовъ въ данномъ случаѣ сосредоточивалось на слѣдующихъ двухъ основныхъ пунктахъ: во 1-хъ, на исторіи самаго флорентійскаго собора, и во 2-хъ, на отношеніи православной Руси къ состоявшимся на этомъ соборѣ постановленіямъ. И это совершенно понятно: отъ такого или иного рѣшенія этихъ двухъ главныхъ вопросовъ неизбѣжно зависѣла судьба и многихъ другихъ мелкихъ вопросовъ, которые съ логическою послѣдовательностію вытекали изъ первыхъ, какъ изъ своихъ посылокъ. Болѣе извѣстнымъ памятникомъ полемики по первому изъ этихъ двухъ вопросовъ со стороны православныхъ служитъ такъ называемая „Исторія о листрійскомъ соборѣ": „Въ 1601 году,—писалъ Геласій Русовскій въ посвященіи К. Острожскому своего перевода „Obrony S. Synodu Florenskiego powszechnego" Ѳедоровича,—одна неизвѣстная особа, которая однако прикрываетъ себя особою вашей княжеской милости, издала въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ сообщаются чрезвычайно ложныя извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ". Этимъ сочиненіемъ и была указанная „Исторія о листрійскомъ, т. е. разбойническомъ Феррарскомъ или Флорентскомъ синодѣ вкратцѣ правдивѣ списанная (изд. въ Острогѣ, 1601 г.)" [1]). Кто

---

[1]) Сочиненіе это въ переводѣ на современный русскій языкъ помѣщено въ Кіевск. изд. Апокрисиса, стр. 369.

былъ авторомъ этой *исторіи*,--этотъ вопросъ въ настоящее время еще не рѣшенъ [1]). Проведенная въ этомъ сочиненіи тенденція дѣлаетъ его особенно интереснымъ для насъ. Коснувшись коротко побужденій и самаго факта собранія флорентійскаго собора, и разсказавъ исторію назначенія на русскую митрополію Исидора, явившагося въ качествѣ представителя русской церкви на флорентійскомъ соборѣ, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на происходившемъ на этомъ соборѣ спорѣ между восточными и западными богословами, указавъ предварительно главнѣйшіе пункты разногласія между восточною и западною церквами. Замѣтивъ, далѣе, что вниманіе отцевъ собора всего болѣе останавливалъ на

---

[1]) Вишневскій, констатируя тотъ фактъ, что этимъ сочиненіемъ сильно заинтересованъ былъ князь Константинъ Острожскій, такъ что, по приведенному Смотрицкимъ од ному свидѣтельству (Paraenesis, стр. 8), даже не прочь былъ подписать подъ нимъ свое имя, и сопоставляя этотъ фактъ съ тѣми близкими отношеніями, какія существовали между Острожскимъ и Смотрицкимъ, предполагаетъ, что „Исторія о листрійскомъ соборѣ“ была написана Смотрицкимъ. Противъ этого предположенія возражаетъ переводчикъ Вишенскаго, въ свою очередь предполагая, „что въ 1601 году Смотрицкій, по всей вѣроятности, уже находился за границею; во всякомъ случаѣ, въ это время онъ не жилъ въ Острогѣ (Кіевск. Епарх. Вѣд. тамъ же стр. 446)“. Самъ Смотрицкій въ своей „Апологіи“ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе объ авторѣ этой „исторіи“: „что за человѣкъ клирикъ? Дидаскалъ, подобный Зизанію, проникнутый аріанскимъ духомъ, какъ это видно изъ его умствованій о происхожденіи св. Духа, изложенныхъ силлогистически въ его сочиненіи“ см. тамъ же стр. 450.

себѣ вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа, онъ подробно излагаетъ доказательства, представленныя каждою изъ споривших сторонъ въ защиту своего мнѣнія по этому вопросу. Результатомъ споровъ какъ по главнымъ, такъ и по второстепеннымъ пунктамъ разногласія, продолжаетъ далѣе авторъ, было полнѣйшее соглашеніе между собою обѣихъ сторонъ, предполагавшееся окончиться миролюбивымъ соединеніемъ церквей. Но вдругъ, по интригамъ аббата Радосскаго, въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ латинянъ произошла радикальная перемѣна, окончившаяся страшной катастрофой: достигнутые прежде согласительные пункты передѣлываются латинянами по своему; Михаилъ Палеологъ и патріархъ Іосифъ подкупаются дарами и обѣщаніями; отказавшіеся отъ подписи восточные отцы подвергаются различному истязанію, оканчивавшемуся нерѣдко принятіемъ мученическаго вѣнца; самъ патріархъ, раскаявшійся въ первоначальномъ своемъ поступкѣ, подвергается удушенію, а отъ его имени и за его будто бы подписью фабрикуется въ уніонномъ духѣ завѣщаніе. Принявшій унію Исидоръ, будучи встрѣченъ на Руси враждебно, послѣ долгаго странствованія, погибаетъ насильственною смертію. Все это заканчивается тѣмъ, что озлобленные противъ грековъ латиняне, отправившись въ количествѣ 2600 вооруженныхъ людей на Аѳонъ, устраиваютъ тамъ кровопролитную рѣзню надъ иноками, которая оканчивается чудеснымъ умерщвленіемъ осквернителей святыни обрушившимися стѣнами ксиропотамскаго монастыря, гдѣ всѣ они, вмѣстѣ съ принявшими ихъ сторону иноками этого монастыря, до одного погибаютъ. Свой разсказъ авторъ оканчиваетъ патетическимъ обращеніемъ къ сынамъ православной церкви, напоми-

наетъ имъ о томъ, что церковь, къ которой принадлежатъ сыны востока, еще при рожденіи повита была пеленами тиранства „лютыхъ иродовъ", воспитана среди проливанія послѣдними крови и утѣсненія, была искушаема и увѣчена огнемъ и мечомъ, и поэтому она желаетъ теперь, чтобы ея сыны не удалялись отъ нея при ея старости,—отъ нея удрученной, по возпесенной притѣсненіями. Напротивъ, она завѣщаетъ своимъ сынамъ, требуетъ отъ нихъ и желаетъ того, чтобы всѣ они, прошедши здѣсь, такъ сказать, сквозь огонь и воду, введены были въ вѣчный покой и царствовали во вѣки. Проведенная здѣсь, рѣзко бросающаяся въ глаза тенденція, особенно удачно приплетенный разсказъ объ аѳонскомъ побоищѣ [1]), имѣли слѣдствіемъ то, что „Исторія о листрійскомъ... соборѣ" производила возмущающее дѣйствіе на умы сторонниковъ флорентійской уніи, которому ея ав-

---

[1]) Разсказанная здѣсь повѣсть есть, по всей вѣроятности, простой вымыселъ. Если въ основаніи ея и лежитъ какой нибудь историческій фактъ, то его приходится отнести ко временамъ не Флорентійской, а Ліонской уніи. Въ это время „святая гора, какъ оплотъ восточной церкви, дѣйствительно, была исключительнымъ поприщемъ миссіонерской дѣятельности, по преданіямъ аѳонскимъ, римскаго папы или его кардиналовъ. Императоръ Палеологъ и патріархъ Іоаннъ Веккъ оказывали имъ свое содѣйствіе; грабительствами, пытками и страдальческими казнями иноковъ они силились увлечь за собою въ папизмъ св. гору. Множество иноковъ пострадало въ эту искупительную годину и ихъ подвиги и смерть за православіе въ аѳонскихъ синодикахъ обозначены именно 1284 годомъ (Подольск. Епарх. Вѣд. за 1875 года стр. 556—557. Повѣсть эта разсказывается и въ III посланіи Іоанна Вишенскаго (Акт. Юго-Зап. Р. т. II. Сравн. „Палинодія", часть III, разд. II. артик. 1.

торъ обязанъ тѣмъ, что его имя, никогда невспоминавшееся уніятами безъ желчи, впослѣдствіи, подъ названіемъ „Клирика Острожскаго“, или просто „Клирика“, всегда произносилось на ряду съ именами Ст. Зизанія, Филалета, Ортолога и многихъ другихъ „злѣйшихъ и лютѣйшихъ, чѣмъ самъ діаволъ, еретиковъ“. Понятно, что такое сочиненіе не могло быть оставлено безъ отвѣта со стороны уніятовъ. И дѣйствительно, въ 1603 г. написана была на польскомъ языкѣ уже упомянутая „Оброна“ Өеодоровича [1]), выпущенная въ 1604 году на западно-русскомъ языкѣ вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Оборона собору флорентійскаго осьмого противъ фальшивому недавно отъ противниковъ згоды выданному. Въ Вильнѣ 1604“ [2]). Въ посвященіи этого втораго изданія уже сыну К. Острожскаго, Янушу, издатель ясно высказываетъ, какимъ тяжелымъ камнемъ лежала на груди уніятовъ эта небольшая брошюра и, слѣдовательно, какое громадное вліяніе она производила на народъ: „Ледве тому годовъ съ четыры, освѣчоный и милостивый князю, яко нѣкись „Клирикъ Острожскій“ безыменный съ друкарни острогское выдалъ въ русскимъ и польскимъ

---

[1]) Полное заглавіе этого сочиненія, какъ оно извѣстно Вишневскому, слѣдующее: „Obrona s. synodu Florenskiego owszechnego, dla prawowierney Rusi napisana przez Piotra Fiedorowicza w Wilnie, kollegium ruskiego, JM. księdza metropolity Kiiowskiego rectora, a przez Gellasia Rusowskiego archimandritę Wilenskiego na polski ięzyk przełożona“. Wilno. 1603 г. въ 4 д. л. стр. нум. 92.

[2]) Это второе изданіе обороны извѣстно библіографіи еще подъ заглавіемъ: „Апологія Флорентійскаго собору“ (Труд. кіевск. дух. ак. 1876 г. т. 1, стр. 359).

языку соборъ нѣякій подмѣтный и фальшивый, менуючи его быти соборомъ флорентійскимъ осьмымъ, въ которомъ такъ много спроснаго и Богу мерзкаго кламства и потвары явное назматвалъ, жебы знать и самъ діяволъ съ пекла не могъ больше вымыслити, а то все ку огидѣ вывраспеню той святой згоды и соединенія, которая на ономъ соборѣ вселенскомъ во Флоренціи грекамъ зъ рымляны зачалась (за) Евгенія четвертаго папы рымскаго отъ нарожденіа Христова 1434 скончилася, а теперь за вѣковъ нашихъ яко за недбалая въ панствѣ его королевское милости папа нашего милостиваго началась одновляться на свѣтло выходити". Особенно смущалъ уніатовъ конецъ исторіи Клирика, который своимъ трагическимъ характеромъ долженъ былъ производить потрясающее впечатлѣніе на читателя, пораждать въ его сознаніи самое мрачное представленіе о флорентійскомъ соборѣ и развивать въ его душѣ глубокое негодованіе и отвращеніе отъ виновниковъ той драмы, которая, по разсказу автора, разъигралась спачала на самомъ соборѣ, а потомъ на Аѳонской горѣ. Смотрицкій въ своей „Апологіи", именно въ разборѣ „мнимо-православной исторіи о соборѣ флорентійскомъ", между прочимъ замѣчаетъ: „По истинѣ, описанное имъ зрѣлище флорентійскихъ ужасовъ таково, что оно не только приводитъ въ содроганіе и растрогиваетъ до слезъ сердце благочестивое и нѣжное: но заставило бы прозлезиться и каменное, что же сказать о насъ, единовѣрныхъ тѣмъ, надъ коими совершены были такія безчеловѣчныя, неслыханныя злодѣйства" [1]). Что бы парализовать дѣйствіе на умы этой

[1]) Стр. 78.

ненавистной исторіи Клирика, уніяты старались проводить въ своихъ сочиненіяхъ[1]) взгляды совершенно противоположные тѣмъ, какіе проводилъ Клирикъ, именно: они доказывали, что флорентійскій соборъ вполнѣ достигъ своей цѣли, что состоявшаяся на немъ унія тогда же принята была какъ греками[2]), такъ и русскими. Послѣдній пунктъ, по указаннымъ уже нами причинамъ,

[1]) Кромѣ указанныхъ двухъ изданій „обороны", библіографіи въ настоящее время извѣстно еще слѣдующее сочиненіе о Флорентійскомъ соборѣ, переведенное съ греческаго языка іезуитомъ Касперомъ Пентковскимъ, по приглашенію бискупа Петроконскаго: Swięty a powszechny sobor w e Florenciey odprawiony, abo z Grekami unia, spisany ode trzech z kościoła greckiego, ktory po łacinę iest troche skrócony, a tu się z greckiego na polskie w łacinę przekłada, na żadanie I. M. C. X. biscupa kiiowskiego y nakładem iego wydaie się w Krakowie w druku Mikołaia Loba 1609. въ 4 д. л. стр. 416.

[2]) Между доводами, которыми особенно любили пользоваться уніяты для доказательства принятія греками Флорентійской уніи, кромѣ общихъ мѣстъ изъ исторіи Флорентійскаго собора, особеннаго вниманія заслуживаютъ: такъ называемое предсмертное завѣщаніе патріарха Іосифа и сочиненія Конст. патріарха Геннадія Схоларія, преемника Григорія Маммы. Но православные писатели съ легкой руки Филалета (часть III, гл. 9) единогласно отвергли подлинность этихъ памятниковъ (Палин. ч. II, отд. XIII, столб. 950). Относительно предсмертнаго завѣщанія патріарха Іосифа можно съ несомнѣнностію утверждать, что оно, дѣйствительно, подложно (см. Исторія Флорентійскаго собора. Москва 1847 года., гл. 8, стр. 160—170). Что же касается вопроса о сочиненіяхъ Геннадія Схоларія, то обѣ спорившія стороны въ извѣстной степени имѣли для своихъ мнѣній дѣйствительныя историческія основанія. Извѣстно, что Геннадій, въ мірѣ Георгій Схоларій, сочувствуя интере-

долженъ былъ обратить на себя особенное вниманіе уніатовъ: доказать, что флорентійская унія принята была въ свое время на Руси, это значило въ тоже время доказать и законность уніи настоящей брестской, такъ какъ, по ихъ сознанію, нельзя было пріискать болѣе высшей санкціи для послѣдней, какъ чрезъ поставленіе ея въ причинную связь съ первою. И, дѣйствительно, мы видимъ, что уніаты напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы только какъ-

---

самъ Іоанна Палеолога, сначала былъ сторонникомъ уніи съ Римомъ и въ этомъ духѣ написалъ два сочиненія: „увѣщаніе къ восточному во Флоренціи о мирѣ и о помощи отечеству“ и „три рѣчи къ тому собору о мирѣ“. Эти два сочиненія можно считать несомнѣнно принадлежащими самому Геннадію. Впервые они изданы были въ 1612 году въ Римѣ Матѳѣемъ Каріофиломъ. Но кромѣ этихъ двухъ сочиненій Геннадію латинянами приписывается еще слѣдующее, написанное тоже въ уніонномъ духѣ: Ἑρμηνεία Γενναδίου τοῦ Σχολάριου, πατριάρχου Κονσταντίνου πόλεως ὑπερ τῆς ἁγίας καὶ οἰκουμενικῆς ἐν Φλωρεντία συνόδου, ὅτι ὀρθῶς ἐγένετο, ὑπεραπολογουμένου τῶν τῷ ὅρῳ αὐτῆς πέντε κεφαλαίων, или въ латинскомъ изданіи: Apologia (или Defensio) quinque capitum Sinodi Florentini. По главамъ содержаніе этого сочиненія распредѣлено такимъ образомъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о совершеніи евхаристіи на опрѣснокахъ и хлѣбѣ, 3) о чистилищѣ, 4) о блаженствѣ святыхъ и 5) о главенствѣ папы. Впервые это сочиненіе издано тоже въ Римѣ, въ 1577 году, нѣкимъ Занетти. Подложность этого сочиненія въ настоящее время считается фактомъ доказаннымъ. О послѣднемъ сочиненіи вышеупомянутый Пентковскій говоритъ, что оно „уже давно переведено на польскій языкъ славной памяти Станиславомъ Радзивилломъ, литовскимъ маршалкомъ“. Дѣйствительно, въ польскомъ переводѣ оно издано было въ 1581, 1583 и въ 1586 гг. Этими тремя сочиненіями Геннадія и пользовались латино-уніатскіе полемисты (см. „Obrona Sy-

нибудь доказать фактъ принятія древнею Русью флорентійской уніи. Какъ на свидѣтельство отстаиванія такого рода тенденцій, можно указать на слѣдующія два памятника: 1) „О привиллегіяхъ, данныхъ польскими королями и о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ (przednieyszych) доказательствахъ, которыя святую унію рекомендуютъ и подтверждаютъ“ и 2) „Посольство къ папѣ Сиксту IV отъ духовенства, князей и дворянъ русскихъ въ 1476

---

nodu Brzeskiego“ Rozdział IX — X, кіевск. изд. Апокр. стр. 436 — 442; оброна уніи Крезвы, часть IV, rozd. V, Русск. ист. библіотека т. IV, стр. 297), считая его поборникомъ уніи. Но и у православныхъ въ свою очередь были свои данныя, на основаніи которыхъ они имѣли полное право считать Геннадія ревностнымъ хранителемъ православія, такъ какъ Геннадій впослѣдствіи отказался отъ своихъ прежнихъ уніонныхъ тенденцій и написалъ въ этомъ духѣ цѣлый рядъ сочиненій; относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ несомнѣнно извѣстно, что они были подъ руками православныхъ полемистовъ. Такъ, напр.. Филалетъ въ Апокрисисѣ ссылается на одно письмо его къ Марку Ефесскому (Кіевск. изд. стр. 156); а Зах. Копыстенскій въ Полинодіи говоритъ о его „Діалогѣ о св. Духѣ“, изданномъ въ Вильнѣ въ 1585 году въ типографіи Косьмы и и Луки Мамоничей и посвященномъ Евстафію Воловичу (см. часть II. отд. XIII, Artic. 1; Русс. ист. библ. т. IV, стр. 950—951). Болѣе подробное изслѣдованіе о сочиненіяхъ Геннадія Схоларія см. Апокр. кіевск. изд. примѣч. 49. На ряду съ предсмертнымъ завѣщаніемъ патріарха Іосифа и сочиненіями Геннарія Схоларія, предметомъ споровъ между тою и другою сторонами было еще письмо Константинопольскаго патріарха Нифонта къ кіевскому митрополиту Іосифу Солтану, въ которомъ тоже проводится уніонный взглядъ и между прочимъ дѣлается одобрительный отзывъ о Флорентійскомъ соборѣ. Крезва по поводу этого письма

году". Оба эти памятника изданы были Ипатіемъ Поцѣемъ въ 1605 г. Въ первомъ изъ нихъ Поцѣй, излагая королевскія грамоты прежнихъ временъ, проводитъ выше указанную нами мысль, что всѣ права и привиллегіи, какія только въ этихъ грамотахъ предоставлялись Русскимъ, относились къ однимъ только принявшимъ флорентійскую унію. Но для насъ особеннаго вниманія заслуживаетъ процессъ изданія послѣдняго документа.

замѣчаетъ: „ten sam originał na pargamenie pisany z *ołowianą pieczęcią* u nas ies (часть II. rozd. XIII, стр. 222). Въ отвѣтъ на это Копыстенскій, замѣтивъ, что „листъ Нифона есть подметъ и прелесть" („Палинодія". Часть II, отд. XIII, арт. 2. Русск. Ист. Библ. т. IV, стр. 953), представляетъ слѣдующія соображенія въ доказательство этого: 1) ни предшествовавшіе Нифонту, ни слѣдовавшіе за нимъ константинопольскіе патріархи не признавали флорентійскаго собора, 2) если бы это посланіе писано было патріархомъ Нифонтомъ, то И. Поцѣй и подобные-латиномудрствующіе уніаты непремѣнно помѣстили бы его въ изданныхъ ими книжкахъ наполненныхъ разнаго рода небылицами; не дѣлали же они этого, очевидно, потому, что въ то время посланіе это еще не существовало; 3) патріархи не имѣютъ обыкновенія въ посланіяхъ желать „здравія", что находимъ въ этомъ посланіи, а выражаютъ свои пожеланія словами: „благодать, любовь и миръ".. Что же касается происхожденія этого посланія, то оно, по мнѣнію Копыстенскаго, можетъ быть объяснено очень просто: „написали его, вѣроятно, сами іезуиты съ уніатами, а перевесть на греческій языкъ, переписать и подписать могли недавно гостившіе въ Вильнѣ у уніатовъ греки, выдававшіе себя за какихъ-то митрополитовъ": могли также сдѣлать это случайно захваченные греческіе путешественники, насильно вынужденные дѣлать то, что имъ приказано было; наконецъ, посланіе это могло быть прислано изъ Рима, гдѣ состряпали его проживающіе въ Италіи Греки (Палин. ч. IV,

Онъ показываетъ, какъ низко палъ кредитъ представителей уніи въ сознаніи западно-русскаго общества, и къ какимъ оригинальнымъ мѣрамъ прибѣгали они для поддержанія его. Въ посланіи къ Сиксту IV, какъ извѣстно, вся западно-русская церковь во главѣ съ кіевскимъ митрополитомъ Мисаиломъ представляется ревностною поборницею уніи съ Римомъ. Такой документъ, разумѣется, былъ величайшею находкою для защитниковъ

отд. 1, арт. 5, стр. 1125). Мы, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Копыстенскаго. Подложность этого посланія вытекаетъ изъ анахронизма его даты. Извѣстные въ настоящее время его списки помѣчены не одинаковою датою: въ спискѣ, напечатанномъ въ изданной въ 1632 году виленскимъ троицкимъ уніятскимъ братствомъ книгѣ: Prawa i przywileje od... królow nadane obywatelom korony Polskiej i W. X. Litew. religiej greckiej w iedności z s. kościołem Rzymskim będacym, (стр. 16--17), а также въ копіи, хранящейся въ архивѣ бывшихъ греко-уніятскихъ дѣлъ, посланіе это помѣчено датой 1497; а въ книгѣ Дубовича Hierarchia (стр. 221—223), а также въ „Obronie Unii" Льва Кревзы—датою 1492 г. Какую же дату нужно признать истинною? Несомнѣнно—вторую: во первыхъ потому, что списокъ Кревзы самый раннiй изъ всѣхъ извѣстныхъ (Obrona написана въ 1617 году), а во вторыхъ потому, что у Кревзы былъ подъ руками оригиналъ, въ существованіи котораго онъ предлагаетъ лично убѣдиться каждому сомнѣвающемуся въ подлинности посланія (Русск. Ист. Библ. т. IV, стр. 222 и 237). А если такъ, то подложность посланія не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ изъ двухъ Іосифовъ, занимавшихъ около этого времени каѳедру кіевскаго митрополита, первый—Болгариновичъ утвержденъ былъ въ этомъ санѣ въ 1498 году, а второй—около 1507 года (Ист. Русс. Ц. Макарія, т. IX, стр. 89 и 165). Анахранизмъ этотъ, вѣроятно, скоро подмѣченъ былъ самими уніатами и дата была из-

уніи. Но когда заходила рѣчь о примѣненіи его къ дѣлу, то невольно возникалъ далеко нелегкій вопросъ: именно, какимъ образомъ обнародовать это дорогое сокровище? Различныя подпольныя махинаціи, пущенныя въ ходъ при выполненіи плана брестской уніи, и такъ безцеремонно обнародованныя Филалетомъ и другими православными писателями, іезуитскіе пріемы веденія пропаганды вообще, по которымъ дозволялось пускать въ ходъ самую наглую ложь, если только она увеличивала хоть въ незначительной степени шансы на успѣхъ при осуществленіи задуманной цѣли,—до такой степени развили въ православномъ обществѣ скептицизмъ ко всему тому, что выходило изъ устъ или выпускалось изъ рукъ недоброжелателей православія, что вполнѣ можно было ожидать, что обнародованіе новаго, неизвѣстнаго доселѣ, крайне неблагопріятнаго для православія, документа несомнѣнно встрѣчено будетъ съ полнѣйшимъ недовѣріемъ и непремѣнно понято будетъ въ смыслѣ допущенія врагами православія новаго подлога, новой фальши. И вотъ Поцѣй, чтобы заранѣе предупредитъ недовѣріе къ его новому доказательству въ пользу уніи, является съ памятникомъ, въ которомъ находилось и посланіе къ Сиксту IV, въ виленскій магистратъ; доводитъ до свѣдѣ-

---

мѣнена, чѣмъ и объясняется указанное разногласіе въ различныхъ спискахъ. Нельзя не обратить вниманія также на то противорѣчіе, которое допустилъ Кревза въ своей *Обронѣ*: помѣстивъ посланіе съ датою 1492 года, онъ въ тоже время утверждаетъ, что оно адресовано было на имя Іосифа Солтана, который по его же словамъ вступилъ на митрополичью каѳедру въ 1497 г. (Іосифа Солтана тогда смѣшивали съ І. Болгариновичемъ. Ibid. стр. 237).

нія его членовъ, между которыми были и православные, о новомъ своемъ открытіи; предлагаетъ посредствомъ непосредственнаго личнаго осмотра убѣдиться въ древности, а слѣдовательно, и въ подлинности этого документа; требуетъ внести засвидѣтельствованіе объ этомъ въ мѣстныя книги и потомъ, сдѣлавъ изъ нихъ выписку, присовокупляетъ ее къ вновь изданному документу, какъ несомнѣнное доказательство его подлинности [1]). Но увы! все оказалось напрасно: принятыя Поцѣемъ мѣры не спасли посланія отъ того безусловно отрицательнаго приговора, на который оно обречено было православными уже вслѣдствіе одного не оспоримо важнаго, рѣшающаго, такъ сказать, значенія, которое за нимъ они необходимо должны были бы признать, въ случаѣ принятія его подлинности. Какъ только сдѣлался извѣстенъ фактъ его существованія, православные не нашли даже нужнымъ усомниться въ его подложности, а прямо, безъ всякаго критическаго разбора, категорически заявили, что этотъ документъ сфабрикованъ отступниками [2]). Та-

---

[1]) Дата выписки: „Лѣта Божего нароженя 1605. въ среду, мѣсяца июня; 15 дня". Въ изданномъ Поцѣемъ документѣ, кромѣ посланія къ Сиксту IV, находится также и исторія Флорентійскаго собора.

[2]) Вопросъ о подлинности этого документа считается нерѣшеннымъ и до настоящаго времени. Православные, современные его изданію, писатели, какъ замѣчено, категорически отвергли его подлинность. Уніятскіе писатели, напротивъ употребляли всѣ силы, чтобы опровергнуть такой приговоръ. Смотрицкій, отвергнувъ подлинность этого посланія во Ѳриносѣ (Traktat: przeciw samowł. zwierchności biskupa rzymskiego. Rozd. III, стр. 34 на обор.), вотъ что говоритъ о немъ въ своей Апологіи: „Нѣкоторые не придаютъ этому

кимъ образомъ, и эта новая попытка латинянъ сблизиться съ православными оказалась напрасною.

посланію никакой важности; но люди свѣдущіе въ дѣлѣ, и смотрящіе на тѣ времена безпристрастно, судятъ совсѣмъ иначе, они не отвергаютъ ни значенія, ни подлинности грамоты; Кромѣ списка, найденнаго въ Кревсквѣ, открытъ былъ еще другой,—въ церкви села Вельбойла, что подъ Острогомъ, — стариннаго письма и полуизъѣденный молью. Такъ сказывалъ мнѣ покойный Александръ Путятицкій (извѣстенъ какъ довѣренное лицо К. Острожскаго, посылавшееся послѣднимъ около 1600—1601 гг. для переговоровъ съ львовскимъ братствомъ по типографскому дѣлу и „для иншаго поразумѣнья съ ихъ милостями братіею" (Акт. Зап. Р. т. IV № 148), который самъ нашелъ его тамъ случайно и котораго мы коротко знаемъ". По свидѣтельству Вишневскаго, экземпляръ этого посланія отысканъ графомъ Александромъ Пржевальскимъ между рукописями, находящимися въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ. Переводчику Вишневскаго извѣстны два печатные церковно-славянскими буквами экземпляра этого посланія: одинъ находится въ библіотекѣ Перемышльскаго (уніятскаго) собора I. Крестителя; а другой въ библіотекѣ литовской духовной семинаріи (сравни литовск. церков. унія т. 1 стр. 187). Попытокъ рѣшить вопросъ о подлинности этого документа научнымъ образомъ не было до послѣдняго времени. Только въ недавнее время, на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, Ив. Игн. Малышевскій выступилъ съ рефератомъ, въ которомъ научнымъ образомъ доказывалъ подлинность грамоты къ Сиксту IV. Признаки подлинности грамоты, по его мнѣнію, заключаются: I, въ томъ, что содержаніе ея согласно съ историческими обстоятельствами того времени, — и, II, въ томъ, что языкъ грамоты есть славянскій языкъ 1480-хъ годовъ, безъ примѣси польскихъ словъ (кіевск. Епарх. Вѣд. тамъ же стр. 445). Съ мнѣніемъ г. Малышевскаго соглашается и Высокопреосвященный Макарій, по словамъ котораго

Въ то время, какъ на исторической почвѣ шла ожесточенная борьба по вопросу о Флорентійской уніи, боровшіяся стороны считали также нужнымъ отводить часть своего вниманія и вопросамъ, спеціально касающимся ученія и обрядовъ церкви. Та и другая сторона руководилась въ данномъ случаѣ частію общими, частію своими особыми побужденіями. Дѣло въ томъ, что каждый разъ, какъ только заходила рѣчь о флорентійскомъ соборѣ, неизбѣжно возникалъ вопросъ и о достигнутомъ на немъ соглашеніи между спорившими сторонами относительно спорныхъ пунктовъ, которые были предметомъ обсужденія на этомъ соборѣ. Поэтому, на ряду съ обсужденіемъ вопроса о флорентійской уніи вообще, невольно напрашивался вопросъ и о догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ между восточною и западною церква-

---

„нѣтъ основанія считать грамоту подложною" (Истор. Рус. Ц. т. IX, стр. 45). Несмотря однакожъ на такое категорическое заявленіе столь авторитетныхъ ученыхъ, и по сей день раздаются возраженія противъ подлинности этого документа. Соотвѣтствіе содержанія и языка его тому времени, къ которому его относятъ, ничего, говорятъ, недоказываетъ, потому что такое соотвѣтствіе есть необходимая принадлежность всѣхъ мало-мальски удачныхъ поддѣлокъ, за которыя берутся мастера своего дѣла, между которыми Поцѣю, безспорно, должно быть отведено одно изъ видныхъ мѣстъ. Да къ тому же поддѣлка этой грамоты не можетъ быть признана даже вполнѣ удачною, такъ какъ въ ней находятъ анахронизмы. Такъ напримѣръ архимандритъ Печерской Лавры Іоаннъ титулуется здѣсь „архимандритомъ славныя лавры печерскія въ Кіевѣ", между тѣмъ какъ этотъ титулъ впервые усвоенъ лаврѣ только при современникѣ Поцѣя Мелетіѣ Хребтовичѣ, а до этого времени она называлась „печерскою обителью" и др. Самый славянскій языкъ этой

ми. Но каждая сторона, какъ сказано, имѣла еще и свои особыя побужденія останавливаться на послѣднемъ вопросѣ. Православныхъ вынуждало къ этому прежде всего то положеніе, въ какомъ они оказались съ образованіемъ новой уніатской церкви. Продолжавшаяся попытка латинянъ втянуть православную церковь въ унію съ римскимъ костеломъ, образованіе между первою и послѣднимъ новаго религіознаго общества, въ извѣстной степени стушевывавшаго существовавшее между ними различіе, при сильно развившемся интересѣ къ занимавшимъ тогда всеобщее вниманіе религіознымъ вопросамъ, естественно, пораждали у православныхъ желаніе уяснить себѣ отношеніе своей церкви къ церквамъ римско-католической и уніатской со стороны ихъ догматическихъ и обрядовыхъ разностей и составить возможно точное представленіе о томъ, во что долженъ вѣровать и какихъ обрядовъ долженъ держаться каждый сынъ православной церкви, какъ православный? Явилась, такимъ образомъ, потребность въ своего рода исповѣданіи вѣры, въ которомъ ученіе православной церкви изложено было бы не отдѣльно, а въ сравненіи съ ученіемъ церкви римско-католической. Въ болѣе точномъ и подробномъ изложеніи ученія православной церкви могла являться нужда еще и потому, что вслѣдствіе происшедшаго, какъ извѣстно, внѣшняго сближенія православныхъ съ протестантами, первыхъ начали заподазривать въ сочувствіи разнаго рода протестантскимъ заблужденіямъ, которыя изобрѣтательныя головы съ успѣхомъ находили въ издавав-

---

грамоты признается ужъ слишкомъ чистымъ для второй половины XV вѣка. Что же касается, наконецъ, ея слога, то въ немъ видятъ несомнѣнные слѣды краснорѣчія Поцѣя.

шихся православными сочиненіяхъ, сильно смущая, такимъ образомъ, совѣсть малосвѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры членовъ православной церкви.— Какъ отвѣтъ на этотъ запросъ времени, выпущена была въ 1603 году, уже упоминавшаяся выше, небольшая брошюра подъ заглавіемъ: „Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ". Форма изложенія въ этой брошюрѣ діалогическая. Сначала предлагается вопросъ отъ лица латинянина (папежника), затѣмъ слѣдуетъ анализъ его съ православной точки зрѣнія, направленный къ уясненію ученія православной церкви. Въ своемъ изслѣдованіи неизвѣстный авторъ не задается особенно широкою погонею за аргументаціей; его отвѣты сравнительно коротки, и вообще изложеніе сжато. Но нельзя не признать, что авторъ обладалъ несомнѣнною способностью оріентироваться въ содержаніи разсматриваемаго имъ того или другаго предмета, что позволяло ему въ немногомъ высказывать многое. На какихъ-нибудь ста столбцахъ въ 8 д. у него разсмотрѣно 50 вопросовъ, и на каждый изъ нихъ данъ довольно обстоятельный отвѣтъ, изъ котораго можно получить ясное и точное представленіе объ ученіи православной церкви и объ отличіи его отъ ученія церкви римско-католической.

Понятно, что стремленіе православныхъ возможно рельефнѣе представить разногласіе между восточною и западною церквами, съ цѣлью расширить до возможно большаго объема раздѣлявшее ихъ пространство и, такимъ образомъ, затруднить переходъ отъ первой къ послѣдней, стояло въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ интересами латинянъ. Унія для того и придумана была ими, чтобы при помощи ея стушевать существовавшее между этими двумя церквами разстояніе; она, согласно съ ихъ

планомъ, должна была служить своего рода мостомъ, по которому можно было бы постепенно переводить православныхъ въ лоно римско-католической церкви. Очевидно, что время, когда латинская пропаганда, въ лицѣ Скарги, старалась смущать православныхъ длиннымъ перечнемъ заблужденій русской церкви, теперь уже прошло. Сообразно съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ, теперь нужно было изощрять изобрѣтательность уже не надъ пріисканіемъ новыхъ ересей, служившихъ пунктами разногласія, а надъ тѣмъ, чтобы и тѣ пункты, которые до этого времени выставлялись на видъ, какъ-нибудь свести до возможнаго минимума. Дѣйствительно, на это обстоятельство и обратила теперь вниманіе латино-уніатская полемика. „Хотячи тымъ барзѣй унѣю ствердити, пишетъ авторъ „Перестроги", тое што первѣй въ нашей церкви ганили, згола, всѣ нашѣ церемонѣи и вѣры вызнанья и сакраменты, тое все южъ хвалять, только же быхмо папежа за голову признали" [1]). Изъ написанныхъ спеціально съ этою цѣлью памятниковъ полемики намъ извѣстно выпущенное въ 1608 году какимъ-то изъ виленскихъ братчиковъ сочиненіе „Harmonia" альбо согласіе вѣры, сакраментътовъ и церемоней святое Восточъное церъкви съ костеломъ Рымъскимъ". Но еще раньше „Гармоніи", въ томъ же году и изъ тойже типографіи выпущена была небольшая брошюра подъ заглавіемъ „Heresiae, Ignoranciae y politica popow y mieszczan Bractwa Wilenskiego". Мы не имѣли подъ руками этой брошюры; но о содержаніи ея можно составить довольно точное представленіе на основаніи сдѣланныхъ критическихъ замѣтокъ и выдержекъ изъ нея въ православномъ сочи-

---

[1]) Акт. Зап. Р. т. IV, № 149, стр. 225.

неніи „Antigrafi“. Изъ послѣдняго видно, что въ этой брошюрѣ, на ряду съ простымъ перечнемъ такъ называемыхъ заблужденій православной церкви, приводится цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ, касающихся исключительно православнаго виленскаго братства. По словамъ „Antigrafi“, авторъ брошюры обвиняетъ братство прежде всего въ томъ, что „братскому попу позволительно убѣжать съ чужою женою въ монастырь“, что ему „позволительно ядомъ извести своего епископа, или ножомъ заколоть человѣка“.— Дальнѣйшіе, затѣмъ, обвинительные пункты, насколько можно судить на основаніи „Antigrafi”, касаются вопросовъ: a) о господствѣ свѣтскихъ лицъ въ братствѣ надъ духовными, b) о владѣніи первыхъ церквами и ихъ принадлежностями, c) о стриженіи духовенствомъ усовъ, d) о служеніи недостойныхъ поповъ и діаконовъ, e) о присягѣ при исповѣди, f) о пѣніи въ церкви прекраснаго пола (białych głów), g) о неоказываніи достойнаго уваженія Св. Таинству Евхаристіи, h) о томъ, что если какой-нибудь пресвитеръ задумалъ не дать брака съ чужою женою, то свѣтскіе люди имѣютъ право удалить его отъ алтаря, i) наконецъ, о томъ, что виленскіе братчики позволяютъ себѣ Бога не бояться, и будучи мѣщанами, короля ни во что не ставятъ, верховной власти и уряду своего городскаго не слушаютъ.— Нѣкоторые изъ этихъ обвинительныхъ пунктовъ повторяются и другими современными латино-уніатскими полемистами, и, поэтому, трудно допустить, чтобы они не имѣли ничего соотвѣтствующаго дѣйствительности. Мы видѣли, что еще Скарга обвинялъ православныхъ въ томъ, что у нихъ свѣтская власть вмѣшивается въ дѣла чисто духовнаго характера, что ихъ священники не оказываютъ должнаго почтенія

святому сакраменту, что они не признають нерасторжимости брачныхъ узъ, и проч. Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ повторяются и въ „Уніи“ Поцѣя. Поэтому, если ко всему этому прибавить тогдашнее состояніе православной церкви, то такое предположеніе сдѣлается совершенно правдоподобнымъ. Но, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что въ своихъ обвиненіяхъ авторъ разсматриваемой брошюры зашелъ слишкомъ далеко, такъ что въ общемъ она всеже представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ пасквиля на виленское православное братство. Какимъ образомъ, при указанномъ нами сознаніи латиноуніатскою пропагандою необходимости какъ можно снисходительнѣе и мягче относиться къ особенностямъ русской церкви, въ этой брошюрѣ могли преслѣдоваться интересы уніи, сказать трудно. По всей вѣроятности, цѣль ея состояла въ томъ, чтобы уронить въ глазахъ русскаго общества виленское братство, составлявшее, какъ извѣстно, сильный оплотъ православія и съ значительнымъ успѣхомъ парализовавшее успѣхи уніатской пропаганды. Но не невозможно также и то, что это была необдуманная, безтактная выходка какого-нибудь шалопая, задумавшаго потѣшить себя въ издѣвательствѣ надъ своими врагами. Поэтому, вѣроятно, чтобы загладить такой промахъ, и выпущена была въ скорое время изъ Вильна же вышеупомянутая „Гармонія“. Полемизировавшій противъ обоихъ этихъ сочиненій авторъ „Antigrafi“ тоже смотритъ на „Гармонію“, какъ на *подпору* „Heresiae ignorantiae“, и быстрое появленіе первой послѣ выхода этой брошюры объясняетъ крайнею несостоятельностью послѣдней; несостоятельность эту, впрочемъ, онъ видитъ въ голословности и бездоказательности выставленныхъ въ ней положеній. Какъ-бы тамъ,

впрочемъ, ни случилось, во всякомъ случаѣ „Гармонія", какъ это показываетъ самое названіе, написана была въ другомъ тонѣ, чѣмъ „Heresiae ignorantiae". Авторъ напрягаетъ здѣсь все свое вниманіе на то, чтобы, какъ можно больше сгладить разногласіе въ ученіи православной церкви съ римскою и какъ-нибудь примирить ихъ между собою на почвѣ компромисса. „Находятся многіе таковые, пишетъ авторъ въ обращеніи *къ читателю*, которые, не зная самой истины, привыкли зачастую и хорошія вещи осуждать; таковы, напр.: согласіе и святое единеніе, въ которое мы вступили съ нашими братьями, господами римлянами"...[1]). А въ оправданіе такого своего поведенія выставляютъ то обстоятельство, „что Римляне яко-бы, какъ въ артикулахъ вѣры святой, такъ и въ церковныхъ обрядахъ, далеко расходятся отъ святой восточной церкви"[2]). Въ виду этого авторъ беретъ на себя задачу опровергнуть такое заблужденіе и доказать, что „церковь св. Восточная со всѣми обрядами своими на столько близка къ церкви западной Римской, что самый послѣдній простакъ въ состояніи будетъ понять, что эти двѣ церкви всегда составляли единую святую, каѳолическую апостольскую церковь, которую въ символѣ вѣры нашей христіанской исповѣдуемъ"[3]). Но осуществленію такой задачи, въ сознаніи автора, препятствовало одно очень крупное обстоятельство; это, именно, большее склоненіе симпатій православныхъ на сторону протестантовъ, чѣмъ на сторону римскаго костела: „а нѣкоторые (изъ православныхъ), жалуется онъ,

---

[1]) Вторая кн. Памят. полемич. лит. въ зап. Р. стр. 169.
[2]) Ibid. стр. 170.
[3]) Ibid. стр. 171.

смѣютъ даже утверждать, что сборища евангеликовъ по вѣрѣ и обрядности ближе къ церкви восточной, чѣмъ римляне" [1]). Недовольство этимъ фактомъ, конечно, понятно. Латиняне смотрѣли на протестантовъ, какъ на народъ уже совершенно отпѣтый, съ которыми, какъ говорится, пива не сваришь. Поэтому имъ крайне не желательно было видѣть, чтобы православные заключали, такъ сказать, оборонительный противъ нихъ союзъ съ людьми, которые были не только заклятыми ихъ врагами, но которые къ тому же располагали такими средствами для борьбы, какія у православныхъ были пока еще рѣдкостью. И вотъ авторъ „Гармоніи", слѣдуя мудрой пословицѣ— „divide et impera", задаетъ себѣ еще новую задачу--убѣдить православныхъ, что протестанты — это общіе враги обѣихъ церквей, что они „рады были бы, если бы имѣли силу, и Римскую, и Греческую церковь въ ничто обратить, и хотя они на словахъ и заступаются за греческую церковь, но въ дѣйствительности они обороняютъ то, во что сами не вѣрятъ и что обыкновенно называютъ сплетнями, человѣческими установленіями и забабонами" [2]).—При выполненіи постановленной себѣ задачи, авторъ „Гармоніи" пользуется слѣдующимъ пріемомъ. Сначала, на русскомъ языкѣ, устанавливаетъ православный взглядъ на тотъ или другой пунктъ вѣроученія; непосредственно за этимъ у него слѣдуетъ часто буквальное повтореніе того же на польскомъ языкѣ, только въ примѣненіи уже къ римско-католическому костелу; наконецъ, на русскомъ и польскомъ языкахъ, коротко констатируется фактъ отношенія къ этому же пункту

---

[1]) Ibid. стр. 170.

[2]) Ibid. стр. 171.

протестантовъ, съ прибавленіемъ, обыкновенно, въ концѣ, упрека православнымъ, въ родѣ, напр., слѣдующаго: „о тожъ ваша зъ ними згода, панове Росіяне, а грекове того (что протестанты) не вѣдаютъ.“ Впрочемъ, такой порядокъ съ внѣшней стороны не всегда выдерживается. Что касается, затѣмъ, тѣхъ случаевъ, гдѣ полное соглашеніе римской церкви съ православною оказывается совершенно невозможнымъ, какъ, напр., по вопросу объ исхожденіи Св. Духа, тамъ представляется, всегда впрочемъ въ мягкой формѣ, критика православнаго ученія и предлагается замѣнить его римско-католическимъ.

По содержанію „Гармонія“ можетъ быть раздѣлена на три отдѣла: 1) *о вѣрѣ*, 2) *о таинствахъ*, и 3) *церковныхъ обрядахъ.* Въ первомъ отдѣлѣ разсматривается символъ вѣры и указываются пункты вѣроученія, въ которыхъ православная церковь согласна съ Римомъ, и въ которыхъ отличается отъ него. Дѣйствительное и полное разногласіе авторъ находитъ только въ одномъ пунктѣ, именно, въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа. На этомъ вопросѣ онъ нѣсколько останавливается, причемъ приводя доводы въ пользу исхожденія Св. Духа и отъ Сына, утверждаетъ, что кто не признаетъ, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, „таковый есть арыянинъ и новокрещенецъ“, и затѣмъ ссылается на книжки Геннадія Схоларія, свидѣтельствующія, что и на флорентійскомъ соборѣ въ этомъ артикулѣ всѣ единогласно согласились, за исключеніемъ Марка Ефесскаго. Признавая, далѣе, что во всѣхъ остальныхъ членахъ вѣры православная церковь согласна съ римскою, онъ обличаетъ „новаго теолога, а стараго баламута, Стефанку Зизанія“, который Богъ вѣсть откуда „выдралъ и написалъ въ своихъ книжкахъ, . „ижъ Христосъ *теперъ* сѣдечы на

правицы Бога Отца Своего, уже не ходатайствуетъ о насъ"[1]) и „который смѣлъ написати въ книжкахъ своихъ, ижъ светые Божые еще не суть въ небѣ и не мають заплаты отъ Бога взглядомъ душъ своихъ, але ее ажъ на судномъ дни прыймутъ, съ тѣломъ посполу по воскресеніи изъ мертвыхъ, *а теперь суть въ рукахъ Божихъ*"[2]), т. е. онъ повторяетъ здѣсь уже извѣстное намъ обличеніе Жебровскаго.—На *мытарство* далѣе онъ смотритъ, какъ на нѣчто соотвѣтствующее *чистилищу*, отличающееся отъ послѣдняго только непризнаніемъ „матеріальнаго огня" для очищенія душъ. Послѣднимъ въ этомъ отдѣлѣ разсматривается вопросъ „О церкви". Здѣсь приводится выдержка изъ Геннадія Схоларія, направленная главнымъ образомъ, къ изображенію печальнаго состоянія современной греческой церкви; цѣль этой выдержки—убѣдить православныхъ въ необходимости единенія съ церковью римскою.

Въ остальныхъ двухъ отдѣлахъ авторъ проводитъ параллель между таинствами, іерархическими чинами, постами и церковными службами обѣихъ церквей, и находитъ между ними полное соотвѣтствіе, и только по мѣстамъ онъ дѣлаетъ нелишенныя интереса замѣтки обличительнаго характера. Такъ, говоря о таинствѣ крещенія, онъ возмущается недавно выданнымъ Гедеономъ Балабаномъ *трбникомъ*, въ которомъ, по его словамъ, помѣщенъ былъ чинъ принятія католиковъ чрезъ перекрещиваніе[3]). А въ трактатѣ „О бракѣ" дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе на счетъ современнаго православна-

---

[1]) Ibid. стр. 180.

[2]) Ibid. стр. 182.

[3]) Ibid. стр. 197.

го духовенства: „а теперь еще до таковаго своволенства прышло, же и по постановленію попы женятся, а другіе не только двойженцами, але тройженцами суть. Наконецъ и черицы побѣсилися: покинувши клобукъ, жены поймуютъ! Въ томъ, якъ бачу, великая згода съ евангеликами и Лютеромъ, предтечею ихъ, который, мнихомъ будучи, мнишку поялъ“ [1]).

Въ отвѣтъ на оба разсмотрѣнныя сочиненія выпущено было въ томъ же 1608 году, уже нѣсколько разъ упомянутое, сочиненіе: „Antigrafi, или отвѣтъ на колкую записку (uszczypliwy script), выданную отступниками церкви восточной противъ людей древней религіи греческой, которой названіе „Heresiae, ignorantiae и политика поповъ и мѣщанъ братства виленскаго“. А равно и наскоро послѣ этого выданную для объясненія этой записки книжку подъ названіемъ „Harmonia“. Чрезъ одного братчика Виленскаго церковнаго древней религіи греческой братства поспѣшно представлены“. Сочиненіе это приписывается Мелетію Смотрицкому [2]). Написано оно на польскомъ языкѣ и посвящено сыну Константина Острожскаго, Янушу. Самому сочиненію предшествуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ, объясняя причины, побудившія его взяться отвѣчать на разсмотрѣнныя два сочиненія, высказываетъ довольно интересныя замѣчанія относительно общаго характера отношенія между современною православною и латино-уніятскою

---

[1]) Ibid. стр. 212.

[2]) Принадлежность этого сочиненія Мелетію Смотрицкому доказывается свидѣтельствомъ современника (Diplic Antapal стр. 614) и самого Смотрицкаго (Apolog. стр. 105). Смотр. изслѣдов. объ Апокрисисѣ Хр. Ф., стр. 59, прим. 4.

полемикою. Прежде всего онъ упоминаетъ здѣсь о какихъ-то еще раньше, по его предположенію, тѣмъ же самымъ авторомъ выданныхъ „*скриптахъ*“ противъ православной религіи; но онъ не отвѣчаетъ на эти *скрипты* потому, что признаетъ ихъ безсильными для того, чтобы поколебать истину, которая сама за себя говоритъ. Къ тому же всѣ новѣйшіе *скрипты* противниковъ, по увѣренію автора, не представляютъ ничего оригинальнаго сравнительно съ тѣмъ, что высказано было въ ранѣе выпущенныхъ ими сочиненіяхъ, на которыя со стороны православныхъ уже данъ отвѣтъ. Извѣстно, напр., какъ безсильна оказалась ихъ полемика противъ Филалета. Кто-то порвался было отвѣчать, но безуспѣшно. А что касается „*четырехъ другихъ съ Острога и трехъ съ Вильна*, уже не на самый только брестскій соборъ, а почти *на всѣ важнѣйшіе* и къ душевному спасенію относящіеся артикулы и церемоніи, чрезъ послѣдователей православной религіи выданныхъ книгъ“, то на нихъ со стороны сторонниковъ уніи отвѣта вовсе не послѣдовало. Въ виду этого, разсуждаетъ авторъ, и эти сочиненія можно было-бы оставить безъ вниманія; но долженъ же, наконецъ, наступить конецъ терпѣнію, тѣмъ болѣе, что противники готовы объяснить это въ свою пользу. Впрочемъ, отвѣту своему авторъ намѣренъ придать форму простаго протеста, потому что отвѣчать въ собственномъ смыслѣ этого слова — это значитъ платить тѣмъ же; а православному не свойственно подражать своему противнику. Переходя, затѣмъ, къ плану своего сочиненія, авторъ обѣщаетъ сначала остановиться на взнесенныхъ на православныхъ въ сочиненіи „о ересяхъ“ клеветахъ, а потомъ и на тѣхъ артикулахъ, которые въ этомъ сочиненіи называются ересями православ-

ной церкви. Въ послѣднемъ случаѣ авторъ обѣщаетъ имѣть въ виду и „Гармонію“, которая, по его предположенію, выпущена съ цѣлью обосновать ничѣмъ недоказанные пункты перваго сочиненія. Такъ дѣйствительно онъ и поступаетъ. Все сочиненіе „Antigrafi“ раздѣляется на семь отдѣловъ. Первый отдѣлъ 1) заключаетъ въ себѣ отвѣтъ „*на нѣкоторыя неосновательныя повѣсти, задѣвающія колкости, и безстыдно измышленные навѣты*“. Здѣсь авторъ разсматриваетъ всѣ вышеприведенные пункты обвиненія противъ львовскаго братства, объявляетъ ихъ наглою ложью и доказываетъ, что насколько отъ всѣхъ этихъ обвиненій свободна православная церковь, настолько они, дѣйствительно, могутъ быть отнесены къ уніятамъ. И дѣйвтвительно, онъ дѣлаетъ здѣсь ясные намеки на нѣкоторые такіе факты, дѣйствительное существованіе которыхъ подтверждаютъ сами уніатскіе писатели[1]). Второй отдѣлъ посвященъ вопро-

[1]) Отвѣчая на обвиненіе львовскаго братства въ томъ, что „львовскому братчику позволительно убѣжать съ чужою женою въ монастырь“, авторъ Antigrafi между прочимъ замѣчаетъ: „скажите мнѣ теперь, развѣ нѣтъ въ вашей отступницкой сектѣ такихъ духовныхъ, которые, уже по посвященіи въ пресвитерскій санъ, взявши незаконную жену, и потому лишившись своего мѣста у правовѣрныхъ, у васъ не только священствуютъ при вашемъ старшемъ (котораго вы не законно называете митрополитомъ), но еще и наставниками духовными и даже викаріями его поставлены“ (Rozd. 1, стр. обор. 1). Очевидно, здѣсь авторъ указываетъ на извѣстнаго Варооломея Зашковскаго или Заславскаго, который, будучи при Ярославскомъ намѣстникѣ, Яковѣ Середѣ, учителемъ, не вступая въ бракъ, посвященъ былъ Михаиломъ Копыстенскимъ во священника. Впослѣдствіи онъ бѣжалъ съ сестрою этого Середы, перешелъ на сторону уніи

су II) *объ исхожденiи св. Духа.* Этому вопросу авторъ придаетъ особенно важное значенiе и отвѣтъ на него считаетъ *основанiемъ* своего сочиненiя. Поэтому, развивая ученiе восточной церкви объ исхожденiи св. Духа, онъ приводитъ довольно значительное количество выдержекъ изъ отцовъ и учителей церкви, причемъ цитируетъ ихъ сначала на латинскомъ языкѣ, а потомъ въ переводѣ на польскiй. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ, въ которомъ разсматривается вопросъ III) *о посредничествѣ Сына Божiя*, гдѣ авторъ, защищая Ст. Зизанiя, устанавливаетъ уже извѣстный намъ взглядъ на ученiе по этому вопросу православной церкви. Въ четвертомъ отдѣлѣ предложенъ отвѣтъ на тотъ отдѣлъ въ „Гармонiи", который посвященъ вопросу IV) *объ отношенiи восточной церкви къ западной съ обрядовой стороны.* Здѣсь авторъ, между прочимъ, отвергаетъ уже извѣстное намъ свидѣтельство „Гармонiи" относительно того, что яко бы въ изданномъ Гедеономъ Балабаномъ требникѣ, въ чинѣ принятiя католиковъ, при переходѣ послѣднихъ въ православiе, предписывается перекрещивать ихъ. Въ пятомъ отдѣлѣ разсматриваются съ православной точки зрѣнiя два вопроса V) *о прѣсномъ хлѣбѣ въ таинствѣ Евхаристiи* и *о лишенiи свѣтскихъ людей чаши Новаго Завѣта.* Шестой отдѣлъ также состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой трактуется VI) *о состоянiи душъ до всеобщаго суда*, во

и поставленъ былъ Поцѣемъ виленскимъ протопопомъ. Эта продѣлка Заславскаго, по словамъ вышедшаго въ 1609 году сочиненiя „Relacya", мало по малу начала получать извѣстность, „особенно чрезъ выданную противниками книгу Antigraphi, въ которой какой-то безымянный авторъ почти *пальцемъ указывалъ* на эти его продѣлки". Relacya Rozd. 2).

второй критикуются доводы въ пользу ученія римской церкви *о чистилищѣ*. Наконецъ седьмой и послѣдній отдѣлъ посвященъ критикѣ помѣщеннаго въ „Гармоніи“ трактата *о церкви*. Здѣсь авторъ главнымъ образомъ рсзсматриваетъ ходячій въ то время вопросъ VII) *о несеніи восточною церковію креста*.

„Antigrafi“ въ научномъ отношеніи представляетъ довольно солидный отвѣтъ православной стороны на два вышеуказанныя уніатскія сочиненія. Но, на основаніи сдѣланныхъ въ предисловіи нѣкоторыхъ оговорокъ, можно думать, что самъ авторъ не вполнѣ остался доволенъ этимъ сочиненіемъ. И это совершенно понятно. Создавая его на скорую, такъ сказать, руку, Смотрицкій по необходимости долженъ былъ игнорировать многое такое, что въ его сознаніи могло казаться заслуживающимъ полнаго вниманія, но надъ чѣмъ нельзя было останавливаться по недостатку времени. И вотъ чрезъ два года послѣ выхода „Antigrafi“ имъ выпущено было новое сочиненіе, которое, близко подходя къ первому по предмету, значительно отличается отъ него по тону и далеко оставляетъ за собою по своей капитальности. Этимъ сочиненіемъ былъ знаменитый „Ѳриносъ“, не безъ основанія считающійся самымъ лучшимъ произведеніемъ Смотрицкаго и занимающій одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ во всей современной ему православной полемической литературѣ. Особенность „Ѳриноса“ заключается въ томъ, что, на ряду съ несомнѣнными научными достоинствами, онъ въ тоже время заключаетъ въ себѣ рядъ глубокихъ поэтическихъ изліяній, составляющихъ въ высшей степени рельефную характеристику бѣдственнаго состоянія современной православной церкви. Послѣднею своею стороною „Ѳриносъ“ обязанъ необыкновенной подвиж-

ности и впечатлительности натуры Смотрицкаго Это былъ человѣкъ, ядро сознанія котораго могло вмигъ измѣняться подъ вліяніемъ почти всякаго болѣе или менѣе сильнаго впечатлѣнія. Это, выражаясь образно, былъ своего рода нравственный хамеліонъ, физіономія котораго способна была подвергаться всѣмъ тѣмъ измѣненіям , какимъ подвергалась и окружавшая его среда. А та среда, подъ вліяніемъ которой находился Смотрицкій, пиша это свое сочиненіе, заключала въ себѣ много такого, что должно было производить крайне тяжелое впечатлѣніе на воспріимчиваго наблюдателя: „Ѳриносъ" изданъ былъ, какъ замѣчено, въ 1610 году, а въ 1609 г. въ Вильнѣ, слѣдовательно, предъ глазами самого Смотрицкаго, совершенно было одно изъ самыхъ наглыхъ насилій надъ мѣстнымъ православнымъ братствомъ; именно: въ этомъ году, вопреки конституціямъ сеймовъ 1607 и 1609 годовъ, у этого братства отнятъ былъ уніятами троицкій монастырь, а вмѣстѣ съ тѣмъ православные лишились почти всѣхъ своихъ церквей въ Вильнѣ. Фактъ этотъ, какъ извѣстно, совершился не сразу, а послѣ значительной борьбы, которая, какъ и всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, сопровождалась разнаго рода обоюдными оскорбленіями и насиліями. Къ довершенію же совершившейся несправедливости, въ томъ же 1609 году, уніатскою стороною выпущена была небольшая брошюра: „Relacya y uważenie postepkow niektórych około cerkwi Ruskich Wilenskich roku 1608 y 1609, Wilnu wszystkiemu świadomych", гдѣ неизвѣстный авторъ, воспроизводя съ уніатской точки зрѣнія всю указанную исторію, взноситъ на православныхъ цѣлый рядъ обвиненій, обличая ихъ, между прочимъ, въ измѣнѣ королю и отечеству. Понятно, что всѣ эти обстоятельства

должны были подѣйствовать возмущающимъ образомъ на всякаго православнаго современника. А между тѣмъ они были не единственными явленіями въ своемъ родѣ. Извѣстно, что „на брестскомъ соборѣ, скажемъ словами автора; „литовской церковной уніи“, вводившіе унію открыто признали западно-русскую православную церковь обществомъ незаконнымъ, неимѣющимъ съ этого времени права на существованіе въ Литовско-Польскомъ государствѣ“ [1]); „съ этого времени, продолжитъ словами автора „Исторіи объ уніи“, уніаты всегда возрастали, а православные со дня на день умалялись“ [2]). Умаленіе это обусловливалось систематическимъ нарушеніемъ правъ и привиллегій православныхъ, которое въ это время дѣлается обыденнымъ явленіемъ и которое, въ связи съ начавшимъ сильно давать себя чувствовать недостаткомъ въ высшей іерархіи, повергало православную церковь въ крайне бѣдственное, почти безвыходное положеніе. Такимъ образомъ, указанныя виленскія событія были лишь однимъ изъ болѣе темныхъ пятенъ на общемъ мрачномъ фонѣ жизни современной православной церкви. Подъ вліяніемъ гнета этой печальной дѣйствительности, когда выступалъ вопросъ о ея настоящей, первоначальной причинѣ, въ сознаніи всякаго, сколько-нибудь мыслящаго православнаго, естественно возникалъ мрачный образъ прошлой жизни православной церкви, а сильно возбужденное религіозное чувство должно было подсказывать, что та горькая чаша, которую теперь вынужденъ испить литовско-русскій народъ, приготовлена была имъ же самимъ, его долгимъ нравственнымъ сномъ, которымъ такъ

---

[1]) Т. II, стр. 18.

[2]) Б. Каменскій стр. 57.

коварно воспользовался гнетущій теперь его непріятель. Словомъ, въ средѣ современнаго православнаго общества теперь съ особою силою долженъ былъ раздаться тотъ голосъ самоуничиженія и самообличенія, которымъ, какъ извѣстно, сопровождается почти всякій болѣе или менѣе крупный шагъ въ исторіи развитія народнаго самосознанія, и который теперь, въ виду всеобщаго бѣдственнаго состоянія православной церкви, долженъ былъ принять особенно рѣзкій тонъ и прозвучати съ особою силою. Понятно, какое потрясающее дѣйствіе подобное положеніе должно было производить на воспріимчивую душу Смотрицкаго. „Увы мнѣ бѣдной! Горе мнѣ несчастной, со всѣхъ сторонъ ограбленной! восклицаетъ онъ въ началѣ своего „*лямента*“ отъ лица церкви. Горе мнѣ, для поруганія предъ всѣмъ міромъ одѣянія лишенной и невыносимымъ бременемъ отягченной! Руки въ оковахъ, ярмо на шеи, путы на ногахъ, цѣпь на бедрахъ, обоюдоострый мечъ надъ головою, глубокая вода подъ ногами, неугасимый огонь по сторонамъ. Отовсюду крики, отовсюду страхъ, отовсюду преслѣдованіе. Бѣда въ городахъ, бѣда въ селахъ, бѣда въ поляхъ и дубравахъ, бѣда въ горахъ и пропастяхъ земныхъ. Нѣтъ ни мѣста покойнаго, ни убѣжища надежнаго, День въ болѣзняхъ и ранахъ, ночь въ стенаніи и вздохахъ. Лѣто знойное къ разслабленію, зима морозная къ смерти, потому что въ нищетѣ терплю наготу и подвергаюсь преслѣдованію до смерти. Я, раньше прекрасная и богатая, теперь обезображена и повергнута въ нищету; нѣкогда-королева и любимица всего свѣта, теперь предметъ всеобщаго презрѣнія и оскорбленія“.. (Rozd. 1, стр. 1). Подобнаго рода лирическія изліянія,— а ихъ въ „Ѳриносѣ“ не мало,—служатъ лучшимъ показателемъ того угнетеннаго

крайне тяжелаго душевнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго писался „Ѳриносъ“, и которое, въ свою очередь, было естественнымъ слѣдствіемъ безотраднаго положенія дѣлъ въ окружавшей Смотрицкаго средѣ.

„*Ѳриносъ, т. е. плачъ восточной церкви на отступленіе нѣкоторыхъ отъ древняго греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патріарху константинопольскому*“— раздѣляется на десять отдѣловъ, которымъ предшествуетъ *посвященіе* старостѣ Овруцкому, Михаилу Корвуту Вишневецкому и *предисловіе къ читателю.* Въ посвященіи авторъ, выходя изъ того общаго положенія, что добродѣтель сама по себѣ, какъ бы ясно ни сознавалось ея высокое значеніе для счастія, не можетъ принести дѣйствительной пользы, если только не покоится на истинной вѣрѣ въ Бога, напоминаетъ далѣе, что предки этого князя отличались именно такою христіанскою добродѣтелью, чѣмъ и заслужили себѣ славную память потомства. Православная церковь, видя, что потомокъ этого славнаго рода унаслѣдовалъ всѣ драгоцѣнныя качества своихъ предковъ, радуется вмѣстѣ со всѣми вѣрными своими сынами и молитъ о ниспосланіи на него благословенія Божія, долгой жизни, вѣчной славы въ потомствѣ и вѣнца жизни на небѣ, на что можетъ надѣяться каждый, кто въ эту злосчастную минуту не увлечется прелестями міра сего и не оставитъ „убогаго пастыря убогой овчарни“, помня, что испытанная вѣра познается не по внѣшнему своему величію, а по степени ея близости къ слову Божію, которому принадлежитъ рѣшающее значеніе въ ея дѣлахъ. Изъ такихъ-то могущественныхъ доводовъ, взятыхъ изъ слова Божія, и составлена эта книжка, въ которой церковь, проливъ предварительно соотвѣтствующія времени жалостныя слезы, даетъ несо-

мнѣнныя и основательныя свѣденія о себѣ и о не искаженномъ прибавками своемъ ученіи. Эту-то книжку, переведенную съ греческаго[1]), авторъ и посвящаетъ князю, какъ вѣрному сыну и столпу церкви, въ надеждѣ найти въ немъ защитника для нея.—Вслѣдъ за посвященіемъ, какъ замѣчено, слѣдуетъ предисловіе, написанное въ формѣ обращенія къ читателю.—Нужно признать за чудо, говоритъ здѣсь авторъ, что восточная церковь, не смотря на все усиліе враговъ помрачить ее, остается вѣрною „свѣтлости правды Божіей". Никого не должна соблазнять ея внѣшняя непригля́дность, потому что она объясняется несеніемъ тяжелаго креста и нѣкоторыми другими условіями. Нужно, напротивъ, обращать вниманіе на ея внутреннюю чистоту и неизмѣнную вѣрность древнему преданію. Указавъ, затѣмъ, на то, какъ необходимо ознакомленіе съ истинами вѣры для того, чтобы слѣдовать имъ, авторъ высказываетъ рядъ сентенцій, направленныхъ къ укрѣпленію въ православныхъ твердости вѣры. Съ цѣлію научить православныхъ умѣнью отличать истинную церковь отъ ложной, авторъ предлагаетъ, далѣе, твердо помнить приводимый имъ отрывокъ изъ 49-й бесѣды Св. Златоуста. Этой-же цѣли служитъ и предлагаемое имъ сочиненіе, которое, увѣряетъ онъ, не безполезно будетъ прочитать и много и мало свѣдущему

[1]) Смотрицкій говоритъ, что Ѳринось есть не оригинальное его произведеніе, а переводъ съ греческаго сначала на славянскій, а потомъ и на польскій языкъ. Это заявленіе автора библіографія признаетъ за намѣренную мистификацію, допущенную съ цѣлію скрыть свое имя (Труд. Кіевск. Дух. Ак. 1876 г. т. 1, стр. 124 и далѣе. Кіевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 19 стр. 539).

въ дѣлахъ вѣры. Отсюда же можно будетъ узнать и то насколько вѣрно обвиненіе православныхъ въ разнаго рода недостаткахъ и преступленіяхъ. Наконецъ, онъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ критическихъ замѣчаній по поводу вновь выпущенныхъ противниками сочиненій: „Nieiakiegos Nalewayka" и упомянутой „Реляціи".— За предисловіемъ слѣдуетъ самый „*Плачъ или нареканіе св. Восточной церкви на своихъ сыновъ выродковъ*" (syny wyrodki), составляющій первый отдѣлъ „*Өриноса*" (Rozd. 1, стр. 1—21). Здѣсь въ прекрасной элегической формѣ, въ глубоко прочувствованной рѣчи, авторъ развиваетъ мысль, что бѣдствующая теперь церковь была когда-то славой и украшеніемъ всего міра; но рожденныя и вскормленныя ею дѣти оставили ее и служатъ теперь причиною ея страданій. Въ этомъ безутѣшномъ своемъ состояніи церковь обращается къ славнымъ своимъ первороднымъ сынамъ (древнимъ отцамъ церкви), вспоминаемъ о совершонныхъ ими великихъ духовныхъ подвигахъ и выражаетъ горькое сожалѣніе о томъ, что, благодари своему отсутствію, они не могутъ оказать ей помощи въ этомъ плачевномъ ея состояніи.—Но прежде, чѣмъ произносить окончательный приговоръ надъ своими недостойными сынами, церковь считаетъ нужнымъ еще разъ напомнить имъ о возвращеніи съ того погибельнаго пути, на который они вступили. При этомъ она доказываетъ, что причина паденія дѣтей въ данномъ случаѣ никакимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ родителямъ, а что она лежитъ въ невниманіи дѣтей къ наставленіямъ послѣднихъ. Церковь никогда не оскудѣвала въ своихъ наставленіяхъ, какъ общихъ, касающихся всѣхъ вообще, такъ и въ частныхъ, относящихся къ отдѣльнымъ званіямъ и состояніямъ людей. Но все

оказалось напраснымъ, благодаря величайшему невниманію сыновъ къ ея наставленіямъ. Нерадѣніе въ данномъ случаѣ есть главная причина зла, особенно же это нужно сказать о нерадѣніи духовныхъ. Послѣдніе, какъ непосредственно призванные блюсти интересы церкви, особенно отвѣтственны за свое нерадѣніе и поэтому церковь, разсматривая жизнь современнаго духовенства, указываетъ и обличаетъ всѣ его недостатки. Свой плачъ церковь оканчиваетъ обращеніемъ къ Отцу Небесному съ соотвѣтствующею случаю молитвой.—Второй отдѣлъ посвященъ „*напоминанію Восточной церкви своему сыну, который оставилъ ее совмѣстно съ другими*" (Rozd. II, стр. 23—30). Здѣсь церковь обращается спеціально къ русскому народу съ напоминаніемъ объ его глубокомъ умственномъ и религіозно-нравственномъ снѣ, совѣтуетъ познать самаго себя и принять мѣры къ выходу изъ такого крайне жалкаго состоянія. Остальные отдѣлы „Ѳриноса" посвящены изслѣдованію нѣкоторыхъ историко-догматическихъ и обрядовыхъ вопросовъ, служившихъ предметомъ препирательства между Восточною и Западною церквами. Въ третьемъ отдѣлѣ, „*противъ самовластной верховности римскаго епископа*"—(Rozd. III, стр. 30—68), послѣ общихъ разсужденій о недостаточности мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ уніаты признали надъ собою власть римскаго папы, приводится трактатъ изъ Нила-Кавасила" противъ верховности римскаго епископа" (стр. 38—48), предлагается очень подробный и обстоятельный анализъ вопроса о такъ называемомъ „Константиновомъ вѣнѣ", и наконецъ дѣлается короткое замѣчаніе касательно извѣстнаго посланія къ Сиксту IV. Слѣдующій отдѣлъ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится „*о современной Римской церкви*" (Rozd. IV,

стр. 69—80), во второй—„*о несущей крестъ церкви восточной и о двѣнадцати пунктахъ отступничества, неосновательно навязываемыхъ ей противниками*“ (стр. 81—91). Первую часть этого отдѣла Смотрицкій, повидимому, спеціально посвятилъ расплатѣ съ латино-уніатами за всѣ взнесенные ими въ разное время на православную церковь пасквили,—и нужно признать, что слѣдуемый долгъ онъ уплатилъ съ щедрымъ вознагражденіемъ. Здѣсь, посредствомъ подбора мѣстъ изъ сочиненій такихъ писателей, какъ Петрарка, Мантуанъ, Гаранза, Бернардъ и др., онъ самыми темными красками рисуетъ современное ему состояніе римско-католической церкви вообще, и въ частности жизнь бискуповъ, ксендзовъ и прочихъ духовныхъ лицъ.- -Во второй части этого отдѣла разбирается одно изъ ходячихъ въ то время между латино-уніатами мнѣній, что *Богъ отдалъ восточную церковь въ поганую неволю туркамъ за неповиновеніе римскому папѣ.* Мнѣніе это опровергается путемъ освѣщенія указаннаго факта съ точки зрѣнія несенія Восточною церковію необходимаго при настоящемъ положеніи дѣлъ креста; причемъ доказывается, что въ интересахъ спасенія лучше переносить *настоящее рабство турецкое,* чѣмъ *признавать надъ собою власть папы.* Далѣе слѣдуетъ трактатъ „*объ исхожденіи св. Духа* (Rozd. V, стр. 92—130), представляющій довольно глубокое, всестороннее, достаточно научно-обоснованное, разсужденіе объ отношеніи лицъ св. Троицы между собою и къ сущности Божества. Здѣсь также исторически разсмотрѣнъ вопросъ о введеніи въ символъ „Filioque“.—Остальные отдѣлы „Ѳриноса“ посвящены вопросамъ: „*объ опрѣснокахъ и квасномъ хлѣбѣ*“ (Rozd. VI, стр. 130—154), „*о чистилищѣ*“ (Rozd. VIII, стр. 154—177), „*о*

томъ, что греческіе патріархи у папы римскаго въ послушаніи никогда не были" (ibid. стр. 178—188), *объ оставленіи римскою церковію чаши Новаго Завѣта*" (Rozd. VIII. стр. 188—197, „*о призваніи святыхъ*" (Rozd. IX, стр. 197—208). Наконецъ, какъ бы въ качествѣ вывода изъ предъидущаго, помѣщенъ слѣдующій, заключающій положительное ученіе православной церкви, „*катихизисъ, т. е., суммарій или краткое собраніе вѣры и обрядовъ св. Восточной церкви*" (Rozd. X, стр. 208—218).

„Ѳриносъ" своимъ глубокимъ патетизмомъ, ѣдкой и, нужно сказать, довольно мѣткой сатирой, проглядывающей вездѣ, гдѣ только авторъ касается жизни римской церкви, наконецъ, весьма солидной для тогдашняго времени аргументаціей, которая въ нѣкоторыхъ пунктахъ отличается значительною обстоятельностію сравнительно съ другими современными полемическими сочиненіями,—долженъ былъ сильно дѣйствовать на умы современниковъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ,—особенно въ начальныхъ трактатахъ,—затрогиваются самыя больныя мѣста въ жизни современной церкви. Поэтому, понятенъ тотъ восторгъ, съ какимъ встрѣченъ былъ „Ѳриносъ" православными: они сравнивали его съ твореніями Златоуста, заявляли, что готовы за него пролить свою кровь, а самого автора называли *отцомъ православія, ангеломъ Божіемъ*, и окружали всевозможными почестями[1]).—Такія свойства „Ѳриноса" дѣлали его крайне опаснымъ въ глазахъ противниковъ православія, и поэтому, кромѣ частныхъ, конечно, большею честію состоящихъ изъ од-

---

[1]) Труды Кіев. Д. Акад. 1878 г. Іюнь № 6 приложеніе стр. 189.

ной брани, отзывовъ со стороны противниковъ, онъ удостоился и нѣсколькихъ спеціально ему посвященныхъ отвѣтовъ.

Унять слезы Ортолога прежде всего взялся тотъ же не утолимый Скарга, издавшій въ томъ же 1610 г. въ Вильнѣ сочинененіе: „Na treny y lament Theophila orthologa do Rusi Greckiego nabożeństwa przestroga“ а чрезъ два года Ильею Мороховскимъ выпущено было новое сочиненіе противъ Өриноса, изданное также въ Вильнѣ подъ заглавіемъ; Paregoria albo utolenie uszczypliwego lamentu mniemaney cerkwie wschodney zmyslonego Theophila orthologa“. Wilno 1612 [1]).

Въ предисловіи, посвященномъ виленскому бискупу Войнѣ, Скарга такъ объясняетъ причину, заставившую его взяться за перо. „Пріѣхавъ въ прошломъ году съ его милостію милостивымъ нашимъ государемъ королемъ въ Вильно, мы нашли здѣсь русское богослуженіе раздвоеннымъ: одни находились въ единеніи съ св. западною церковью, другіе оставались при одной церкви, которая зовется Наливайковскою. Изъ этой-то церкви и ея типографіи, втихомолку, скрытно отъ правительственныхъ властей, почти какъ разъ подъ выѣздъ и отправленіе его милости короля въ Москву, вышло за подписью какого-то Феофила Ортолога сочиненіе, содержащее въ себѣ книжки, наполненныя разными мерзостями и враньемъ на св. церковь римскую, на всѣхъ католиковъ и преблагословенныхъ папъ, намѣстниковъ Христа Бога нашего. Здѣсь говорится, что римская столица св. Петра, а затѣмъ и всѣ тѣ, которые въ послушаніи ей

[1]) Оба эти сочиненія можно найти въ варшавской публичной библіотекѣ.

ищутъ своего спасенія,пезнаютъ Господа Бога и правды, неимѣютъ евангелія, служатъ антихристу, божескія и человѣческія права потоптали, отмѣнили и новую вѣру поставили, отступивъ отъ той, которую сохраняетъ восточная церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія. Эти дикія и неслыханныя злословія, естественно, могутъ оскорблять насъ-католиковъ, которыми этотъ городъ Вильно, великое княжество литовское, вся корона польская и весь свѣтъ наполненъ. Мы бы не обратили вниманія на этого, скрывшаго подъ вымышленнымъ псевдонимомъ свое имя, Ортолога, какъ лишеннаго здраваго смысла; но въ виду того, что онъ выдаетъ себя пишущимъ якобы отъ лица грековъ и восточныхъ патріарховъ и этою своею ложью можетъ ввести въ обманъ простыхъ русскихъ людей, также въ виду далекаго распространенія его книжекъ, доходящихъ даже до Москвы, — осудить и ослабить ихъ дѣйствіе оказалось необходимымъ. Необходимо это сдѣлать особенно теперь, когда его милость король, богобоязненный и милостивый нашъ государь, имѣетъ дѣло и ведетъ войну съ Москвою, которая весьма гнушается римско-католическою вѣрою и вслѣдствіе этого пренебрегаетъ благоволеніемъ его милости короля; отъ чтенія же этого сочиненія можетъ воспламениться еще большимъ упрямствомъ, опасаясь нарушенія своего греческаго богослуженія. Когда объ этихъ гнусныхъ, разрушающихъ сосѣдскую дружбу и христіанскую любовь, усиливающихъ непріятеля отечества, книжкахъ узналъ его милость король, приказалъ задержать ихъ; но уже было поздо, потому что онѣ не только здѣсь въ городѣ уже были разсѣяны, но и разосланы были на Волынь и въ Россію". Чтобы исправить эту ошибку, Война обратился за помощью къ Скаргѣ, который и незамедлилъ предложить

свои услуги. Самому сочиненію предшествуетъ обращеніе „къ читателю и особенно къ Руси греко-русскаго обряда неуспѣвшей оеретичиться“. Здѣсь, упрекнувъ Ортолога въ томъ, что онъ, отказавшись, по безсилію будто-бы, полемизировать съ нимъ — Скаргой, предпочелъ отвѣчать на сочиненіе „какого-то не важнаго между католическими писателями Сокрана“, навязавъ Ортологу цѣлыхъ десять заблужденій, авторъ возмущается особенно тѣмъ въ Ѳриносѣ, что его авторъ, въ своихъ нападкахъ на римскихъ папъ, пользуется сочиненіями „еретиковъ“ (протестантскихъ писателей). Самое сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть подраздѣляется на 12 отдѣловъ, изъ которыхъ первые три посвящены вопросамъ: 1) „О титулѣ и надписи книжекъ Ортолога и заключающихся въ нихъ пяти видахъ лжи“, гдѣ, между прочимъ, совершенно основательно опровергается увѣреніе Смотрицкаго, что будто-бы Ѳриносъ переведенъ имъ съ славянскаго языка, на который онъ въ свою очередь переведенъ съ греческаго подлинника; 2) „О плачѣ и бопляхъ невѣсты, олицетворяющей восточную церковь, за которую ратуетъ Ортологъ“ и 3) „О хулахъ этой невѣсты на святую римскую церковь, столицу св. Петра“. Въ остальныхъ отдѣлахъ этой части исторически разсматривается вопросъ о главенствѣ папы, надъ которымъ уже неразъ останавливался Скарга. Вся вторая часть, состоящая изъ 17 отдѣловъ, почти цѣликомъ посвящена оправданію папъ отъ разнаго рода обвиненій, которымъ они подвергаются въ Ѳриносѣ и которыхъ Скарга насчиталъ двѣ дюжины. Только въ послѣднихъ четырехъ отдѣлахъ разсматриваются новые вопросы. Такъ, въ 14 отдѣлѣ римская столица сравнивается съ Константинопольскою и доказывается преиму-

щество первой; въ 15 отдѣлѣ защищаются іезуиты и западные соборы: флорентійскій, константскій и тридентткій; въ 16 отдѣлѣ развивается мысль, что порабощеніе Грековъ Турками есть результатъ отпаденія греческой церкви отъ единства съ римскою, и, наконецъ, въ 17 отдѣлѣ опровергается высказанная въ Ѳриносѣ мысль, что положеніе православныхъ подъ властію Турокъ лучшее, чѣмъ подъ властію папы. Въ третьей части, состоящей изъ 13 отдѣловъ, въ первыхъ семи отдѣлахъ разсматривается вопросъ объ исхожденіи св. Духа, въ 8 отдѣлѣ говорится о прѣсномъ и квасномъ Хлѣбѣ, въ 9—о причащеніи міряпъ подъ однимъ видомъ, въ 10 — о чистилищѣ, въ 11—о призываніи святыхъ, въ 12 помѣщенъ отрицательный отвѣтъ Поцѣя на сдѣланное ему и всѣмъ уніатамъ въ Ѳриносѣ предложеніе возвратиться въ лоно православной церкви и, наконецъ, въ 13 помѣщена „Записка, содержащая завѣщаніе и исповѣданіе вѣры восточныхъ патіарховъ, константинопольскаго и александрійскаго, чрезъ ихъ посла Кирилла Лукариса". Записка эта, по увѣренію Скарги, лично вручена была Кирилломъ Лукарисомъ львовскому архіепископу І. Д. Суликовскому, который копію съ нея, па краковскомъ сеймѣ 1603 года, передалъ ему—Скаргѣ. „Записка эта, считаетъ нужнымъ заявить Скарга, неимѣетъ ничего общаго съ подлоломъ и оригиналъ ея хранится въ львовскомъ капитулѣ". Для лучшаго пониманія онъ предпосылаетъ ей слѣдующее замѣчаніе, имѣющее цѣлью объяснить исторію ея происхожденія. „Этотъ Кириллъ, комментируетъ Скарга, былъ на брестскомъ соборѣ 1596 года, на которомъ состоялась унія, и здѣсь я впервые узналъ его. Но только здѣсь онъ въ глубокомъ молчаніи смотрѣлъ на того вѣроломнаго Никифора, который возвелъ на мол-

давскій престолъ Михаила и на варшавскомъ сеймѣ преданъ былъ заключенію. Выдавъ себя ложно за посла константинопольскаго патріарха, этотъ Никифоръ, опираясь на оеретичившуюся русскую шляхту, сколько могъ противился св. уніи, но ничего не успѣлъ. А Кириллъ, видя, что Русь впала въ еретичество, а глупые и необразованные попы сопротивляются уніи, старался показать, что самъ онъ сильно желаетъ уніи. Уѣхавъ, затѣмъ, въ Константинополь и объяснивши тамъ, что сдѣлалось съ Русью и какъ она оеретичилась, онъ,какъ самъ говоритъ, вторично прибылъ сюда въ 1601 г. Человѣкъ онъ правдивый и ученый, а съ латинскимъ языкомъ не только знакомъ, но даже и силенъ въ немъ. Отъѣзжая отсюда, накупилъ на львовской ярмаркѣ много, латинскихъ книгъ особенно сочиненія Белярмина противъ еретиковъ, какъ это говорилъ мнѣ тотъ же архіепископъ. Теперь же, какъ мнѣ приходилось слышать, онъ остался послѣ Мелетія александрійскимъ патріархомъ. Послушаемъ исповѣданія правой вѣры не только его, но и тѣхъ патріарховъ, отъ которыхъ онъ былъ посланъ, и отсюда узнаемъ ихъ склонность къ уніи". Записка эта настолько интересна, что мы считаемъ нужнымъ привести ее цѣликомъ [1]).

„Я Кириллъ Лукарисъ, великій архимандритъ церкви александрійской, екзархъ столицъ патріарховъ: Матѳея константинопольскаго и Мелетія александрійскаго, отправленный посломъ въ королевство польское, повинуясь волѣ старшихъ своихъ, пришелъ въ эти страны не по легкомысленности и не изъ пустаго любопытства. Я по-

---

[1]) Скарга приводитъ ее въ латинскомъ подлинникѣ и въ польскомъ переводѣ. Экземпл. Варшавск. Публ. Библіотекѣ стр. 108—113.

палъ сюда въ такое время, когда начинались смуты, войны и перемѣны въ Молдавіи, Валлахіи и Трансильваніи, вызванныя безпокойнымъ Михаиломъ, когда господарь Валлахіи, Іеремія Могила, лишенъ былъ Михаиломъ власти и когда вожди пресвѣтлаго и могущественнаго короля польскаго возвращали Іереміи его власть. Вслѣдствіе такого замѣшательства, писемъ, которыя имѣлъ отъ своего патріарха къ свѣтлѣйшему королю польскому и къ другимъ лицамъ этого королества и в. к. литовскаго, я не могъ вручить самолично. Лично удалось мнѣ передать только достопочтеннѣйшему и яснѣйшему І. Д. Суликовскому, архіепископу львовскому, свѣтлѣйшему Яну Замойскому, великому канцлеру и гетману польскому и яснѣйшему князю Константину Острожскому, воеводѣ кіевскому. Тѣже письма, которыя я долженъ былъ лично вручить его м. королю, когда это оказалось невозможнымъ, по приказанію его величества, передалъ воеводѣ кіевскому, чтобы онъ вручилъ его м. королю. Были у меня письма и съ другими адрессами и между прочимъ къ сенату и къ нѣкоторымъ другимъ особамъ въ этомъ обширномъ государствѣ. Но, опасаясь, чтобы мое пребываніе здѣсь не послужило поводомъ къ какимъ нибудь новымъ неудовольствіямъ между людьми,—что противно моимъ мыслямъ и желаніямъ,—я нашелъ нужнымъ возвозвратиться къ своимъ. Но желая сохранить о себѣ доброе мнѣніе,—что для каждаго порядочнаго и честнаго человѣка всего дороже,—я оставилъ эту мою записку въ рукахъ его м к. архіепископа львовскаго, въ симпатіи котораго ко мнѣ я убѣдился. Въ этой запискѣ прежде всего свидѣтельствую, что въ эти страны я высланъ патріархами не изъ какого нибудь пустаго любопытства и не съ злымъ умысломъ: этого желали и объ этомъ про-

сили тѣ, которые, по старому преданію, слѣдуя восточной церкви, придерживаются греческихъ обрядовъ. Въ слѣдствіе этого патріархи, чтобы непоказаться не радѣющими о своихъ обязанностяхъ, отправили меня сюда, чтобы, разузнавъ мѣстныя подробности, доложилъ о нихъ его королевскому величеству и другимъ сановникамъ этого королевства. Кромѣ того, я принесъ отвѣтъ отъ патріарха Мелетія на письмо, которое въ прошломъ году два представителя евангелицкаго толка писали изъ Вильна къ нему, прося, чтобы онъ принялъ ихъ въ общеніе съ греческою церковью, подобно тому, какъ еще прежде вюртембергскіе нѣмцы писали къ славной памяти константинопольскому патріарху Іереміи, но ничего не успѣли. Но когда понялъ, что это не можетъ быть пріятно е. м. королю и другимъ католикамъ, я этого отвѣта не отдалъ и даже не распространялъ о немъ слуховъ. Мало того: я даже избѣгалъ разговора съ ними (протестантами), кромѣ одного или двухъ на Волыни и то ради созиданія. Нѣкоторые убѣждали меня поступить иначе; но я не рѣшился, чтобы неподать ни малѣйшаго повода къ замѣшательству. Я хорошо знаю и патріархи мои это видятъ, что евангелики не только вводятъ гибель и замѣшательства въ восточную и западную церкви, примѣръ чего видимъ теперь въ Германіи, Франціи и Англіи, но вводятъ также въ христіанскія государства начала, разрушающія добрые обычаи. А такъ какъ славное и могущественное ваше королевство (да хранитъ его Господь въ процвѣтаніи и цѣлости) таково, что отъ щастливаго состоянія его зависитъ благополучіе всего христіанскаго міра (!) и всѣхъ людей, идущихъ за І. Христомъ, Спасителемъ міра, то я желаю и прошу Господа,—да и не только я, но и мои патріархи, всѣ Греки и, во-

обще, христіане всѣхъ восточныхъ церквей того желаютъ—чтобы это королевство Господь сохранилъ въ мирѣ. Хотя еретики западной Европы изъ ненависти къ римской церкви и столицѣ св. Петра и пытались войти въ соглашеніе съ Востокомъ, но никогда приняты не были, потому что они сходятся съ нами въ тѣхъ только пунктахъ, въ которыхъ сходятся евреи и магометане, а именно,—что есть одинъ Богъ, Творецъ и Промыслитель міра, справедливый и добрый, злыхъ карающій, а добрыхъ напраждающій... и въ нѣкоторыхъ другихъ общихъ вопросахъ. Въ существенныхъ же пунктахъ собственно христіанскаго ученія они съ нами не сходятся: о древности церковныхъ учрежденій, объ апостольскомъ преданіи, объ авторитетѣ св. отцовъ и учителей обѣихъ церквей,—всѣ эти вопросы всѣ ихъ секты или нѣкоторыя изъ нихъ рѣшаютъ отрицательно; точно также въ вопросахъ о числѣ и канонѣ книгъ свящ. писанія, о церковныхъ обрядахъ, объ оправданіи, о литургіи святой и приносимой на ней жертвѣ, о почитаніи и мощахъ святыхъ, о Богородицѣ, о Пресвятой Тройцѣ, — во всѣхъ этихъ вопросахъ они тоже съ нами не сходятся и къ тому же новое объясненіе священнаго писанія съ своей собственной головы выдумываютъ. Отставъ отъ насъ такъ далеко, сойтись съ нами теперь они уже не могутъ. Между тѣмъ все то, что есть спорнаго между восточною и западною церквами, только неученыхъ и простяковъ можетъ смущать; ученые же легко примиряютъ эти спорные пункты въ любви Христовой. Мы не только не гнушаемся столицею св. Петра, но ей должное уваженіе и почетъ оказываемъ, признавая ее первою и матерью. Мы имѣемъ одну вѣру, одно крещеніе въ Бога Отца и Сына и св. Духа, признаемъ одну природу, одно всемогущество,

одно Божество, одну надежду призванія, одну любовь, одни общія для всѣхъ христіанъ установленія, молитвы и прошенія за царя, правителей, вождей, за всѣ правительственныя учрежденія, одни таинства, одни церковныя установленія большей и меньшей важности, одни пророческія и апостольскія писанія, одно почитаніе святыхъ правовѣрныхъ отцевъ церкви греческой и латинской. Что же мы имѣемъ общаго съ другими сектами? Которыхъ изъ нихъ одна церковь признала еретиками, другая тоже признаэтъ ихъ таковыми, проклинаетъ и анаѳематствуетъ ихъ. Первые соборы обѣ церкви или, вѣрнѣе, одна церковь обоихъ обрядовъ, имѣли сьобща, такъ какъ въ основаніяхъ христіанскаго ученія никакого разногласія между ними не было. Была между ними только нѣкоторая разность или вѣрнѣе разнообразіе, выражавшееся въ различныхъ обычаяхъ, какихъ придерживался народъ греческій и латинскій. Но если бы оказалось возможнымъ достигнуть полнаго единенія восточной церкви съ западною, то этого мы должны желать, хотя и нельзя надѣяться, чтобы это случилось въ настоящее время: теперь одна сторона, грѣховъ нашихъ ради, находится подъ властію иновѣрнаго государя; а государи и господа другой стороны, въ наказаніе Божіе, незаботятся о согласіи въ обычаяхъ и религіи, словомъ, весь свѣтъ испортился. Думаю, что только существенное исправленіе жизни и великая сила молитвъ съ обѣихъ сторонъ можетъ, съ помощію Божію, привести христіанскій міръ къ согласію. Что же касается меня, то, получивъ напоминаніе отъ его королевскаго величества, какъ послушный, оставляю это королевство и возвращаюсь къ своимъ. При этомъ свидѣтельствую, что въ этихъ странахъ ни о чемъ другомъ незаботился, какъ только о томъ, чтобы

водворить миръ и согласіе какъ между тѣми, которые жаждутъ единенія и уже вступимъ въ него, такъ и между тѣми, которые въ немъ еще не находятся и думаютъ, что поступаютъ богоугодно. Но такъ какъ это желаніе мое теперь не осуществилось, то приходится ждать лучшаго и болѣе щастливаго времени. Я съ своей стороны, насколько буду въ состояніи, своими заботами и трудами, буду хлопотать предъ своими патріархами, чтобы съ моей стороны сдѣлано было все, что только можетъ способствовать миру и истинной любви, общественному благу и пользѣ этого преславнаго и благочестиваго королевства, свѣтлѣйшаго короля и его мудрыхъ учрежденій. Я лично не опущу случая оказать всякую услугу, какая свойственна мужу доброму, рачительному и послушному. Это признаніе и исповѣдь моего сердца тебѣ, яснѣйшій и достопочтеннѣйшій епископъ львовскій, господине и патроне мой, оставляю, зная твою любовь и расположеніе ко мнѣ. Ваша милость благоволите воспользоваться по своему усмотрѣнію этимъ документомъ для установленія доброй памяти о мнѣ въ этомъ краѣ и для утѣшенія тѣхъ, которые въ этомъ нуждаются. Во Львовѣ, 24 января 1601 года".

Чтобы вполнѣ понять значеніе этой записки въ тогдашней полемикѣ, необходимо еще обратить вниманіе на тѣ выводы, какіе дѣлали изъ нея латино-уніаты. Скарга выводитъ изъ нея семь слѣдующихъ положеній: 1) авторъ записки отъ имени своихъ патріарховъ осуждаетъ еретиковъ, каковыми онъ признаетъ тѣхъ, которые противятся римской церкви и столицѣ св. Петра, ненавидятъ ее и расходятся съ нею въ тѣхъ или другихъ членахъ вѣры; 2) онъ признаетъ, что греческая и латинская церкви имѣютъ одну вѣру и расходятся только въ

обрядахъ; 3) признаетъ также, что патріархи и вся восточная церковь оказываетъ должное почтеніе столицѣ Св. Петра, то есть римской церкви и 4) что эту столицу они считаютъ первою между всѣми церквами и матерью которой послушныя дѣти должны повиноваться; 5) свидѣтельствуетъ, что патріархи и вся восточная церковь стремится къ полному единенію съ столицею св. Петра, какъ съ своею матерью; но что въ настоящее время, когда восточная церковь находится подъ турецкимъ игомъ, это трудно достижимо, и 6) что самое турецкое рабство есть наказаніе Божіе за грѣхи, и именно—за упрямство и гордость, обнаруженныя греками въ ихъ отпаденіи отъ церкви римской, и наконецъ, 7) выражаетъ сожалѣніе о томъ, что западныя государства, и особенно королевство Польское, страдаютъ отъ еретиковъ.—Въ этихъ выводахъ Скарги, строго говоря, нѣтъ ничего преувеличеннаго; изъ этой записки непосредственно вытекаетъ, что тогдашняя греческая церковь, относясь отрицательно къ протестантамъ, вполнѣ будто-бы сочувствовала уніи съ Римомъ и что эту унію она понимала въ смыслѣ признанія главенства папы. Но такъ какъ этотъ выводъ является ужъ слишкомъ не ожиданнымъ, то естественно поднимается вопросъ о подлинности самой записки. Скарга, какъ мы видѣли, ссылаясь на хранившійся въ львовскомъ капитулѣ оригиналъ, ставитъ подлинность ея выше всякаго сомнѣнія. Что касается насъ, то если бы даже самъ Кириллъ Лукарисъ воскресъ изъ мертвыхъ и призналъ ее своимъ собственнымъ произведеніемъ, то и тогда-бы мы неперестали сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ проведенная здѣсь тенденція стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ тѣмъ, что извѣстно объ отношеніи къ латинству, и въ частности къ уніи, какъ самаго К. Лу-

кариса, такъ и уполномочившаго его патріарха Мелетія. Что Мелетій никакимъ образомъ не могъ раздѣлять высказаннаго въ запискѣ взгляда, это ясно видно изъ его посланія къ И. Поцѣю, отправленнаго чрезъ того же Кирилла. Въ запискѣ, напримѣръ, всѣ спорные пункты въ ученіи между восточною и западною церквами сводятся къ самому ничтожному минимуму, такъ что даже разногласію въ вопросахъ объ исхожденіи св. Духа и о причащеніи мірянъ неиридается серьезнаго значенія; „все то, что есть спорнаго между восточною и западною церквами, прямо говорится здѣсь, можетъ смущать только неученыхъ и простяковъ“. Между тѣмъ вотъ какъ смотритъ на этотъ вопросъ Мелетій въ Посланіи къ И. Поцѣю: „когда вниманіе свое, говоритъ онъ, обращаю на то, какая могла быть польза и какое назиданіе для церкви Божіей отъ такого *преступнаго и богопротивнаго* постановленія, которымъ расторгается святыня тѣла и крови Господней (имѣется въ виду причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ) и нарушается символъ вѣры прибавленіемъ „и отъ Сына“, то усматриваю въ этомъ причину *всего злаго*, потрясеній и возмущеній во всемъ христіанскомъ мірѣ“. Въ запискѣ, далѣе, хотя сдержанно, но довольно ясно высказывается сочувствіе автора ученію латинянъ о главенствѣ папы; здѣсь напримѣръ, читаемъ: „мы не только не гнушаемся столицею св. Петра, но оказываемъ ей должное уваженіе и почетъ, признавая ее первою и матерью: „Между тѣмъ въ посланіи, послѣ долгихъ разсужденій по этому вопросу, Мелетій восклицаетъ: „О, проклятый декретъ и постановленіе, достойное быть изглажено изъ книги законовъ!“ Вообще, между запискою и посланіемъ, какъ это видно изъ раньше сдѣланнаго нами анализа послѣдняго, рѣшительно

ничего нѣтъ общаго. Далѣе, если признать подлинность записки и видѣть въ ней выраженіе истинныхъ взглядовъ Мелетія и Кирилла на унію, то какъ же послѣ этого объяснить поведеніе послѣдняго на брестскомъ соборѣ 1596 года? Этотъ соборъ былъ самымъ удобнымъ случаемъ, когда Кириллъ могъ фактически доказать свое сочувствіе уніи; чтоже, спрашивается, могло заставить его стать на сторону православныхъ, если отъ своего патріарха онъ уполномоченъ былъ поддерживать унію? Скарга предвидѣлъ это возраженіе и объяснилъ его тѣмъ, что хотя Кириллъ и присутствовалъ на православномъ соборѣ, но не сочувствовалъ тому, что дѣлалось тамъ подъ предсѣдательствомъ Никифора и фактически не участвовалъ въ немъ, сохраняя „глубокое молчаніе." Но это чистѣйшая ложь. Авторъ Ектезиса, лично присутствовавшій на соборѣ, свидѣтельствуетъ, что Кириллъ нѣсколько разъ возвышалъ свой голосъ на соборѣ [1]) и въ одномъ мѣстѣ даже добавляетъ, что „слова его всѣмъ соборомъ были приняты и одобрены" [2]). А этотъ соборъ можно заподозрить въ чемъ угодно, только не въ сочувствіи уніи. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ отрицательнаго отношенія Кирилла къ уніи служитъ его подпись подъ актами этого собора, предавшаго, какъ извѣстно, принявшихъ унію владыкъ анаѳемѣ. А что Кириллъ остался вѣренъ этимъ своимъ взглядамъ и въ послѣдствіи, когда сдѣлался константинопольскимъ патріархомъ, это какъ нельзя лучше доказалъ М. Смотрицкій въ своей „Апологіи". Пошатнувшись въ пра-

---

1) Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и др. Росс. январь—мартъ, стр. 6 и 21.

2) Ibid. стр. 6.

вославіи, Смотрицкій отправился на востокъ, будучи убѣжденъ на основаніи разсматриваемой записки, что въ константинопольскомъ патріархѣ Кириллѣ онъ встрѣтитъ полнѣйшее сочувствіе своимъ уніатскимъ замысламъ. Но каково же было его удивленіе, когда послѣ бесѣды съ патріархомъ и по прочтеніи его катихизиса, онъ воочію убѣдился, что Кириллъ — врагъ не протестанства, какъ онъ думалъ на основаніи приписываемой ему записки, а латинства [1]). Эту мысль впослѣдствіи Смотрицкій выразилъ въ письмѣ къ Кириллу (21 августа 1627 г.). „Я незналъ сомнѣній, пишетъ онъ между прочимъ, пока не прочиталъ твоего письма, которое ты оставилъ во Львовѣ у тамошняго епископа Димитрія Суликовскаго; доказательствомъ служитъ мое сочиненіе „Плачь“, небезъизвѣстное и твоему блаженству. Можешь судить, что испыталъ я, когда доставили мнѣ это твое письмо. Мой „Плачь“ почти во всемъ страдаетъ лютеранствомъ, а твое письмо во всемъ благопріятствуетъ римскому исповѣданію,указывая во всѣхъ членахъ вѣры восточной церкви дѣйствительное единомысліе съ западною... Но когда я прочелъ въ Константинополѣ твое изложеніе никеоконстантинопольскаго символа, составленное въ разговорной формѣ, я, сверхъ ожиданія моего, нашелъ, что оно *противорѣчитъ твоему письму* [2])“. —Такимъ образомъ, на основаніи документовъ, ближайшихъ по времени къ появленію этой записки, можно вполнѣ доказать,что содержаніе ея стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ убѣжденіями тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ оно

---

[1]) Истор. Русск. Церк. Макарія, т. XI. стр. 331—332.

[2]) Ibid. стр. 341.

будто бы выражаетъ. — Но въ запискѣ Кириллъ Лукарисъ является уполномоченнымъ не только отъ александрійскаго патріарха Мелетія, но и отъ константинопольскаго Матѳея. Что же сказать объ отношеніи къ уніи послѣдняго? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить дѣятельность въ западной Руси протосинкелла константинопольской церкви уже упомянутаго Никифора, который какъ извѣстно, почти всю жизнь свою боролся съ латинствомъ и даже палъ жертвою этой борьбы. Скарга предвидѣлъ и это возраженіе и поспѣшилъ отвѣтить на него тѣмъ, что объявилъ Никифора самозванцемъ. Но такъ какъ въ дѣйствительномъ полномочіи Никифора не можетъ быть сомнѣнія, то что, спрашивается, заставило такого находчиваго человѣка, какимъ всегда былъ Скарга, прибѣгать къ такой завѣдомо ложной аргументаціи? Предположить, что Скарга дѣйствительно сомнѣвался въ полномочіи Никифора, нѣтъ никакой возможности. Имя Никифора въ свое время хорошо было извѣстно не только въ Константинополѣ, но и на балканскомъ полуостровѣ и въ самой Польшѣ, и всевѣдущій Скарга, безъ сомнѣнія, имѣлъ о его личности самыя точныя свѣдѣнія. Извѣстно, что Никифоръ, хотя имѣлъ санъ простаго архимандрита, но въ качествѣ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, предъ послѣднимъ вступленіемъ Іереміи II на каѳедру, а равно и во время поѣздки его въ Россію, управлялъ цѣлою цареградскою патріархіею, а Константинопольскій соборъ 1592 года „облекъ этого „мужа, исполненнаго всякой науки и мудрѣйшаго“ властію занимать первое мѣсто на всѣхъ соборахъ въ предѣлахъ цареградскаго патріархата, имѣть преимущество чести предъ самыми митрополитами и именемъ вселенскаго патріарха рѣшать на со-

борахъ всѣ вопросы, касающіеся вѣры и церкви" [1]). Прежде своего прибытія въ Россію эти дарованныя ему чрезвычайныя права Никифоръ примѣнилъ на молдавскомъ соборѣ (1595 г.), гдѣ занималъ мѣсто предсѣдателя, несмотря на присутствіе на этомъ соборѣ двухъ митрополитовъ. Самое появленіе его въ Россіи не было чѣмъ нибудь случайнымъ; онъ прибылъ сюда по приглашенію писавшихъ къ нему православныхъ и о пріѣздѣ его немедленно же доложено было королю чрезъ особыхъ уполномоченныхъ [2]). Если послѣ всего этого Скарга рѣшился объявить его самозванцемъ, то это ясно показываетъ, что ничего лучшаго для устраненія встрѣтившагося противорѣчія онъ придумать не могъ. Такимъ образомъ, подлогъ разсматриваемой записки неподлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно даже опредѣлить ближайшія побужденія, вызвавшія латино-уніатовъ на такую поддѣлку. При обзорѣ „Гармоніи" мы указали, съ какимъ стараніемъ заботились латино-уніаты о томъ, чтобы доказать существованіе полнѣйшаго согласія между восточною и западною церквами въ ученіи и обрядахъ. Понятно, что появленіе при такихъ условіяхъ Өриноса было вдвойнѣ вредно для нихъ: вреденъ былъ онъ, во первыхъ, своимъ содержаніемъ, во вторыхъ онъ вреденъ былъ еще и тѣмъ, что выданъ былъ за произведеніе грека, такъ какъ Смотрицкій, какъ уже замѣчено было, объявилъ его переводомъ съ греческаго. Что бы парализовать дѣйствіе Өриноса въ этомъ послѣднемъ отношеніи, вѣроятно, и рѣшено было прибѣгнуть къ этой поддѣлкѣ, отвѣчая,

---

[1]) Истор. Р. Ц. Макарія, т. IX, стр. 650.

[2]) Ibid. стр. 651.

такимъ образомъ на обманъ обманомъ. Это предположеніе, конечно, можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если не придавать значенія вышеуказанному заявленію Скарги, что копію съ этой записки онъ получилъ отъ Суликовскаго еще въ 1603 году Появленіе этой записки послѣ выхода въ свѣтъ Өриноса особенно правдоподобно въ виду того, что ею не воспользовался авторъ Гармоніи, для котораго она была бы незамѣнима, такъ какъ связь между этими двумя памятниками самая тѣсная. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ добавить, что этотъ новый плодъ латино-уніатской изобрѣтательности, въ дальнѣйшей полимикѣ, кажется, пеиспользовался большимъ значеніемъ. Покрайней мѣрѣ Кревза, дѣлающій въ своей *оборонѣ* ссылки на предсмертное завѣщаніе патріарха Іосифа, на посольство Мисаила къ Сиксту IV, на письмо Нифонта къ митрополиту Іосифу, словомъ, не выпустившій изъ виду ни одного изъ появившихся въ тогдашнее время подобныхъ этой запискѣ документовъ, о самой запискѣ не говоритъ ни слова.

Одновременно съ Скаргой приготовилъ отвѣтъ на Өриносъ и Мороховскій; но встрѣтившіяся при напечатаніи затрудненія, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, не позволили издать его немедленно: „Paregoria" напечатана была только два года спустя (1612 г.). Сочиненіе это состоитъ изъ *посвященія* канцлеру Льву Сапѣгѣ, обращеннаго къ читателю *предисловія* и 11 отдѣловъ самаго изложенія. Основные вопросы здѣсь тѣже, что и у Скарги: авторъ обличаетъ Ортолога за его стремленіе очернить папу и западную церковь, доказываетъ превосходство римской епископской каѳедры предъ всѣми другими, оправдываетъ папъ отъ взводимыхъ на нихъ разнаго рода обвиненій, причемъ развиваетъ

мысль, что грѣхи и проступки нѣкоторыхъ папъ не роняютъ ихъ достоинства вообще, разсматриваетъ важнѣйшіе пункты разногласія между восточною и западною церквами, каковы: объ исхожденіи св. Духа, о прѣсномъ и квасномъ хлѣбѣ, о чистилищѣ, и въ заключеніе представляетъ „защиту верховной власти папы и отвѣтъ на антитезы псевдолога". Замѣчательно, что Мороховскій, какъ и Скарга, не признаетъ автора Ѳриноса выразителемъ взглядовъ восточной церкви; оба они стараются выставить его человѣкомъ, зараженнымъ протестантизмомъ, одинаково опаснымъ какъ западной, такъ и восточной церкви. Такая тенденція обусловливалась, конечно, все тѣмъ же желаніемъ доказать, что между восточною и западною церквами нѣтъ разногласія и что, напротивъ, истинно православные люди признаютъ существованіе между ними полнаго согласія, полной *гармоніи*.

Но въ своихъ нападкахъ на „Ѳриносъ" латиноуніаты не ограничились борьбой однимъ ученымъ оружіемъ. Въ „Ѳриносѣ" найдены были антиправительственныя тенденціи, а авторъ его объявленъ былъ государственнымъ измѣнникомъ, сочувствующимъ врагамъ отечества (Москвѣ, съ которою, какъ извѣстно, Польша вела тогда войну). Такіе отзывы вынудили Сигизмунда III прислать изъ подъ Смоленска, гдѣ онъ тогда находился, даже особый приказъ сдѣлать обыскъ въ виленской русской типографіи Св. Духа, печатающей возмутительныя книги и пасквили; подозрительныя вещи и книги велѣно забрать и сжечь, типографовъ посадить въ тюрьму, а шрифтъ отобрать [1]). Дѣйствительно, изъ недавно

---

[1]) Очеркъ исторіи города Вильно В. Г. Василевскій Василевскій. 1, 74. Труд. Кіевск. Дух. Ак. 1878 г., іюнь, стр. 189.

изданнаго С. Т. Голубевымъ одного документа видно, что магистратомъ виленскимъ строго запрещено было, чтобы „такихъ книжекъ подъ петмя тисечми золотыхъ червоныхъ нихто не куповалъ ани продавалъ", и что тогда же у православныхъ отнято было 36 экземпляровъ „Ѳриноса"[1]).—Мѣры, принятыя латино-уніатами къ ослабленію вліянія „Ѳриноса", не могли, конечно, имѣть какихъ-нибудь существенно-важныхъ результатовъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующій отзывъ объ успѣхахъ этого сочиненія самого Смотрицкаго, сдѣланный имъ уже послѣ перехода въ унію: «скорбѣлъ (Смотрицкій), говоритъ авторъ „Examen-a obrony", — передъ нами и скорбѣлъ раза три по поводу того, что написалъ книгу, названную „Плачемъ"; много, говоритъ онъ, я принесъ вреда этою книгою, сожалѣю объ этомъ и желаю вознаградить церковь Божію какою-нибудь существенною услугою, которая бы столько принесла добра, сколько сдѣлано зла означенною книгою[2]).

Если теперь бросить общій взглядъ на православную полемическую литературу въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій послѣ Брестскаго собора, то сразу бросается въ глаза то обстоятельство, что въ это время она уже значительно расширилась въ количественномъ отношеніи и возвысилась въ качественномъ. Но при всемъ томъ рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что лучшіе изъ полемистовъ, выставленныхъ въ это время православною стороною, каковы —Смотрицкій и Филалетъ, были

---

1) Труд. Кіевск. Дух. Ак. ibid. стр. 183.

2) Кіевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 21, стр. 575—576.

люди, получившіе западно-европейское образованіе[1]), и въ ихъ сочиненіяхъ на каждомъ шагу сквозитъ, если не исключительное, то преимущественное знакомство авторовъ съ латинскимъ языкомъ и латинской литературой. Этотъ фактъ даетъ право заключать, что въ это время греко-славянскія школы, поставившія своею задачею приготовить борцовъ за православіе путемъ ознакомленія съ греческимъ языкомъ и литературой, еще далеко были отъ своей цѣли. Цѣль эта въ значительной степени достигается лишь послѣ, чѣмъ съ успѣхомъ воспользовались православные полемисты въ борьбѣ съ своими противниками въ слѣдующемъ новомъ фазисѣ развитія полемики, на которомъ мы теперь и остановимся.

Латино-уніатскіе полемисты въ своихъ поискахъ за средствами для борьбы съ православіемъ, какъ замѣчено было, не остановились на флорентійской уніи, къ которой съ такимъ скептицизмомъ отнеслись православные, а задумали еще разъ перенести центръ своей аргумента-

---

[1]) Относительно М. Смотрицкаго несомнѣнно извѣстно, что онъ сначала учился въ виленской іезуитской академіи, а затѣмъ доканчивалъ свое образованіе за границею и между прочимъ въ университетахъ Мюренбергскомъ и Лейпцигскомъ (см. Литовск. Церк. Унія т. 2 стр. 140). Что касается Филалета, то прямыхъ историческихъ указаній на его образованіе мы не имѣемъ; но достаточно познакомиться съ современнымъ написанію Апокрисиса состояніемъ западно-русскихъ школъ, или еще лучше, достаточно сравнить Апокрисисъ съ другими ближайшими по времени православными полемическими сочиненіями, какова, напр., „Книжица" клирика Острожскаго чтобы окончательно убѣдиться, что Филалетъ получилъ лучшее въ то время европейское образованіе.

ціи въ продолжавшейся полемикѣ и, на этотъ разъ, уже въ самую глубь исторіи, пытаясь такимъ образомъ, на первыхъ ея страницахъ найти оправданіе для брестской уніи, которая все еще оставалась зданіемъ, построеннымъ на пескѣ. Уже изъ того, что сказано нами, отчасти можно видѣть, что какъ ни изобрѣтательны были проповѣдники уніи въ пріисканіи основаній для перехода православной церкви изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха подъ власть римскаго папы, но все же они не рѣшались отвергать того несомнѣннаго факта, что судьба православной церкви искони была связана съ судьбою церкви константинопольской, и что она всегда неуклонно стояла въ полной іерархической зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Въ грамотѣ Сигизмунда III отъ 28 іюля 1598 года на имя кіевскаго митрополита Рагозы, междупрочимъ, читаемъ: „выразумѣли есмо зъ писанья вѣрности твоей зъ устнаго посельства чрезъ велебныхъ, Потѣя, владыку володимерскаго, и Терлецкаго, владыку луцкаго, ижъ вѣрность твоя уваживши то въ себѣ, ижъ *до тыхъ часовъ* были есте *подъ послушенствомъ патріарха* константинопольскаго, маючи его *за пастыря найвысшаго* и, посвященье отъ него беручи, *все послушенство* ему есте отдавали“ [1]). Мысли о всегдашнемъ „послушенствѣ“ русской церкви константинопольскому патріарху первоначально не отвергали и самые представители латинской пропаганды: „говорите“ пишетъ Скарга въ своемъ „Синодѣ Брестскомъ“, не хотимъ отступать отъ богослуженія предковъ нашихъ и устанавливать новую вѣру. Но кто же васъ къ этому

---

[1]) Акт. Зап. Росс. т. IV № 77 стр. 108.

принуждаетъ или кто вамъ это совѣтуетъ? Неужъ-то совѣтуемъ вводить какія-нибудь новшества въ вашихъ церквахъ? Не ужъ-то васъ къ новому евангелію и къ новой вѣрѣ ведемъ? Не совѣтуемъ этого, а напротивъ, хотимъ скрѣпить вѣру старыхъ отцовъ вашихъ и нашихъ, хотимъ спасти васъ отъ еретичества и заблужденій новыхъ грековъ. Будто заключается какая-нибудь новизна въ единеніи грековъ съ святою столицею римскою? Нѣтъ это не новизна: мы выяснили, какъ было полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Древніе Св. греки въ этомъ единеніи пребывали и о немъ писали. Въ не слишкомъ давнее время—полтораста лѣтъ тому назадъ— это единеніе было возобновлено и здѣсь на Руси по Исидорѣ долго держалось"[1]). Такимъ образомъ Скарга для того, чтобы опровергнуть возраженіе православныхъ, трактовавшихъ унію съ римскою церковію, какъ что-то новое, до этого времени неизвѣстное на Руси, останавливаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на томъ, что проповѣдуемое имъ теперь единеніе есть то самое, которое когда-то признавалось греками. Это ясно свидѣтельствуетъ, что въ его сознаніи русская церковь въ своемъ прошломъ не отдѣлима была отъ церкви греческой, такъ какъ достаточно было ему доказать, что послѣдняя когда-то находилась въ единеніи съ римскою церковію и тогда, по его представленію, онъ, во имя здравой логики, имѣлъ право потребовать отъ западно - русской православной церкви поставить настоящую унію въ причинную связь съ прошлою, не смотря на то, что теперь шла рѣчь объ уніи съ Римомъ русской церкви, а тогда—церкви грече-

---

[1]) Synod Brzeski. Апокрис. Кіевск. изд. стр. 445.

ской. Особенно ясно эта мысль выступаетъ въ послѣднихъ словахъ приведенной тирады; авторъ, сказавъ, что единеніе грековъ съ Римомъ повторилось и на флорентійскомъ соборѣ („полтораста лѣтъ тому назадъ“), продолжаетъ,—что это единеніе и здѣсь на Руси долго продолжалось, ставя, такимъ образомъ, послѣдній фактъ въ причинную связь съ первымъ. Но особенно рельефно эта мысль выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда уніатамъ приходилось оправдываться предъ православными въ своемъ отступничествѣ отъ константинопольскаго патріарха. Когда православные упрекали ихъ въ измѣнѣ освященному вѣками праву константинопольскаго патріарха на іерархическое подчиненіе ему русской церкви, здѣсь имъ естественнѣе всего было бы заговорить о недѣйствительности этого права въ какомъ-бы то ни было смыслѣ; а междутѣмъ на первыхъ порахъ они объ этомъ даже не заикаются: они признаютъ, что они дѣйствительно измѣняютъ въ этомъ отношеніи традиціямъ православной русской церкви, но оправдываютъ такое свое поведеніе потерей греками чистоты древняго православія. „Греческій берегъ, пишетъ Поцѣй въ извѣстномъ уже намъ письмѣ (1601 г.) къ александрійскому патріарху Мелетію, не можетъ быть хорошимъ путемъ къ вѣчной жизни, и я не хочу забрасывать на немъ якорь своей надежды; евангеліе у грековъ испорчено, и я не хочу вѣровать въ него; святость на востокѣ изчезла, потому что здѣсь нѣтъ (правильнаго) обряда, и я не хочу быть соучастникомъ грековъ. Преданія отцовъ поруганы на востокѣ, тѣла святыхъ угодниковъ отсюда перенесены въ Римъ,—поэтому я желаю умереть вблизи св. отцовъ (т. е. въ лонѣ католической церкви) къ чему я склоненъ не силлогизмами, но очевидностію самой прав-

ды"[1]). Въ этихъ насколько краснорѣчивыхъ, настолько же и фальшивыхъ словахъ самаго виднаго изъ представителей уніатской церкви, коротко резюмировано все, что обыкновенно выставлялось его единовѣрными современниками въ оправданіе своего отступленія отъ греческой церкви; смыслъ этихъ словъ простъ и понятенъ: было, молъ, время, когда русская православная церковь искала спасенія въ лонѣ церкви греко-восточной; но это время миновало, потому что минула и древняя святость этой церкви. Такимъ образомъ, фактъ прежней связи русской церкви съ греческою оставляется нетронутымъ и слѣдовательно, признается во всей полнотѣ своего объема. Затѣмъ, когда впослѣдствіи вниманіе полемики сосредоточилось на флорентійской уніи, уніатская сторона, повидимому, какъ бы дѣлаетъ попытку поставить русскую церковь въ изолированное положеніе отъ греческой; но это только повидимому. Правда, мы видѣли, что уніаты напрягали всѣ свои силы для того, чтобы доказать, что флорентійская унія принята была западнорусскою церковію; но принятіе Русью этой уніи трактовалось тогда какъ слѣдствіе принятія ея греками на флорентійскомъ соборѣ, и на Руси уніаты старались отъискать лишь слѣды того, что сдѣлано было греками на флорентійскомъ соборѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на то громадное значеніе, какое сторонники уніи придавали уже упомянутымъ нами памятникамъ, предсмертному завѣщанію патріарха Іосифа и сочиненіямъ Геннадія. Хотя, такимъ образомъ, латино-уніаты имѣли дѣло съ русскою церковію,

---

[1]) Histor. lit. Вишн. т. VIII Кіевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 17, стр. 440.

но тѣмъ не менѣе они считаютъ нужнымъ доказывать, что флорентійская унія была принята константинопольскимъ патріархомъ и что она, дѣйствительно, признавалась и впослѣдствіи греческою церковію, какъ это по ихъ мнѣнію, можно было видѣть, напр., изъ сочиненій Геннадія. Только доказавъ это положеніе, они считали возможнымъ доказывать, что флорентійская унія принята была и русскою церковію. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что первоначальнымъ проповѣдникамъ уніи и въ голову не приходила мысль повліять на православныхъ путемъ изолированія исторической судьбы западно-русской православной церкви отъ церкви греческой. Но скоро они должны были убѣдиться, что такяя постановка вопроса не можетъ привести къ желанной цѣли и поэтому въ слѣдующей новой попыткѣ пріискать историческія основанія для брестской уніи, какъ увидимъ, всѣ силы напрягаютъ для того, чтобы отодвинуть греческую церковь на второй планъ и, по возможности, имѣть дѣло съ одною русскою.

Мы видѣли, что попытки уніатскихъ полемистовъ обратиться къ флорентійской уніи для оправданія уніи брестской окончились ничѣмъ, такъ какъ самый флорентійскій соборъ объявленъ былъ „лестрійскимъ,“ а пущенные въ ходъ разнаго рода документы признаны были подложными. Это обстоятельство однако-жъ не смутило достойныхъ питомцевъ іезуитовъ. Оборвавшись,такъ сказать, на флорентійской уніи, они, какъ уже замѣчено задумали создать такую унію, начало которой было бы современно началу самой исторіи русской церкви, т. е. они рѣшили создать такое основаніе, на которомъ можно было бы построить не только брестскую, но и флорентійскую унію; прямѣе говоря, они задумали доказать,

что русская церковь искони стояла въ единеніи съ церковію римскою, сознавала это единеніе, и выражала это въ соотвѣтствующей внѣшней формѣ. И вотъ, чтобы осуществить этотъ, насколько остроумный, настолько и смѣлый планъ, они употребляютъ слѣдующій маневръ. Мы уже видѣли, что, ставя русскую церковь въ іерархическую зависимость отъ греческой, первые проповѣдники уніи, выходя изъ идеи церковнаго монархизма, смотрѣли на греческую церковь, какъ на посредствующее звено, при помощи котораго русская церковь входила въ связь съ общимъ церковнымъ организмомъ, главою котораго признавался римскій первосвященникъ. Продолжая далѣе свои заключенія, они признавали, что вѣроученіе русской церкви всегда было тождественно съ вѣроученіемъ церкви греческой, а такъ какъ навязываемыя заблужденія послѣдней, съ этой точки зрѣнія, были вмѣстѣ и заблужденіями первой, то и самое отношеніе ихъ обѣихъ къ римской церкви должно было признаваться одинаковымъ. Скарга, стараясь указать гарантіи прочности новой (брестской) уніи въ томъ, что главная причина непрочности прежнихъ уній теперь уже уничтожена, прямо заявляетъ, что „греки теперь не станутъ уже васъ (русскихъ) воспламенять и возбуждать къ отступленію"[1]. Когда же такой взглядъ на дѣло оказался несоотвѣтствующимъ ихъ цѣлямъ, они, отказавшись отъ прежнихъ своихъ тенденцій, рѣшились доказывать, что зависимость и вообще связь русской церкви съ греческою была не безусловная и не постоянная, а зависѣла отъ того, насколько сама греческая церковь призна-

---

[1]) Synod Brzeski, тамъ же.

вала свою зависимость отъ римской столицы: „обычай подчиненія патріарху, говоритъ Кревза въ своей ,,Обронѣ уніи“, до тѣхъ поръ былъ хорошимъ, пока не уничтожилъ права божественнаго, даннаго Петру и его преемникамъ отъ Христа Господа, и права церковнаго, которое константировало (oЬwołało) и объяснило первое, т. е. до тѣхъ поръ, пока патріархи подчинялись римскимъ папамъ"[1]). А такъ какъ извѣстно было, что фактъ раздѣленія церквей или, что тоже, — съ точки зрѣнія латинянъ—фактъ отпаденія константинопольскаго патріарха отъ подчиненія римскому папѣ совершился еще въ началѣ принятія Русью христіанства, то уніатскіе полемисты и рѣшились доказывать, что христіанство на Руси первоначально распространено было не изъ Константинополя, а изъ Рима, т. е. миссіонерами, получившими благословеніе на проповѣдь отъ римскаго папы, и что эта первоначальная духовная связь русской церкви съ римскимъ престоломъ не прерывалась въ теченіи всей слѣдующей исторіи, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ. Но такъ-какъ такой взглядъ заключалъ въ себѣ умъ слишкомъ наглую ложь, то защитники его, чтобы отвести, такъ сказать, глаза православнымъ, прибѣгаютъ частію къ подтасовкѣ, частію къ прямому искаженію фактовъ, съ чѣмъ мы можемъ познакомиться изъ указанной ,,Обороны уніи“ Кревзы, который, насколько намъ извѣстно, былъ первымъ уніатскимъ писателемъ, рѣшившимся провести этотъ взглядъ во всей его полнотѣ, съ возможною научною обоснованностію. — Возводя начало христіанства въ Россіи къ

---

[1]) Частъ III, Rozd. III, Р. Ис. Биб. т. IV стр. 239.

миссіонерской дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, высланныхъ на проповѣдь еще при патріархѣ Игнатіѣ, признававшемъ якобы главенство папы, онъ доказываетъ что такъ какъ въ это время константинопольскій патріаршій престолъ занялъ Фотій, не признававшій верховной власти римскаго папы, то эти славянскіе проповѣдники, игнорируя патріархомъ, какъ отступникомъ, отправились въ Римъ и взяли тамъ у папы благословеніе на дѣло проповѣди среди славянскихъ народовъ; а когда ихъ миссіонерская дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ, они вторично предприняли путешествіе въ Римъ, гдѣ ученики этихъ первоучителей получили посвященіе; здѣсь же дана была высшая-санкція переведеннымъ на славянскій языкъ богослужебнымъ книгамъ для употребленія ихъ среди новообращенныхъ славянскихъ народовъ. „Такимъ образомъ, заключаетъ Кревза, изъ Рима, отъ папы, а не изъ Константинополя имѣемъ службу Божію и все совершаемое во славу Божію"[1]). Гораздо тру-

---

[1]) Авторъ, замѣтивъ, что первое крещеніе Руси „za Bazilego Macedona, cezarza Greckiego, a za ksiązęcia wszytkiey Rusi Ruryka, y za ksiąząt Kiiowskich, Askolda y Dira, za patryarchy Konstantinopolskiego Ignacego, ktorego acz zrzucił...Barda, a wsadził Fociusza, окончилось ничѣмъ, продолжаетъ a iesli się do tego przyłozył y Focius, co za dziw, że Pan Bog nie błogosławił temu w pasterstwie, ktory sam przeciw pasterstwu, od Chrystusa Pana postanowionemu, powstawać począł; a iż od katolickiego a nie schyzmatyckiego patriarche y ten pierwszy krzest Rus przyjeła, wielkim dowodem iest sprawa swiętych apostołow naszych Słowienskich Metodego i Cyrilla, ktorzy: pod ten czas, *gdy się Fociusz, w Konstantynopolu buntował przeciw papiezowi, po błogosławieństwo iezdzili do Rzymu*, wysłani byli ieszcze za Michała cesarza, na początku patryarchostwa swietego Ignasego do kra-

днѣе было доказать, что эта первоначальная, непосредственная якобы связь русской церкви съ римскимъ престоломъ поддерживалась и въ слѣдующихъ періодахъ исторіи. Но находчивость и здѣсь не оставляетъ Кревзу. Извѣстно, что вслѣдъ за раздѣленіемъ церквей при Михаилѣ Керулларіѣ начинается рядъ попытокъ къ ихъ возсоединенію, попытокъ, выразившихся при первыхъ византійскихъ династіяхъ: Комненахъ (1081 — 1185), Ангелахъ (1185—1204) и Ласкарисахъ (1204— 1259), въ рядѣ диспутовъ и полемическихъ трактатовъ; а въ царствованіе династіи Палеологовъ (1259— 1453)—въ примирительныхъ трактатахъ и уніяхъ. Всѣ эти попытки, вызванныя, какъ извѣстно, особымъ политическимъ состояніемъ Византійской имперіи и принадлежавшія исключительно иниціативѣ свѣтской власти, даютъ поводъ Кревзѣ сдѣлать заключеніе, что тѣ константинопольскіе патріархи, при которыхъ эти попытки происходили, и которые, слѣдовательно, volens-nolens дол-

---

iow Słowienskich, dla nawracania ich na wiarę. W czym,gdy im Pan Bog pobłogosławił, iz wiele narodow Słowienskich nawrocili, a chcąc ich opatrzyć pasterzmi y po Słowacku nabożenstwo swoie odprawować, szli do Rzymu z księgami Slawackiemi, przełożonymi z Greckiego iezyka po Słowacku“, и тамъ получили удовлетвореніе (часть III, Rozd. 1, Р. И. Б. т. IV ст. 223—226). Tu jawnie każdy widzieć może, iako ten Cyril, swięnty apostoł Słowacki *potępia przeklętą schyzmę Fociuszową*, gdy uczniow swoich swięcić na stan duchowny do biskupa Rzymskiego wodził, y stamtąd błogosławienstwo bierze tym, ktorzy Słowienskim iezykiem nabozenstwo chrześciańskie w cerkwiach odprawować mieli. *Z Rzymu tedy od papieża mamy służbę Bożą y wszystko odprawowanie chwały Bożey cerkiewne, a nie z Konstantinopola. Nie bez osobliwego zrządzenia Bożego, słało się to*“.

жны были входить въ такія или иныя сношенія съ западною церковію, — признавали надъ собою власть римскаго папы: а зависимость русской церкви отъ такихъ патрарховъ, признавалась, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ зависимостью, хотя не непосредственною, и отъ римскаго папы. Но фальшъ такой постановки вопроса была ужъ слишкомъ очевидна. Дѣло въ томъ, что сношенія константинопольскихъ патріарховъ, или, вѣрнѣе, восточной церкви съ западною, если и могли давать хоть какое-нибудь основаніе для сдѣланнаго Кревзою вывода, то это развѣ во второй указанный нами періодъ, когда эти сношенія, дѣйствительно, имѣли примирительный характеръ; но этого нельзя было сказать о первомъ періодѣ, когда въ ожесточенной богословской полемикѣ каждая изъ споривщихъ сторонъ, доказывая правоту своего ученія, требовала отъ противной стороны безусловнаго отреченія отъ специфическихъ особенностей своей церкви; когда, слѣдовательно, самый вопросъ о монархическихъ правахъ въ церкви римскаго епископа признавался сущею нелѣпостью. Такимъ образомъ, высказанный Кревзою взглядъ уже слишкомъ былъ не состоятеленъ, такъ какъ выдвинутый имъ принципъ не могъ объяснить и десятой доли тѣхъ фактовъ, которые подъ него подводились. И вотъ, для подкрѣпленія или, вѣрнѣе, для оправданія этого принципа Кревза прибѣгаетъ къ слѣдующему, не менѣе остроумному, но не менѣе ложному, новому софистическому пріему. Онъ соглашается съ тѣмъ, что константинопольскій патріаршій престолъ иногда занимали „отступники", которые не хотѣли признавать надъ собою власти римской столицы; за то, по его мнѣнію, и русская церковь въ это время разрывала яко-бы связь съ константинопольскимъ патріар-

хомъ[1]). Поводомъ для такого утвержденія и въ данномъ случаѣ былъ дѣйствительный историческій фактъ. Извѣстно, что наша русская церковь, чутьли не съ перваго момента своего историческаго существованія, начала сильно тяготиться своими отношеніями къ церкви константинопольской и по возможности старалась освободиться отъ той опеки, которую наложила на нее по-

---

[1]) Въ трактатѣ: „Jesli zwyczay taki iest, żeby mitropolitowie Ruscy brali błogosławieństwo od patryarchi Konstantynopolskiego“, непосредственно слѣдующемъ послѣ каталога Кіевскихъ митрополитовъ, авторъ между прочимъ говорить: „iasnie się ukasuie z metropolitow wyliczonych (въ каталогѣ) *trzynastu*, rożnych czasow, *ktorzy posłuszeństwa* patryarchom, nieposłusznym papieżu, nie oddawali, oprocz trzech, rodem Rusi, ktorzy byli gdy Konstantinopol był w ręku lacinnikow, bo ci pewnie do Azyey, oddaiąc patriarsze posłuszenstwa, nie iezdzili, wszędzie bowiem okolo morza, a te stronę Lacinnicy trzymali, to ich iuz z temi 16. A każdy z nich był metropolitą Ruskim, y nie było między swietckiem i żadnego gomonu oto, że posluszenstwo takiemu patriarsze, ktory nie słuchał papieza, nie oddawali (тамъ же ст. 239). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Кревза, какъ это и изъ приведенной тирады видно, главнымъ образомъ, настаиваетъ на томъ отрицательномъ положеніи, что кіевскіе митрополиты не подчинялись власти тѣхъ константинопольскихъ патріарховъ, которые, въ свою очередъ не признавали власти римскаго папы. Что же касается вопроса о томъ, какъ относились эти митрополиты къ папѣ, то авторъ или умалчиваетъ, или отказывается отъ рѣшенія его вслѣдствіе недостаточности данныхъ, и только относительно митрополитовъ, слѣдовавшихъ въ періодъ послѣ Флорентійской уніи, онъ рѣшается, — по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ,—утверждать, что они несомнѣнно признавали унію съ Римомъ.

слѣдняя, считавшая себя ея матерью. Такого рода стремленія, какъ извѣстно, обнаружились всего прежде въ попыткахъ русскихъ князей уничтожить обычай константинопольскаго патріарха избирать и поставлять у себя дома митрополита для русской митрополіи, примѣры чего видимъ при Ярославѣ, Изяславѣ и частію при Ростиславѣ, нехотѣвшемъ, какъ извѣстно, принять присланнаго изъ Константинополя митрополита Іоанна. Но извѣстно, что причина такихъ стремленій лежала внѣ сферы строго-религіозныхъ отношеній: ихъ вызывали не вѣроисповѣдныя или обрядовыя разности въ той и другой церквахъ, о которыхъ въ данное время не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, — не характеръ отношенія константинопольскаго патріарха къ римской столицѣ; а, главнымъ образомъ, съ одной стороны,— стремленія византійскихъ императоровъ воспользоваться фактомъ зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха для своихъ политическихъ видовъ, съ другой стороны,—характеромъ самыхъ митрополитовъ-грековъ, несоотвѣтствовавшихъ своему назначенію. Но такое объясненіе факта, разумѣется, было не въ интересахъ Кревзы и вотъ онъ игнорируя этимъ объясненіемъ, видитъ въ указанномъ фактѣ оправданіе своего принципа. — Но было бы слишкомъ продолжительно подробно исчислять всѣ тѣ разнаго рода уловки, къ которымъ прибѣгаетъ Кревза для того, чтобы обосновать проводимый имъ взглядъ. Замѣтимъ только, что сколько ни мудрствовалъ онъ, все же вполнѣ достигнуть своей цѣли ему не удалось, такъ какъ выдвинутый имъ принципъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказался положительно непримѣнимъ и къ концу концовъ у него все же остался цѣлый рядъ кіевскихъ митрополитовъ, связь которыхъ съ константи-

нопольскими патріархами, несомнѣнно стоявшими въ оппозиціонномъ отношеніи къ римской столицѣ, была несомнѣнна. Послѣднее обстоятельство вынудило его въ своемъ каталогѣ кіевскихъ митрополитовъ образовать особую категорію лицъ, которыхъ онъ, не найдя ничего болѣе остроумнаго, рѣшилъ окрестить именемъ „простяковъ“ и „неученыхъ“: были, молъ, простяки и не ученые и поэтому неудивительно, что признавали власть патріарховъ - отступниковъ. Насколько вѣрно прилагаемъ былъ этотъ эпитетъ къ митрополитамъ, причисленнымъ Кревзою къ указанной категоріи, можно видѣть уже изъ того, что къ этой же категоріи причисленъ былъ и Св. Кипріанъ. Мы нѣсколько подробно остановились на этомъ пунктѣ въ сочиненіи Кревзы потому, что онъ составляетъ основное ядро въ вопросѣ, который представляетъ сравнительно оригинальное явленіе въ современной полемической литературѣ и съ которымъ мы не встрѣчаемся въ сочиненіяхъ предъидущихъ полемистовъ. Нужно замѣтить, что съ постановкой этого вопроса уніатская полемическая литература на исторической почвѣ достигла послѣдняго фазиса своего развитія. Съ попыткой Кревзы отъискать начало уніи на первыхъ страницахъ исторіи русской церкви сдѣланъ былъ послѣдній шагъ въ разсмотрѣнномъ нами поступательномъ движеніи уніатской полемической литературы при разработкѣ ею вопроса объ историческихъ основаніяхъ брестской уніи, и послѣдующимъ изслѣдователямъ этого вопроса по необходимости приходилось вращаться уже въ готовыхъ опредѣленныхъ рамкахъ, которыя подъ перомъ Кревзы расширены были до nec plus ultra своего объема. Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли служитъ вышедшее въ 1683 году православное сочиненіе:

Fundamenta, na ktorych łacinnicy iedność Rusi z Rzymem funduią [1]). Здѣсь неизвѣстный авторъ поставилъ своею задачею разобрать всѣ тѣ основанія, какія приводились въ его время латинянами для оправданія брестской уніи. Изъ этого сочиненія видно, что, спустя 66 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ „Обропы“ Кревзы (1617г.), латиняне въ данномъ вопросѣ ни на одинъ шагъ не выступили изъ-за предѣловъ тѣхъ рамокъ, которыя въ свое время намѣчены были Кревзой. Здѣсь приведено 30 фундаментовъ и почти всѣ они встрѣчаются въ каталогѣ митрополитовъ Кревзы. Въ предѣлахъ же намѣченной Кревзою программы прогрессъ, дѣйствительно, замѣчается. Такъ напр., фактъ крещенія Руси при св. Владимірѣ у Кревзы совершенно игнорируется. Въ концѣ XVII в., какъ это видно изъ вышеуказаннаго сочиненія, онъ выставлялся на видъ, но объяснялся тѣмъ, что въ это время греки находились въ единеніи съ Римомъ. Въ вышедшемъ же въ 1704 году сочиненіи Кулеши: „Wiara prawosławna“ уже доказывается, что якобы Владиміръ крещенъ былъ св. Бонифаціемъ [1]).

Вслѣдствіе указаннаго историческаго значенія „Обропы“ Кревзы, на ней необходимо было-бы остановиться нѣсколько подробнѣе. Но такъ какъ она была тѣмъ именно сочиненіемъ, противъ котораго главнымъ образомъ, полемизировалъ З. Копыстенскій въ своей „Палинодіи,“ то избѣгая излишняго повторенія, мы исполнимъ эту задачу въ спеціальномъ изслѣдованіи о самой „Палинодіи“.

---

[1]) Экземпл. библіот. С. П. Дух. Академіи.

[2]) Вишневскій. т. VIII. Кіевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 6, стр. 162.

Захарія Копыстенскій и его ученая дѣятельность.

Біографія автора, говорятъ, есть лучшій комментарій къ его сочиненіямъ. Въ данномъ случаѣ, смыслъ этихъ словъ можетъ быть примѣненъ во всей своей силѣ. Сочиненія Захаріи Копыстенскаго, особенно его Палинодія, въ научномъ отношеніи, представляетъ выдающееся явленіе не только въ современной ей православной богословской литературѣ, но и вообще: это капитальный трудъ, въ значительной степени удовлетворяющій научнымъ требованіямъ даже съ современной точки зрѣнія. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что З. Копыстенскій, какъ по происхожденію, такъ и по образованію, былъ западно-руссъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. онъ вышелъ изъ той среды, о которой ближайшій современникъ, вслѣдъ за множествомъ другихъ, заявляетъ, что въ ней не нашлось бы десяти человѣкъ, которые умѣли бы объяснить, что такое таинство, чистилище, папская власть..., и эрудиція которыхъ позволяла польскую или русскую поговорку приписать Соломону или Пиѳагору [1]. Понятно, что для насъ въ вышей степени интересно знать, въ какой средѣ воспитывался, какую школу проходилъ человѣкъ, который представляетъ изъ себя далеко не обыденное явленіе среди своихъ современниковъ. Къ сожалѣнію, тѣ научныя данныя, которыми мы можемъ располагать, слишкомъ ничтожны для того, чтобы на основаніи ихъ можно было создать что-нибуть цѣльное, вполнѣ удовлетворяющее интересу науки, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ приходится оставаться въ области догадокъ и предполо-

---

[1]) Изслѣдованія и монографіи Костомарова т. III.

женій. Само собою понятно, что всѣ допущенныя при такихъ условіяхъ предположенія и сдѣланные на основаніи ихъ выводы въ прахъ могутъ быть разметаны новымъ изслѣдователемъ, которому счастливый случай доставитъ возможность отыскать въ какомъ-нибудь архивѣ ничтожный клочекъ исписанной бумаги, одна строка въ которомъ можетъ сказать больше, чѣмъ голословныя апріорическія разсужденія многихъ изслѣдователей.

Но имѣя въ виду, что всегда что-нибудь лучше, чѣмъ полное ничто, мы попытаемся, насколько, конечно, позволятъ намъ наличныя фактическія данныя, намѣтить хоть нѣкоторыя черты изъ жизни и дѣятельности З. Копыстенскаго, которыя какъ увидимъ, много помогутъ намъ въ пониманіи нѣкоторыхъ сторонъ въ его сочиненіяхъ.

По свидѣтельству Нѣсецкаго, Захарія Копыстенскій принадлежалъ къ фамиліи Перемышльскихъ дворянъ одного изъ древнихъ гербовъ—Лелива [1]). Вишневскій, не знаемъ на основаніи какихъ источниковъ, считаетъ Захарію сыномъ извѣстнаго стоятеля за православіе въ 1596 г. епископа перемышльскаго, Михаила Копыстенскаго [2]). Стебельсый же признаетъ его роднымъ или двоюроднымъ братомъ послѣдняго [3]). Тотъ фактъ, что Михаилъ Копыстенскій былъ епископомъ, не исключаетъ возможности перваго предположенія, такъ какъ извѣстно, что на епископскую каѳедру онъ вступилъ будучи женатымъ [4]). Но если имѣть въ виду то обстоятельство, что Захарія пережилъ Ми-

---

[1]) Korona Polska t. II, pag. 600, liter. K.

[2]) T. VIII. См. Кіевск. Епарх. Вѣд. за 1877 г. № 5.

[3]) Żywoty sw. Eufrosyny i Parascewii T. 1. lit. K.

[4]) Акт. Западн. Росс. т. IV, № 33, стр. 43.

хаила только 15-тью годами [1]) и умеръ, какъ можно судить по его дѣятельности, въ пожилыхъ лѣтахъ, то мнѣнію Стебельскаго придется отдать предпочтеніе. Тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, роднымъ или двоюроднымъ братомъ Михаилу былъ Захарія, остается не рѣшеннымъ. Самъ Захарія три раза упоминаетъ въ Палинодіи о Михаилѣ [2]); но о своемъ личномъ отношеніи къ нему не говоритъ ни слова. Во всякомъ случаѣ остается вѣроятнымъ то предположеніе, что Захарія былъ близкимъ родственникомъ Михаила, что подтверждается также свидѣтельствомъ Стебельскаго [3]) о томъ, что онъ остался вѣрнымъ православію, „слѣдуя Михаилу", предполагается. значитъ, что послѣдній могъ оказывать на него свое непосредственное вліяніе, и что, слѣдовательно, они находились въ самыхъ близкихъ между собою отношеніяхъ. Съ другой стороны, вновь открытые С. Т. Голубевымъ документы [4]) знакомятъ насъ съ новою, еще не извѣстною до этого времени въ исторіи, личностью,—детяловицкимъ игуменомъ Василіемъ Копыстенскимъ, и такъ какъ этотъ Копыстенскій является претендентомъ на постъ Кіевопечерскаго архимандрита послѣ смерти Захаріи, то, съ нѣкоторою вѣроятностью, можно полагать, что и это лицо тоже находилось въ родственной связи съ Захаріей. Это же можно предполагать и о Исакіѣ Копыстенскомъ, бывшемъ (около 1628 г.) влады-

---

[1]) Михаилъ Копыстенскій умеръ въ 1612 году; см. опис. Кіево-Соф. соб. стр. 154.

[2]) Палинодія. Русск. Ист. Библ. т. IV ст. 1063, 1066, 1134.

[3]) Żywoty... ibid.

[4]) Кіевск. Епарх. Вѣд. за 1877 годъ, № 3, часть неофиц. стр. 72.

кою Перемышльскимъ[1]). Эти соображенія наводятъ на мысль, что Захарія Копыстенскій происходилъ изъ духовнаго званія и при томъ изъ фамиліи преданной православію, что особенно становится вѣроятнымъ, если обратить вниманіе на тотъ фактъ, что Михаилъ Копыстенскій былъ чуть-ли ни единственнымъ лицемъ между высшею западно-русскою православною іерархіей, оставшимся почти совершенно непричастнымъ активному участію въ дѣлѣ уніи. Такимъ образомъ, можно думать, что Захарія еще съ молокомъ, такъ сказать, матери, всосалъ ту горячую любовь ко всему русскому и православному, которую онъ впослѣдствіи проявилъ въ своей въ высшей степени плодовитой и плодотворной дѣятельности, отличавшейся, главнымъ образомъ, ученымъ характеромъ.

Теперь для насъ интересно знать, гдѣ и какое образованіе получилъ Захарія. Историки, останавливающіеся надъ этимъ вопросомъ, считаютъ его воспитанникомъ Волынскихъ школъ[2]), что является совершенно правдоподобнымъ, если принять во вниманіе его родство съ Михаиломъ Копыстенскимъ, который, какъ замѣчено, былъ епископомъ Перемышльскимъ. Между Волынскмми школами выдающихся, какъ извѣстно, было двѣ: Острожская и Львовская. Что Захарія не учился въ школѣ Острожской, это несомнѣнно видно изъ того, что онъ, по его собственному сознанію, не смотря на искреннее желаніе, ни разу въ своей жизни не видѣлъ князя К. Острожскаго [3]); а это рѣшительно было бы не возможно, если бы онъ жилъ въ Острогѣ и, главное, сре-

---

[1]) Korona Polska, ibid.

[2]) Обзоръ Русск. Дух. Литератур. Филарета, стр. 250.

[3]) Палинодія ibid. столб. 1139.

ди той корпораціи, съ которою этотъ князь, какъ извѣстно, находился въ такой близкой связи. Остается, такимъ образомъ, предположить, что Захарія былъ воспитанникомъ Львовской школы. Послѣднее предположеніе, кромѣ того, имѣетъ за себя еще слѣдующія основанія. Захарія Копыстенскій, если судить по времени его дѣятельности и жизни, принадлежалъ къ одной изъ первыхъ генерацій лицъ, выпущенныхъ вновь открывшимися греко-славянскими школами. Сопоставляя это обстоятельство съ тѣмъ фактомъ, что онъ былъ хорошимъ знатокомъ греческаго языка, если допустить, что средства для этого, по кройней мѣрѣ элементарныя, доставила ему его первоначальная школа,—естественно заключить, что Копыстенскій свое первоначальное образованіе получилъ въ школѣ Львовской, гдѣ впервые па Руси положено было прочное начало изученію греческаго языка учителемъ этой школы Митрополитомъ Димонитскимъ и Еласопскимъ, Арсеніемъ и гдѣ въ 1591 году уже „спудеями" этой школы издано было первое руководство по этому предмету [1]), которое впослѣдствіи съ величайшею охотою пріобрѣталось другими школами, [2]). Мы не можемъ упустить изъ виду также и того обстоятельства, что Копыстенскій хорошо былъ знакомъ съ планомъ самаго города Львова [3]), что свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ о томъ, что онъ когда-то жилъ въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, хотя у насъ и нѣтъ прямыхъ данныхъ для рѣшенія поставленнаго вопроса, но все же указанныя соображенія вполнѣ достаточны для того, чтобы мнѣніе о воспитаніи Копы-

---

[1]) См. предисловіе къ грамматикѣ (экземпляръ С. Петерб. Дух. Акад. библіот. N 17).

[2]) Акт. Западн. Росс. т. IV № 4.

[3]) Палинодія, ibid. столб. 992.

стенскаго въ Львовской братской школѣ признать заслуживающимъ полнаго вѣроятія.

Теперь мы должны остановиться на другомъ, уже гораздо важнѣйшемъ, но тоже не менѣе трудномъ для рѣшенія вопросѣ, именно о томъ, что могла доставить ему Львовская школа для его умственно-нравственнаго развитія, съ какимъ запасомъ знанія она могла выпустить его въ жизнь? Мы говоримъ „могла", — потому что, при отсутствіи достаточныхъ фактическихъ данныхъ, болѣе категорически этотъ вопросъ въ настоящее время не можетъ быть поставленъ; такъ что въ данномъ случаѣ мы можемъ говорить только о сторонахъ общихъ всѣмъ такъ называемымъ греко-словянскимъ школамъ, не пытаясь съ точностью опредѣлить, какими специфическими особенностьями отличалась въ частности школа Львовская. Впрочемъ, нужно замѣтить, что едва ли между братскими школами этого періода могло быть какое нибудь значительное различіе; а если оно и существовало, то развѣ на столько, на сколько различны были матеріяльныя средства, которыми располагала каждая отдѣльная школа; что же касается самой системы воспитанія и школьной программы, то въ этомъ отношеніи между братскими школами не могло быть существеннаго различія; это зависѣло какъ отъ того, что первыми руководителями, при открытіи этихъ школъ, были восточные патріархи, или уполномоченныя ими лица, такъ и отъ той тѣсной связи, въ какой, какъ извѣстно, находились всѣ западно-русскія братства, что давало полную возможность существовавшимъ при нихъ школамъ дѣлиться всѣмъ, что только оказывалось у которой-нибудь изъ нихъ лучшаго[1]).

---

[1]) Какъ на примѣръ такого рода связи между братства-

Авторъ Перестроги, указывая причину печальнаго положенія дѣлъ въ современномъ ему западно-русскомъ обществѣ и православной церкви, ссылается на фактъ ассимиляціи русскаго національнаго элемента польскимъ, что, по его мнѣнію, произошло отъ оскуденія на Руси образованія, основаннаго на началахъ народности и православія, и отъ пристрастія высшаго класса русскаго общества ко всему польскому и иноземному [1]). Этотъ взглядъ не былъ достояніемъ одного автора Перестроги: его, какъ извѣстно, проводилъ Курбскій, его высказывалъ Михаилъ Рогоза, на немъ съ особою силою настаиваетъ І. Вишенскій [2]). Короче говоря, онъ проникъ въ сознаніе всѣхъ лучшихъ людей того времени. Ясно, такимъ образомъ, что одною изъ первыхъ задачъ вновь открывавшихся школъ должно было служить, на ряду съ заботами о поднятіи уровня богословскаго образованія,—стремленіе къ возстановленію русской народности, что, дѣйствительно, съ разу-же выразилось въ заботахъ о возстановленіи пришедшихъ до крайняго упадка-славянскаго языка и славянской (конечно богословской) литературы [3]). Но славянская литера-

---

ми и существовавшими при нихъ школами можно указать на постоянныя сношенія Львовскаго братства и школы съ Виленскимъ братствомъ и школою (см. Акт. Зап. Росс. т. IV №№ 4 и 217).

¹) Актъ Зап. Росс. т. IV, № 149, стр. 204 - 205.

²) Акты Юго-Зап. Росс. т. II, второе посланіе.

³) Дѣйствительно, въ греко-славянскихъ школахъ, какъ это показываетъ уже одно названіе ихъ, славянскій языкъ становится однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія и мы видимъ, что первыя ученыя силы этихъ школъ посвящаются составленію руководствъ по славянской грамматикѣ: такъ въ 1596 году, въ Вильнѣ, бывшимъ воспитанникомъ

гура въ тогдашнемъ ея видѣ была слишкомъ бѣдна для того, чтобы ею можно было ограничиться какъ въ школѣ, такъ и жизни, и поэтому нуженъ былъ другой болѣе глубокій и болѣе плодоносный источникъ. Такихъ источниковъ было два: можно было обратиться на западъ и пересадить оттуда на русскую почву уже готовую латинскую мудрость, что, благодаря не посредственной связи Польши съ Западной Европой, было дѣломъ не особенно трудно достижимымъ; но можно было обратиться и на востокъ и, хотя съ несравненно большимъ трудомъ, насаждать въ русской школѣ плоды греческой науки. Отъ избранія того или другаго изъ этихъ путей должно было зависѣть и преобладаніе одного изъ древнихъ классическихъ языковъ. Греко- славянскими школами, какъ и слѣдовало ожидать, избранъ былъ второй путь и поэтому въ основу

Львовской школы, Лаврентіемъ Зизаніемъ, издается краткая славянская грамматика, а въ 1619 году напечатана была грамматика М. Смотрицкаго, по которой, какъ извѣстно, учился еще Ломоносовъ (См. Флеровъ. О Православн. Церк. Братст. стр. 115 — 116). — Подъ вліяніемъ охватившаго въ то время Западную Русь духа національно-религіознаго возрожденія нѣкоторые писатели посвящали славянскому языку цѣлые панигирики: „книги церковныя всѣ, пишетъ Іоаннъ Вишенскій, и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте: сказую-бо вамъ тайну великую, яко *діаволъ толикую зависть имаетъ на словенскій языкъ, же ледве живъ отъ гнѣва*... А то для того діаволъ на словенскій языкъ борьбу тую маетъ, занеже есть *плодоноснийшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любезнѣйтій* . . . Тако да знаете, якъ словенскій языкъ *предъ Богомъ честнѣйшій* есть и отъ *Еллинскаго и латинскаго*,—се же не басни суть“ (Акт. Юго-зап. Росс. т. II, стр. 210). Точно такой же взглядъ на славянскій языкъ высказываетъ и авторъ „Зачапки“.

школьнаго воспитанія здѣсь положенъ былъ, на ряду съ славянскимъ, языкъ греческій. Въ упомянутой уже нами грамматикѣ, именно, въ предисловіи къ ней, прямо сказано: „сія бо есть ключъ, отверзаяй умъ разумѣти писанія“. И, дѣйствительно, мы видимъ, что греческій языкъ въ Греко-славянскихъ школахъ играетъ одинаковую роль съ языкомъ славянскимъ: въ сохранившемся до насъ уставѣ Луцкой школы, въ отдѣлѣ о школьномъ порядкѣ, въ 21 правилѣ говорится, что ученики *каждый день* должны говорить или *по-гречески* или *по-славянски*, а не „простою мовою“ [1]). Такой взглядъ на направленіе школьнаго воспитанія совершенно понятенъ. Сообразно съ потребностью времени, вновь основавшіяся школы, способствуя поднятію общаго уровня умственно-нравственнаго развитія въ обществѣ, должны были въ то же время преслѣдовать еще и спеціальную цѣль, именно: онѣ должны были подготовлять людей, способныхъ отстаивать интересы православной церкви въ борьбѣ съ латинянами и протестантами. Понятно, что, для успѣшнаго веденія этой борьбы, православные должны были создать свою собственную богословскую науку, которая, не пренебрегая плодами латинско-протестанской богословствующей мысли, въ тоже время имѣла бы свое собственное направленіе, твердо покоящееся на началахъ православной доктрины. „Школу наукъ христіанскихъ, читаемъ въ написанномъ въ 1600 году во Львовѣ „Оглашеніи церкве братской Львовской“, грецкихъ дѣтѣмъ вашимъ и всѣмъ посполите уфундовали, ижбы піючи въ чужихъ студенцахъ воды наукъ умоязыческихъ, вѣры своей не отпадали, зачимъ правѣ и всенарод-

---

[1]) Флеровъ. О Прав. Церк. Бр. стр. 113.

ное сгипеніе барзо близко ходитъ“ [1]). Но при этомъ необходимо замѣтить, что греко-славянскія школы не чуждались и „ нѣмецкихъ наукъ“. Изъ посланія Виленскаго братсва отъ 21 Января 1619 года къ Львовскому братству видно, что въ греко-славянскихъ школахъ латинскій языкъ и его литература играли иногда довольно видную роль [2]). Что касается, далѣе, состава преподававшихся въ греко-славянскихъ школахъ предметовъ, то относительно этого мы имѣемъ слѣдующій, вполнѣ фактически обоснованный отзывъ, П. Флерова: „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, несомнѣнно, что науки, преподававшіяся въ братскихъ школахъ, были слѣдующія: изъ наукъ свѣсткихъ: — грамматика, поэзіа, риторика, діалектика и другія части философіи, ариѳметика: вообще, въ братскихъ школахъ постепенно возвышали курсъ преподаванія до полнаго объема такъ называемыхъ семи свободныхъ наукъ, какъ это видно изъ грамоты короля Сигизмунда III, данной Львовскому братству, 13 Октября 1592 года, на право содержанія школы „pro tractandis liberis artibus,“ а подъ семью свободными науками извѣстны: грамматика, логика, риторика, географія, ариѳметика и музыка. Изъ наукъ духовныхъ: 1) церковный уставъ, какъ то: церковное чтеніе и пѣніе; 2) Священное Писаніе и Преданіе, именно: „ученіе отъ Св. Евангелій, посланій апостольскихъ, пророковъ, Св. Отцевъ; 3)

[1]) Труды Кіевск. Дух. Акад. 1876 г. т. I стр. 386.

[2]) „Божіею помощію, пишетъ братство, сооружихомъ каменнымъ зданіемъ домъ школьный, въ пять училищъ раздѣленный, отъ нихъ же въ трехъ Латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется, въ четвертомъ русская, пятое во словенскаго языка наказаніе“ (Акт. Зап. Росс. т. IV, № 216, стр. 506).

ученіе о добродѣтеляхъ, что можно назвать краткимъ нравственнымъ богословіемъ, 4) ученіе о праздникахъ, что можно отнести къ предмету литургики" [1]). Но для насъ въ данномъ случаѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ система воспитанія греко-славянскихъ школъ, рѣзко отличающаяся отъ схоластической системы, введенной впослѣдствіи въ Кіево-могилянской коллегіи, что отразилось и на самыхъ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ подъ пера ученыхъ, испытывавшихъ на себѣ вліяніе этихъ системъ. Въ то время какъ въ Кіево-могилянской коллегіи, благодаря господству схоластики, привившейся здѣсь, какъ извѣстно въ самомъ уродливомъ видѣ [2]), главное вниманіе обращали па форму усвояемаго, въ греко-славянскихъ школахъ существенное значеніе придавалось тому, чтобы воспитанникъ какъ можно больше усвоилъ и понималъ усвоенное. Въ сохранившемся до насъ уставѣ Луцкаго братства между прочимъ читаемъ: Учитель обязанъ выдавать ученикамъ въ запискахъ отъ Св. Евангелій, посланій Апостольскихъ Пророковъ, св. Отцевъ, философовъ, поэтовъ, историковъ и проч. (прав. 12); утромъ, послѣ молитвы, каждый долженъ прочитать свой вчерашній урокъ передъ учителемъ и показать ему свою тетрадь, па которой онъ переписывалъ дома тотъ урокъ... (пр. 10.); послѣ обѣда ученики должны списать на свои таблицы выданный учителемъ урокъ, кромѣ малолѣтнихъ. Вечеромъ, пришедши домой, дѣти должны прочитать свой урокъ, выученный въ классѣ, предъ родными или передъ господами, а потомъ

---

[1]) Флеровъ. ibid. стр. 113—114.

[2]) Пекарскій. Представители Кіевской Учености (см. Отеч. Зап. 1862 г. т. I) ср. Костомаровъ. Русск. Истор. въ жизнеопис. т. II отд. 4.

переписать этотъ урокъ на бумагѣ, чтобы на другой день показать учителю (прав. 11)"[1]). Изъ этихъ правилъ ясно видно, что и здѣсь не менѣе заставляли работать мысль, чѣмъ и при схоластической системѣ воспитанія, съ тою только разницею, что здѣсь ей давался всегда опредѣленный матеріалъ: фактъ здѣсь является насущною потребностью мысли и служитъ для нея тѣмъ же, чѣмъ для схоластически настроенной мысли заранѣе установленный принципъ. Такимъ образомъ, того однообразнаго синтеза, на которомъ построена схоластика и который обрекаетъ мысль на жалкое вращеніе въ какомъ-то однообразномъ заколдованномъ кругѣ, дѣлая ее не способною ко всякому истинно-научному движенію,—здѣсь не было и слѣда. Результатомъ такой системы воспитанія, естественно, должно было явиться въ воспитанникахъ развитіе реальнаго направленія мысли и уваженія къ положительному методу познанія. До какой степени сильное вліяніе такая система воспитанія греко-славянскихъ школъ оказывала на питомцевъ послѣднихъ, это видно изъ того, что даже такой аскетъ—мистикъ, какимъ былъ Исаія Копинскій, не могъ освободиться отъ ея вліянія[2]). Но самымъ

---

[1]) Флеровъ. ibid. стр. 112.

[2]) „Никто не можетъ познать Бога, говоритъ онъ въ своей „Лѣстницѣ", дондеже не познаетъ первѣе себе, не пріидетъ же совершеннѣ въ познаніе себе, дондеже первѣе не пріидетъ въ познаніе твари и всѣхъ вещей въ мірѣ зримыхъ и разумѣваемыхъ разсмотрѣнію. Егда же пріидетъ въ познаніе сихъ, тогда возможетъ пріити въ познаніе себе, тоже и Бога, и тако приходитъ въ совершенное зъ Богомъ любовію соединеніе... Первѣе всея твари разсмотреніе отъ чего и чего ради сія суть, во еже ни единой вещи утаенной и недоумѣнной быти отъ него..., первѣе подобаетъ доль-

лучшимъ примѣромъ разсматриваемаго направленія мысли въ воспитанникахъ греко-славянскихъ школъ, служитъ, какъ увидимъ, Палинодія Захаріи Копыстенскаго

Все сказанное относительно грекославянскихъ школъ вообще—въ частности, и притомъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова, можетъ быть примѣнено и къ школѣ Львовской. Изъ составленнаго въ 1601 году „Реэстра книгъ Львовскаго Ставропигіальнаго братства" видно, что Львовская школа обладала довольно значительною библіотекою. Кромѣ церковно-богослужебныхъ книгъ здѣсь мы встрѣчаемся съ учебными пособіями по граматикѣ, діалек-

---

няя вся разумѣти, таже горняя, не бо отъ горнихъ на нижняя восходити должны есми". Если отрѣшиться отъ всякаго предубѣжденія и повнимательнѣе вдуматься въ эти замѣчательныя слова русскаго мыслителя конца XVI и начала XVII вѣка, то нельзя не видѣть, что здѣсь, въ общихъ словахъ, проводится тотъ же взглядъ на познаніе, который обезсмертилъ его знаменитаго современника, англичанина Бэкона Веруламскаго, доставивъ ему титулъ отца индуктивныхъ наукъ. Тотъ допустилъ бы крупную ошибку, кто, опираясь на созерцательный, чисто метафизическій характеръ всей остальной части сочиненія Копинскаго, задумалъ бы утверждать, что мысль высказанная въ приведенной тирадѣ, не имѣетъ того глубокаго смысла, который мы ей приписываемъ. Дѣло въ томъ, что Копинскій различаетъ двоякаго рода мудрость: внѣшнюю и Божественную; равно и самые предметы познанія также дѣлятся у него на внѣшніе и Божественные. Божественные предметы, по его мнѣнію, можно познавать только Божественною мудростью, которая заключается въ „умномъ дѣланіи" или, что тоже, въ созерцаніи. Здѣсь, такимъ образомъ, мы опять видимъ близкое сходство воззрѣній Копинскаго съ воззрѣніями Бэкона, который точно также предметы познанія дѣлитъ на метафизическія, сверхъ опытныя и недоступ-

тикѣ, риторикѣ, музыкѣ, космографіи, философіи (Аристотель), исторіи, закону Божію, церковному уставу и съ нѣкоторыми отеческими твореніями и латинскими классиками. Въ этомъ реэстрѣ помѣщено также нѣсколько сборниковъ, въ которыхъ могли быть собраны разнаго рода полемическія сочиненія противъ латинянъ.

Книги эти написаны были на языкахъ: славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, русскомъ и польскомъ. Благодаря такимъ богатымъ научнымъ средствамъ, Львовская школа среди другихъ братскихъ школъ была первою не только по времени своего возникновенія [1]), но и по тѣмъ блестящимъ результатамъ, которыхъ она очень быстро достигла. Она выпустила самое большое количество и притомъ самыхъ лучшихъ въ свое время ученыхъ дѣятелей и своими учеными силами поддерживала движеніе науки почти во всѣхъ остальныхъ современныхъ школахъ. Мы видимъ, что къ ней обращается за наставниками не-

---

ныя для опытнаго познанія. Есть, правда, между ними и значительное различіе, но оно заключается не въ различіи взглядовъ того или другаго на предметъ и методъ познанія, а въ неодинаковости воззрѣній на практическое значеніе двоякаго рода познаваемыхъ предметовъ: Копинскій, какъ богословъ и въ добавокъ монахъ и аскетъ, предпочитаетъ заниматся предметами сверхъ опытными, Божественными; Бэконъ, какъ философъ и притомъ человѣкъ по преимуществу практическій, отдаетъ предпочтеніе познанію опытному, предоставляя сверхъ опытными предметами заниматься метафизикамъ.

[1]) Львовская школа, какъ это видно изъ предисловія вышеупомянутой грамматики, основана была въ 1586 г.; двѣже другія болѣе раннія братскія школы Виленская и Кіевская,— въ 1588 г. Такимъ образомъ, Львовскую школу предупредила только Острожская, основанная въ 1580 г.

только Виленская школа[1]), но и Острожская[2]). Что же касается Кіевской школы и братства, то подвизавшіеся здѣсь ученые на первыхъ порахъ почти исключительно были воспитанниками Львовской школы; изъ ея же по преимуществу воспитанниковъ П. Могила сдѣлалъ выборъ лицъ, отправленныхъ имъ за границу для изученія высшихъ наукъ[3]). Понятно послѣ этого, что З. Копыстенскій, при своей безспорной даровитости, могъ получить во Львовской школѣ прекрасные задатки для своего будущаго развитія. Онъ могъ выйти изъ нея хорошимъ знатокомъ трехъ языковъ: греческаго, славянскаго и латинскаго; могъ вынести значительный запасъ фактическаго знанія, которое, должно было увеличивать пытливость ума и возбуждать такимъ образомъ, интересъ къ пріобрѣтенію новаго знанія. Но что всего важнѣе, Львовская школа должна была поселить въ немъ уваженіе и навыкъ къ положительному методу въ разработкѣ науки, что, при царившей тогда въ польско-іезуитскихъ школахъ схоластикѣ, — не заразиться которою въ то время было дѣломъ очень труднымъ — было драгоцѣннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ, которому, можетъ быть, мы обязаны существованіемъ такого капитальнаго произведенія, какъ Палинодія. Наконецъ, отсюда же онъ могъ вынести твердую рѣшимость посвятить всю свою жизнь и дѣятельность на пользу русскаго народа и православной церкви, т. е. на пользу дѣла, которое такъ близко принималось къ сердцу въ той средѣ, въ которой онъ воспи

---

[1]) Акт.Зап. Росс. т. V № 4 и 217, ср. Журн. Министер. народн. Просв. 1849 г. іюнь, отд. II, стр. 144.

[2]) Ibidem.

[3]) Журналъ Мин. Народ. Просв. ibid.

тывался, и нравственная атмосфера которой должна была дѣйствовать въ высшей степени благотворно на его юный умъ и благородное сердце. Но понятно, что въ школѣ онъ могъ получить только задатки, какъ мы выразились, для образованія, но и только. Той, напримѣръ, богатой эрудиціи, какую онъ обнаружилъ въ Палинодіи, никогда не могла доставить ему Львовская школа, потому что ее не можетъ доставить никакая, даже самая блестящая, школа; ее онъ могъ достигнуть лишь путемъ долголѣтнихъ и притомъ крайне усидчивыхъ самостоятельныхъ ученыхъ занятій. И, дѣйствительно, мы имѣемъ, хотя, правда, не всегда прямыя, но тѣмъ не менѣе достаточныя указанія на то, что Копыстенскій всю жизнь свою посвятилъ ученымъ работамъ. Собственно первыя прямыя фактическія данныя, какъ увидимъ, которыя знакомятъ насъ съ его личностью, относятся не ранѣе, какъ къ 1616 году; но въ содержаніи Палинодіи есть довольно ясные намеки, по которымъ съ нѣкоторою вѣроятностію можно воспроизвести по крайней мѣрѣ общій характеръ его занятій еще до 1616 г. Послѣднимъ обстоятельствомъ мы обязаны очень дорогому для науки пріему автора, по которому онъ, приводя тѣ или другія фактическія данныя, не рѣдко съ мельчайшею подробностію опредѣляетъ какъ самый источникъ, изъ котораго онъ заимствуетъ, такъ и мѣсто его нахожденія, а иногда даже и тѣ условія, при которыхъ ему пришлось познакомиться. Такъ, приводя извѣстную легенду о паписсѣ, и желая предупредить ходячее возраженіе латинянъ, что она измышлена протестантами, авторъ указываетъ на то обстоятельство, что между источниками, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свѣдѣнія по этому предмету, есть и такіе, которые не могли испытать на себѣ вліянія проте-

станской изобрѣтательности, именно: „А гдымъ мѣшкалъ, говоритъ онъ, у *Волосѣхъ* въ монастиру преславномъ, названномъ „Путная", читалемъ того Варлаама (т. е. Калаврійскаго) книгу, и въ ней о помененой папежу повѣсть" [1]), Мысль о пребываніи Копыстенскаго въ Валахіи и, именно, въ Путенскомъ монастырѣ, подтверждается отчасти еще слѣдующимъ мѣстомъ въ трактатѣ „О новыхъ докторахъ, т. е. учителяхъ церкви Всходной", гдѣ, въ перечнѣ новѣйшихъ греческихъ богослововъ, онъ упоминаетъ имя Нила Кавасила, „который писалъ противко Ѳомѣ Аквинату (тая книга, замѣчаетъ далѣе въ скобкахъ авторъ, высоцѣ есть мудрая, въ Путенскомъ монастиру, въ Волосѣхъ по словенску находится)" [2]). Эти два мѣста находятъ себѣ подтвержденіе еще въ томъ фактѣ, что авторъ является хорошимъ знатокомъ топографіи придунайскихъ областей, что видно изъ его описанія нѣкоторыхъ мѣстностей, которое, очевидно обличаетъ въ авторѣ самовидца [3]). Эти и подобныя имъ мѣста даютъ намъ основаніе предположить, что Ко-

---

[1]) Здѣсь авторъ имѣетъ въ виду Варлаама архимандрита Калаврійскаго, автора „Діалога о главенствѣ папы", на 13 главу котораго здѣсь онъ ссылается. Палинодія часть II, разд. II, артик. 8, ст. 933.

[2]) Ibidem, артик. 4, ст. 911.

[3]) Такъ, напр., въ трактатѣ „о святыхъ и чудотворцахъ появившихся въ восточной церкви послѣ отдѣленія отъ нея церкви западной, въ отдѣлѣ о святыхъ Сербіи, между прочимъ онъ говоритъ: „недалеко отъ Дуная рѣки, пять дній ходу за мѣстомъ великимъ Софіею, есть у горахъ великихъ (которыи ся зовутъ Рылскіи) монастырь преподобнаго отца нашего Іоанна Рылскаго, котораго память обходитъ церковь мѣсяца Октоврія 19 дня". Ibid. разд. X, артик. 6 стр. 844.

пыстенскій, еще въ бытность свою на Волыни—во Львовѣ, или у родственника своего Михаила — въ Перемышлѣ, предпринималъ по сосѣдству путешествіе на югъ въ единовѣрныя и единоплеменныя земли и притомъ, какъ это можно предполагать на основаніи двухъ первыхъ цитатъ, — съ научною цѣлію. Извѣстно, какъ трудно и за какую дорогую цѣну пріобрѣтались въ то время книги вообще, а тѣмъ болѣе на языкахъ славянскомъ и особенно—греческомъ: „На славянскомъ языкѣ, говоритъ авторъ Лиѳоса, богословскихъ сочиненій мало, а политическихъ вовсе нѣтъ, греческихъ доставать и трудно и чрезвычайно дорого, латинскихъ же добывать всего легче“ [1]). А между тѣмъ въ борьбѣ съ уніатами славянскія и греческія книги особенно были нужны, а иногда даже просто незамѣнимы; такъ, напр., Виленскій диспутъ 1617 года, какъ извѣстно, долженъ былъ вестись исключительно на основаніи однихъ славянскихъ книгъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, путешествіе, особенно по монастырямъ, въ которыхъ скорѣе всего можно было встрѣтиться съ тѣми или другими плодами богословской науки, было даже для людей состоятельныхъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ познакомиться съ болѣе или менѣе выдающимися произведеніями славяно-греческой богословской литературы; здѣсь можно было встрѣтиться съ такими сочиненіями и съ такими ихъ изданіями, которыхъ иногда нельзя было пріобрѣсть ни за какія деньги, но которыя, между тѣмъ, могли имѣть рѣшающее, такъ сказать, значеніе при томъ или другомъ ученомъ спорѣ. Эти-то побужденія, какъ намъ хочется думать, а можетъ быть въ связи еще съ

---

[1]) Отечеств. Записки 1861 года, стр. 590.

какими-нибудь другими, и вынудили З. Копыстенскаго предпринять путешествіе въ Валахію и сосѣднія съ нею славянскія области, которое для него въ нѣкоторомъ родѣ должно было замѣнить тѣ поѣздки въ западно-европейскіе университеты, которыя, какъ извѣстно, предпринимались нетолько поляками, но и западно-руссами, кто только хоть сколько-нибудь хотѣлъ претендовать на высшее европейское образованіе. Путешествіе на югъ, особенно въ Молдаво-Валахію, въ то время для западноруссa можно было предпринять съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что тогдашними господарями Молдавіи были лица изъ извѣстнаго рода Могилъ, которые глубоко сочувствовали интересамъ православной западно-русской церкви и нещадили никакихъ средствъ для ея поддержанія, какъ будто бы тамъ заключались ихъ личные интересы или интересы ихъ страны. Особенно близко они принимали къ сердцу интересы Львовскаго братства. Изъ сохранившейся переписки Луки Строича и нѣкоторыхъ членовъ этой фамиліи съ Львовскимъ братствомъ (1598—1611 гг.) видно, что какъ при Симсонѣ, такъ и при братѣ и преемникѣ его Іереміи (отцѣ Петра, кіевскаго митрополита), это братство часто получало отъ этого двора значительные денежные взносы. Извѣстны даже случаи, что эти господари, не имѣя собственныхъ наличныхъ денегъ, брали въ заемъ для того, чтобы удовлетворить нуждамъ Львовскаго братства [1]). Понятно, съ

---

[1]) Письма къ Львовскому братству Луки Строича и нѣкоторыхъ лицъ изъ фамиліи Могилъ. См. „Матеріалы для исторіи Западной Русской Прав. Церкви"—въ приложеніи къ Труд. Кіевск. Дух. Акад. за 1878 г. стр. 154.—164. Сравн. Лѣтопись Львовскаго братства. Журн. Минист. Народнаго Просв. 1849 г. Май стр. 96.

какимъ радушіемъ молдавскій господарь могъ встрѣтить у себя молодаго ревнителя православія и съ какою охотою могъ онъ доставить ему всѣ зависящія отъ него средства для достиженія цѣли, которая такъ близка была къ его собственнымъ желаніямъ и стремленіямъ. И можно думать, что молодой русскій ученый не упустилъ изъ вниманія ничего, что только хоть сколько нибудь стояло въ связи съ интересующимъ его предметомъ. Въ Палинодіи можно встрѣтить много такихъ мѣстъ, изъ которыхъ видно, что наблюдательный умъ ея автора ко всему относился критически и во всемъ старался дать себѣ отчетъ, чѣмъ только и можно объяснить разнообразіе и сравнительную оригинальность фактическихъ данныхъ, приводимыхъ имъ для обоснованія доказываемыхъ положеній [1]. Вотъ и все что можно сказать объ авторѣ Палинодіи до 1616 г.

---

[1]) Вотъ, напр., нѣкоторыя подтверждающія это мысль мѣста, которыя, очевидно, нужно разсматривать какъ плодъ наблюдательности Копыстенскаго еще въ бытность его на Волыни. Доказывая, напр., что въ Польшѣ христіанскаго распространилось первоначально въ формѣ восточнаго православія, въ подтвержденіе этой мысли онъ указываетъ на тотъ фактъ, „ижъ и по нынѣшній день найдуется малеване обычаемъ Грецкимъ съ надписами словенскими по стѣнамъ костеловъ польскихъ... Въ диецезіи епископа Краковскаго въ нѣкоторыхъ костелахъ найдуется, якомъ реклъ, малеване грецкимъ обычаемъ и кшталтовъ зъ написами словенскимъ языкомъ надъ каждымъ образомъ“. (Часть III, отд. I, артик. 2 Русск. Истор. Библіот. т. IV, стр. 995—996). Или въ другомъ мѣстѣ, указавъ, что въ Краковѣ прежде печатали православныя славянскія книги, замѣчаетъ: „А находятся тыи книги въ многихъ при церквахъ и въ монастирахъ въ земли. Львовской и въ монастиру Дорогобужскомъ, и въ Городку, мона-

Съ 1616 года мы, уже на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, можемъ судить о его жизни и дѣятельности. Прежде всего въ уписи Кіево-Богоявленскаго ставропигіальнаго братства 1616—1631 годовъ между прочимъ читаемъ: „Въ иночествѣ Захарій Копыстенскій, исповѣдникъ, ненавидя зла, и прилѣпляясь къ благу, принимаю и лобызаю учрежденное въ г. Кіевѣ Братство, повинуясь Апостолу говорящему: „братолюбіемъ другъ къ другу любезни". На что и руку свою подписую. Подписалъ 4 января по старому правдивому календарю, 1616 года"[1]). Мы не знаемъ никакихъ фактическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать, когда и подъ вліяніемъ какихъ побужденій Копыстенскій оказался въ Кіевѣ. Мы можемъ только замѣтить, что Кіеву, нѣкогда бывшему уже средоточіемъ русской религіозной, политической и умственной жизни, опять выпала великая доля сдѣлаться центромъ умственнаго движенія, которое отразилось на умственной жизни всей Руси. Подъ вліяніемъ ли сознанія такого назначенія Кіева,— сознанія, подкрѣплявшагося воспоминаніями о его значеніи въ дотатарской Руси, а можетъ быть просто благодаря особенно выгодному его политическому положенію: — съ одной стороны, въ дали отъ центра высшей иновѣрной государственной власти, съ другой — въ близи отъ казачества, главнаго средоточія и оплота русской національной и религіозной силы въ тогдашней борьбѣ,—въ Кіевъ начинаютъ стяги-

---

стира Печерскаго маетности, его милости пана Богдана Сапѣги, воеводы Минскаго, „Постная" и „Цвѣтная", на Волыню, и индѣ по разнихъ мѣстцахъ" (ibid. стр. 991).

[1]) Строевъ. Описаніе кн. Толст.

ваться всѣ лучшія, сколько-нибудь свободныя, интеллигентныя силы Западной Руси и здѣсь, особенно съ половины втораго десятилѣтія XVII столѣтія, начинается кипучая ученая дѣятельность, въ свое время сильно способствовавшая поднятію уровня умственнаго развитія не только въ Западной Руси, но не оставшаяся также безслѣдной и для Руси восточной. Ученая дѣятельность Кіевскаго Богоявленскаго Братства приняла особенно широкіе размѣры съ 1615 года, когда оно получило извѣстную значительную матеріальную поддержку. Въ этомъ году нѣкто Галька (Анна), урожденная Гулевичъ, жена Мозырскаго маршалка Стефана Лозки, подарила принадлежащее ей мѣсто со строеніями и площадью въ Кіевѣ на Подолѣ съ тѣмъ, чтобы тамъ основанъ былъ братскій монастырь съ училищемъ, который бы находился подъ вѣдомствомъ одного только Константинопольскаго патріарха, съ условіемъ, чтобы это мѣсто со всѣми учрежденіями никогда ни въ какомъ случаѣ не выходило изъ владѣнія православныхъ. [1]) Этотъ-то братскій монастырь и сдѣлался мѣстомъ собранія Кіевскихъ ученыхъ, дѣятельность которыхъ сдѣлалась особенно плодотворною съ 1616 года, когда послѣ смерти одного шляхтича — Ѳеодора Юрьевича Балабана, архимандритомъ Лавры Елисеемъ Плетенецкимъ куплена была типографія. [2]) — Въ этомъ монастырѣ мы встрѣчаемъ цѣлую ученую корпорацію лицъ, которыя, не занимая почти никакихъ особенныхъ административныхъ должностей, исключительно заняты были ученымъ трудомъ, каковы: Кипріанъ, получившій образованіе въ Венеціи и Падуѣ, Лаврентій Зи-

---

1) Памятники Кіевск. Комм. т. II. стр. 1—30

2) Строевъ Ibid. Ср. Описан. Кіевск. Лав. стр. 60.

заній Тускановскій, авторъ большаго катихизиса, Іосифъ, протосинкелъ Александрійскаго патріарха, Памва Берында—протосинкелъ Іерусалимскаго патріарха, Тарасій Земка и Гавріилъ Дорофеичъ [1]). Все это, въ нѣкоторомъ родѣ, были звѣзды первой величины; каждый изъ нихъ составлялъ въ своемъ родѣ крупную единицу и о каждомъ изъ нихъ, вслѣдъ за современниками, можно сказать въ родѣ, напр,, того, что онъ былъ „святой православной вѣры исповѣдникъ и проповѣдникъ, мужъ благочестивый и благоговѣйный, дидаскалъ, и витія, пріобрѣтшій хорошее знаніе греческаго языка" (о Лаврентіѣ Зизаніѣ) [2]), или—„проповѣдникъ знающій языки — греческій, латинскій, славянскій и русскій" (о Тарасіѣ Земкѣ) [3]). Понятно,какихъ результатовъ можно было ожидать отъ такого прекраснаго подбора лицъ, соединенныхъ однимъ общимъ стремленіемъ посвятить свои силы на служеніе православной церкви и Русскому народу. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе трудовъ, какими обогатили тогдашнюю богословскую литературу лица разсматриваемой ученой корпораціи. Но чтобы понять всю цѣлесообразность и плодотворность ихъ дѣятельности, достаточно обратить вниманіе на тотъ фактъ, что здѣсь, если не впервые сознана, то, несомнѣнно, впервые въ возможно большей степени осуществлена въ высшей степени прекрасная мѣра, какъ для поднятія уровня умственнаго и нравственнаго развитія народа вообще, такъ

---

[1]) Чтен. въ Моск. Общ. Истор. и др. Росс. 1877 г. вып. 1, стр. 5. Со всѣми этими лицами мы еще встрѣтимся при описаніи ученой дѣятельности Копыстенскаго

[2]) Обзоръ Русск. Дух. Литер. стр. 240

[3]) Ibid. стр. 268

въ частности для его религіознаго воспитанія,—именно — распространеніе въ переводѣ на славянскій языкъ отеческой классической литературы [1]).

Вотъ та среда, въ которой жилъ, нравственной атмосферой которой дышалъ и труды которой раздѣлялъ Копыстенскій съ тѣхъ поръ, какъ попалъ въ Кіевъ. Понятно, что здѣсь онъ нашелъ возможно лучшія въ то время условія для осуществленія своихъ стремленій и для цѣлесообразнаго примѣненія своихъ богатыхъ духовныхъ силъ. Есть основаніе думать, что во время жизни своей въ Печерской Лаврѣ, т. е. до переселенія въ 1616 году вмѣстѣ съ другими членами Богоявленскаго братства въ братскій монастырь, онъ, между прочимъ, занимался изученіемъ находившихся въ Лаврской библіотекѣ старинныхъ рукописныхъ памятниковъ. Указаніе на это мы находимъ въ Палинодіи, въ упомянутомъ уже трактатѣ о паписсѣ Іоаннѣ [2]).

Первые извѣстные намъ несомнѣнные слѣды ученой дѣятельности Копыстенскаго относятся къ 1617 году, когда имъ изданъ былъ часословъ съ двумя предисловіями: въ первомъ помѣщено толкованіе службъ, во второмъ говорится о составѣ и употребленіи книги [3]). Гораздо

---

[1]) Описаніе Кіевск. Печ. Лавр., стр. 60; Сравн. Кат. кн., напечатанныхъ при братствахъ. См. О правосл. Церк. бр. Ѳлерова стр. 123 и слѣд.

[2]) „Гдымъ былемъ, пишетъ онъ, нѣколи въ великой Лаврѣ Печерской Кіевской, въ „Соборнику" Словенскомъ старомъ рукописномъ, въ которомъ много писмъ собраныхъ есть напротивъ костелови Римскому, Читалемъ о томъ Іоаннѣ невѣстѣ, папежу Римскомъ.... Руск. Истор. Библ. т. IV, стр. 938

[3]) Обзоръ Русск. Дух. Лит. стр. 253

большаго вниманія заслуживаетъ изданная имъ въ 1619 году „Книга о вѣрѣ“.

Книга о вѣрѣ съ давнихъ поръ служитъ предметомъ споровъ и пререканій библіографовъ. Камнемъ преткновенія въ данномъ случаѣ является вопросъ объ авторѣ и годѣ изданія такъ называемой кіевской *Книги о вѣрѣ* и ея отношеніи къ двумъ книжкамъ—„О образѣхъ“ и „О Пресвятой Троицѣ“, извѣстныхъ въ библіографіи подъ именемъ *виленскаго* изданія *Книги о вѣрѣ*. Мы считаемъ безполезнымъ вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ высказанныхъ по этому вопросу мнѣній и остановимся только на тѣхъ, которыя, по нашему мнѣнію, болѣе научно обоснованы, при чемъ не преминемъ представить и свои собственныя соображенія, и нѣкоторыя новыя данныя. Прежде всего нужно признать уже вполнѣ установившимся фактомъ, что такъ называемая Кіевская *Книга о вѣрѣ* издана въ 1619 году, на что есть прямое указаніе въ другомъ сочиненіи Копыстенскаго „О правдивой едности“, гдѣ дѣлается ссылка на „книгу Азаріи году 1619 выданую“.[1]) Труднѣе рѣшить вопросъ объ отношеніи этого изданія къ двумъ книжкамъ такъ называемаго виленскаго изданія. Кіевская *Книга о вѣрѣ*, какъ извѣстно, состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая отъ второй, вторая отъ третьей отдѣляются самостоятельными послѣсловіями. Первая часть состоитъ изъ восьми главъ: начинается трактатомъ „О пресвятой Троицѣ“ и оканчивается главою „Объ исхожденіи Св. Духа“. Эта часть заканчивается слѣдующимъ послѣсло-

---

[1]) Сборникъ уваровской библіотеки, обор. 177 листа и 178 л. См. Описаніе Слав. и Русск. рукоп. Царскаго, № 486 стр. 605. Строевъ.

віемъ: „Правовѣрный христіанине, тую часть яко пръвую о исхожденіи Св. Духа, на той часъ прійми вдячне, въ вызнаню правой вѣры змоцняючися. Надѣемося въ ласцѣ Божой, и дрѣгую часть любви твоей виставити, въ которой отповѣдь и развязаніе на противныхъ замѣты и доводы, будетъ. Здравствуй о Господѣ. А. З.“ Вся эта часть имѣетъ соотвѣтствующія себѣ главы въ книжкѣ виленскаго изданія о *Пресвятой Троицѣ*, такъ что, кромѣ предисловія и нѣкоторыхъ незначительныхъ прибавленій и измѣненій, она представляетъ дословное повтореніе этой книжки. Только трактатъ „объ исхожденіи Св. Духа“ въ Кіевскомъ изданіи значительно расширенъ сравнительно съ виленскимъ изданіемъ. Съ другой стороны въ виленскомъ изданіи есть трактатъ, котораго совершенно нѣтъ въ кіевскомъ изданіи. Это именно: „Отказъ аріаномъ на слова ихъ противные Пречистей Богородицы. И о томъ, для чего Христосъ отъ Дѣвы пошлюбеное мужеви въчеловѣчился“. Вслѣдъ за этою первою частію помѣщена вторая, имѣющая съ первою общую пагинацію и состоящая изъ двухъ трактатовъ: „О пречистыхъ тайнахъ“ и „Наука упоминальная до годнаго поживаня тайнъ Пречистыхъ“. Первый трактатъ раздѣляется на 4 части, изъ коихъ въ первой 9 раздѣловъ, во второй—5, въ третьей—6, въ четвертой—10. Эта часть заканчивается такимъ послѣсловіемъ „и вся преднаписанная судови и исправленію ѳрону апостольского святѣйшему патріарсѣ Константинопольскому яко найвысшему и властному пастыреви Россіи, вручаются и предаются“. За тѣмъ еще слѣдуетъ обращеніе „до чителника правовѣрнаго“ и указаніе „помылокъ“. Эта часть представляетъ новый, вполнѣ самостоятельный трактатъ, который нельзя разсматривать какъ передѣлку сходныхъ по

предмету 10 и 11 главъ виленской книжки „О образѣхъ", изъ которыхъ въ первой говорится *Объ исповѣди*, во второй *О пречистомъ тѣлѣ и крови Христовой*. Третья часть кіевскаго изданія *Книги о вѣрѣ* состоитъ изъ десяти трактатовъ и также заканчивается самостоятельнымъ обращеніемъ „до чителника" и указаніемъ „помылокъ". Всѣ отдѣльные трактаты этой части, за исключеніемъ— „Противъ огневи чистительному", имѣютъ соотвѣтствующія себѣ по предмету статьи въ книжкѣ виленскаго изданія *о образѣхъ* и представляютъ частію дословное повтореніе, частію передѣлку, по мѣстамъ, даже довольно значительную, этихъ послѣднихъ. Существенно измѣнены въ этой части, главнымъ образомъ, два трактата: „О взыванію святыхъ" и „О молитвѣ и милостыни за умершихъ душъ, отъ стараго и новаго закону писма святого доводы." Оба они существенно различаются отъ 7, 8 и 12 главъ книжки „О образѣхъ", посвященныхъ тѣмъ же вопросамъ. Въ концѣ *Книги о вѣрѣ* кіевскаго изданія помѣщены два слова Максима Грека, которыхъ нѣтъ въ виленскомъ изданіи. Изъ сказаннаго видно, что первая и третья части кіевскаго изданія *Книги о вѣрѣ*,—если допустить, что виленское изданіе сдѣлано было раньше кіевскаго, что, какъ увидимъ, весьма вѣроятно,—въ 1619 году были только переизданы съ этого послѣдняго. Что же касается второй части, то относительно ея возможно двоякое предположеніе. Возможно, что эта часть въ кіевскомъ изданіи представляетъ оригинальный, вновь составленный трактатъ; но возможно также и то, что она тоже была только вторично издана изъ какого нибудь болѣе ранняго, теперь совершенно неизвѣстнаго изданія. Предположеніе, что два (а можетъ быть и три) выпуска такъ называемаго виленскаго изданія *Книги о вѣрѣ* изда-

ны были раньше 1619 года и, слѣдовательно, были не сокращеніемъ кіевскаго изданія, какъ нѣкоторые думаютъ, а сами послужили для него оригиналомъ,—имѣетъ за себя слѣдующія данныя. Въ главѣ о томъ, ,,котораго часу отъ самыхъ христіанъ образоборство повстало и которые цари образоборцами были," между прочимъ говорится: ,,А у Литвѣ (повсталъ) Будный. А въ Люблинѣ Чеховичъ, которые образоборцы и сами уже зъ собою во многихъ рѣчахъ незгожаются. Бо Чеховичъ, З' своимъ зборомъ Любельскимъ Буднаго одкинулъ отъ себе и шатанови подалъ. А Будный Чеховича зоветъ Любельскимъ папежемъ и декретовъ его не пріимуетъ." Изъ приведенныхъ словъ, какъ это замѣтилъ еще С. Т. Голубевъ въ своей брошюрѣ ,,О старопечатныхъ книгахъ", видно, что Чеховичъ и Будный, во время составленія разсматриваемой книги, еще жили и дѣйствовали въ Литвѣ. А такъ какъ смерть Чеховича послѣдовала въ Августѣ 1613 года, Буднаго ранѣе Марта 1604[1]) года, то, слѣдовательно, и книжка *О образѣхъ* писана не позже означеннаго времени. Далѣе, въ трактатѣ ,,объ исхожденіи Св. Духа," въ кіевскомъ изданіи, авторъ уже пользуется Анналами Баронія въ изданіи Скарги, откуда заимствуетъ существенно важное для него свѣдѣніе—о написаніи папою Львомъ III символа вѣры на двухъ серебряныхъ доскахъ безъ прибавки filioque. Въ виленскомъ же изданіи *Книги о вѣрѣ* еще не встрѣчаемъ ссылки на этотъ фактъ, изъ чего можно заключить, что и книжка о *пресвятой Троицѣ*, въ которой помѣщенъ трактатъ объ исхожденіи Св. Духа, написана была до выхода въ свѣтъ Анналъ, изданія Скарги, т. е. до 1607 года. Такимъ об-

---

[1]) Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1876 г. Февраль, стр. 367.

разомъ какъ ни голословно слѣдующее замѣчаніе А. К. Кочуева, сдѣланное имъ на принадлежавшемъ ему экземплярѣ *о образѣхъ*: „сія книга напечатана въ Вильнѣ, 1602 года,"—но все же, въ виду представленныхъ выше данныхъ, оно правдоподобнѣе показанія Галичанина Левицкаго объ изданіи разсматриваемыхъ двухъ книжекъ въ Могилевѣ, въ 1625 году, и даже предположенія А. Попова, относящаго это изданіе къ 1610 году. Отъ болѣе же точнаго опредѣленія года выхода въ свѣтъ этихъ двухъ книжекъ, при настоящемъ состояніи этого вопроса, приходится отказаться. Въ настоящее время нельзя даже сказать съ увѣренностію и того, одновременно-ли изданы были эти двѣ книжки, или въ разное время, хотя, по отзыву И. А. Гильтебрандта, можно съ несомнѣнностію заключить, что они вышли изъ одной типографіи.— Остается теперь еще разсмотрѣть вопросъ объ авторѣ разсматриваемаго сочиненія. Мы держимся того мнѣнія, что *Книга о вѣрѣ*, кіевскаго изданія, цѣликомъ написана Копыстенскимъ, такъ что въ 1619 году послѣдній переиздалъ свое же собственное произведеніе. Данныя, подтверждающія это мнѣніе, можно отыскать частію въ самой *Книгѣ о вѣрѣ*, а частію, и притомъ главнымъ образомъ, въ вышеупомянутомъ сочиненіи *о правдивой едности*. Въ *Книгѣ о вѣрѣ* указаніе на авторскія права Копыстенскаго находимъ только по отношенію къ двумъ трактатамъ, составляющимъ вышеуказанную вторую часть кіевскаго изданія. Такъ, въ помѣщенномъ въ концѣ этой части обращеніи „до чителника", подписавшійся Іеромонахъ Азаріасъ прямо говоритъ о себѣ: „написалемъ и въ типографію подалемъ" и дальше онъ называетъ себя *творцомъ* этой книжки. Въ сочиненіи же *о правдивой едности* есть прямыя указанія о написаніи Азаріасомъ и другихъ

частей разсматриваемой книги. Здѣсь авторъ девять разъ ссылается на книгу Азаріи, причемъ говоритъ не только о книгѣ вообще, но и указываетъ па отдѣльные ея трактаты, называя въ тоже время Азарію *творцомъ* ея [1]). А что подъ іеромонахомъ Азаріасомъ или,—какъ онъ въ другихъ мѣстахъ называетъ себя--Азаріей, нужно подразумѣвать Захарію Копыстенскаго, это видно изъ слѣдующаго. На 314 страницѣ *Книги о вѣрѣ* кіевскаго изданія читаемъ слѣдующую подпись: „іеромонахъ Азаріасъ Х, рабъ Іис. Христа.“ Здѣсь ясно, что псевдонимъ „*Азаріасъ Х*“ составленъ изъ настоящаго имени Копыстенскаго „Захарія“. Далѣе, въ сочиненіи *о правдивой единости* находимъ слѣдующую ссылку: „читай книгу іеромонаха Азаріи *противъ унеятомъ* выданую, также и о Святомъ Духу и о тайнахъ пресвятыхъ и о иныхъ артикулахъ вѣры описаныхъ“ [2]). Здѣсь Азаріи приписывается не только та книга, въ которой находятся артикулы: о „Св. Духу“, „о тайнахъ пресвятыхъ“, „и иныя артикулы вѣры“, т. е. не только *Книга о вѣрѣ*, но и книга „противъ унеятомъ“, подъ которою всего естественнѣе подразумѣвать „Палинодію“. Въ этомъ же сочиненіи находимъ еще слѣдующее интересное для насъ выраженіе:.....„яко широко въ книге о той материи (т. е. объ исхожденіи Св. Духа) довело“). Безличныя выраженія: „довело“, „припомянуло“, „отписало“ и др. очень часто встрѣчаются въ Палинодіи и всегда употребляются въ такомъ смыслѣ: *мною* доказано, *мною* упомянуто, *мною* описано и проч. А такъ какъ въ этомъ мѣстѣ говорит-

---

[1]) Листы II и обор., 41, 44, 50 и обор., обор. 51 и 143 л.

[2]) Уваровск. Сборн., обор. 143 л.

[3]) Ibid. л. 41.

ся о книгѣ, которая въ другихъ мѣстахъ приписывается іеромонаху Азаріи, то ясно, что послѣдній отожествляется здѣсь съ авторомъ сочиненія *о правдивой едности*, которое несомнѣнно принадлежитъ З. Копыстенскому. Не лишнимъ считаемъ указать еще на слѣдующій фактъ. Въ трактатѣ *о постѣ*, которымъ оканчивается третья частъ *Книги о вѣрѣ* кіевскаго изданія, авторъ, предложивъ читателю познакомиться съ вопросомъ о главенствѣ римскаго папы, изъ книгъ, ,,отъ грековъ и россовъ противко тому писаныхъ", въ тоже время и самъ надѣется ,,не замешкавши" написать сочиненіе ,,такъ противъ первенству, якъ тыжъ и о не збавеномъ нѣкоторыхъ въ Россіи отъ церкве всходной отступленю"[1]). Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о *Палинодіи*, которая, дѣйствительно, въ слѣдующемъ (1620) году начата, а въ 1622 году окончена и содержаніе которой совершенно вѣрно передано въ выше приведенныхъ словахъ, Это новое подтвержденіе того, что авторъ *Книги о вѣрѣ* и авторъ *Палинодіи*—одно и то-же лицо. Наконецъ подтвержденіе, хотя не прямое, доказываемаго мнѣнія находимъ въ предисловіи къ Палинодіи. Объясняя поводъ къ написанію этого сочиненія, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что взялся за это дѣло, уступая требованію правовѣрныхъ, которые обратились къ нему, какъ человѣку ,,ото много кратъ уживаному"[2]). Такимъ образомъ, Копыстенскій еще до написанія Палинодіи былъ извѣстенъ, какъ борецъ противъ враговъ православія; такую извѣстность, по всей вѣроятности, онъ пріобрѣлъ тѣми своими трактатами, которые будучи изданы вмѣстѣ, составили *Книгу о вѣрѣ* Азаріи.

---

[1]) Книга о вѣрѣ, стр. 179.

[2] Палинодія Русск. Истор. Бобл. т. IV, стр. 318.

Въ заключенiе мы должны замѣтить, что наше личное убѣжденiе въ написанiи Копыстенскимъ *Книги о вѣрѣ* образовалось не столько на основанiи вышеприведенныхъ данныхъ, сколько на основанiи нѣкоторыхъ внутреннихъ особенностей этого сочиненiя; слогъ *Книги о вѣрѣ*, эрудицiя, научные прiемы,—все это рѣшительно убѣждаетъ насъ въ томъ, что это сочиненiе вышло изъ-подъ пера автора Палинодiи.

Кинга о вѣрѣ, какъ уже замѣчено было, направлена была главнымъ образомъ, противъ протестантовъ. Авторъ, опредѣляя въ предисловiи поводъ къ написанiю, между прочимъ заявляетъ: „ижъ розныи зъ розныхъ сторонъ, зъ розными релѣгiами приходячи, турбуютъ васъ словы и писмы развращенными.“ Подъ этими „розными съ розныхъ сторонъ приходящими“ авторъ разумѣетъ разнаго рода фракцiи протестантства, которое, какъ извѣстно, проникнувъ въ Литву еще въ началѣ XVI в., въ цартвованiе Сигизмунда I, и особенно Сигизмунда Августа, достигло здѣсь громаднаго успѣха даже среди православныхъ западно-руссовъ. Появленiе *Кинги о вѣрѣ* было, такимъ образомъ, естественнымъ отвѣтомъ на запросъ своего времени. Если не имѣть въ виду послѣднихъ двухъ трактатовъ въ *книжицѣ* клирика Острожскаго, посланiй Старца Артемiя и частныхъ писемъ князя Курбскаго, то *Книгу о вѣрѣ* нужно признать единственнымъ, дошедшимъ до насъ русскимъ полемическимъ сочиненiемъ своего времени, спецiально направленнымъ противъ протестантовъ. И нужно признать, что авторъ выполнилъ свою задачу для тогдашняго времени превосходно. Не пускаясь въ безполезныя словопренiя, онъ поражаетъ своихъ противниковъ фактическими данными, которыя заимствуетъ изъ Священнаго Писанiя, отцевъ и учителей церкви, соборныхъ каноновъ и

изъ разныхъ историковъ. При пользованіи этого рода источниками онъ слѣдуетъ обыкновенно такому пріему. Сначала приводитъ мѣсто изъ Священнаго Писанія В. Завѣта, затѣмъ подкрѣпляетъ его мѣстомъ изъ Новаго Завѣта, объясняетъ, далѣе, приведенныя мѣста на основаніи того или другаго отца церкви и затѣмъ подтверждаетъ свой выводъ, гдѣ это можно, фактами изъ исторіи. Богатая начитанность въ отеческой литературѣ позволяла ему не стѣсняться въ подборѣ аргументаціи при обоснованіи того или другаго пункта вѣроученія, чѣмъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что, не смотря на распространеніе въ тогдашнее время разнаго рода чуждыхъ ученію православной церкви мнѣній, *Книга о вѣрѣ* тѣмъ не менѣе представляетъ образецъ чистаго твердоустановившагося православнаго ученія и составляетъ лучшее опроверженіе высказаннаго Высокопреосвященнымъ Макаріемъ мнѣнія, что яко-бы „колебаніе молодой богословствующей мысли было неизбѣжнымъ явленіемъ до появленія „Православнаго исповѣданія“ Петра Могилы“. Благодаря такимъ своимъ достоинствамъ, *Книга о вѣрѣ* распространилась во множествѣ копій, особенно въ Великой Россіи, и повліяла на составленіе многихъ сборниковъ противъ Латинянъ[1]) и дала значительный матеріалъ для такъ называемой „Кирилловой книги“, отпечатанной въ Москвѣ въ 1644 году, для „Литовскаго просвѣтителя“[2]) для „Книжицы Наѳанаила“, составленной около 1644 года игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря Наѳанаиломъ, по желанію царскаго духов-

---

[1]) Описаніе Горскаго и Новоструева, отд. III, №№ 274, стр. 358—370.

[2]) Ундольскій, ст. 306.

ника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для изданной въ 1648 году *Книги о вѣрѣ*, представляющей изъ себя плохой переводъ на славянскій языкъ „Книжицы Наѳанаила".

Въ томъ же 1619 году, т. е. когда издана была *Книга о вѣрѣ*, Копыстенскій, совмѣстно съ Памвою Бериндою, принялъ на себя трудъ исправленія книги „Анѳологіонъ", переведенный съ греческаго языка игуменомъ Златоверховскаго монастыря, Іовомъ Борецкимъ[1]).

Но въ это время, какъ происходили эти издательскія работы, православные обратились къ Копыстенскому съ просьбою написать сочиненіе противъ латино-уніатовъ. Уступая этой просьбѣ, онъ взялся за дѣло и вскорѣ изъ-подъ его пера вышло капитальнѣйшее сочиненіе „Палинодія", рѣчь о которой впереди. Палинодія не отвлекла Копыстенскаго совершенно отъ издательскихъ работъ. При участіи выше упомянутаго Беринды, имъ 26 Мая 1621 года начато, а 2-го Апрѣля 1623 года окончено изданіе „Бесѣдъ І. Златоуста на посланіе Ап. Павла". Изъ предисловія, написаннаго самимъ Копыстенскимъ, видно, что первый разъ этотъ переводъ совершенъ былъ по просьбѣ княгини Ѳеодоры Чарторыйской священникомъ острожскимъ Кипріаномъ. Переводъ Кипріана, почему-то неизданный, по просьбѣ архимандрита Лавры, Елисе Плетенецкаго, пересмотренъ былъ уже извѣстнымъ намъ Лаврентіемъ Зизаніемъ Тускановскимъ и для окончательной редакціи и напечатанія переданъ З. Копыстенскому и Памвѣ Бериндѣ[2]).

---

[1]) Описаніе Кіевопечер. Лавр. стр. 70.

[2]) Строевъ. Описан. Старопеч. кн. Царскаго, №77. стр. 94; сравн. Сопиковъ. Описаніе Росс. Библіограф. Ч. I, №457; Сл. Историч. писат. Дух. Чина Ч. I, стр. 187, Ч. II, стр. 150

Покончивъ съ изданіемъ Бесѣдъ Златоуста, Копыстенскій тотчасъ же приступилъ къ написанію новаго сочиненія, которое онъ вскорѣ выпустилъ подъ заглавіемъ: „Книга о правдивой едности православныхъ христіанъ церкви восточной, тамъ же и противъ апостатовъ и о ихъ лживой уніи. Милостію и помощію Божею, благословеніемъ старшихъ, черезъ іеромонаха Захарію Копыстенскаго написано". По свидѣтельству автора Словаря писателей духовнаго чина [1]), это сочиненіе было приписано при концѣ затеряннаго теперь подлинника Палинодіи, гдѣ оно въ составѣ 44 главъ озаглавлено было такъ: „О правдивой едности христіанъ православныхъ церкви всходной, также и противъ апостатовъ и о ихъ фальшивой уніи", а на концѣ приложено было толкованіе молитвы „Отче нашъ". Въ настоящее время оно извѣстно только въ одномъ экземплярѣ, сохранившемся въ одномъ рукописномъ сборникѣ, писанномъ полууставомъ новѣйшаго времени и принадлежащемъ библіотекѣ графа Уварова [2]). Благодаря П. А. Гильтебранту, намъ удалось видѣть этотъ сборникъ и познакомиться съ самымъ содержаніемъ этого сочиненія Копыстенскаго по сдѣланному изъ него списку. Къ сожалѣнію въ этомъ единственномъ экземплярѣ текстъ сочиненія „О правдивой едности" переданъ въ крайне искаженномъ видѣ. Видно, что переписчикъ не только не зналъ западно-русскаго языка, на которомъ оно написано, но, въ добавокъ, не обладалъ и достаточной богословской подготовкой, необходимой для его пониманія. Благодаря этому, нѣкоторыя мѣста под-

---

[1]) Ч. 1, стр. 188.

[2]) Строевъ. Описан. Слав. и Русск. рукоп. Царскаго, №486, стр. 605.

верглись такому искаженію, что о содержащихся въ нихъ мысляхъ можно догадываться только по контексту рѣчи.

Что касается времени написанія этого сочиненія, то, хотя въ немъ нѣтъ прямого указанія на годъ его выпуска въ свѣтъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть опредѣленъ почти съ полною точностію. Прежде всего несомнѣнно, что оно написано позже Палинодіи, такъ какъ въ немъ на послѣднюю дѣлается ссылка (на стр. 70). Съ другой стороны, какъ это видно изъ выше приведеннаго заглавія, оно написано раньше поставленія Копыстенскаго кіево-печерскимъ архимандритомъ. А такъ какъ Палинодія окончена была въ 1622 году, а на постъ Кіево-Печерскаго архимандрита Копыстенскій назначенъ былъ, какъ увидимъ, въ Ноябрѣ 1624 г., то, слѣдовательно, написаніе сочиненія „О правдивой едности, должно быть отнесено къ 1623 году.

По своему содержанію сочиненіе это отвѣчаетъ на одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ своего времени. Извѣстно, что со времени введенія уніи, православная церковь, вслѣдствіе поднятаго на нее открытаго гоненія, оказалась въ крайне стесненномъ положеніи во всѣхъ отправленіяхъ какъ внѣшней, такъ и внутренней своей жизни. Особенно сильно давалъ себя чувствовать недостатокъ въ духовенствѣ, благодаря которому, православные по мѣстамъ не имѣли возможности отправлять даже такихъ существенно-важныхъ христіанскихъ обязанностей, какъ крещеніе дѣтей, погребеніе мертвыхъ, исповѣдь и проч. Такія критическія обстоятельства, естественно, должны были приводить въ голову мысль искать помощи въ уніатской церкви, въ которой было такъ много общаго съ православною. Между тѣмъ въ глазахъ людей, которые, подобно Копыстенскому, способны были

осмысливать вещи съ болѣе широкой точки зрѣнія, подобнаго рода отношенія къ уніатамъ не могли вызывать къ себѣ сочувствія, потому что въ этихъ отношеніахъ скрывалось одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣха уніатской пропаганды. Этому-то моменту въ жизни тогдашней православной церкви и посвящено розсматриваемое сочиненіе. Здѣсь авторъ, установляя взглядъ на истинную унію, и опровергая унію Брестскую, предостерегаетъ православныхъ отъ общенія въ вѣрѣ съ уніатами и предлагаетъ средства, при помощи которыхъ они въ своемъ критическомъ положеніи могутъ обойтись безъ помощи отступниковъ. Такъ какъ это сочиненіе Копыстенскаго въ настоящее время составляетъ для очень не многихъ доступную рѣдкость, то мы считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь общее его содержаніе.

ЧАСТЬ 1-ая.

1-ая гл. Основываясь на словахъ, взятыхъ изъ 4 главы посланія къ Ефесянамъ, гдѣ Ап. Павелъ учитъ „сохранять единство духа въ союзѣ миръ", авторъ утверждаетъ, что истинное *единство вѣры* состоитъ въ недопущеніи въ ея дѣлахъ измѣненій и какихъ-бы-то ни было новшествъ. Поэтому тѣхъ, которые измѣнили истинной восточной церкви, но, чтобы не быть уличенными въ этомъ стараются сохранить за собою всѣ внѣшніе признаки ея исповѣдниковъ, съ которыми они въ существѣ дѣла имѣютъ мало общаго, — всячески нужно остерегаться. Единеніе само по себѣ вещь хорошая, но нельзя сказать, чтобы вообще всякую дружбу и согласіе можно было назвать похвальными. Есть случаи, когда взаимное соглашеніе сопровождается существеннымъ зломъ. Въ этихъ случаяхъ разногласіе лучше согласія. Къ этого рода

случаямъ должно быть отнесено единеніе нѣкоторыхъ изъ русскихъ съ римскою церковью, такъ какъ измѣнивъ константинопольскому патріарху и перейдя на сторону римскаго папы, они вмѣстѣ съ тѣмъ промѣняли истину на ложь, свѣтъ на тьму и проч.

2-ая глав. Единство достигается: 1) путемъ единенія въ догматахъ и таинствахъ, 2) путемъ поддержанія любви и согласія между христіанами, 3) путемъ единенія съ Богомъ въ здѣшней жизни, достигаемаго посредствомъ нравственнаго совершенствованія, 4) путемъ вѣчнаго единенія съ Богомъ, ангелами и святыми въ царствіи небесномъ, достигаемаго посредствомъ соблюденія заповѣдей Христовыхъ и, наконецъ, 5) есть еще единство *политическое*, состоящее въ согласіи, любви и единомысліи народовъ всѣхъ религій и національностей, входящихъ въ составъ одного государства и управляемыхъ однимъ правительствомъ, которому всѣ должны повиноваться и за которое всѣ должны молиться.

3 гл. Всѣ народы, принадлежащіе къ восточной церкви, единогласно, не допуская ни малѣйшихъ измѣненій, всегда согласны были между собою въ отношеніи къ догматамъ, таинствамъ и обрядамъ, какъ вообще, такъ въ частности къ тѣмъ пунктамъ, которые у латинянъ подверглись искаженію.

4 гл. Церковь, какъ по своему словопроизводству съ греческаго, такъ и по ученію Св. Писанія и отцовъ церкви, означаетъ собраніе согласныхъ между собою истинно-вѣрующихъ во Христа. Церковь восточная несомнѣнно имѣетъ всѣ признаки приписываемыхъ ей въ символѣ эпитетовъ: „единая", „святая", „каѳолическая", и „апостольская", что видно изъ анализа этихъ понятій.

5 гл Внѣшнимъ выразителемъ вѣры служитъ символъ;

по сумволу можно отличить послѣдователей истинной церкви отъ еретиковъ. Сумволъ истинной православной церкви требуетъ отъ ея исповѣдниковъ вѣры не въ римскую церковь или римскаго папу, а въ „единую, святую, соборную и апостольскую церковь.“ Учителемъ въ этой церкви — Самъ Духъ Святый. Высшая законодательная и судебно-административная власть этой церкви принадлежитъ самой церкви. Это право усвоено ей Самимъ I. Христомъ, Св. Апостолами, и фактически проявилась въ соборахъ. Между іерархами православной церкви первое мѣсто принадлежитъ четыремъ восточнымъ патріархамъ; къ нимъ-же когда-то принадлежалъ и епископъ „стараго Рима“—эта зашедшая теперь заря Запада. Но послѣдній можетъ возвратить свое мѣсто между первосвятителями церкви, стоитъ только ему прійдти къ единству съ восточными патріархами въ исповѣданіи вѣры и попросить у нихъ разрѣшенія. И такъ истинная христіанская церковь, согласно съ сумволомъ, есть „каѳолическая“ а „соборность“ есть признакъ исключительно церкви восточной. И самое слово соборный,—καλοθικὸς — греческое; равно какъ и другіе важнѣйшіе христіанскіе эпитеты, каковы: христіанинъ, каѳолическій, ортодоксальный, правовѣрный, благочестивый, получили свое начало въ церкви восточной.

6 гл. А какая именно вѣра есть каѳолическая, объ этомъ говоритъ Св. Аѳанасій Александрійскій въ написанной имъ „главѣ о спасительной вѣрѣ“. Безъ этой—то каѳолической вѣры, которую исповѣдують греки и русскіе, а не безъ вѣры римской, нельзя спастись. Мнѣніе св. Аѳанасія раздѣляется папами: Дамасомъ, Валеріаномъ и др. въ ихъ посланіяхъ къ епископамъ Иллирійскимъ. Новымъ доказательствомъ истинности вѣры восточной

церкви служитъ то обстоятельство, что всѣ мѣста, освященныя тѣмъ или другимъ событіемъ изъ земной жизни І. Христа, ввѣрены ея охранѣ, на что указывалъ еще св. Аѳанасій въ посланіи къ Антіохійцамъ.

ЧАСТЬ 2.

7 гл. Латиняне не могутъ быть названы *каѳоликами*, потому что они измѣнили древнему преданію и постановленіямъ отцевъ церкви и держатся постановленій и вѣры, которыя они имѣютъ отъ одного лица. Имъ приличествуетъ названіе не каѳоликовъ, а католиковъ (отъ κατὰ и λίκος —волкъ).

8 г. Самая римская церковь не можетъ быть названа *каѳолическою*, потому что не держится того, что *каѳоликосъ*, т. е. соборне постановлено. Въ самой основѣ управленія римскою церковью лежитъ начало не соборное, а монархическое, гдѣ одно лицо управляетъ на правахъ тирана.

9 гл. Привязывать свободную церковь Христову къ одному какому-нибудь мѣсту (Риму), или лицу (папѣ),—не свойственно Новому Завѣту. Древніе римскіе епископы ставили каноны и уставы церковные выше своего собственнаго мнѣнія, точно также политическаго могущества Рима они не смѣшивали съ его религіознымъ значеніемъ. Напротивъ, многіе древніе мужи охуждали многое римское, напр., латинскіе переводы, и совѣтовали предпочитать имъ греческіе.

10 гл. Римская церковь не только не *каѳолическая*, но даже *еретическая*. Ересью, по ученію оо. церкви, называется самовольное отступленіе отъ истины, признаваемой церковію и засвидѣтельствованной вселенскими соборами. Римская же церковь допустила такое отступле-

ніе въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, въ искаженіи формы совершенія Евхаристіи и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Въ виду этого восточная церковь не можетъ соединиться съ латинянами до тѣхъ поръ, пока они не откажутся отъ своихъ заблужденій. Вслѣдствіе своихъ заблужденій особенно по вопросу объ исхожденіи Св. Духа римская церковь заслужила осужденіе отцовъ церкви и вселенскихъ соборовъ, которые не раздѣляли этихъ ея заблужденій. Это же осужденіе переходитъ и на тѣхъ изъ русскихъ, которые, войдя съ латинянами въ единеніе, раздѣляютъ и ихъ заблужденія.

11 гл. И такъ не восточная, а римская церковь должна быть приведена къ потерянному ею единству вѣры, такъ какъ она уклонилась отъ многаго такого, что прежде сама признавала. Вотъ тѣ пункты, въ которыхъ современная римская церковь измѣнила древнему преданію и которые отдѣляютъ ее отъ церкви восточной: 1) ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, 2) употребленіе при совершеніи Евхаристіи оплатковъ вмѣсто кваснаго хлѣба, 3) признаніе главенства папы, 4) исключеніе изъ Евхаристіи вина, 5) попраніе нѣкоторыхъ соборныхъ каноновъ и другихъ церковныхъ постановленій и замѣна ихъ своими, 6) ученіе о чистилищѣ, 7) уничтоженіе трехъ, за исключеніемъ великаго, годовыхъ постовъ, 8) ученіе о наступленіи полнаго возмездія до наступленія суда какъ въ отношеніи грѣшниковъ, 9) такъ и праведниковъ, 10) перемѣна календаря, 11) не признаніе правъ константинопольскаго патріарха въ отношеніи къ церкви русской, 12) уклоненіе въ разнаго рода церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ. Имѣя въ виду всѣ эти уклоненія латинянъ и зная, какъ осторожно держала себя древняя православная церковь въ отноше-

ніи къ отступавшимъ отъ ея ученія даже въ незначительныхъ пунктахъ, греки и русскіе, по примѣру древней церкви, не могутъ войти въ единеніе съ ними до тѣхъ поръ, пока они не откажутся отъ своихъ заблужденій.

12 гл. Отступленіе нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ отъ православной церкви не обязываетъ всѣхъ православныхъ слѣдовать ихъ примѣру. Они поступили противъ церковныхъ каноновъ и подверглись за это заслуженному отлученію. Къ тому же свои епископскія каѳедры они занимаютъ силою свѣтской власти, по правиламъ же церковныхъ каноновъ они въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ должны находиться въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Православная церковь остается въ прежнихъ отношеніяхъ къ константинопольскому патріарху, ничего не теряя отъ измѣны не многихъ, подобно тому, какъ сонмъ апостоловъ ничего не потерялъ чрезъ измѣну Іуды.

При томъ же и сами отступники не прочь были бы возвратиться назадъ, если бы не соблазняли ихъ мірскіе интересы.

13 гл. Отступники, измѣнивъ восточной церкви, удержали ея внѣшнюю обрядовую сторону, которая можетъ дѣйствовать соблазняющимъ образомъ на тѣхъ изъ православныхъ, которые, по своей простотѣ, обращаютъ вниманіе только на внѣшность. Поэтому сынамъ русской православной церкви необходимо напомнить предостереженіе Св. Писанія и отцовъ церкви, что подъ овечьей шкурой часто скрываются волки.

14 гл. Зная на основаніи фактовъ изъ ветхозавѣтной исторіи, что соблюденіе однихъ внѣшнихъ условій богослуженія не дѣлаетъ еще послѣднее угоднымъ Богу,

православные не должны соблазняться тѣмъ, что отступники въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напр., въ совершеніи Евхаристіи, въ кажденіи, въ употребленіи ризъ и пр.,—не отличаются отъ православныхъ.

ЧАСТЬ 3.

15 гл. Особеннымъ предметомъ соблазна можетъ служить языкъ, такъ какъ отступники имѣютъ богослужебныя книги и совершаютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, а въ разговорной рѣчи употребляютъ языкъ обще-русскій. Но древняя церковь отличала еретиковъ отъ православныхъ, хотя случалось, что у тѣхъ и другихъ былъ одинъ общій языкъ. Это дѣлаетъ и современная римская церковь въ отношеніи къ новымъ своимъ еретикамъ; а факты изъ ветхозавѣтной исторіи и предостереженія, даваемыя въ новозавѣтномъ Св. Писаніи, должны убѣдить, что въ прельщающей съ виду рѣчи часто скрывается растлѣвающій ядъ.

16 гл. Нѣтъ ничего удивительнаго, что противники православія, при помощи разнаго рода насильственныхъ мѣръ, одерживаютъ верхъ надъ православными. Но послѣдніе, слѣдуя примѣру древнихъ и совѣту Слова Божія и Отцевъ Церкви, должны оставаться непоколебимыми въ своей вѣрѣ, по возможности избѣгая безплодныхъ споровъ.

17 гл. Православныхъ не долженъ смущать и тотъ фактъ, что епископскія каѳедры занимаютъ отступники, такъ какъ права епископовъ со всѣми ихъ прерогативами они имѣютъ не изъ Константинополя, откуда они только и могли получить ихъ, а изъ Рима, и къ томуже на свои каѳедры они возведены силою свѣтской власти, которою только и держатся. Все это даетъ право не призна-

вать ихъ законными пастырями; православнымъ же, при ихъ угнетенномъ состояніи, ничего не остается дѣлать, какъ, примирившись съ своимъ положеніемъ, молить Бога о наступленіи лучшаго времени.

18 гл. При настоящемъ угнетенномъ положеніи православной церкви не время думать о матеріальныхъ храмахъ, а нужно заботиться о сохраненіи чистоты вѣры. Еще ветхозавѣтная церковь представляетъ множество примѣровъ богоугоднаго служенія на всякомъ мѣстѣ.

19 гл. Что же касается новозавѣтной исторіи, то какъ въ примѣрахъ Самаго І. Христа и Его апостоловъ, такъ и въ примѣрахъ первыхъ христіанъ, жившихъ въ эпоху гоненій на церковь, находимъ вполнѣ достаточное оправданіе той истины, что въ настоящее время, въ виду гоненія на православную русскую церковь, нечего заботиться о внѣшнихъ принадлежностяхъ богослуженія, а нужно обращать вниманіе на сохраненіе чистоты православной вѣры и заботиться о богоугодной жизни.

20. Бѣдность церквей, отправленіе богослуженія внѣ матеріальныхъ храмовъ, не роняютъ достоинства вѣры и не умаляютъ ея спасительнаго значенія, а поэтому и не должны смущать православныхъ. Совершеніе богослуженія внѣ храма освящено самою древнею церковью въ фактѣ употребленія антиминса. Все это говорится не въ порицаніе внѣшнихъ храмовъ, а только въ доказательство той мысли, что при настоящемъ исключительномъ положеніи православной церкви, когда свѣтская власть насильственными мѣрами отнимаетъ церкви, православнымъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ обратиться за примѣрами къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда христіане, вслѣдствіе поднятаго на нихъ гоненія,

часто поставляемы были въ необходимость угождать Богу безъ матеріальныхъ храмовъ. Но, конечно, если бы оказался гдѣ-нибудь православный храмъ, то пусть онъ и найдальше будетъ находиться, православные, по возможности, должны его посѣщать, слѣдуя примѣру десяти колѣнъ Израильскихъ, временъ Іеровоама, ходившихъ въ Іерусалимъ на поклоненіе.

21 гл. Какъ не подобаетъ православнымъ ходить въ храмы и слушать богослуженіе отступниковъ, такъ точно не слѣдуетъ имъ и погребать въ ихъ церквахъ и на церковныхъ погостахъ, особенно съ молитвами ихъ духовенства. Разрѣшенія и молитвы отступницкихъ священниковъ, какъ осужденныхъ и отлученныхъ соборною церковью, а потому лишившихся благодати Св. Духа, не могутъ имѣть дѣйствительнаго значенія, такъ что лучше погребать безъ церквей, на каждомъ мѣстѣ. А чтобы это обстоятельство не смущало православныхъ, необходимо напоминать, что множество ветхозавѣтныхъ благочестивыхъ женъ и мужей, начиная съ самаго Адама, погребены были внѣ храмовъ.

22 гл. Въ новомъ же завѣтѣ этотъ способъ погребенія освященъ примѣромъ І. Христа, Богоматери, апостоловъ и многихъ позднѣе жившихъ святыхъ мужей.

23 гл. (О церкви). Подъ церковію разумѣется соединеніе лицъ разнаго пола и возраста единствомъ вѣры, богослуженія, и взаимнымъ согласіемъ. По производству съ греческаго, слово церковь означаетъ *созваніе, собраніе*, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ различное употребленіе. Слово же костелъ, какъ происшедшее отъ слова *кость*, не имѣетъ такого значенія.

24 гл. Слово „церковь“, въ смыслѣ собранія мно-

гихъ, часто употребляется какъ въ ветхомъ такъ и въ новомъ завѣтѣ.

25 гл. Церковь, понимаемая въ вышеуказанномъ смыслѣ, имѣетъ своею главою Самаго I. Христа, Котораго она есть тѣло.

26 гл. По ученію Слова Божія, каждый православный христіанинъ служитъ храмомъ Божіимъ и изъ такихъ вѣрующихъ и составляется церковь.

27 гл. I. Христосъ есть глава, *непосредственно* примыкающая къ своему тѣлу—церкви, и всякое введеніе посредствующаго звена, также не мыслимо, какъ не мыслимо отдѣленіе головы отъ тѣла, вѣтви отъ ствола дерева и проч.

28 гл. Слова Самаго I. Христа и Его апостоловъ, ученіе отцевъ и учителей церкви, нѣкоторыя чудеса, наконецъ соборныя постановленія научаютъ православныхъ не входить въ общеніе ни съ отступниками, ни съ латинянами, какъ измѣнившими чистотѣ вѣры.

29 гл. Есть нѣкоторые изъ православныхъ, которые внѣшнимъ образомъ показывая себя сторонниками отступницкой церкви, въ душѣ остаются вѣрными православію. Но Св. Писаніе, и нѣкоторые примѣры изъ жизни древней церкви, показываютъ, что такое поведеніе не согласно съ истиннымъ исповѣданіемъ вѣры.

30 гл. Подъ уніей какъ вообще, такъ и въ особенности въ дѣлахъ вѣры, разумѣется общеніе, согласіе и братское единеніе одного лица съ другимъ. Такую унію съ костеломъ римскимъ православные могутъ принять лишь подъ тѣмъ условіемъ, если первый откажется отъ всего, за что онъ осужденъ восточною церковью. Но и въ случаѣ исполненія этого условія, православная церковь не можетъ признать римскаго епископа однимъ

найвысшимъ пастыремъ, одною главою церкви Христовой, со всѣми приписываемыми ему латинянами преимуществами; она можетъ признать его только равноправнымъ во всѣхъ отношеніяхъ съ патріархами, и еслибы какой-нибудь изъ римскихъ епископовъ оказался святымъ, то православная церковь, слѣдуя примѣру древнихъ, отнесется къ нему съ надлежащимъ почтеніемъ.

31 гл. Настоящая унія, къ которой православныхъ привлекаютъ разнаго рода насильственными мѣрами, состояться не можетъ во первыхъ потому, что принятіе ея было бы прямымъ отступленіемъ отъ правой вѣры, во вторыхъ—потому, что унія съ костеломъ римскимъ можетъ состояться лишь подъ тѣмъ условіемъ, если послѣдній откажется отъ тѣхъ ересей, въ которыхъ его обвиняетъ восточная церковь и изъ-за которыхъ произошло раздѣленіе, въ третьихъ—потому, что она, вопреки канонамъ, состоялась безъ вѣдома патріарховъ, въ четвертыхъ—потому, что въ основѣ ея лежали нечистыя побужденія, въ пятыхъ—потому, что она какъ началась, такъ и держится насильственными мѣрами, изъ чего слѣдуетъ, что она не отъ Бога. Что же касается самаго названія, которое отступники усвоили себѣ — *униаты*, то оно ничего не говоритъ въ ихъ пользу; исторія знаетъ много примѣровъ, гдѣ подъ благовидными именами скрывались злѣйшіе еретики.

32 гл. Въ настоящее время, вслѣдствіе преслѣдованія со стороны уніатовъ, въ русскомъ народѣ повторяются явленія первыхъ вѣковъ христіанства: есть мученики, есть исповѣдники, есть и такіе, которые изъ-за вѣры лишились своихъ имѣній, свободы, достоинствъ и проч.; многіе разбрелись куда попало, кто въ казачество, кто въ еретичество, напр, въ аріанство и лютеранство, что

видимъ въ Новогродкѣ и проч., нѣкоторые стараются выкупаться деньгами, чѣмъ преслѣдователи самымъ безчестнымъ образомъ пользуются для своего обогащенія.

33 гл. Тѣмъ не менѣе унія принесла и пользу православной церкви. Благодаря уніи: 1) правовѣрные отдѣлились отъ зловѣрныхъ; 2) въ православной церкви появились мученики, о чемъ „свидѣтельствуютъ города Русскіе, Литовскіе, Прусскіе, особенно Мальбургъ, гдѣ „преподобное тѣло священномученика Никифора, великаго протосинкела покоится"; 3) исповѣдниковъ оказалось безъ числа, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ города малой Россіи и княжества Литовскаго, а также замки, ратуши, темницы и тюрьмы, а равно и судебныя книги этой земли; 4) правовѣрные потерпѣли гоненіе за вѣру.

34 гл. Православные должны твердо держаться вѣры своихъ отцовъ и всѣми силами избѣгать всякаго рода нововведеній, памятуя слова апостола: „если бы мы или ангелъ съ неба проповѣдалъ вамъ иное, сравнительно съ тѣмъ, что мы проповѣдали, анаѳема да будетъ".

35 гл. Признавая всѣ молитвы и обряды церкви, относящіеся къ таинству крещенія и считая даже грѣхомъ безнужное уклоненіе отъ нихъ, православные, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время гоненій, въ случаѣ отсутствія своихъ священниковъ, слѣдуя ученію церкви, не должны обращаться не только къ латинскимъ и протестантскимъ священникамъ, но даже и къ новымъ отступникамъ. Въ случаѣ слабости дитяти, крещеніе можетъ быть совершено всякимъ православнымъ христіаниномъ, не исключая и міряшина, и не только чрезъ погруженіе (описывается обрядъ погруженія), но всякимъ другимъ способомъ. Древняя церковь представляетъ примѣры крещенія даже огнемъ и мечемъ.

36 гл. Это же нужно сказать и относительно исповѣди. Исповѣданіе грѣховъ предъ епископами или отъ нихъ поставленными священниками обязательно для всякаго православнаго христіанина и кто не исповѣдуется или осуждаетъ исповѣдь, тотъ грѣшитъ смертнымъ грѣхомъ, теряетъ спасеніе и церковному наказанію подлежитъ. Но опять таки, при настоящемъ гоненіи латинянъ и ихъ единомышленниковъ на русскую церковь, при недостаткѣ священниковъ, православные, не противорѣча ученію и практикѣ древней восточной церкви, могутъ исповѣдывать грѣхи свои предъ всякимъ іеродіакономъ, монахомъ, всякимъ міряниномъ и даже непосредственно предъ Самымъ Богомъ.

37 гл. Что касается пріобщенія Св. Таинъ, то необходимо, чтобы оно преподавалось священниками въ церкви: въ случаѣ же болѣзни, св. дары должны быть разносимы по домамъ, и кто при существованіи православнаго епископа или пресвитера самъ пріобщается, тотъ грѣшитъ, но и въ данномъ случаѣ допускается исключеніе. При отсутствіи православнаго священника, православные всячески должны избѣгать предложеній иновѣрныхъ пріобщаться отъ ихъ духовенства, хотя бы это предложеніе соединялось съ разнаго рода насиліями. Въ такомъ критическомъ положеніи православная церковь дозволяетъ содержать св. дары по домамъ и пріобщаться ими самимъ. Древняя церковь представляетъ много фактовъ въ этомъ родѣ. Въ крайнемъ же случаѣ, т. е, если и этотъ способъ окажется невозможнымъ, православный христіанинъ можетъ пріобщаться мысленно, въ душѣ.

38 гл. По ученію о.о. церкви и согласно съ примѣрами изъ церковной жизни, православная церковь одного требуетъ отъ своихъ членовъ съ безусловною, недо-

пускающею исключеній, обязательностію, именно: сохраненія вѣры.

39 гл. Не Римъ, а Іерусалимъ есть то мѣсто, откуда христіанская церковь распространилась по всей вселенной.

40 гл. Въ этой главѣ авторъ, воздавъ похвалу восточной церкви въ ея отдѣльныхъ обществахъ первыхъ вѣковъ христіанства, говоритъ объ условіяхъ принятія въ православную церковь уніатовъ.

Въ слѣдующемъ году Копыстенскимъ составлено было предисловіе къ двумъ книгамъ: къ вторичному изданію „Номокапона", вышедшаго изъ типографіи 25 Ноября 1624 года[1]) и къ „Бесѣдамъ І. Златоуста на Дѣянія", напечатаннымъ 24 Августа того-же года. Переводъ Бесѣдъ впервые, какъ видно изъ предисловія, сдѣланъ былъ уже извѣстнымъ намъ Киръ Гавріиломъ Дорофеевичемъ, клирикомъ Львовской церкви и примикиріемъ печерскимъ, занимавшимся этимъ переводомъ, какъ видно изъ предисловія ко Львовскому изданію книги о Священствѣ 1614 года, еще во Львовѣ, по волѣ епископа Гедеона Балабана и впослѣдствіи, по порученію Елисея Плетенецкаго, „въ *мегалосхимии* же Евфимія," провѣренъ былъ по этонскому изданію Святогорскимъ іеромонахомъ, тоже уже извѣстнымъ намъ Іосифомъ, протосинкеломъ Александрійскаго патріарха. Изъ этого предисловія видно, что въ Августѣ 1624 года архимандритъ Плетенецкій уже посвященъ былъ въ великую схиму, слѣдовательно, уже

---

[1]) Строевъ. Описаніе Библіот. Графа Толст. № 70; Описаніе Кіевопечерской лавр. стр. 70; Описаніе Старопечатн. кн. Славянскихъ Строева № 29, стр. 56; Обзоръ Русск, Дух. Литер. стр. 253. По свидѣтельству автора Обзора Русск.

сильно чувствовалъ приближенiе смерти. И дѣйствительно, 22 Октября онъ скончался[1]), а 20 Ноября этого-же года на его мѣсто архимандритомъ Лавры поставленъ былъ Копыстенскiй[2]). По поводу смерти Плетенецкаго Копыстенскiй сказалъ два слова: I) „Казанье на честномъ погребѣ блаженнаго мужа и превелебнаго отца Киръ Елисея,“ и II) „Омилiя,” сказанная на его годичную память. Послѣднее слово представляетъ цѣлый трактатъ, въ которомъ онъ говоритъ: I) о томъ, что воспоминанiя и молитвы объ усопшихъ установлены отъ апостольскихъ временъ въ церкви; 2) объясняетъ смыслъ установленiя годовой памяти, третинъ, девятинъ и сорочинъ и 3) наконецъ говоритъ о побужденiяхъ къ сокрушенiю и умиленiю объ усопшихъ и къ памятованiю смерти и суда[3]). Оба эти слова напечатаны были 17 Октября 1625 года въ мѣстной типографiи[4]). Сдѣлавшись Кiево-печерскимъ архимандритомъ, Копыстенскiй не переставалъ заниматься учеными работами. Въ 1625 году изданъ былъ имъ

духовн. ит. этотъ *номоканонъ* составленъ не раньше XVI в. на Аѳонѣ. Подлинникъ его изданъ Котелеромъ (Monum. eccl. Gr. 1. 68-158, Lutetiae 1677). Не смотря на то, что этотъ номоканонъ изданъ былъ теперь уже во второй разъ (первый разъ тоже въ Кiевѣ въ 1620 г.), онъ, по словамъ того же автора, необнаруживаетъ въ составителѣ ни обширнаго знанiя правилъ, ни достаточной разсудительности, и если Копыстенскiй рѣшился издать его, то, безъ сомнѣнiя потому, что ничего лучшаго достать по этому предмету было не возможно.

[1]) Оглавленiе кн. Медвѣдева № 10 см. чтенiе въ Императорск. Общ. Истор. и др. Росс. за 1846 г.

[2]) Опис. К. Лавр. стр. 144.

[3]) Словарь Дух. Писат. Ч. 1, стр. 187

[4]) Оглавленiе. кн. Медвѣдева Ibid.

переводъ толкованія архіепископа Кесаріи Каппадокійской Андрея на Апокалипсисъ, исправленный еще покойнымъ предшественникомъ Плетенецкимъ[1]); а 5 Сентября этого же года „благословеніемъ въ Бозѣ пречестнѣйшаго господина Киръ Захаріи Копыстенскаго, архимандрита печерскаго Кіевскаго, прилежаніемъ же и иждивеніемъ намѣстника его пречестнаго господина отца Філоѳея Кезаревича" впервые изданъ былъ „Акаѳистъ пречистой Богородицы, Іисусу Сладкому и Успѣнію Владичицы нашей Богородицы Приснодѣвы Маріи — отъ Еллинскаго исправленный и благочинно къ таинственному ихъ творенію расположенный, въ пользу инокомъ и правымъ христіаномъ"[2]). Наконецъ, 18 Декабря 1626 года началось, а 15 Февраля 1627 года окончилось печатаніе „Тріоди, си есть Трипѣснецъ св. великія Четыредесятницы, отъ Еллинскаго изслѣдованной, благословеніемъ же и *всѣмъ тщаніемъ* преподобнаго отца нашего Киръ Захаріи Копыстенскаго, и искустны украшенна *зографскими* начрътанми, отъ нихъ же множайшая древнихъ отеческихъ зводъ имутъ свлтѣтельства"[3]). Имъ же написано-

---

[1]) Св. Андрей Каппадокійскій истолкова Апокалипсисъ Св. ап. Іоанна Ѳеолога, его же преложи отъ Еллинскаго діалекта въ словенски и сочини п[д] Захарій Копыстенскій архимандритъ Кіевопечерской Лавры, прежде исправленъ тоя же лавры архимандритомъ Ел. Плетенецкимъ, труды пресвитеромъ Лаврентіемъ Зизаніемъ Тускановскимъ, въ типографіи іеромонахомъ Памвою Берындою протосингелломъ, и первое издается въ той же лаврѣ, лѣта міра 7133, Христа же 1625, ind. 9.

[2]) Строевъ. Описаніе старопечатн. кн. Слав. № 32, стр. 60.

[3]) Строевъ. Описаніе старопечатн. кн. Царскаго № 84,

и предисловіе къ этой книгѣ. Изданіе Тріоди постной было послѣднимъ въ настоящее время извѣстнымъ трудомъ Копыстенскаго на поприщѣ его ученой дѣятельности.

Изъ сказаннаго видно, что со времени переселенія Копыстенскаго въ Братскій монастырь, онъ всецѣло предался ученымъ занятіямъ и, не смотря на отправленіе общественныхъ обязанностей,—сначала въ званіи намѣстника, а потомъ въ званіи архимандрита Кіево-печарской Лавры,—не проходило ни одного года безъ того, чтобы онъ, при содѣйствіи другихъ сотрудниковъ изъ мѣстной ученой корпораціи, не подарилъ членовъ русской православной церкви тѣмъ или другимъ болѣе или менѣе капитальнымъ ученымъ трудомъ. Замѣчательно, что предисловія почти ко всѣмъ, изданнымъ въ этотъ промежутокъ времени, книгамъ писаны были лично Копыстенскимъ, гдѣ въ разнаго рода совѣтахъ и наставленіяхъ авторъ обнаруживаетъ много сердечной теплоты, глубокаго пониманія потребностей современнаго русскаго общества и искренняго желанія ему добра.

Что касается времени смерти его, то до самаго послѣдняго времени, всѣ историки единогласно относили ее къ 1626 году. Но извѣстный уже намъ молодой ученый, С. Т. Голубевъ, въ рефератѣ, читанномъ имъ 8 генваря 1877 года въ засѣданіи членовъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца, на основаніи документовъ, извлеченныхъ изъ Императорской Публичной Библ. и центральнаго архива Царства Польскаго въ Варшавѣ, между прочимъ заявилъ, что всѣми признаваемое доселѣ мнѣніе, по которому смерть З. Копыстенскаго относилась къ 8

стр. 111; сравн. Описан. старопечатн. кн. Слав. его же № 73, стр. 119.

апрѣля 1626 года, не вѣрно, и что Копыстенскій скончался 21 марта 1627 года[1]). Останки его погребены въ часовнѣ св. Архидіакона Стефана, сооруженной князьями Корецкими[2]). Память этого даровитаго и честнаго ученаго труженика почтена въ сдѣланной Кальнофойскимъ надгробной надписи, гдѣ онъ именуется „набожнымъ, попечительнымъ, прилежнымъ пресвитеромъ, пастыремъ и богомольцемъ[3]).

Библіографическія изслѣдованія о Палинодіи.

Въ кіевскомъ изданіи *Книги о вѣрѣ*, въ трактатѣ о папѣ, издатель, замѣтивъ, что „южъ многія отъ Грековъ и отъ Россовъ противо тому писали“[4]), на слѣдующей страницѣ продолжаетъ: „отсылаю теды прововѣрныхъ до выданныхъ презъ православныхъ въ той мѣрѣ книгъ, не безъ надѣи, еднакъ, же *не замнѣшкавши* особливое *выйдетъ выданіе книги*, такъ *противъ первенству*, яко тыжъ и о незбавенномъ нѣкоторыхъ въ Россіи отъ церкви всходной *отступленію*“[5]). Мы не сдѣлаемъ, кажется, натяжки, если допустимъ, что подъ этой, еще имѣвшею выйдти, книгою авторъ подразумѣвалъ Палинодію, содержаніе которой въ общемъ совершенно вѣрно охарактеризовано въ словахъ: „такъ противу первен-

---

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 3.

[2]) Stebelski. Żywoty.....

[3]) Описаніе Кіевопечерской Лавр. стр. 144.

[4]) стр. 179.

[5]) стр. 180.

ству (разумѣется—римскаго папы), яко тыжъ и о незбавенномъ нѣкоторыхъ въ Россіи отъ церкви всходной отступленію". Такимъ образомъ, Копыстенскій еще въ 1619 году помышлялъ о написаніи своей Палинодіи, но, тѣмъ не менѣе, къ осуществленію этого своего намѣренія онъ приступилъ только въ 1621 году, посвятивъ, по всей вѣроятности, этотъ промежутокъ времени разработкѣ матеріала. Стебельскій, впрочемъ, говоритъ, что будто бы Копыстенскій еще „Roku 1620 wydał z druku książkę pod tytułem Palinodia"[1]). Но, не говоря уже о томъ, что мнѣніе Стебельскаго о выходѣ z druku Палинодіи, которая въ дѣйствительности не была тогда напечатана, достаточно свидѣтельствуетъ о голословности его показанія,— мы имѣемъ несомнѣнныя фактическія данныя въ пользу того, что въ 1620 году она не могла быть написана. Въ предисловіи, впрочемъ, есть мѣсто, которое, повидимому, подтверждаетъ свидѣтельство Стебельскаго. Именно, здѣсь авторъ замѣчаетъ, что православная вѣра „якъ трваетъ, южъ тому тысячный шестсотый и *двадцатый* ся пишетъ рокъ". Но здѣсь, по всей вѣроятности, годъ обозначенъ не точно, круглымъ, какъ говорится, числомъ. Если же понимать это мѣсто и въ точномъ смыслѣ, то во всякомъ случаѣ изъ него можно сдѣлать только тотъ выводъ, что въ 1620 году положено было только начало Палинодіи. Что въ этомъ году она не была окончена, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе дата, находящаяся въ заглавіи Палинодіи: „Палинодія или книга обороны каѳолической святой апостольской Всходной церкви и святыхъ патріарховъ и о Грекахъ и о Россахъ

---

[1]) Stebelski. Żywoty.

христіанехъ. Въ ласцѣ Божой, за благословеніемъ старшихъ, презъ архимандрита Захарію Копыстенскаго написана и зъ ревизіею учителей выдана а подъ разсудокъ поддана святыхъ Всходныхъ патріарховъ. Року отъ Рождества Бога Слова Іисуса Христа, 1621, мѣсяца Ноемврія 26 дня". — То обстоятельство, что авторъ здѣсь титулуется *архимандритомъ*, которымъ онъ сдѣлался, какъ мы видѣли, не раньше 1624 года, не даетъ основанія сомнѣваться въ точности выставленной даты. Что Копыстенскій писалъ Палинодію еще будучи іеромонахомъ, это видно изъ двойной подписи, сдѣланной его „власною рукою" въ концѣ предисловія и въ концѣ IV части. Встрѣчающееся же здѣсь противорѣчіе всего естественнѣе объяснить тѣмъ, что первый переписчикъ, съ списка котораго переписаны дошедшія до насъ рукописи, переписывалъ Палинодію не раньше того времени, когда Копыстенскій вступилъ на постъ архимандрита Лавры и когда, слѣдовательно, ему могло казаться несвоевременнымъ и неумѣстнымъ титуловать его іеромонахомъ. — Но выставленную въ заглавіи дату нельзя принимать за время окончательнаго выпуска въ свѣтъ Палинодіи. Изъ самаго содержанія послѣдней ясно видно, что она окончена не раньше 1622 года. Такъ въ 1-мъ артикулѣ 2 отдѣла III части, въ каталогѣ константинопольскихъ патріарховъ, авторъ, указавъ годъ взятія Константинополя турками, замѣчаетъ: южъ тому 169 лѣтъ минуло въ року нынѣшнемъ 1622 [1]). Такое же точно указаніе находимъ и въ концѣ указаннаго каталога. Такимъ образомъ несомнѣнно, что *третья часть*, по крайней мѣрѣ съ указаннаго мѣста, писана уже въ 1622 году. Есть

---

[1]) Полинодія Р. И. Б., т. IV, стр. 1049.

также основаніе думать, что и II часть, по крайней мѣрѣ съ 6-го артикула X го отдѣла, писана была тоже въ 1622 году. Въ концѣ этого артикула читаемъ: „въ Россіи нашей року 1621, мѣсяца (пропускъ) дни (тоже) преставился пустынножитель, въ Галицкой пущи, въ скитѣ подъ рѣчкою Батершова прозываемою“[1]). Здѣсь, авторъ 1621 годъ упоминаетъ, очевидно, какъ уже прошлый, въ противномъ случаѣ, онъ, какъ и всякій другой писатель, непремѣнно причкибав бы опредѣленіе „нынѣшній,“ что, какъ мы видѣли, онъ и дѣлаетъ, когда упоминаетъ 1622 годъ.

Зная время, когда была начата и окончена Палинодія, съ полною увѣренностію можно сказать, что написана была она въ Кіевѣ и именно въ то время, когда Копыстенскій жилъ въ кіевобратскомъ монастырѣ.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: какая причина тому, что Палинодія не появилась въ печати? Копыстенскій, замѣтивъ въ предисловіи, что враги православія „правовѣрныхъ и сталыхъ христіанъ шкалюють, и книжки таковыи выдають, въ которыхъ правды и справедливости не пишучи, едно вымислы и вывороты ни не былицы змышляючи“,... продолжаетъ далѣе: „а зась коли хто зъ нашихъ, особливе противъ латинниковъ, выдастъ книгу, теды таковаго *преслѣдовати и чре зверхность свѣцкую опримовати не встыдаются*, нелзи теды, ено за таковыми задатками, отступникомъ, называючимся „унеятомъ“, отповѣсти и исправитися правды своеи и выводъ о собѣ дати, чого и право всѣхъ народовъ допущаетъ”[2]). Въ этихъ словахъ заключается, повидимому,

---

[1]) Ibidem, ст. 856.

[2]) Ibid ст. 317—318.

вполнѣ достаточное основаніе для рѣшенія поставленнаго вопроса. Палинодія написана была противъ латиноуніатовъ; напечатаніе ея, слѣдовательно, могло вызвать со стороны заинтересованныхъ лицъ преслѣдованіе „презверхность свѣцкую", и вотъ Копыстенскій, опасаясь подвергнуться гоненію, боясь, что бы съ нимъ не повторилось что нибудь подобное тому, что случилось съ Стефаномъ Зизаніемъ, на „здоровье" котораго, по словамъ автора *Перестроги* за то, что на латино-уніатовъ „волалъ и книжки своѣ явнѣ друковалъ, до того важили, ижъ черезъ коминъ вытиснувшися утекъ зъ Вильна"[1]), отказался отъ желанія видѣть свое сочиненіе въ печати. Такъ, говоримъ, могло случиться; но дѣйствительно-ли такъ и случилось, дѣйствительно ли указанныя обстоятельства были главною причиною того, что Палинодія не появилась въ печати, — въ этомъ есть основаніе усумниться. Дѣло въ томъ, что преслѣдованіе православныхъ полемистовъ не было исключительною принадлежностію того времени, когда Копыстенскій писалъ Палинодію, а, напротивъ, оно современно возникновенію самой православной полемической литературы, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ фактъ появленія сочиненій съ именами клирика Острожскаго, Филалета, Ортолога, Азаріаса и съ другими разнаго рода псевдонимами. Сомнѣніе это получитъ еще болѣе основательности, если мы припомнимъ, что не дальше, какъ два года тому назадъ, именно въ 1619 году, въ Кіевѣ же и притомъ самимъ же Копыстенскимъ, какъ мы видѣли, издана была Книга о вѣрѣ, которая, если не цѣликомъ, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, направлена противъ латинянъ,

---

[1]) Акты Зап. Росс., т. IV, № 149.

а въ Вильнѣ, въ 1621—1622 г., издано было даже нѣсколько противоуніатскихъ сочиненій, каковы: „Verificatia Niewinności“ (1621 г.), „Obrona Verificaciey“ (1621 г.), „Elenchus“ (1622 г.). Такимъ образомъ, не смотря на угрожавшую опасность, православные тѣмъ не менѣе находили возможность печатать сочиненія своихъ полемистовъ. Есть даже нѣкоторое основаніе думать, что и Палинодія первоначально готовилась къ печати. На эту мысль наводитъ насъ слѣдующая рукописная замѣтка, подкрѣпляющая приведенное выше изъ *Книги о вѣрѣ* заявленіе о имѣющей выйти скоро новой книгѣ; здѣсь, на нижнемъ полѣ, приписано: „маютъ выйти зъ *друку* книжки другіи, зъ Кіева“[1]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что авторъ этой замѣтки — особенно если имѣть въ виду то мѣсто въ *Книгѣ о вѣрѣ*, по поводу котораго она сдѣлана, — имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду именно Палинодію.—Всѣ указанныя соображенія вынуждаютъ искать новой, болѣе дѣйствительной, причины, непозволившей Палинодіи появиться въ печати.

Извѣстно, что Кіевская типографія, какъ это можно судить на основаніи библіографическихъ данныхъ, со времени ея открытія, до 1627 года включительно, постоянно занята была печатаніемъ книгъ, съ неутомимою ревностію подготовлявшихся мѣстною ученой корпораціей. Въ частности извѣстно, что, начиная съ 1623 г., эта типографія успѣла напечатать: Бесѣды І. Златоуста на Посланія ап. Павла, Номоканонъ, Бесѣды Златоуста на Дѣянія, Псалтырь[2]), 2 слова Копыстенскаго, Акафи-

---

[1]) Древняя и Новая Россія. 1876 г. т. II, стр. 291.

[2]) Обозр. славяно-русск. библіогр. Сахаровъ, т. 1, № 209

стникъ, толкованіе на Апокалипсисъ съ присовокупленіемъ: „слова св. Ефрема на Преображеніе Господне“ и „Омиліи албо науки св. Іоанна на св. великую пятидесятницу“ [1]) и Тріодь постную.—Мы видѣли также, что благодаря своему несовершенному устройству, типографія на отпечатаніе однѣхъ Бесѣдъ Златоуста на Посл. ап. Павла употребила цѣлыхъ почти два года, (отъ 26 мая 1621 по 2 апрѣля 1623 г. [2]). Понятно, такимъ образомъ, что еслибы братство задумало отпечатать и Палинодію, которая, будучя въ настоящее время издана, заняла до 900 столбцовъ самой мелкой печати in 8° большаго формата, то при тогдашнемъ состояніи типографнаго дѣла, ему необходимо былобы на значительное время пріостановить дѣло изданія другихъ вышепоименованныхъ книгъ. Возникавшій въ данномъ случаѣ вопросъ сводился, такимъ образомъ, къ такой дилеммѣ: или отпечатать Палинодію и, слѣдовательно, затормозить дѣло изданія другихъ книгъ, или заняться печатаніемъ послѣднихъ и въ такомъ случаѣ отложить изданіе Палинодіи. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ предположеніи, что братство предпочло избрать первую половину дилеммы. Польза отъ изданія Палинодіи въ свое время, безъ сомнѣнія, была бы громадная; но все же, какъ сочиненіе полемиче-

---

стр. 70. Объ изданіи другихъ перечисленныхъ здѣсь книгъ сказано выше въ отдѣлѣ объ ученой дѣятельности Копыстенскаго.

[1]) Тамъ же № 220.

[2]) Библіографія не знаетъ книгъ, которыя бы напечатаны были кіевскою типографіею въ этотъ промежутокъ времени, за исключеніемъ „Виршей“ на погребеніе гетмана Сагайдачнаго, что могло быть вызвано экстренною, не терпящею отлагательства, нуждою.

ское, преслѣдовавшее, слѣдовательно, одну опредѣленную, болѣе или менѣе ограниченную, цѣль, она, въ глазахъ кіевскихъ ученыхъ, со стороны своего практическаго значенія, могла казаться ниже такихъ произведеній, каковы, напр., бесѣды св. Златоуста. Напечатаніе самаго Номоканона и даже церковно - богослужебныхъ книгъ, при тогдашней крайней въ нихъ потребности, могло казаться неумѣстнымъ откладывать въ долгій ящикъ, такъ какъ это значилобы отказаться отъ удовлетворенія насущнымъ, вопіющимъ, такъ сказать, потребностямъ времени.—Впрочемъ, всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что, наряду съ этими предположеніями, братство могло принимать во вниманіе и прежде указанные мотивы, которые въ разсматриваемый моментъ времени, благодаря особымъ обстоятельствамъ, могли съ особою силою побуждать православныхъ быть осторожными и внимательными въ отношеніи къ раздраженному фанатизму своихъ враговъ. Дѣло въ томъ, что въ 1622 году, т. е. въ годъ написанія Палинодіи, ее нельзя было начать печатать потому, что, какъ мы видѣли, въ это время продолжалось печатаніе Бесѣдъ Златоуста, начатое еще въ 1621 году. А между тѣмъ съ 1623 года начинается рядъ событій, которыя должны были повліять особенно подавляющимъ образомъ на и безъ того запуганное сознаніе православныхъ. Въ ноябрѣ 1622года произошло убіеніе Кунцевича, вызвавшее, какъ извѣстно, со стороны латино-уніатовъ взрывъ фанатизма, породившій цѣлый рядъ преслѣдованій въ отношеніи къ православнымъ, вызывавшихся самыми ничтожными поводами. Когда очередь дошла до Кіева, когда войтъ Ѳедоръ Ходыка съ мѣщаниномъ Созономъ задумали въ 1624 году запечатать всѣ православныя церкви, митрополитъ Іовъ Борецкій вынужденъ былъ

обратиться за помощью въ Запорожіе; на его зовъ откликнулись казаки: церкви были распечатаны, а главные виновники насилія схвачены. Но это своевольное распоряженіе казаковъ въ связи съ ихъ общимъ тогдашнимъ поведеніемъ, вызывало польское правительство на принятіе военныхъ мѣръ противъ казачества, т. е. противъ единственнаго, болѣе или менѣе надежнаго, внѣшняго оплота православной церкви. Съ конца сентября 1625 г. начинается рядъ походовъ въ Украину гетмана польскаго Станислава Конецпольскаго, окончившихся, какъ извѣстно, неудачею для казачества.[1]) Въ виду такого состоянія дѣлъ, благоразуміе православныхъ требовало по возможности избѣгать новыхъ поводовъ къ усиленію и безъ того уже не малой раздражительности своихъ враговъ, что, будучи принято во вниманіе кіевскимъ братствомъ, могло послужить новымъ побужденіемъ удержаться отъ изданія Палинодіи, тѣмъ болѣе, что типографія, какъ замѣчено, и безъ того имѣла много работы.

Но если разсмотрѣнныя соображенія въ извѣстной степени и могутъ объяснить намъ причину неизданія Палинодіи до 1627 года, то ихъ мы уже никакъ не можемъ распространить на болѣе позднее время. Извѣстно, что вышедшая въ 1628 году „Апологія“ Смотрицкаго встрѣчена была возраженіями со стороны православныхъ, результатомъ которыхъ было изданіе въ 1629 г. „Антидота“ Мужиловскаго и въ 1632 „Антапологіи“ Диплица. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что въ разсматриваемое время печатаніе противууніатскихъ полемическихъ сочиненій было дѣломъ не невозможнымъ. Что же касается работъ кіевской типографіи, то было бы странно пред-

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. 10, стр. 88.

положить, что она всегда занята была печатаніемъ сочиненій, имѣвшихъ преимущество предъ Палинодіей, что особенно невѣроятно въ виду того, что ею же напечатано было упомянутое сочиненіе Диплица[1]). Если такъ, то что же, спрашивается, могло удержать ближайшихъ по ученымъ занятіямъ преемниковъ Копыстенскаго отъ изданія разсматриваемаго его сочиненія? Стебельскій, сказавъ о выходѣ въ свѣтъ Палинодіи, замѣчаетъ далѣе: z ktorey książki y następcy po nim (т. е. по Копыстенскомъ) tymże duchem tchnęcy pisarze na obronę Dyzunii iak *ze zrodła zarazliwe brali nauki, iako* Piotr Mohiła, Sylwestr Kossow, Lazarz Baranowicz i uczeń jego Ioannicy Golatowski[2]). Если вѣрить этому свидѣтельству Стебельскаго, то очень легко допустить, что Палинодія, вслѣдствіе богатаго собранія въ ней разнообразнаго матеріала, могла сдѣлаться, такъ сказать, настольною книгою для послѣдующихъ ученыхъ и послѣдніе вмѣсто того, чтобы издавать ее цѣликомъ въ оригиналѣ, нашли для себя болѣе удобнымъ популизировать ее содержаніе въ своихъ сочиненіяхъ по частямъ. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что выходившіе впослѣдствіи изъ Кіевомогилянской коллегіи ученые, благодаря заѣдавшей ихъ тамъ схоластикѣ, какъ извѣстно, не создали, да и не могли создать ничего подобнаго Палинодіи. Мы не имѣли возможности провѣрить, насколько эта мысль вѣрна по отношенію къ поименованнымъ Стебельскимъ лицамъ; но что взятая въ полномъ своемъ

---

[1]) Обзоръ славяно-русск. Библіогр. Сахарова. Тамъ же № 242; сравн. Изслѣдов. объ Апокрисисѣ Н. А. Скабаллановича стр. 66.

[2]) Stebełski ibidem.

объемѣ она не голословна —подтвержденіемъ этому служитъ *книжица*, составленная игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, Наѳанаиломъ, какъ можно думать, около 1644 г. [1]). Наѳанаилъ, при составленіи своей книжицы, частію буквально, частію въ видѣ краткаго резюме, внесъ въ нее слѣдующіе отдѣлы изъ Палинодіи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ вошли и въ извѣстную *Книгу о вѣрѣ*, изданную въ Москвѣ въ 1648 году.

Часть II. Изъ отдѣла II: Артикулъ 3 (сравни: Палинодія—столб. 536; книжица Наѳанаила — листъ 203, книга о вѣрѣ—листъ 148) и 6-ой (Пал., ст. 560; кн. Наѳ, обор.336 л.; кн. о в. обор. 236 л.), *изъ отдѣла VII*: артикулъ 3 (Палин. ст. 661; кн. Наѳ. л. 276; кн. о в. об. 195 л.) и артикулъ 4-й (Пал. ст. 668; кн. Наѳ. л.

---

[1]) „Книжица, или списаніе о вѣрѣ православной, святой церкви восточной, о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ артикулахъ, отъ Божественнаго писанія путнаго ради случая, въ гоненіи отъ нужды, вкратцѣ собрана, въ лѣто отъ созданія міра 7156, Спаса нашего І. Христа 1648" (См. Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Ундольскаго № 427). „Книжица эта, говоритъ г. Ундольскій, какъ видно изъ посланія діакона Ѳедора къ Максиму, составленная Нафанаиломъ, игуменомъ Михайловскаго монастыря, и пожеланію царскаго духовника, Благовѣщенскаго протопопа, Стефана Вонифатьевича, напечатана въ Москвѣ 1648 г. Мая 8 дня (см. Сахарова Обозр. Библіогр. № 503). Поэтому нельзя вѣрить показанію нашего списка, хотя и тщательнаго, современнаго Бѣлорусскаго, что „книжица о Вѣрѣ" собрана въ 1648 году; скорѣе по Медвѣдеву (оглавл. кн. см. тамъ же № 33) въ 7152 г. (1644). Трудно предположить, чтобы книга, составленная въ 1648 году, переведена и исправлена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ—Генваря и Февраля, и съ 1-го Марта поступила въ печать".

283; кн. ов.л. 260); *изъ отдѣла XIX:* изъ 6 артикула этого отдѣла сдѣлано слѣдующее заимствованіе: начало: „по семомъ вселенскомъ соборѣ дѣяло"... (Пал. ст. 758); конецъ: „Леонъ, папа римскій, зганилъ то имъ, и придатку „и отъ сына" прикладати заказалъ, а для вѣчной Никено-Константинопольскаго символу непорушности на двохъ таблицахъ"... (ст. 765). Далѣе слѣдуетъ краткая передача содержанія, оканчивающаяся буквальной выдержкой: начало: „отъ тыхъ двоихъ злыхъ деревъ" (столб. 775), конецъ: „христіяне отъ христіанъ были мордованы, зъ добръ вызуваны и въ неволю, якъ отъ поганъ, вязаны" (ст. 777). Наконецъ, начиная съ слѣдующей красной строки, до конца этого артикула, слѣдуетъ буквальная выписка (ср. кн. Наѳ. л: 263; кн. о в. л. 187), *изъ отдѣла XII*: артикулъ 8 (ср. Пал. ст. 932; кн. Наѳ. об. 340 л.; кн. о в. л. 239); *изъ отдѣла XIII:* артикулъ 1 (ср. Пал. ст. 940; кн. Наѳ. л. 221; кн- о в. л. 159).

Часть III. Изъ 1 отдѣла: изъ 1-го артикула этого отдѣла заимствованы слѣдующіе отрывки: начало (съ красн. строки): „Принявши теды св. Андрей жребіемъ по дѣлу краины греческія"... (ст. 969), конецъ: „за правды, на той тамъ часъ оказія, пляцъ, трибуналъ и сеймъ былъ"... (ст. 980). Затѣмъ слѣдуетъ пропускъ. Начало новой выдержки: „Каждый, заправды, вѣритъ тому повиненъ"... (стат. 981) и до новой красной строки. Слѣдуетъ пропускъ. Начало новой выдержки: „Такій теды мы"... (ст. 982), конецъ: „тымъ теды правдивымъ способомъ выводячи увѣренѣ и крещенѣ наше, овыми словы речь нашу замкнути пристоитъ намъ..." (Тамъже). Пропускъ. Наконецъ,—начало: „замыкаючи теды предсявзятый артикулъ мой сей, съ божественнымъ ап. Павломъ

мовлю“... (ст. 984) и до конца тирады (кн. Наѳ. л: 51 кн. о в. об. 30 л.); *изъ III отдѣла*: артикулъ 1 (ст. 1070), оканчивая трактатомъ: „Право царское, княжеское и королевское'' (ст. 1074) (кн. Наѳ. обор. 330 л.; кн. о в. об. 232 л.).

Изъ IV части. Изъ Отдѣла I: артикулъ 2, начиная со словъ, „перьшая: ижъ правой каѳолической вѣры отступники“.,. (ст. 1112) до конца статьи (Пал. ст. 1117; кн. Наѳ. обор. 316 л-; кн. о в. л. 226).

Изъ Прибавленія. Статьи: „Патріаршіе престолы Апостольскіи суть столицѣ“ (Пал. ст. 1161: кн. Наѳ. обор. 239 л., кн. о в. обор. 172 л.) и „О засѣданіи на соборахъ“, куда относится и трактатъ: „Правая сторона учтившая“ (Пал. ст. 1168: кн. Наѳ, об. 233 л.; кн. о вѣрѣ об. 168 л.)

Нѣтъ, такимъ образомъ, ничего неправдоподобнаго въ томъ предположеніи, что если текстъ Палинодіи и не изданъ былъ въ своемъ оригиналѣ, то содержаніе ея, по мѣрѣ надобности, было популяризируемо различными учеными, которые, согласно съ свидѣтельствомъ Стебельскаго, подобно игумену Наѳанаилу, черпали изъ нея, „какъ изъ глубокаго потока“, богатый матеріалъ для своихъ сочиненій, считая, такимъ образомъ, какъ бы излишнимъ издавать самый оригиналъ, — тѣмъ болѣе, что Палинодія въ своемъ оригиналѣ предполагаетъ значительно и притомъ спеціально подготовленнаго читателя, и вслѣдствіе этого, особенно въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ, далеко не по плечу полуобразованной массѣ.

Текстъ Палинодіи въ отрывкахъ „книжицы Наѳанаила“ въ научномъ отношеніи заслуживаетъ вниманія въ томъ смыслѣ, что имъ можно пользоваться при возста-

новленіи ея оригинала, какъ это и сдѣлалъ П. А. Гильтебрантъ въ настоящемъ изданіи Палинодіи. Чтоже касается текста въ „Книгѣ овѣрѣ“ московскаго изданія, то онъ представляетъ мало интереса для ученаго изслѣдователя. Текстъ Палинодіи въ отрывкахъ *Книги о вѣрѣ* представляетъ очень плохой переводъ ея съ западно-русскаго языка на славянскій, ясно показывающій, что переводчикъ взялся не за свое дѣло. Для примѣра укажьез нѣсколько болѣе характерныхъ мѣстъ, изъ которыхъ легко можно будетъ увидѣть, какому грубому искаженію подверглась Палинодія въ переводѣ московскаго начетчика.

Текстъ оригинала[1]). Попеважъ бовѣмъ на соборѣ томъ (т. е. третьемъ вселенскомъ) шло о потупленe одного зъ патріарховъ (т. е. Несторія), до которогось былъ зъ обороною и другій привязалъ, т. е. шло о патріарху константипольского, котораго нѣяко боронилъ антіохійскій (т. е. Іоаннъ). Кириллъ барзо радъ прииялъ

[1]) Латаняне доказывали, что будто бы Кириллъ Александрійскій предсѣдательствовалъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ вслѣдствіе предоставленія якобы ему на это права римскимъ епископомъ Целестиномъ. Копыстенскій доказываетъ здѣсь, чѣмъ Целестинъ не имѣя возможности самъ лично присутствовать на этомъ соборѣ, ни больше, ни меньше, какъ только предоставилъ право своего голоса (зданья) Кириллу, чѣмъ послѣдній охотно воспользовался, такъ какъ на этомъ соборѣ дѣло шло объ осужденіи константинопольскаго епископа Несторія, котораго къ тому же поддерживалъ епископъ Антіохійскаго Іоаннъ и поэтому въ присоединеніи къ своему голосу такого же по праву голоса римскаго епископа Кириллъ видѣлъ гарантію торжества православія надъ мнѣніемъ Несторія.

злецеOое собѣ и мѣсцѣ и здапье[1]) отъ Келестипа, епископа римскаго, абы, въ особѣ своей свою патріархальпую и епископа римскаго поважпость посячи, способпѣй и поважнѣй на потупленье Несторіево и его единомыслепниковъ зъ собору вырокъ учинити моглъ[2]).

Текстъ изъ Книги о вѣрѣ. Понеже бо па соборѣ томъ, еже па потоплепіе единаго отъ патріарховъ до него же и *другіи* защищая его привязася и бяше то о патріарсѣ Копстантина града, егоже нѣкако защищаѧтъ *патріархъ антіохійскій Кириллъ*, вельми бы радуяся прияялъ преданое ему и мѣсто и *властъ* отъ Келестина епископа римскаго, еже бы во особѣ своей патріаршую есть нося *образинѣ* (?) и достоипѣ изгнапіе, или осужденіе сотворити моглъ, еже и бысть.

или:

...На которомъ (т. е. помѣстномъ кареагепскомъ соборѣ) предковалъ Аврелій, кареагенской церкве епископъ. Якъ ся выразпе видѣти даетъ зъ акцій[3]) того собору и зъ подпису[4]).

На немъ же председѣлъ Аврелій епископъ кареагенскія церкве, якоже вѣдати *извѣстнѣ даетъ Закцый исподписанія собора того.*

Вообще, можпо было бы привести цѣлые десятки мѣстъ, изъ которыхъ ясно видно, что переводчикъ былъ слишкомъ далекъ отъ попиманія языка Палиподіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и смысла переводимаго. Какъ бы, впрочемъ, не былъ искаженъ текстъ Палиподіи въ этомъ

---

1) „Зданье“—мрѣніе, право голоса.

2) Р. И. Б. 3, ст. 541; кн. о Вѣрѣ л. 151.

3) „Зъ акцій“, т. е. изъ актовъ.

4) Ibid ст. 550; кн. о вѣрѣ л. 158.

московскомъ изданіи, тѣмъ не менѣе ему, по крайней мѣрѣ хоть отчасти, Палинодія обязана тою популярностію, какою она пользовалась въ Московской Руси, особенно между раскольниками [1]). Мы говоримъ—*отчасти*, потому что существованіе такихъ списковъ, какъ напр. Поморскій [2]), свидѣтельствуетъ, что Палинодія и въ полномъ своемъ объемѣ и притомъ въ оригиналѣ довольно успѣшно распространялась въ Московской Руси. Чтоже касается того, насколько быстро шло это распространеніе, и вообще насколько она привлекала къ себѣ вниманіе ближайшихъ своихъ современниковъ въ западной Руси, если не имѣть въ виду вышеприведеннаго свидѣтельства Стебельскаго, объ этомъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго. М. Смотрицкій, въ своей Апологіи, вышедшей, какъ уже замѣчено, въ 1628 году, полемизируя противъ Ст. Зизанія, Филалета, Ортолога, Клирика Острожскаго, Суражскаго, Азаріи, авторовъ: Elenchus-а и Antigrafi, т. е. противъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ православныхъ полемистовъ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Копыстенскомъ и его Палинодіи.

---

[1]) Въ раскольничьихъ сочиненіяхъ, особенно конца XVIII а начала XIX вв., сплошь и рядомъ можно встрѣтиться съ ссылкеми на авторитетъ Палинодіи Копыстенскаго. Вотъ напр. мѣсто изъ рукописи начала XIX ст. изъ трактата о новоженахъ: „Древній благочестивіи царіе отъ противовѣрныхъ, вѣнчатися, короною златою, за отступленіе правой вѣры и за лишеніе вѣнца небеснаго вмѣняли. Очесомъ Захарія Коnестинслій въ книгѣ своей „Палинодіи засвидѣтельствуетъ". Пандектъ Гнусина листъ 122 на обор., рукопись Импер. пуб. библіот. Q 1. 474.

[2]) Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Ундольскаго № 425.

Такимъ образомъ, полный текстъ Палинодіи не появлялся въ печати до самаго послѣдняго времени. Впервые она издана только въ 1878 году П. А. Гильтебрантомъ въ IV томѣ „Русской Исторической Библіотеки". Въ основаніи положенъ списокъ синодальный, сличенный съ Толстовскимъ спискомъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и со спискомъ Румянцевскаго Музея[1]).

Раньше мы замѣтили, что причиною плохаго перевода отрывковъ Палинодіи на славянскій языкъ въ Книгѣ о вѣрѣ было, между прочимъ, плохое знаніе переводчикомъ языка оригинала. Къ этому недостатку нельзя относиться слишкомъ строго: языкъ Палинодіи представляетъ собою смѣсь самыхъ разнородныхъ элементовъ, которыхъ такъ много въ нашемъ западно-русскомъ краѣ и съ которыми справиться можетъ только или мѣстный житель, или человѣкъ съ хорошимъ филологическимъ образова-

---

[1]) Нельзя не пожалѣть о томъ, что подлинникъ Палинодіи, долго хранившійся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора (Ундольскій. „Славяно-русскія рукописи, столб. 306), въ послѣднее время исчезъ безслѣдно. Не знаемъ на чемъ основанное свидѣтельство г. П. Кулиша („Журн. мин. нар. просв". 1878. Февраль, стр. 199) о томъ, что „драгоцѣнный автографъ этого памятника борьбы съ папизмомъ хранится въ Варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ", послѣ сдѣланной справки, не подтвердилось. Утрата эта тѣмъ важнѣе, что извѣстные въ настоящее время списки Палинодіи страдаютъ значительною неисправностію. Неисправность эта, кромѣ искаженія переписчиками нѣкоторыхъ мѣстъ, состоитъ въ значительныхъ пропускахъ, которые и указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ настоящаго, въ высшей степени добросовѣстно исполненнаго, изданія.

ніемъ. Языкъ самаго текста Палинодіи (т. е. за исключеніемъ выдержекъ изъ Св. Писанія) представляетъ смѣшеніе главнымъ образомъ двухъ нарѣчій: 1) бѣлорусскаго съ нѣкоторыми оттѣнками малороссійскаго, 2) польскаго, испещреннаго въ свою очередь множествомъ латинскихъ словъ [1]), причемъ со стороны этимологическихъ формъ и въ звуковомъ отношеніи почти вездѣ преобладаетъ бѣлорусскій элементъ предъ польскимъ [2]).—

---

[1]) Масса встрѣчающихся здѣсь латинскихъ словъ въ большинствѣ случаевъ оставлены безъ всякаго измѣненія. Для образчика приведемъ нѣсколько такихъ словъ: вотумъ (столб. 655), квестіонисъ кардо (643), конфузе (694), капція (724), инноваторъ. профанаторъ, экскоммуникація (733), ексистимація (734), скрибентъ, (738) скализація (756), павиментъ (776), митиляція (792), сугилляція (795), полерація, цертовать (877), кенотомія (1086), ексагерація (726) и друг. Попадаются по мѣстамъ даже цѣлыя тирады, представляющія сплошней наборъ латинскихъ словъ (см. напр. столб. 919). Сравнительно меньше встрѣчается въ Палинодіи словъ греческихъ (напр. паренесъ ст. 728), еще меньше нѣмецкихъ (кумгеравсъ, ст. 639).

[2]) Какъ образчикъ такой переработки польскихъ словъ на бѣлорусскій ладъ, приведемъ мѣсто изъ 82 Бесѣды Златоуста на 26 гл. Матѳ., заимствуя польскій текстъ изъ Ѳриноса Мелетія Смотрицкаго.

Текстъ Палинодіи.

На томъ камени, реклъ, на петрѣ: не на человѣцѣ бовѣмъ, але на вѣрѣ збудовалъ церковь свою. А штожъ была за вѣра? Тая: Ты естесь Христосъ Сынъ Бога живаго. Каменемъ нареклъ церковь, навалности приймуючую и нехвѣючуюся. Церковь обовѣмъ Христова преслѣдованья вшелякіи пріймуетъ, єднакъ незвитяжона заставаетъ. Лечъ спытаешъ если маетъ тое будованье — каменье, албо дерево, албо желѣзо? Не мовитъ, нестъ бовѣмъ въ ней матеріаль-

Что касается языка приводимыхъ Копыстенскимъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія, то трудно сказать съ опредѣленностію, какимъ текстомъ Библіи пользовался авторъ въ данномъ случаѣ. Съ несомнѣнностію можно утверждать только то, что они (мѣста) приводятся не по Острожскому изданію 1580 года. Въ этомъ легко убѣдиться при самомъ поверхностномъ сличеніи текста Палинодіи съ текстомъ Острожской Библіи. Для примѣра возмемъ 8—10 стихи изъ 7 главы пророка Михея.

Текстъ Палинодіи.

Не радуйся о мнѣ врагиня моя, яко *падохъ*, и востану; зане аще сяду во тмѣ, Господъ *освѣтитъ мя.* Гнѣвъ Господень стерплю, яко согрѣшихъ ему, дондеже оправдитъ прю мою и сотворитъ *судъ мой* и изведетъ на свѣтъ, и узрю правду его, и узритъ *врагиня моя*, и облечется студомъ, глаголющая ко мнѣ: гдѣ есть (Господь) Богъ твой? [1])

ное будованье, бо если бы таково было, развалилося бы за часемъ. А вызнанья благочестія а не бѣсове, ани иньшое якое створенье звитяжити не могутъ (343 Нов. изд.).

Текстъ Ѳриноса.

Na tey opoce rzekł, nie rzekł na Pietrze, nie na człowieku bowiem, ale na wierze zbudował cerkiew swoie. A cóż była za wiara? Ta: Ty iesteś Chrystus Syn Boga żywego: kamieniem nazwał cerkiew, która nawalności podeimuie, a nie chwieie się: gdyż tak wielkie przesladowania cerpi cerkiew Chrystusowa, iednak nie zwyciezona zostawa. A ni cegły, ani kamieni; a ni wapna, a ni drzewa, a ni żelaza potrzebuie, bo te rzeczy, nie są wieczne, ale potrzebuie samego wyznania, które wiecznie trwa, y którego ani szatan, ani żadne stworzenie zwycięzyc może (Обор. 36 стр. и 37).

[1]) Р. И. Б. т. IV. 803—4.

Текстъ Библіи острожскаго изданія.

Да ся не порадуетъ врагъ мой, яко *падохся*, и въ стану: зане аще сяду въ тмѣ, Господъ *свѣтъ мнѣ*. Гнѣвъ Господенъ трьплю яко съгрѣших ему, дондеже *исправитъ* прю мою и сътворитъ *осужденіе мое* и изведетъ *мя* на свѣтъ и узрю правду его, и, узритъ *врагъ мой и усмотритъ стыденіе* глаголющи *къ мнѣ*, гдѣ есть Богъ?

Мысль, что авторъ могъ приводить текстъ Острожскаго изданія не точно, не можетъ имѣть мѣста въ данномъ случаѣ, потому что дѣлаемый имъ непосредственно переводъ на западно-русскій языкъ почти каждаго приводимаго текста, ясно показываетъ, что Копыстенскій не позволялъ себѣ дѣлать измѣненія въ приводимомъ славянскомъ текстѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ему, вмѣсто того, чтобы дѣлать переводъ, всего естественнѣе было бы измѣнить нѣкоторыя болѣе непонятныя слова въ приводимомъ оригиналѣ и переводъ оказался бы совершенно ненужнымъ. Но въ Палинодіи попадается много и такихъ текстовъ, языкъ которыхъ уже ни на минуту не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что они приводятся не по тексту Острожскаго изданія. Вотъ, напр., характерное мѣсто изъ 10 гл. Матѳ.: „се Азъ посилаю васъ овцы посредѣ волковъ (о то я васъ посилаю, якъ овцы въ посродку волковъ), будтежъ осторожними, якъ ужеве, а щирими яко голубы, притомъ стрежтеся людей, абовѣмъ подадутъ васъ до згроможеній, и въ божницахъ своихъ васъ бичовати будутъ“ (ст. 16 — 17). Очевидно, что здѣсь языкъ уже почти чисто бѣлорусскій, но въ тоже время сдѣланный авторомъ въ скобахъ переводъ первой славянской фразы несомнѣнно показываетъ, что приводимый текстъ взятъ изъ какого то готоваго перевода. Выдержки, подобныя приведенной, первоначально дали

намъ поводъ предположить, что Копыстенскій въ Палинодіи мѣста изъ Священнаго Писанія приводитъ по извѣстному тексту западно - русскаго перевода, начала XVI в., Францишка Скорины. Въ настоящее время можно считать доказаннымъ [1]), что въ основѣ перевода Скорины положенъ былъ древне-славянскій текстъ, который въ недостающихъ своихъ частяхъ былъ пополненъ и вообще исправленъ по Вульгатѣ; и такъ какъ многія мѣста древне-славянскаго текста оставлены переводчикомъ безъ измѣненія, а мѣста, взятыя изъ Вульгаты, переведены были на западно-русскій языкъ, то въ переводѣ Скорины, такимъ образомъ, оказался текстъ смѣшанный по языку. Въ виду этого, если бы было признано, что Копыстенскій пользовался переводомъ Скорины, то легко было бы понять, какимъ образомъ въ Палинодіи текстъ Св. Писанія приводится то на чисто славянскомъ, то на болѣе или менѣе смѣшанномъ бѣлорусскомъ языкѣ. Но это, повидимому, вполнѣ вѣроятное предположеніе, на дѣлѣ однакожъ не подтверждается. Сдѣланное нами сличеніе по экземпляру С. Петербургской Духовной Академіи нѣкоторыхъ мѣстъ перевода Скорины съ текстомъ Палинодіи приводитъ къ противоположному заключенію. Вотъ, эти мѣста:

Палинодія.

Сирахъ гл. 10, ст. 8.

Царство отъ народу въ народъ переносится, для несправедливости и кривдъ и имѣній зле набытыхъ (Палинод. ст. 818).

---

[1]) См. „Отношеніе перевода Скорины къ Вульгатѣ и древнеславянскому тексту Библіи“. Чтен. въ Обществѣ любителей дах. првсвѣщ. за 1877 г. Ноябрь.

Дан. гл. 2, ст. 44.

И во днехъ царей тѣхъ воставитъ Богъ небесный (пебесное) царство, еже во вѣки не розсыплется, и царство его людемъ инѣмъ не останетъ, отончитъ и извѣетъ вся царства а то станетъ на вѣки (Палин. 863).

Іов. гл. 1, ст. 21.

Наги вышлисмо зъ живота матки пашей, наги и пойдемо: Господь далъ, Господь и взялъ; якъ ся подобало Господеви, такъ ся и стало; буди имя Господне благословенно во вѣки, (Палинод. 865).

Библгя Скорины.

Царство зъ единыхъ людей въ другые пренесено бываѐ для несправедливости, и кривды и срамочения и раз́лич́ное льсти.

Воднех́же Цар̑твъ тыхъ возбудить Богъ небесный Царство еже вовѣки неподвижется. И царьство его людемъ инымъ непредасться. И сотреть и погубить вся Царства сия, саможе станеть во вѣки.

Нагъ изыдохъ из́ чрѣва м҃три моея, и нагъ навращуся тамо. Гд҃ь Богъ далъ, г҃дь Богъ вз́ялъ. Якоже г҃ду Богу любо бысть тако и сталося є буди имя г҃днѣ благословено въвѣки.

Изъ этихъ мѣстъ несомнѣнно видно, что у Копыстенскаго былъ подъ руками переводъ отличный отъ перевода Скорины. Объ этомъ переводѣ можно съ увѣренностію сказать лишь то, что онъ былъ западно-русскаго происхожденія.

Палинодія какъ сочиненіе полемическое.

Копыстенскій, объясняя въ предисловіи ближайшій поводъ къ написанію Палинодіи, замѣчаетъ, что онъ въ данномъ случаѣ исполняетъ волю и желаніе „правовѣрныхъ", принудившихъ его взяться за перо, какъ человѣка, который уже не разъ принималъ на себя подобный трудъ. Причиной же, вызвавшей на это правовѣрныхъ, былъ, по его же словамъ, общій характеръ отношенія въ тогдашнее время къ православной церкви ея враговъ-уніатовъ, которые, неудовлетворившись измѣной православію, опираясь на свѣтскую власть, „подвергаютъ православныхъ разнаго рода оскорбленіямъ и истязаніямъ, святую же Восточную церковь и святыхъ патріарховъ и вообще— правовѣрныхъ и почтенныхъ христіанъ выставляютъ на позорное осмѣяніе и выпускаютъ противъ нихъ такія книги, въ которыхъ, забывая истину и справедливость, сочиняютъ разнаго рода измышленія и извращенные на изнанку факты и небылицы, а затѣмъ невинно привлекаютъ ихъ къ правительственному суду, и вообще сплошь и рядомъ, безъ зазрѣнія совѣсти, взносятъ на нихъ всякаго рода обвиненія" [1]). Въ виду такого печальнаго положенія дѣлъ, авторъ, при сознаніи долга своего пастырскаго призванія, уступая настойчивымъ просьбамъ православныхъ, взялся за перо съ тою цѣлію, чтобы показать судьямъ и предержащимъ властямъ неправильность ихъ дѣйствій при опредѣленіи отношенія между православными и уніатами, чтобы побудить ихъ сдѣлаться болѣе милостивыми и богобоязненными въ своихъ отно-

---

[1]) Столб. 317.

шеніяхъ къ русскому народу, чтобы удержать ихъ отъ потворства грѣху оскорбителей послѣдняго,— взялся, наконецъ, изъ любви и желанія спасенія какъ своимъ братьямъ, такъ и ихъ врагамъ, имѣя въ виду убѣдить послѣднихъ, что они горько ошибаются, когда думаютъ, что своими—то болѣе легкими и скрытными, то явными и грубыми мѣрами, направленными къ подавленію русскаго народа, угождаютъ Богу[1]). Для достиженія этой насколько важной, настолько и трудной цѣли, авторъ рѣшилъ взять на себя слѣдующую задачу. Онъ берется представить: a) защиту православной вѣры св. каѳолической, восточной, апостольской церкви; b) защиту достоинства каноновъ и привиллегій св. четырехъ восточныхъ патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ c) обѣщаетъ дать отвѣтъ какъ отступникамъ, называющимся „уніатами", такъ и другимъ противникамъ православія, причемъ d) обѣщаетъ говорить о епископахъ стараго Рима, e) о нынѣшнемъ положеніи грековъ; f) о принятіи вѣры русскимъ народомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о кіевскихъ митрополитахъ и нѣкоторыхъ другихъ сюда относящихся вопросахъ; g) о томъ, что костелъ римскій поступилъ бы богоугодно и раціонально, если бы пришелъ къ единенію въ вѣрѣ и ея догматахъ съ восточною церковію; въ заключеніе намѣренъ предложить краткій трактатъ h) объ исхожденія Св. Духа отъ Самаго Бога и Отца.—Не смотря однакожъ на всю широту этой задачи, авторъ при осуществленіи ея нашелъ удобнымъ сосредоточить свое вниманіе главнымъ образомъ на критическомъ разборѣ одного, еще недавно вышедшаго,

---

[1]) Ст. 318—319.

упіатскаго сочиненія: этимъ сочиненіемъ была „*Оборона унiи*“ Льва Кревзы. Такъ какъ это сочиненіе имѣло вліяніе какъ на общій планъ, такъ и на болѣе частное распредѣленіе содержанія въ Палинодіи, то намъ теперь необходимо остановиться на немъ.

Объ авторѣ „Обороны“, Львѣ Кревзѣ-Ржевускомъ, извѣстно, что онъ былъ сыномъ бѣдныхъ родителей, но получилъ примѣнительно ко времени хорошее богословское образованіе, которое позволило ему впослѣдствіи сдѣлаться однимъ изъ выдающихся поборниковъ уніи. Служебную карьеру свою въ духовномъ званіи онъ началъ съ того, что поставленъ былъ архимандритомъ виленскаго уніатскаго монастыря, послѣ смерти своего предшественника на этомъ постѣ Кунцевича; вскорѣ послѣ этого онъ сдѣланъ былъ протоархимандритомъ, а въ 1626 году — архіепископомъ смоленскимъ и черниговскимъ; умеръ въ Смоленскѣ въ 1639 году[1]).

О поводѣ и цѣли написанія своей „Обороны“ самъ Кревза въ началѣ этого сочиненія, *въ обращеніи къ читателю*, говоритъ слѣдующее. „Нѣкоторыя достойныя особы, жаждущія согласія между нами, (хотя) исповѣдующими одну греческую религію, (но) разъединенными въ ней, требовали отъ насъ, чтобы мы сами между собою во имя братской любви потолковали объ этомъ, устроивъ для того сходку“. Хотя отъ обѣихъ сторонъ послѣдовало согласіе на это, однакожъ сходка почему-то несостоялась[2]). „Но такъ какъ, продолжаетъ авторъ,

---

[1]) Histor. litt. Polsk. т. VIII Wisznewsk. Кіев. Епарх. Вѣдомости 1877 г. № 5.

[2]) Кревза не указываетъ причины, вслѣдствіе которой не состоялся этотъ диспутъ; онъ только замѣчаетъ, что это

дѣлу уже положенъ былъ починъ, то мы (уніаты), желая, по крайней мѣрѣ, съ нашей стороны сдѣлать чтолибо въ пользу этого справедливаго желанія, особенно, когда дѣло шло о (спасеніи) душъ, столь дорогихъ предъ лицомъ Господа Бога,—назначили извѣстный день, мѣсто и часъ и пригласили на эту сходку почтенныхъ людей, проживавшихъ въ это время въ Вильнѣ, какъ со стороны нашей, такъ и противной, которые, найдя приглашеніе основательнымъ, прибыли на сходку, доброжелательно слушали и разсматривали славянскія книги, частію рукописныя, частію печатныя; изъ этихъ-то книгъ мы (уніаты) почерпали доводы, оставя на это время въ сторонѣ книги латинскія и греческія. Такъ какъ въ столь короткое время и столь большое число доводовъ трудно было слушателямъ поглубже разсмотрѣть и изслѣдовать, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые не могли быть на

произошло „не по ихъ (уніатовъ) винѣ". Нѣкоторыя свѣдѣнія находимъ въ сочиненіи „Examen obrony", вышедшемъ въ 1621 году, и направленномъ противъ вышедшей въ этомъ же году „Obrony verifikacyey"... Здѣсь авторъ въ обращенной къ православнымъ рѣчи, указовъ на тѣ условія, при которыхъ имѣлъ состояться предполагавшійся диспутъ, продолжаетъ: „Но за три дня до назначеннаго диспута вы послали сказать его милости ксендзу бискупу, что отказываетесь отъ тѣхъ общихъ съ нами разсужденій, на которыя уже съѣхалось нѣсколько благородныхъ особъ нашего вѣроисповѣданія" (т. е. уніатскаго). А изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что отказъ этотъ мотивированъ былъ, во 1-хъ отсутствіемъ судьи, который могъ-бы сдѣлать безпристрастную оцѣнку успѣховъ на диспутѣ, во 2-хъ, необходимостью просить разрѣшенія у константинопольскаго патріарха и, въ 3-хъ, тѣмъ, что этотъ диспутъ умалилъ бы значеніе константинопольскаго патріарха (стр. 40 и слѣд.).

сходкѣ, а тѣ, которые были, не могли всего дослышать, по случаю громаднаго скопленія народа, — то многія знатныя особы просили, чтобы все это было отпечатано во всеобщее свѣдѣніе. Охотно исполняя данное нами обѣщаніе, мы печатаемъ въ томъ порядкѣ, какъ говорилось на сходкѣ". Сочиненіе это вышло изъ печати въ 1617 году на польскомъ языкѣ съ обѣщаніемъ, что потомъ оно издастся и порусски; причемъ „мѣста, переведенныя нами, пишетъ Кревза, въ этой книжкѣ на польскій языкъ, будутъ напечатаны въ славянскомъ подлинникѣ для того, чтобы любящій истину читатель видѣлъ не только переводъ и толкованіе, но важность и подлинность славянскихъ словъ." Исполнилъ ли авторъ свое обѣщаніе, неизвѣстно; по всей вѣроятности, обѣщаніе его и осталось обѣщаніемъ. Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Оборона церковнаго единства, или доводы, которыми доказывается, что греческая церковь должна быть соединена съ латинскою. Сочинены (эти доводы) въ Вильнѣ виленскимъ архимандритомъ Львомъ Кревзою и отданы въ печать по распоряженію въ Бозѣ превелебнаго отца Іосифа Вельямина Рутскаго архіепископа и митрополита кіевскаго, Галицкаго и всея Руси. 1617 г. въ типографіи Льва Мамонича" [1]).—Сочиненіе раздѣляется на четыре части, а каждая часть въ

---

[1]) Obrona iedności cerkiewney, abo dowody ktorymi się pokazuię, iż Grecka cerkiew z łacińską ma być ziednoczona, podane do druku, za roskazaniem przewielebnego w Bogu oyca iego, m. oyca Jozefa Wielamina Rutskiego, archiepiskopa y metropolity Kijowskiego, Halickiego y wszystkiey Rusi, w Wilnie, przez oyca Leona Krzeusę, archimandrytę Wilenskiego. Roku 1617, w drukarni Leona Mamonicza. Напечатано въ IV т. Р. Ист. Библ.

свою очередь подраздѣляется на нѣсколько отдѣловъ. Общее содержаніе его слѣдующее. Въ первой части, состоящей изъ 3 отдѣловъ, трактуется о томъ, „что найвысшій пастырь нашъ І. Христосъ оставилъ намъ послѣ себя главнымъ пастыремъ св. Петра, которому подчинялись всѣ, какъ овцы, такъ и пастыри". Вторая, самая обширная, часть, раздѣляется на XIII отдѣловъ, гдѣ авторъ довольно подробно развиваетъ ту мысль, „что св. Петру, въ его главномъ пастырствѣ, законно наслѣдовали римскіе папы". Въ третьей части, состоящей изъ V отдѣловъ, идетъ рѣчь о томъ, „что Русь приняла святое крещеніе въ то время, когда греческая церковь находилась въ единеніи съ римскою церковью и хотя потомъ греческая церковь оторвалась отъ этого единенія, но Русь мало знала объ этомъ и весьма часто подчинялась патріархамъ". Въ концѣ третьей части, въ качествѣ приложенія ко второй части, помѣщены, тоже на польскомъ языкѣ, два письма патріарха антіохійскаго Петра къ патріарху константинопольскому Михаилу Керулларію. Въ четвертой части, тоже состоящей изъ 5 отдѣловъ, авторъ силится доказать, „что лѣтъ двѣсти назадъ, митрополитъ и русскіе епископы не легкомысленно, а разсудительно опять возобновили прежнее единеніе, временно заглушенное, въ которомъ и теперь ихъ наслѣдники справедливо пребываютъ, противящіеся же этому не суть на пути къ спасенію".

Кревза, объясняя въ предисловіи причину того, почему такіе, а не иные предметы выбраны были для бесѣды, изложенной въ его Оборонѣ, замѣчаетъ между прочимъ, что содержаніе этой книги касается не только факта перехода бывшихъ православныхъ подъ власть папы, но также заключаетъ въ себѣ и „всѣ другіе споры,

которые когда либо были между латинниками и греками". Въ послѣднихъ словахъ автора нѣтъ ничего преувеличеннаго. Дѣйствительно, всѣ даже частные вопросы, которые когда нибудь возникали на почвѣ догматической, исторической и практической, въ спорѣ какъ между греками и латинянами, такъ и между латино-униатами и русско-православными, вошли въ его Оброну. Мало того, Оброна Кревзы со стороны постановки затронутыхъ здѣсь вопросовъ, составляетъ новый фазисъ въ исторіи развитія современной латино-уніатской полемической литературы: здѣсь впервые съ опредѣленною ясностію поставленъ вопросъ о томъ, что христіанство на Руси первоначально распространилось не изъ Константинополя, а изъ Рима и что эта первоначальная духовная связь русской церкви съ римскимъ престоломъ, за нѣкоторыми исключеніями, не прерывалась въ теченіи всей послѣдующей исторіи. Сообразно съ этимъ здѣсь получаютъ сравнительно болѣе широкое развитіе и тѣ вопросы, которые стоятъ въ непосредственной связи съ этимъ новымъ вопросомъ. Такъ напримѣръ, вопросъ о раздѣленіи церквей, непосредственно граничащій съ вопросомъ о началѣ христіанства на Руси, у Кревзы получаетъ несравненно болѣе широкое раскрытіе, чѣмъ то, которое придано ему, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Скарги, болѣе всѣхъ другихъ предыдущихъ латино-уніатскихъ полемистовъ останавливавшемся на этомъ предметѣ. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что нѣкоторые вопросы, широко затрогиваемые предыдущими полемистами, но потерявшіе теперь свой прежній животрепещущій интересъ, получаютъ у Кревзы болѣе скромную постановку и выступаютъ въ его „Оборонѣ" на второмъ планѣ. Такъ напримѣръ, вопросъ о Брест-

ской уніи съ его фактической стороны, фигурировавшій въ свое время въ полемическихъ сочиненіяхъ на первомъ мѣстѣ и служившій, такъ сказать, основнымъ ядромъ въ полемикѣ, теперь, естественно, долженъ былъ стушеваться предъ другими вопросами, отъ такого или другаго рѣшенія которыхъ зависѣла теперь его собственная судьба, такъ какъ и самый фактъ Брестской уніи теперь пересталъ уже быть, такъ сказатъ, самосвѣтящимся тѣломъ, а долженъ былъ получать свой свѣтъ отъ предыдущихъ историческихъ событій. Нѣкоторые, далѣе, вопросы были, по сознанію автора, достаточно разсмотрѣны въ предыдущей литературѣ и поэтому теперь онъ касается ихъ сравнительно коротко, отсылая читателя къ предшествующимъ литературнымъ работамъ. Такъ, напримѣръ, въ трактатѣ о Флорентійскомъ соборѣ онъ отказывается подробно полемизировать съ извѣстнымъ уже намъ православнымъ сочиненіемъ по этому предмету клирика Острожскаго, а рекомендуетъ читателю познакомиться съ этимъ вопросомъ по особо изданному имъ же самимъ сочиненію. Наконецъ, по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ, касавшимся, напримѣръ, обрядовыхъ и вѣроисповѣдныхъ разностей между восточными и западными церквами, которыя въ Оборонѣ пріурочены ко времени своего возникновенія и разсмотрѣны исторически,—оказалось излишнимъ вдаваться въ подробности и достаточно было ограничиться лишь констатированіемъ факта ихъ существованія и такого или иного разрѣшенія ихъ въ древности. Съ этою отчасти цѣлію онъ выдвигаетъ, напримѣръ, переписку Михаила Керулларія съ Петромъ Антіохійскимъ, который, какъ извѣстно, снисходительно относился къ неважнымъ новшествамъ, замѣченнымъ въ римской церкви

Керулларіемъ, и далѣе этого его вниманіе къ этимъ вопросамъ не простирается. Но несмотря однакожъ на все это, „Оборона“ Кревзы, по широтѣ своей задачи и по богатству вошедшихъ въ нее отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, не имѣетъ ничего себѣ равнаго въ предыдущей латино-уніатской полемической литературѣ, такъ что въ этомъ отношеніи ее смѣло можно разсматривать какъ группировку въ одной стройной системѣ всего того, что выработано было предыдущей полемикой, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ, указанныхъ нами, особенностей, вызванныхъ потребностями новаго времени. Нужно замѣтить, что такой широкой постановкѣ вопроса много благопріятствовалъ самый планъ „Обороны“, въ основу котораго положенъ хронологическій порядокъ событій. Начавъ съ событій, современныхъ апостольскому періоду въ исторіи христіанской церкви, авторъ, подвигаясь постепенно впередъ, останавливается на всѣхъ, попадавшихся ему подъ руку историческихъ фактахъ и мнѣніяхъ отцевъ и учителей церкви. Но говоря о томъ, что „Оборона“ Кревзы построена по плану, въ основѣ котораго лежитъ хронологическій порядокъ событій, мы нисколько не намѣрены этимъ приписывать этому сочиненію историческаго метода, по крайней мѣрѣ въ томъ его смыслѣ, въ какомъ онъ понимается современной исторической наукой. Право римскаго папы быть главою вселенской церкви,—а этотъ вопросъ проходитъ чрезъ все сочиненіе, составляя, такъ сказать, его душу--по представленію Кревзы, такъ же ясно сознавалось и точно въ такой же опредѣленной формѣ выражалось въ теченіи всей исторіи, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства, какъ и теперь въ его собственномъ сознаніи; и поэтому, вводить въ сочиненіе историческій элементъ, толковать о какомъ то

процессѣ развитія, было совершенно не въ его интересахъ, такъ какъ приписываемое папѣ право, сообразно съ проводимою въ сочиненіи основною тенденціею, должно было вести свое происхожденіе отъ самаго Законодателя Христа, а не получать начала въ исторіи отъ людей.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы понять, какую широкую задачу и какой капитальный трудъ долженъ былъ взять на себя тотъ православный писатель, который бы задумалъ полемизировать противъ Обороны Кревзы. Конечно, исполнить эту задачу можно было двоякимъ образомъ. Можно было отнестись къ „Обронѣ" Кревзы такъ, какъ отнесся, напримѣръ, Филалетъ къ „Оборонѣ" Скарги, т. е. можно было огран читься лишь критическимъ разборомъ тѣхъ сторонъ изслѣдуемаго предмета, которыя затронуты были противникомъ, и тогда задача въ нѣкоторой степени съузилась бы и трудъ не мало облегчился бы. Но можно было разсматривать изслѣдуемый предметъ независимо отъ того опредѣленнаго содержанія, которое придано было ему подъ перомъ противника, а взять его во всей широтѣ объема,—широтѣ, какая принадлежала ему по самой его сущности, и тогда, разумѣется, задача усложнилась бы и трудъ изслѣдователя въ значительной степени увеличился бы. Какъ поступилъ въ данномъ случаѣ Копыстенскій, это видно изъ слѣдующаго, очень характернаго мѣста въ Палинодіи. Доказавъ въ одномъ мѣстѣ съ достаточною обстоятельностію, что церковь своимъ основаніемъ признаетъ (въ извѣстномъ смыслѣ) не одного только Петра, какъ утверждаетъ его противникъ, а всѣхъ вообще пророковъ, апостоловъ и отцовъ церкви, онъ продолжаетъ: „Але же на пытаючаго або на задаваючаго одно слово—*десять мовле-*

ны бытги мусятъ и болпй (лацнѣй абовѣмъ пытати, нѣжъ отповѣдати, и коротшими словы можетъ ся што задати, нѣжли выправити), и мнѣ пре то на пытане и на заданье отповѣдати *ширьше належитъ*"[1]). И дѣйствительно, дальше онъ вводитъ еще нѣсколько артикуловъ, гдѣ разсматриваетъ такія стороны этого вопроса, которыхъ его противникъ почти вовсе не касается. На сколько Копыстенскій остался вѣренъ высказанному здѣсь взгляду на требованія отъ критика полемиста въ своемъ разборѣ „Обороны" Кревзы, это видно уже изъ одного количественнаго отношенія частей этого сочиненія къ соотвѣтствующимъ частямъ Палинодіи. Именно: первая частъ Палинодіи, со стороны своего объема, болѣе, чѣмъ въ 20 разъ обширнѣе первой части „Обороны" (т. е. относится какъ 146 къ 7), вторая часть болѣе, чѣмъ въ 9 разъ, обширнѣе второй ея части (480: 51) и болѣе, чѣмъ въ 3 раза всей „Обороны" (480:138); въ общемъ же, вся Палинодія болѣе, чѣмъ въ 6 разъ, объемистѣе всей „Обороны" (933: 138). Но ниже мы увидимъ, что и въ качественномъ отношеніи Палинодія превосходитъ „Оборону" не въ меньшей степени.

При расположеніи содержанія въ Палинодіи, Копыстенскій слѣдуетъ тому же пріему, какому слѣдуетъ Филалетъ въ Апокрисисѣ, такъ что планъ Палинодіи находится въ такой же непосредственной зависимости отъ плана „Обороны" Кревзы, какъ планъ Апокрисиса—отъ плана „Обороны" Скарги. Подобно своему противнику Копыстенскій раздѣляетъ свое сочиненіе на 4 части.

Первая часть, соотвѣтственно первой части *Обороны*, раздѣляется на *три* отдѣла, изъ которыхъ первый въ

---

[1]) столб. 397.

свою очередь подраздѣляется на 9 артикуловъ, второй—на 5, третій—на 3. Въ этой части авторъ очень подробно и съ возможною всесторонностію разсматриваетъ вопросъ о равенствѣ власти апостола Петра съ властію другихъ апостоловъ. *Вторая* часть, также въ соотвѣтствіе второй части *Оброны*, раздѣляется на *тринадцать* отдѣловъ, изъ которыхъ въ первомъ 3 артикула, во второмъ—6, въ третьемъ—2, въ четвертомъ — 6, въ пятомъ—5, въ шестомъ—5, въ седьмомъ — 4, въ восьмомъ—3, въ девятомъ—8, въ десятомъ—10, въ одинадцатомъ—2, въ двѣнадцатомъ—8, въ тринадцатомъ—2. Въ этой части авторъ исторически доказываетъ, что не одинъ только римскій епископъ и не отъ одного только ап. Петра, а всѣ епископы и отъ всѣхъ апостоловъ въ равной степени унаслѣдовали совершенно равныя іерархическія права и что эти права всегда удерживали за собою восточные патріархи. На ряду съ этимъ главнымъ вопросомъ въ этой части авторъ затрогиваетъ множество частныхъ, по преимуществу практическаго характера, вопросовъ, касающихся жизни обѣихъ церквей. *Третья* часть раздѣляется на *пять* отдѣловъ; изъ коихъ въ первомъ 3 артикула, во второмъ—одинъ, въ третьемъ—2, въ четвертомъ—2, въ пятомъ—6. Въ этой части разсматривается фактъ принятія Русью и другими славянскими народами христіанства; приводится каталогъ всѣхъ кіевскихъ митрополитовъ, гдѣ кратко обрисовывается дальнѣйшая судьба западно-русской церкви, причемъ главное вниманіе обращается на отношеніе кіевскихъ митрополитовъ къ константинопольскимъ патріархамъ и римскимъ папамъ; приводится, далѣе, каталогъ константинопольскихъ патріарховъ, занимавшихъ престолъ со времени завоеванія Константинополя Турками,

и, наряду съ обозрѣніемъ дѣятельности на Руси Іереміи, констатируются нѣкоторые факты изъ исторіи брестской уніи. Въ заключеніе этой части предлагается анализъ переписки Петра Антіохійскаго съ Михаиломъ Керулларіемъ, какъ отвѣтъ на приложимыя въ концѣ третьей части *Обороны* два письма перваго изъ нихъ. *Четвертая*, самая меньшая по объему, часть, состоитъ только изъ *двухъ* отдѣловъ, изъ которыхъ каждый раздѣляется на 6 артикуловъ. Въ этой части, вслѣдъ за краткимъ, отличающимся легендарнымъ характеромъ, очеркомъ исторической судьбы славянъ, разсматриваются нѣкоторые частные вопросы, стоящіе въ большей или меньшей связи съ фактомъ брестской уніи. Послѣ четвертой части слѣдуетъ еще *приложеніе*, состоящее изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ трактатовъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ панигирика въ честь восточныхъ патріарховъ. Такимъ образомъ, вся Палинодія раздѣляется на 4 части, 23 отдѣла, 117 артикуловъ и *приложеніе*; текстъ же ея, въ настоящемъ изданіи, занимаетъ 933 столбца мелкой печати въ 8 д. л. большаго формата.

На методѣ, которому слѣдуетъ Копыстенскій, при обоснованіи своихъ мыслей, во всей силѣ отразилась система воспитанія греко-славянскихъ братскихъ школъ: „Латинниковe, по его словамъ, силлогисмовъ и аргументовъ ся учатъ—любопрѣтися и единъ другого перепирати, а Грековe и Россовe держатъ правую вѣру, и доводятъ правды ей зъ писма святого“ [1]). Авторъ на каждомъ шагу высказываетъ глубочайшее презрѣніе къ разнаго рода „софистіямъ“, „выкруткамъ“ и „силлогизмамъ“

[1]) Палинод. ст. 904.

противника и вообще—къ схоластикѣ, „съ которою латиняне, по его словамъ, высоко вылетаютъ, а низко падаютъ;“ и это не потому только, что его противникъ пользуется указаннымъ логическимъ пріемомъ въ томъ или другомъ данномъ случаѣ для доказательства фальшивыхъ положеній, а главнымъ образомъ потому, что онъ въ принципѣ отвергаетъ законность апріорическаго способа доказательства тамъ, гдѣ есть прямыя фактическія данныя: „*подобенства* и *рацїи* мѣстца тамъ не маютъ, гдѣ есть ясное право, и гдѣ канонъ выразне чого забороняетъ або позволяетъ“ [1]), замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своему противнику въ отвѣтъ на неудачную попытку заключенія путемъ аналогіи; „але же жадными слушностями, обращается онъ въ другомъ мѣстѣ съ упрекомъ къ своимъ противникамъ вообще, *не риючи* писма божого *свѣдоцствы* або святыхъ учителей церковныхъ *наукою недоводятъ*, только просто такъ декретуютъ“ [2])... Здѣсь авторъ упрекаетъсвоихъ противниковъ въ томъ, что они въ доказательство своихъ положеній не приводятъ достаточныхъ данныхъ; въ чемъ же заключается эта недостаточность? А въ томъ, что „они декретуютъ не риючи письма Божого свѣдоцствы, або святыхъ учителей церковныхъ наукою не доводятъ“, прямѣе говоря въ томъ, что они въ подтвержденіе своихъ мнѣній не представляютъ достаточныхъ *фактическихъ* данныхъ. Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ выраженіе „риючи“; этимъ терминомъ авторъ въ высшей степени характерно обрисовалъ самый процессъ той работы, къ которой онъ прибѣгалъ при обоснованіи того или дру-

---

[1]) ст. 591.

[2]) ст. 353.

гаго научнаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. И дѣйствительно, у него нельзя отыскать ни одного положенія, которое бы не было закрѣплено болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ. Въ противоположность царившей тогда въ іезуитскихъ школахъ схоластикѣ, предпочитавшей общій отвлеченный принципъ реальному факту, а поэтому почти всегда выѣзжавшей на апріорическихъ умствованіяхъ, — Копыстенскій является мыслителемъ съ совершенно противоположнымъ чисто реальнымъ направленіемъ мысли: прямой выводъ изъ факта является у него преобладающимъ логическимъ путемъ при обоснованіи мысли. Впрочемъ, по временамъ онъ прибѣгаетъ и къ аналогіи. Послѣднею онъ съ особеннымъ успѣхомъ пользуется при разоблаченіи софизмовъ своего противника. Подводя примѣръ вполнѣ аналогичный съ доказываемымъ противникомъ положеніемъ, онъ, съ одной стороны, со всею рельефностью выставляетъ на видъ слабыя стороны разбираемаго софизма, съ другой—вынуждаетъ своего противника сознаться, что употребленная имъ та или другая логическая форма заключенія даетъ одинаковое право на признаніе положенія радикально противоположнаго доказываемому. Вообще, нужно замѣтить, что въ борьбѣ съ противникомъ Копыстенскій является уже опытнымъ бойцомъ: анализируя то или другое его доказательство, онъ направляетъ дѣло такъ, чтобы къ концу концовъ

выставить употребленную имъ форму заключенія во всей наготѣ ея несостоятельности и, сведя ее, такимъ образомъ, къ абсурду, для большаго эффекта, рядъ доказательствъ заканчиваетъ или какимъ нибудь удачнымъ сравненіемъ, или даже просто какой нибудь остроумной пословицей. Разобравъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ рядъ аргументовъ Кревзы, доказавъ ихъ несостоятельность и, находя, что и вновь разбираемому готовится таже участь, онъ съ юморомъ замѣчаетъ: „ано такъ ся ему въ томъ щаститъ, якъ голому въ кропивѣ?“ Вообще нужно замѣтить, что богатый и разносторонній талантъ автора, на страницахъ Палинодіи выступаетъ во всемъ величіи своей силы и широты: онъ одинаково могучъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется тонкій, доходящій до мелкой скрупулезности, анализъ той или другой отдѣльной мысли, того или другаго частнаго факта, такъ и въ тѣхъ, гдѣ требуется связать и освѣтить одной общей идеей цѣлый рядъ разрозненныхъ между собою фактическихъ данныхъ.

Выдающеюся чертою изложенія содержанія въ Палинодіи, которою она отличается отъ Апокрисиса Филалета, является замѣчательная всесторонность и обстоятельность. Поставленныхъ, но нерѣшенныхъ вопросовъ и вообще разнаго рода недосказанныхъ намековъ, съ чѣмъ сплошь и рядомъ можно встрѣтиться въ Апокрисисѣ, и что произошло частію вслѣдствіе преднамѣреннаго ограниченія Филалетомъ своей задачи, частію вслѣдствіе спѣшности самой работы, — въ Палинодіи нѣтъ и слѣда. Здѣсь читатель убѣждается, что авторъ поставилъ своею задачею разъ на всегда покончить съ разсматриваемымъ имъ вопросомъ, и поэтому, не ограничиваясь тѣми его сторонами, которыя непосредственно за-

тронуты въ „Обронѣ“ Кревзы, онъ старается разсмотрѣть его во всей широтѣ его объема, имѣя въ виду не только кѣмъ нибудь и когда нибудь поставленные вопросы, но даже и тѣ, которые еще могли быть поставлены[1]). Съ другой стороны, когда пунктъ намѣченъ и вопросъ поставленъ, авторъ, при разрѣшеніи его, не ограничивается указаніемъ лишь нѣкоторыхъ, сдѣлавшихся въ современной ему полемической литературѣ ходячими, доводовъ; при пользованіи, напримѣръ, священнымъ писаніемъ или отеческой литературой, онъ не ограничивается приведеніемъ общеизвѣстныхъ, сдѣлавшихся, въ извѣстномъ смыслѣ, классическими мѣстъ, а закрѣпляетъ каждое свое положеніе, каждую мысль цѣлой массой выдержекъ и цитатъ, свидѣтельствующихъ о полной независимости и оригинальности его труда. И нужно замѣтить, что такая обстоятельность, доходящая нерѣдко до мелкой скрупулезности, не была простымъ слѣдствіемъ одной плодовитости и богатой эрудиціи автора; напротивъ, она была результатомъ намѣренно возложенной имъ на себя задачи. Да иначе, строго говоря, и нельзя было разсчитываться съ людьми, которые, на основаніи двухъ-трехъ

---

[1]) Этотъ фактъ съ особою силою выступаетъ въ первой части, гдѣ мысли, разсмотрѣнныя Кревзой въ III-хъ отдѣлахъ, развиваются въ Палинодіи въ 17 артикулахъ, изъ которыхъ каждый среднимъ числомъ болѣе, чѣмъ въ 4 раза объемистѣе каждаго отдѣла 1-ой части Оброны. Вообще нужно замѣтить, что въ первой части Палинодіи Копыстенскій какъ будто совершенно игнорируетъ Оброну Кревзы и въ каждомъ ея отдѣлѣ посвящаетъ только по одному артикулу, спеціально посвященному разбору доводовъ Кревзы, хотя вся эта часть посвящена тому же предмету, которому посвящена и 1-ая часть Оброны.

случайно подобранныхъ, и, вдобавокъ, съ іезуитскою добросовѣстностію передѣланныхъ, фактовъ, создавали общее положеніе и возводили его въ непререкаемый законъ. Пусть вы самымъ обстоятельнѣйшимъ образомъ разсмотрѣли тотъ или другой вопросъ, пусть вы привели безчисленное множество фактическихъ данныхъ для его обоснованія; но если вы случайно выпустили изъ виду какую нибудь мелочь, если вы пропустили два-три хотя и неважныхъ возраженія противъ доказываемаго вами положенія, и какъ бы хитро не была разставлена ваша логическая сѣть, вы не поймаете іезуита; онъ при помощи своей логики съумѣетъ уйти изъ нея и еще уличитъ васъ впослѣдствіи въ ненаучности и въ недобросовѣстности. Понятно, что успѣхъ въ борьбѣ съ такимъ, отъ ногъ до головы пропитаннымъ наглою беззастѣнчивостію, врагомъ возможенъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если спорный вопросъ будетъ исчерпанъ во всей своей полнотѣ и если совершенно не оставлено будетъ мѣста для іезуитской увертливости. Только съ этой точки зрѣнія мы можемъ понять и вполнѣ оцѣнить умѣстность въ Палинодіи того явленія, что авторъ, напримѣръ, самъ сознавая, что тотъ или другой вопросъ имъ уже вполнѣ обоснованъ, считаетъ нужнымъ, тѣмъ не менѣе, вводить рядъ новыхъ доводовъ, необходимыхъ не столько для увеличенія доказательной силы, сколько для того, чтобы завязать языкъ неугомонному противнику. Такому отношенію къ дѣлу, какъ нельзя лучше, благопріятствовала блестящая эрудиція автора, которая, если принять во вниманіе, что Палинодія писана въ началѣ XVII вѣка, и притомъ писана человѣкомъ съ домашнимъ, такъ сказать западно-русскимъ образованіемъ, заслуживаетъ полнаго удивленія. Въ своемъ каталогѣ писателей, сочи-

неніями которыхъ Копыстенскій пользовался при написаніи Палинодіи, не считая книгъ Свящ. Писанія, онъ насчитываетъ болѣе 100 отдѣльныхъ авторовъ, не включая тѣхъ, на сочиненія которыхъ онъ только дѣлаетъ ссылки, и которыхъ, поэтому, не счелъ нужнымъ вносить въ каталогъ. [1]) По роду своему эрудиція автора отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ. Кромѣ блестящаго знанія Священнаго Писанія, авторъ обнаруживаетъ очень основательное знакомство съ сочиненіями всѣхъ сколько нибудь выдающихся отцовъ и учителей церкви, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ и не только древнихъ, но и ближайшихъ къ нему по времени; онъ высказываетъ обстоятельное знаніе каноновъ не только вселенскихъ, но и помѣстныхъ соборовъ, съ толкованіями на нихъ лучшихъ канонистовъ, а равно и законовъ византійскихъ императоровъ; онъ, далѣе, довольно основательно знакомъ съ очень многими сочиненіями какъ восточныхъ, такъ и западныхъ историковъ; ему также извѣстна вся западно-русская православная литература, вызванная современной мѣстной полемикой, именно, здѣсь встрѣчаются ссылки на Апокрисисъ, Эктезисъ, Ѳриносъ „Книжицу" Клирика Острожскаго; наконецъ, источниками для Копыстенскаго служили: польскія хроники, русскія лѣтописи, житія святыхъ, древнія богослужебныя книги, живопись на стѣнахъ древнихъ храмовъ, надписи на иконахъ, разсказы путешественниковъ, наконецъ происшествія изъ современной жизни.

---

[1]) Сравн., наприм., съ Каталогомъ (ст. 326) рядъ цитатъ на ст. 938.

Для болѣе полнаго и обстоятельнаго ознакомленія съ разсматриваемымъ вопросомъ, придерживаясь каталога самаго же Копыстенскаго, при помощи Миня (Patrolog. curs. compl.), Каве (Scriptor. Ecclesiastic. Histor. Liter.) и нѣкоторыхъ другихъ пособій, перечислимъ писателей, служившихъ источниками для Палинодіи и укажемъ тѣ болѣе раннія изданія ихъ сочиненій, которыя могли быть подъ руками у ея автора.

Августинъ, епископъ иппонійскій (354 --430) Edit.: Basil. 1529, 1543, 1556, 1569; Venet. 1571, 1584; Antverp. 1577; Colon. 1616; Paris 1515, 1586. Копыстенскій цитуетъ слѣдующія сочиненія Августина: 1) Retractationum libri II (Палинод. ст. 358, 359, 381, 383, 405, 408); 2) De agone christiano liber (Пал. 407, 425); 3) Quaestionum Evangelicarum super Mathaeum liber (Пал. 362, 528); 4) Contra Cresconium Grammaticum libri IV (Пал. 589); 5) De Baptismo contra Donatistas libri VII (Пал. 510); 6) De unico Baptismo contra Petilianum (Пал. 516); 7) De unitate Ecclesiae contra Petiliani Epistolam llber (Пал- 487, 488); 8) Enarrationes in Psalmos David CL (Пал. 356, 366, 407, 425, 510, 813, 824); 9) In Epistolam primam S. Ioannis Expositio, sev Tractatus X (Пал. 345, 374, 404); 10) In Evangelium Ioannis Expositio, sev Tractatus CXXIV (Пал. 350, 374, 388, 404, 416, 424, 427, 428); 11) De verbis Domini, sive de verbis Evangelii Sermones LXIV (Пал. 351, 374, 389, 404, 432, 437, 461, 510, 534); 13) De sanctis Sermones LI (Пал. 393, 401, 417, 442, 468); 13) De Pastoribus in Ezekielis caput XXXIV liber (Пал. 416, 425, 489); 14) In Apocalipsin Expositio, sev Homiliae XVIII (Пал. 367). Послѣднее относится къ spuria.

„*Александръ архіепископъ*". Подъ именемъ „Александра архіепископа" Копыстенскій, вѣроятно, разумѣлъ Александра, епископа александрійской церкви, учителя александрійской школы и перваго защитника православія противъ аріанства (+ 326 г.). Изъ сохранившихся сочиненій этого учителя извѣстны: 1) Καθαίρεσις или Depositio Arii et sociorum; 2) Ενὸς σώματος (epistola encyclica ad episcopos catholicos); 3) и посланіе Πρὸς τὸν ὁμώνυμον (т. е. къ Александру византійскому). Сочиненія эти помѣщены у византійскихъ историковъ: Сократа Схоластика (Histor. eccl. $1_{,6}$) и Ѳеодорита (H. e. $1_{,3}$), которыми пользовался Копыстенскій.

Амвросій, епископъ Медіоланскій. († 397) Edit. Basil. 1492, 1527, 1537, 1538, 1567; Romae 1580, 1585; Paris, 1529, 1540, 1549, 1586, 1603. — Копыстенскій приводитъ цитаты изъ сочиненій: 1) De Isaac et Anima liber (Пал. 441); 2) Enarrationes, Tractati et sermones in Psalmos (Пал. 367, 389,

402); 3) Commentariorum in Łucam Libri X (Пал. 340, 345, 390); 4) De incarnationis Dominicae Sacramento (345, 358); 5) De sacerdotali dignitate (Пал. 417); 6) Commentarii in Epi stolas D. Pauli (Пал. 345, 419, 435); 7) Commentarii in Apocalipsin B. Ioannis (Пал. 367); 8) De Paenitentia liber (Пал. 402, 441). Послѣднія три сочиненія Каве относитъ къ spuria. (См. также ссылки на тракты: „О рождествѣ Петра и Павла" (ст. 442, 476); „Слово на похвалу ап. Петра и Павла" (ст. 357), и трактатъ о 70 старцахъ (ст. 367).

Андрей, епископъ кессаріе-каппадокійскій (claruit 500 г.). Его „Commentarii in Apocalipsin" изданы въ концѣ комментарій Златоуста на Іоанна in editione Morclliana, tom VIII (Пал- 395, 396). Въ 1625 году толкованіе на Апокалипсисъ издано въ славянскомъ переводѣ самимъ же Копыстенскимъ.

Antigrafi. Подъ такимъ заглавіемъ выпущено было въ 1608 году на польскомъ языкѣ изъ Вильна православное полемическое сочиненіе, направленное противъ двухъ латиноуніатскихъ брошюръ: „Heresiae, Ignoranciae" и „Harmonia". Авторомъ этого сочиненія признается М. Смотрицкій. (Пал. 326).

Анѳеонъ (Въ печатн. изд. Пал. — Антигонъ), епископъ Арсинойскій (clar. 484). Ему приписывается „Epistola ad Petrum Fullonem", помѣщающееся въ изданіяхъ соборныхъ актовъ. (Пал. 326).

Арменопулъ Константинъ, ученый византійскій юристъ (около 1150 г.) Копыстенскій пользовался его сочиненіемъ „Epitome divinorum sacrorumque „Canonum", edit. Gr. Lat. a Leunclavio in *Iure* Gr. Rom. Tom 1. (Пал. 550, 1049).

Аѳанасій Великій, епископъ александрійскій, знаменитый защитникъ православія въ борьбѣ съ аріанами († 373). Болѣе полныя и болѣе раннія изданія его сочиненій: Lat. Basiliae 1556, ex officina Frobeniana, ed. P. Nannius Alcmarianus; Lat. Parisiis, 1572, a Sebastiano Nivellio cura; Gr. Heidelbergae, 1600, typis Hieronimi Commelini; Lat. Paris. 1608. Цитаты приводитъ Копыстенскій изъ слѣдующихъ сочиненій: 1) Apologia contra arianos, гдѣ приведены посланія сардикійскаго собора. Раньше это сочиненіе ошибочно называлось „Apologia secunda„, поэтому и у Копыстенскаго оно названо „Апологія вторая" (Пал. 551, 575, 634); 2) Ad Antiochum ducem questiones (Пал- 890).

Бароній, римскій кардиналъ и библіотекарь ватиканской библіотеки (1538—1607). Anaales ecclesiastici a Christo nato ad. a. 1198. a c. Baronio (Rom. 1588—1607 12 Bd., fol.) Копыстенскій пользовался изданіемъ П. Скарги, вышедшимъ

въ Краковѣ, въ 1607 году ,на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Roczne dzieie Kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Jezusa Christusa. Wybrane z Rocznydzieiow Koscielnych Cesara Baroniusza, kardynała S. R. K. nazwanych: Annales Ecclesiastici. (Пал. 330, 348, 415, 496, 503, 517, 520, 539, 542, 546, 549, 550, 553, 563, 565, 568, 575, 604, 614, 637, 663—670, 695, 697, 701, 729, 730, 735, 736, 739, 752, 761—769, 781, 823, 834, 842, 873, 891, 893, 895, 897, 903, 927, 934—937, 949, 969, 972, 985, 987, 999, 1000—1004 1087, 1094, 1105, 1127, 1128. 1162, 1163, 1169, 1172, 1176).

Беллярминъ, Робертъ, іезуитъ по ордену, одинъ изъ выдающихся богослововъ конца XVI и начала XVII в. (1542—1621). Судя по приводимымъ цитатамъ (Пал. 370, 371, 539, 872), можно думать, что К-скій пользовался полемическимъ сочиненіемъ Беллярмина: Disputationes de contraversis christianae fidei articulis, libr. IV Edit. Rom. 1581—1582 г.

Берно, монахъ С. Галленскій, потомъ аббатъ Авгійскій († 1045). Копыстенскій пользовался его сочиненіемъ Liber de officio Missae, sev de rebus ad Missae officium pertinentibus edit. Venet. 1572; Col. 1568; Paris 1610 fol. (Пал. 768, 769).

Блажовскій Мартинъ, переводчикъ Кромера. См. Кромеръ.

Блондусъ Флавій, знаменитый Италіанскій историкъ (1392—1463), секретарь при папѣ Евгеніи IV и др. Копыстенскій, по всей вѣроятности, пользовался его сочиненіемъ: De origine et gestis Venetorum. Edit. Basil. 1531, а также in thesauro antiquitatum et histor. Ital. (Пал. 330— Сабельникъ Блондусъ).

Ботеро Иванъ, іезуитъ, извѣстный историкъ и географъ, жившій во второй половинѣ XVIв. Коп-скій, вѣроятно, пользовался его сочиненіемъ: Dell memorabili de personagi il lustri (Bześcia 1610), въ которомъ, по свидѣтельству Собѣщанскаго, есть нѣсколько біографій западно-русскихъ людей, между прочимъ, и князя Острожскаго, какъ это видно изъ ссылки Коп-скаго (Пал. 1135).

Бревіарій, извѣстный римско-католическій служебникъ. Первоначальное возникновеніе его относится къ очень древнему времени; впослѣдствіи онъ потерпѣлъ нѣсколько измѣненій въ своемъ составѣ, который въ каждой новой редакціи все болѣе и болѣе расширялся (Пал. 327).

Бѣльскій Мартинъ, одинъ изъ первыхъ польскихъ историковъ (1495—1575). Ему принадлежатъ два историческихъ сочиненія: Kronika Swiata (Kraków 1550—1564) i Kronika

Polska (ibid 1597) Послѣдняя продолжена была его сыномъ Іоахимомъ Бѣльскимъ. Оба эти сочиненія за свободные взгляды были запрещены въ 1617 году и теперь встрѣчаются рѣдко (Пал. 938. 1073).

Валеріанъ, episcopus (Палинод.—Папа Cemeliensis sive Cemelensis (claruit 439). Homiliae xx. et Epistola ad Monachos paraenetica, edit Paris. 1612. (Пал. 327).

Василій, епископъ Анкірскій (около 347). Копыстенскій указываетъ на его письмо къ Александрійцамъ (Пал. 327).

Василій Великій, епископъ Кессаріи Каппадокійской († 379). Edit: Gracce, Venet. 1535, Basil. 1532; Lat. Bas. 1520, 1540; Antverp. 1568; Paris. 1571; Gr. Lat. Paris. 1618. Копыстенскій цитуетъ слѣдующія сочиненія Василія: 1) In Psalmos Homiliae XVII (Пал. 437); 2) Commentarii in XVI priora Esaiae capita. (Пал. 360); 3) Ad Amphilochium de Spiritu Sancto (Пал. 890); 4) Constitutiones Monasticae (Пал. 415, 439, 468); 5) Epistolae CCCCXXVIII (Пал. 498, 499, 505, 1155); 6) Oratio ad adolescentes, quomodo possint ex gentilium libris fructum capere (Пал. 901); 7) Regulae breviores CCCXIII (Пал. 890).

Василій, епископъ Селевкійскій (около 448). Orationes XLIII in Vetus (XVII) ac in Novum (XXVI) Testamentum, edit. Gr. Heidelbergae; De vita et miraculis S. Teclae virginis et Martiris libri II, edit. Gr. Lat, Antverp. 1608 (Пал. 327, 477, 493, 494).

Вускъ Іаковъ (1540—1597), іезуитъ, знаменитый польскій богословъ и проповѣдникъ. Изъ многочисленныхъ его трудовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ изданіе на польскомъ языкѣ библіи: Biblija, to iest ksiegi Starego i Nowego Testamemtu, według łacińskiego przekładu starego na polski ięzyk znowu przełożona (Kraków, u Łazarza, 1599 fol.). Копыстенскій дѣлаетъ ссылку на его предисловіе къ библіи (Пал. 922), а также на его экзегетическія работы (Пал. 742).

Гвагнинъ, Александръ, польскій историкъ, родомъ Итальянецъ (1538—1614). Переселившись вмѣстѣ съ отцемъ своимъ въ Польшу, въ 1561 году поступилъ въ военную службу, въ которой оставался при короляхъ Сигизмундѣ Августѣ и Стефанѣ Баторіѣ. Въ 1578 году онъ издалъ въ Краковѣ на латинскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: Sarmatiae Europeae descriptio quae Regnum Poloniae, Lithuaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tartariae que partem, complectitur. Aleksandri Gwagnini Veronensis Equitis aurali peditumque prae-

fetci, diligentia conscriptae, w druk. Mat. Wierzbięty. Изданіе этого сочиненія вызвало въ свое время протестъ со стороны М. Стрійковскаго, заявившаго на него свои авторскія права и обличавшаго Гвагнина въ литературномъ воровствѣ. Въ 1611 году Гвагнинъ вторично издалъ его въ Краковѣ уже на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Kronika Sarmacyey Europskiey, w której się zamyka królewstwo Polskie, ze wszystkiemi państwy, księztwy, i prowincjamy swemi.... Послѣднее изданіе существенно измѣнено сравнительно съ первымъ. Копыстенскій пользовался послѣднимъ изданіемъ. (Пал. 326, 1006, 1032, 1033, 1102).

Геннадій, списконъ (Пал.—Патріархъ) Константинопольскій (въ концѣ V в.). Копыстенскій неговоритъ, какими сочиненіями его пользовался (Пал. 327).

Георгій или *Геннадій Схоларій*, первый патріархъ послѣ взятія Константинополя турками († 1460). Большая часть его сочиненій писана поповоду Флорентійской уніи. Одни изъ нихъ писаны за унію, другія противъ нея. Къ первымъ относятся: 1) Epistoła sev oratio adhortatoria de unione cum Latinis incunda ad Episcopos orientales in Synodo Florentina; 2) Orationes aliae III ad omnes Synodi Florentinae Patres. edit. Romae, 1612. Къ этой же категоріи сочиненій Схоларія относится слѣдующее подложное: 3) Expositio sev Apologia pro sancta et Oecumenica Synodo Florertino, et Defensio quinque capitum in consilio contra Graecos definitorum, Edit. Gr. Romae 1586. Изъ сочиненій Геннадія противъ уніи Копыстенскій говоритъ о двухъ: 1) „Діалогъ съ Турчиномъ о св. Духу", изд. въ Вильнѣ 1585 г., въ типографіи К. и Л. Мамоничей (Пал. 350); 2) „О похожденію Духа св., противко придатку Римскаго „и отъ Сына". О послѣднемъ К—скій говоритъ, что оно въ 1599 году прислано было Александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ Ипатію Поцѣю (Пал. 948).

Герардъ Воссій, извѣстенъ Копыстенскому какъ издатель сочиненій Григорія Неокесарійскаго (Mogunt 1604), которыя онъ снадбилъ своими замѣчаніями; на эти то замѣчанія и на приложенныя письма римскаго папы Льва и дѣлается ссылка въ Паллинодіи (ст. 611).

Грегора Никифоръ, византійскій историкъ († 1359). Historiae Byrantinae libri XI ab anno 1204 ad 1341. Edit. Hieron. Volf. Gr. Lat., Basil., 1562, Lat. Paris. 1567; Francf. 1568, 1587; Gr. Lat. Genevae 1615; Paris. 1616 (Пал. 546, 747, 915, 925).

Григорій Богословъ († около 390). Edit.: Gr. Basil. 1550, Lat. Basil. 1571, Paris. 1583; Gr. Lat. Paris. 1609. Копыстенскій приводитъ цитаты изъ слѣдующихъ его сочиненій: 1)

Oratio funebis in laudem Basilii Magni (Пал. 1153;) 2) Oratio in laudem Athanasii Magni (Пал. 396, 455, 475); 3) Oratio ad Arianos et de scipse (Пал. 435); 4) Oratio in Epiphanium (П. 428).

Григорій Двоесловъ, епископъ римскій († 604). Edit. Paris. 1523, Romae 1588, 1593, Basil. 1564, Paris. 1571, Antverp. 1572, 1615, Paris. 1605. Копыстенскій цитудтъ слѣдующія сочиненія Григорія: 1) Expositionis in Iob, sive Moralium libri XXXV (Пал. 346). 2) Expositio in VII Psalmos Paenitentiales (Пал. 488); 3) De diversis lectionibus Evangelii Homiliae XL (Пал. 511); 4) Epistolarum libri XII (Пал. 346, 418, 671, 672, 697, 711, 712).

Дамасъ, римскій папа (367—384). Важнѣйшія изъ его сочиненій: 1) Epistola Synodica ad Episcopos Illirici de concilia Ariminensi; 2) Epistola synodica ad Episcopos orientis contra Apollinarium; 3) Confessio fidei Cotholicae ad Paulinum Episcopum Antiochenum (Hirtoria Ecclesiastica Theodoriti) и нѣкоторые другіе. Ему также приписывается нѣсколько подложныхъ сочиненій. Копыстенскій не говоритъ, какими изъ этихъ сочиненій онъ пользовался (Пал. 327, 539, 703, 1081).

Дамаскинъ Іоаннъ, († около 760). De sacris imaginibus orationes III. Edit. Romae 1553. Lat. Antverp. 1556, Gr. Lat. Basil. 1575. Вообще же сочиненія Дамаскина были издаваемы: Basil. 1539, 1548, 1575, Paris. 1577, 1603, 1619, (Пал. 327, 397, 511,.

„*Діалогъ*, въ Вильнѣ, у Маминича". См. Схоларій Геннадій.

Діонисій Ареопагитъ, мужъ апостольскій, ученикъ ап. Павла, членъ аѳинскаго ареопага. Edit. Latin., Colon. 1536; Gr. Basil. 1539, Venet. 1558, Paris. 1562; Lat. ibid. 1566, 1569; Gr. Lat. ibid. 1615. Копыстенскій несомнѣнно знакомъ былъ съ тремя сочиненіями Діонисія: 1) De caelesti Hierarchia 2) De Divinis Nominibus; 3) De Ecclesiastica Hierarchia (Пал. 466, 647, 884).

Діонисій, сначала (съ 233) учитель Александрійскаго училища, а потомъ (248—265) александрійскій епископъ. Копыстенскій ссылается только на одно письмо Діонисія къ Навату, помѣщенное въ 45 (П.—44) главѣ VI книги Исторіи Евсевія (Пал. 797).

Дитмаръ, или Титмаръ, епископъ Мерзебурскій (976—1019). Копыстенскій пользовался составленною имъ лѣтописью „Chronicon", которая въ восьми книгахъ обнимаетъ исторію отъ 908 до 1018 года. Edit. Reinerus Reineccius, Fraucf. 1508 и 1600. (Пал. 1002).

„Дѣи Берестейскаго собора зъ части православныхъ", т. е. Акты православнаго Брестскаго собора 1596 г.

Евагрій Схоластикъ, церковный историкъ конца VI в. Копыстенскій пользовался его Historiae Ecclesiastiae libri VI. Edit. Rob. Stephani, Paris. 1544, Gr. Lat. Gen. 1612 (Пал. 544, 610, 656, 660, 1164, 1176, 1177).

Евлогій, патріархъ Александрійскій († 608). Ему приписывается нѣсколько сочиненій и между прочимъ Contra Novatum Haeresiarcham de administratione Ecclesiastica libros VI. Копыстенскій неговоритъ, какими именно сочиненіями его онъ пользовался (Пал. 327, 562).

Евсевій Памфилъ, епископъ кесаріійскій († 337—340). Копыстенскій цитуетъ два сочиненія Евсевія: 1) De vita Constautini libri IV (Пал. 538); 2) Historiae Ecclesiasticae libri X (Пал. 560, 599, 666, 667, 797, 1132, 1168, 1169, 1172) Edit. Rob. Stephani, Paris. 1544 fol. Gr.; Gr. Lat. Genevae 1612.

Евфимій Зигабенъ, Греческій монахъ (claruit 1116). Его сочиненія: 1) Orthodoxiae fidei dogmatica Panoplia adversus omnes Haereses. Edit. lat. Lugduni 1556, Paris. 1556, Venet-1557; 2) Commentaria in omnes Psalmos Davidis, et X S. Scripturae cantica; edit. Gr. Veronae 1530, Lat. Paris. 1543, 1547, Venet. 1568; 3) Commentaria in quatuor Evangelia; edit. Lovanii 1544, Papis. 1544, 1560, 1602, 4) Commentarium in Catholikas Epistolas (in Bibliotheca Sambuci). Копыстенскій неговоритъ, какими именно изъ этихъ сочиненій Зигабена онъ пользовался (Пал. 327, 510, 907, 911).

Епифаній, епископъ кипрскій († 403). Panarium, sive adversus Haereses LXXX. Edit. Gr. Basil. 1544, Lat. Basil. 1533, 1544, 1560, 1578; Paris. 1612; Colon. 1617. (Пал. 344, 527, 529, 628, 1158).

Зигомала Θеодосій, протонотарій великой церкви и экзархъ Патріаршій (около 1576); писалъ очерки изъ современной исторіи, былъ въ перепискѣ съ Мартыномъ Крузіемъ. Большая часть трудовъ Зигомалы издана Крузіемъ и Д. Хитримъ in Turco Graecia. Этими-то трудамм его и пользовался Копыстенскій (Пал. 472, 474, 912, 1049.

Златоустъ Іоаннъ, архіепископъ константинопольскій. (около 347—407). Edit. Lat.: Venetiis 1503. 2 vol. fol.; recus. Basil. 1504, Basil. apud Andream Cratandrum 1522 V tom.; Paris. 1524; Basil. 1530; Paris. 1543, 1546, Bas. 1547, 1558, 1576; Venetiis 1574; Paris. 1581, 1588; Antverp. 1614; Paris. 1613.—Edit. Gr. Etonae 1613; Gr. Lat. 1609 et cet. Славянскія изданія: 1) „Маргаритъ", т. е. сборникъ словъ Св. Златоуста на разныя случаи и по разнымъ предметамъ, вышедшій въ Острогѣ въ 1588 г.; 2) Книга „Освященствѣ", напс-

чатанная въ 1614 г. въ Львовской братской типографіи; 3 „Бѣсѣды на посланія Ап. Павла“, изданныя въ Кіевской братской типографіи въ 1621—1623 г. при непосредственномъ участіи самаго Копыстенскаго. Копыстенскій приводитъ цитаты изъ слѣдующихъ сочиненій этого Отца: 1) Homiliae in Matthaeum (Пал. 342, 343, 354, 358, 367—369, 402, 409, 410, 412, 421, 441, 446, 449, 450, 452—454, 527, 529, 830, 968); 2) Commentarius in Epistolam ad Galatas (Пал. 342, 357, 385, 453, 459, 465, 482, 661, 666); 3) Homiliae LV in Acta apostolorum (Пал. 455, 457, 464, 479, 481, 532); 4) Homiliae LXXXVIII in Ioannem (Пал. 392, 403, 417, 432, 433, 440, 448—450); 5) Homiliae in Epistolam primam (XI) et secundam ad Thessalonicenses (Пал. 402, 468, 479); 6) Homiliae XXXII in Epistolam ad Romanos (Пал. 390, 395, 441, 442, 458, 534); 7) Homiliae in Epistolam primam (XLIV) et cecundam (XXX) ad Corinthios (Пал. 443, 453, 454, 456, 477, 479, 487, 546, 1131); 8) Homiliae XXIV in Epistolam ad Ephesos (Пал. 362, 402, 685, 899); 9) Homiliae XXXIV in Epistolam ad Hebraeos (Пал. 402); 10) Homilia de anathemate (Пал. 510); 11) De Sacerdotio libri VI (Пал. 431, 441, 493, 499, 561). Цитаты изъ книги „о Священствѣ“ Копыстенскій приводитъ не по упомянутому Львовскому славянскому изданію (1614); противникъ же его Кревза прямо ссылается на это изданіе (Р. И. Б. т. IV, ст. 171); 12) De laudibus S. Pauli Apostoli. Hom. VII (Пал. 332, 425, 442—445, 451, 458; 13) De mutatione nominum (Пал. 390); 14) Homiliae IX de Paenitentia (Пал. 528); 15) Intrepretatio in Isaiam Prophetam, capita VIII (Пал. 431, 898); 16) Homiliarum in Genesim Continuatio (Пал. 531); 17) Expositio in Psalmos (Пал. 411); 18) De resurrectione D. N Jesu Christi (Пал. 441); 19) Homiliae in Epistolam ad Timotheum (Пал. 442—43); 20) De sancte Pentecoste (Пал. 342, 366—69, 375, 395, 396, 477). Бѣсѣды на Пятидесятницу Копыстенскій цитуетъ по какому-то сборнику (см. Пал. ст. 386), въ которомъ подложныя сочиненія св. Златоуста не отличались отъ дѣйствительно принадлежащихъ ему (Ср. цит. на ст. 342 съ Migne. Curs. Compl. Patrol. S. G. tom. LII, col. 806, или: цит. на ст. 477—съ Migne ibid. tom. L и LXIX, гдѣ помѣщены подложныя бесѣды Златоуста на Пятидесятницу); 21) Homiliae XXI de statuis ad populum Autichenum habitae (Пал. 370, 1157, 1164). Изъ этого сочиненія Копыстенскій приводитъ цитаты тоже по неизвѣстному сборнику; такъ на 370 ст. онъ ссылается на 79 бесѣду, тогда какъ у Златоуста считается только XXI бесѣда къ Антіохійскому народу (Migne ibid. tom. XLIX); 22) Contra Gentiles (Пал. 355, 368, 376);

23) На ст. 396 Копыстенскій приводитъ цитатъ, по видимому, изъ „In Petrum et Paulum sermo", которое считается подложнымъ (Migne, ibid. tom. LIX, col. 491); 24) На ст. 480 приводится цитатъ изъ неизвѣстнаго „Похвальнаго слова на 40 мучениковъ"; 25) Наконецъ на ст. 411 (на полѣ) сдѣлана ссылка на 1 книгу „На Ювиніана". Здѣсь или ошибочно приписано Златоусту сочиненіе Блаж. Іеронима: Libri duo adversum Iovinianum (Migne ibid. S. L. tom. XXIII); или „In Iovinianum" (на Ювиніяна)есть искаженіе—„In Iuventinum" (Migne ibid. S. G. tom. L col. 571), или—„Contra Iulianum" (ibid. col. 537)—сочиненій, дѣйствительно принадлежащихъ Златоусту.

Іаковъ Младшій, апостолъ († 62). Liturgia. Edit. Gr. Paris. 1560 (Пал. 328, 344).

Іеремія II, Патріархъ Константинопольскій, Транось († 1594); извѣстенъ между прочимъ своими сношеніями съ Тюбингенскимъ кружкомъ протестанскихъ богослововъ, во главѣ которыхъ стоялъ Мартинъ Крузій и которые хлопотали объ уніи Протестантизма съ Греческою церковью. Плодомъ этого сношенія былъ разборъ Іеремією Аугсбурскаго исповѣданія, отправленнаго имъ по адрессу 15 мая 1576 года. Копія съ этого Греческаго подлинника попала въ руки придворнаго короля Ст. Баторія, Станислава Соколовскаго. Онъ перевелъ ее на латинскій языкъ и придалъ такое заглавіе: Censura orientalis Ecclesiae, de praecipuis nostri saeculi haereticorum dogmatibus. Этимъ изданіемъ, вышедшимъ въ 1582 году и пользовался Копыстенскій. Іеремія писалъ также о новомъ календарѣ. Грамоты его изданы въ Острогѣ 1588 г. (Пал. 563, 768, 912).

Іеронимъ Блаженный, одинъ изъ учепѣйшихъ писателей западной церкви. (330—420). Болѣе раннія изданія его сочиненій: Basil. 1516, 1526, 1553, 1565; Romae: 1566, 1572, 1580; Antverp. 1578; Col. 1616; Paris. 1533, 1546, 1579, 1602. У Копыстенскаго встрѣчаются цитаты изъ 1) De virginitate adversus Ioviniani libri II (Пал 401, 815); 2) Commentarium in Esaiam libri XVIII (Пал. 365, 382); 3) In Evangeluim Mathaeae Commentariorum ad Evsebium libri IV (Пал. 382, 529); 4) In Epistolam ad Galatas Comm. libri III (Пал. 369); 5) Commentarii in Psalmos (350, 383, 510); 6) также изъ нѣкоторыхъ его посланій (Пал. 508, 510, 528, 530, 540, 579, 711).

Иларій, епископъ Пуатьескій (320—366). Болѣе раннія изданія его сочиненій: Paris. 1510, 1544, 1572, 1605; Basil. 1523; 1550, 1570. Копыстенскій приводитъ цитаты изъ 2-ой и 6-ой книгъ его трактата „De Trinitate libri duodecim, изъ толкованія на псаломъ LXVII (Пал. 346, 401, 366).

Ириней, епископъ Ліонскій († 202). Adversus Haereses sev de Refutatione, et Eversione falsae scientiae lidri V. Edit. Basil. 1526, 1534, 1548, 1560; Paris. 1563, 1567; Ganevae 1570; Basil. 1571; Paris 1577; Colon. Agr. 1595. (Пал. 514).

Ипполитъ, епископъ Пристани близъ Рима (во второй половинѣ III в.). Между его сочиненіями замѣчательны бесѣды, толкованія на разныя книги Св. Писанія: Бытія, Исходъ, Пророковъ, на евангелія Матѳея, Луки, Іоанна и др., и сочиненія догматико-полемическія. Копыстенскій не говоритъ, какими именно сочиненіями Ипполита онъ пользовался (Пал. 328, 410.

Исаакъ Сиринъ, епископъ Ниневійскій (около 540). Копыстенскій дѣлаетъ ссылку на его Sermones asceticos LXXXVII, изъ которыхъ LIII, подъ названіемъ Libri de contemptu mundi изданы въ Magn. Biblioth. vett. p. p. edit. Marg. de la Bigne. Paris. 1575. (Пал. 328, 819).

Иссаія Авва, подвизавшійся въ египетской пустынѣ (около 371). Копыстенскій, вѣроятно, пользовался его Sermones XXIV ad fratres in cremo degentes, Lat. in Biblioth. Patr. Colon. edit., tom. II (Пал. 328).

Исидоръ Пелусіотъ (claruit 412). Отъ него осталось множество писемъ. Edit. Gr. Lat. Paris. 1585, Heidelberg. 1605 (Пал. 344, 427).

Исихій, патріархъ іерусалимскій (въ началѣ VII в.). Копыстенскій цитуетъ два сочиненія: 1) Oratio demonstrativa in S. Andream Apostolam (Пал. 480); 2) Homilia in Iacobum fratrem Domini (Пал. 481, 536). Оба они изданы въ Библіотекѣ Фотія. Въ этомъ изданіи имя Андрея въ первомъ словѣ, по ошибкѣ переписчика, замѣнено именемъ Ѳомы, поэтому и Копыстенскій цитуетъ его какъ похвальное слово Ѳомѣ.

Кавасилъ Нилъ, архіепископъ Солунскій (около 1340), замѣчателенъ своими полемическими сочиненіями противъ Латинянъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два его сочиненія: 1) De causis divisionum in Ecclesia liber I; 2) De primata Papae liber I. Edit. Gr. Lat. Basil. 1544, Francfurti 1555. Кромѣ того ему приписывается сочиненіе De processione Sp. S. adversus Latinos libri XLIX и др. (Пал. 505, 559, 562, 643, 647, 902, 933).

Кавасилъ Николай, внукъ и преемникъ по архіепископской каѳедрѣ Нила К. (около 1350). Копыстенскій не говоритъ, какими именно сочиненіями этого автора онъ пользовался (Пал. 329).

Каллистъ Никифоръ Ксанѳопулъ († около 1341). Historiae ecclesiasticae libri XVIII a Christo nato ad an. 610. Edit. Lat. Bosil. 1553, Antverp. 1560, Paris. 1562, 1573, Francf.

1588 (Па. 329, 517, 539, 540, 610, 611, 621, 624, 630, 634, 637, 662, 663, 698, 912, 968, 1089, 1094, 1130, 1133, 1153, 1162, 1163, 1168, 1175, 1178).

Каллистъ, аѳонскій монахъ, а потомъ (около 1354) патріархъ Константинопольскій. Копыстенскій приводитъ цитатъ изъ его „Слова на Преображеніе Господне“ (Пал. 446).

Кассіанъ Іоаннъ, ученый богословъ и основатель двухъ монастырей въ Массиліи († 565). Въ Паллиподіи есть указанія относительно двухъ сочиненій Кассіана: 1) Collationes Patrum numero XXIV; 2) De Christi Incarnatione adversus Nestorium libri VII. Edit. Basil. 1575; Antverp. 1578; Romae 1580, 1611 (Пал. 328, 527).

Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій († 258). Копыстенскій могъ пользоваться слѣдующими изданіями его сочиненій: Romana, anno 1471, per Conradus Sveinheim et Arn. Pannartz; Venet., an. 1471, per Vindelinum Spirensem; innominata „cui nec partía, nec aetas affigitur“; Paris., an. 1512, ex tipographia Bertoldi Rembolti et Ioannis Vaterloes; Basil. 1520 edit. Erasmi. Изданіе Эризма въ послѣдствіи нѣсколько разъ было перепечатано: Basil. 1525, 1558; Fabric. 1540; Colon. 1525, 1544; Lugduni 1528, 1537, 1544, 1554; Paris. 1541 etcet. Edit. Pamel., Antverp. 1568. Изданіе Памелія тоже нѣсколько разъ было перепечатано: Antverp. 1589; Colon. 1617; Paris. 1574, 1603, 1616.—Цитаты Копыстенскій приводитъ изъ слѣдующихъ сочиненій: 1) Liber de Unitate Ecclesiae (Пал. 358, 401, 405, 440, 719). На ст. 719 сочиненіе это цитуется подъ названіемъ „Слово о простотѣ“, что даетъ основаніе предположить, что авторъ имѣлъ подъ руками вышеуказанное изданіе Рембольда, у котораго это сочиненіе имѣетъ такое заглавіе: De simplicitate Praelatorum“; 2) Epistola LXVII ad Stephanum, de Marciano Arelatensi, qui Novationo concensit (Пал. 421, 423, 492). Копыстенскій цитуетъ это посланіе какъ 67-ое, а таковымъ впервые оно начало считаться въ изданіи Памелія; 3) Epistola XLII ad Cornelium, de ordinatione ejus a se comprobata et de Felicissimo (Пал. 510). Посланіе это Копыстенскій цитуетъ по Эразмовскому изданію („Посланіе 10-ое книги 2-ой“); 4) Epistola LXIX ad Florentinum pupianum, de obtrectationibus. (Пал. 510). Цитатъ приводится тоже по Эразмовскому изданію („9-ое посланіе 4-ой книги“); 5) Epistola LV ad Cornelium de Fortunato et Felicissimo, sive contra hereticos (Пал. 587). Цитатъ выставленъ по Памеліевскому изданію („Посланіе 55“); 6) Epistola S. Cypriani ad Quintum (Пал. ст. 528). Въ спискахъ, по которымъ издана Палинодія, заглавіе этого посланія искажено; въ

Синодальномъ читается: „Посланіе къ Исирину", въ Толстовскомъ: „Посланіе къ Коприну"; 7) Наконецъ на столбцѣ 514 печатн. изд. Палинодіи встрѣчаемъ цитатъ: „(Посланіе 6 книги 5)". Внѣшняя форма этого цитата указываетъ на порядокъ счета посланій въ Эразмовскомъ изданіи; между тѣмъ въ дѣйствительности въ этомъ изданіи такого сопоставленія цыфръ въ счетѣ посланій не встрѣчается. Самое же содержаніе приводимаго цитата даетъ основаніе предположить, что онъ взятъ изъ вышеприведеннаго сочиненія Liber de Unitate Ecclesiae. Изъ сдѣланнаго обзора видно, что Копыстенскій имѣлъ подъ руками нѣсколько изданій сочиненій св. Кипріана (покрайней мѣрѣ слѣдующія три: Рембольда, Эразма и Памелія), или онъ приводитъ цитаты по различнымъ сочиненіямъ, авторы которыхъ пользовались не одинаковыми изданіями.

Кедринъ Георгій, византійскій историкъ (около 1057). Annales sev Chronicon ab o c. ad 1057. Edit. Xylandro, Basil. 1566 fol. (Пал. 641, 742, 747).

Кириллъ, архіепископъ александрійскій († 444). Edit. Lat. Basil. 1524, 1546; Paris. 1573, 1605. Копыстенскій приводитъ цитаты изъ слѣдующихъ сочиненій св. Кирилла: 1) Commentarium in Isaiam prophetam (Пал. 341, 366, 373, 393); 2) Commentarium in Zacharian prophetam (Пал. 819); 3) De Trinitate Dialogi VII (Пал. 344); 4) Донесенія Св. собора (т. е. Ефескаго), посланнаго съ епископами Ювеналіемъ, Фирмомъ, Флавіаномъ и др. императорамъ Ѳеодосію и Валентиніану (Пал. 542); 5) Наконецъ на 494 ст. авторъ приводитъ цитатъ якобы изъ Thesaurus de sancta et consubstantiali Trinitate; но приведенныя здѣсь слова не соотвѣтствуютъ содержанію этого сочиненія, хотя вполнѣ гармонируютъ съ воззрѣніями Св. Кирилла, высказываемыми въ другихъ сочиненіяхъ.

„Книжица" Острожскаго друку, т. е. „Книжица о единой истинной православной вѣрѣ" священника Острожскаго Василія, изданная въ Острогѣ въ 1588 году и направленная главнымъ образомъ противъ латинянъ (Пал. 328, 625, 765).

Кодинъ Георгъ, прозванный Куропалатою, византійскій историкъ (около половины XV в.). Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія 1) De originibus constantinopolitanis; 2) de Curae et Ecclesiae constantinopolitanae officiis et officialibus; 3) de forma urbis Constantinopolis; 4) de signis, statuis et aliis spectatu dignis constantinopolitanis; 5) de aedificiis; 6) de structura templi S. Sophiae Constantinop. (Пал. 328, 641, 772, 987, 1105).

Кромеръ, Мартинъ, епископъ Варминскій, польскій историкъ († 1589). Копыстенскій пользовался его сочиненіемъ: Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Edit. prim. Lat. J. Oporini, Basil. 1558; apad. Birccemanni, Colon. 1589; Martini Blażowscii, Polon. Crac. 1611. (Пал. 641, 934, 935, 937, 944, 945, 954, 976, 977, 986, 989, 990, 999, 1006, 1014, 1017, 1018, 1027—1029, 1109, 1221).

„*Кройника Словенская*“ зъ грецкаго прикладу“. Подъ этой хроникой Копыстенскій, вѣроятно, понималъ напечатанное въ „Книжицѣ“ клирика Острожскаго „Сказаніе въ кратцѣ отъ лѣтописца, сирѣчь — отъ кройники, о Латынѣхъ..“ (См. выше стр. 99 прим. 1).

Крузій, Мартинъ, одинъ изъ видныхъ представителей Тюбингенскаго кружно ученыхъ половины XVI в., хлопотавшаго объ уніи протестантизма съ Греческою церковію. Копыстенскій пользовался его сочиненіемъ Turco-Graeciae libri octo. Edit. Basil. 1584. (Пал. 329, 472, 474, 885, 894, 912, 1036, 1040. 1041, 1043, 1126).

Левъ Мудрый, философъ, византійскій императоръ († 911). Отъ него осталось много сочиненій. Копыстенскій дѣлаетъ выдержку изъ Novellae Constitutiones III, a Leone et Constantino fratre Augg. latae, extant Gr. Lat. ad calcem Synopseos Leunclavinae (edit. Basil. 1575 fol.) (Пал. 329, 603).

Маркъ Авреліи Кассіодоръ, получившій названіе сенатора, знаменитый государственный дѣятель при короляхъ Одоакрѣ, Теодорихѣ В. и его преемникахъ, а потомъ аббатъ Фиварійскаго (Vivaria) монастыря († около 565). Копыстенскій приводитъ цитаты изъ его Tripartitae libri XII. Edit. Basil. 1528, 1568, Francfurt 1588 (Пал. 621, 634).

Маркъ, митрополитъ Ефескій, знаменитый защитникъ православнаго ученія на Флорентійскомъ соборѣ (въ половинѣ XV в.). Сочиненіями его православные Западноруссы пользовались, какъ лучшимъ доказательствомъ того, что Флорентійская унія небыла принята греческою церковію. Важнѣйшія изъ его сочиненій: Epistola de Synodo Florentino ad omnes Christianos; 2) Epistola circularis ad omnes ubicunque terrarum degentes, о томъ же; 3) Tractatus, quod Divina dona sanctificantur non solum a verbis Dominicis, verum etiam a consequentibus oratione et benedictione sacercedotis, virtute sp. S. (Въ греческомъ подлинникѣ оно помѣщено между литургіями, изданными въ Парижѣ въ 1560 г.; 4) Processio fidei. 5 Capita Syllogistica contra Latinos de Processione Spiritus S. и др. Раннія изданія этихъ сочиненій можно отыскать въ изданіяхъ соборныхъ постановленій. (Пал. 912, 948).

Мартинъ 1, римскій папа († 655). Копыстенскій пользовался его письмами (Пал. 558).

Мартинъ Полякъ, епископъ гнѣзненскій (во второй половинѣ XIII в.), получившій особую извѣстность, благодаря обнародованію въ своей хроникѣ извѣстной фабулы о паписсѣ Іоаннѣ. На эту-то фабулу въ хроникѣ Мартина и дѣлаетъ ссылку Копыстенскій. Издан. хроники: Basil. 1559, Antverp. 1574 (Пол. 938).

Матѳей Властаръ, іеромонахъ, греческій толкователь церковныхъ каноновъ (около 1335). Копыстенскій пользовался его сочиненіемъ: Syntagma, sev Synopsis alphabetica rerum, que in sacris canonibus comprehenduntur (Пал. 537, 540, 544, 545, 547—549, 550, 552, 576, 581, 604, 607, 673, 677, 1073, 1074).

Мачускій, Андрей, извѣстный польскій переводчикъ конца XVI и начала XVII в. Копыстенскій приводитъ выдержки изъ его книги „въ Добромыслѣ чрезъ Андрея Мачускаго выданой“ (Пал. 901). Вѣроятно, это — O przyjazniach i przyjaciołach, книга, вышедшая въ Добромыслѣ, между 1611—1616 г., и состоящая изъ переводовъ классическихъ писателей съ предисловіемъ и посвященіемъ отъ переводчика. (Руск. Ист. Б. т. IV, прим. 17).

Меѳодій, извѣстный подъ именемъ епископа Олимпіи Ликійской, или Патарскаго, умеръ въ заключеніи въ гоненіе Діоклетіана, во время кесарствовадія на востокѣ Максимина (.311) Копыстенскій пользовался слѣдующимъ подложнымъ сочиненіемъ Меѳодія: Περὶ τῶν 'αποσυνάςεως κόσμου συμβάντων, καὶ των μελλόντων συμβαίνειν 'εις τὸ ἑξῆς. Edit, Gr. Lat. inter. orthodoxograf. Basil., et in Biblikth. PP. tom. LIII. (Пал. 867).

Михаилъ. Ни въ каталогѣ, ни въ самомъ текстѣ Палинодіи не сдѣлано никакихъ указаній относительно этого автора. Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду Михаилъ Керулларій, о которомъ Копыстенскій говоритъ, что „письма его и по сесь день найдуются“ (ст. 562). Въ трактатѣ „О новыхъ докторахъ“ упоминается Михаилъ, патріархъ Константинопольскій, которому приписывается сочиненіе „о преждеосвященныхъ“ (Пал. ст. 912).

Михаилъ Синкеллъ, пресвитеръ, синкеллъ, а потомъ протосинкеллъ Іерусалимскій († около 835). Копыстенскій дѣлаетъ ссылку на письмо Михаила, помѣщенное въ „славянскомъ сборникѣ“ (Пал. 1005).

Мѣховитъ, Матвѣй. Важнѣйшее сочиненіе его: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de continentis in eis. Edit. Lat. Crac. 1517, которое вышло вторымъ изданіемъ въ Вѣнѣ 1518 г. и третьимъ въ Краковѣ, 1521, съ нѣ-

сколько измѣненнымъ заглавіемъ: Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae et eorum quae in eis continentur („Russica“, 1, 807). На польскій языкъ оно переведено было Андреемъ Гляберомъ и трижды издано подъ заглавіемъ „Wypisanie swojej Sarmackiej krainy“ (Краковъ, 1535, 1541, 1545). Другое сочиненіе Мѣховита: Chronica Polonorum a prima propagatione ab ortu Polonorum usque ad an. 1506 (Краковъ, 1519, 1521). Копыстенскій не говоритъ, какимъ именно сочиненіемъ Мѣховита онъ пользовался (Пал. 329, 974, 976, 992).

Мороховскій, Илья, польскій писатель конца XVI и начала XVII в. Копыстенскій пользовался его сочиненіемъ: Dyskurs o początku rozerwania cerkwie Greckiey od Kościoła Rzymskiego (Замостье 1622 г.) Имя Мороховскаго не внесено Копыстенскимъ въ каталогъ, вѣроятно, потому, что каталогъ писанъ въ 1621 г. а это сочиненіе вышло въ 1622 г. (Пал. 754).

Никонъ, монахъ Черной Горы, что близь Антіохіи (во второй половинѣ XI в.), извѣстенъ своею учительскою дѣятельностію, начитанностію и высокою нравственностію. Отъ него осталось двѣ книги: 1) Пандекты и 2) Тактиконъ. Первая появилась у насъ въ рукописи въ XII в. и послѣ этого нерѣдко списывалась, съ конца XIV в.—въ новоизмѣненномъ видѣ; вторая (Тактиконъ) стала извѣстна только съ XIV в. и тоже переписывалась нерѣдко. Копыстенскій могъ пользоваться сочиненіями Никона Черногорца только въ рукописяхъ, потому что первое печатное изданіе ихъ сдѣлано было въ 1795 г.; предпринятое же въ началѣ XVII в. печатное изданіе пріостановилось при самомъ началѣ (Пал. 329, 664, 774, 807, 911).

„*Октоихъ*“ или „*Осмогласникъ*“. Между ранними изданіями Октоиха библіографіи извѣстно изданіе краковское, сдѣланное въ 1491 году Швайнольтомъ Фѣолемъ (О свѣдѣніяхъ объ этомъ изданіи у разныхъ библіографовъ см. у Каратаева: Описаніе славяно-русскихъ книгъ. 1878 г. № 1, стр. 1.). Очевидно, что это то самое изданіе, о которомъ говоритъ въ Палинодіи Копыстенскій: „Есть и другая церковная книга, которая ся называетъ съ Грецка „Октоихъ“ або „Охтай“, краковскаго друку, которая находится въ Смѣдинѣ подъ Турійскомъ на Волыни, въ Каменцу Литовскомъ при церкви Св. Симеона и индѣ“ (Пал. 991, 395, 483). Библіографіи извѣстны еще два другія раннія изданія Октоиха: одно сдѣлано въ 1494 г. въ Зетѣ или Цѣтинѣ іеромонахомъ Макаріемъ (Обзоръ Слав. Русск. библіогр. Сахарова,

№ 7), другое въ Венеціи въ 1537 году (Экземпляръ С. П. Дух. Акад.).

Оптатъ, епископъ Милевитскій, въ Нумидіи (въ половинѣ IV в.), современникъ папъ Дамаса и Сирицiя, ревностный противникъ ереси Донатистовъ. Отъ него сохранилось одно сочиненіе: De schismate Donatistarum. Болѣе раннія его изданія: Mogunt. 1549, Paris. 1269. Копыстенскій дѣлаетъ ссылку на первую книгу этого трактата (Пал. 599).

Оригенъ, знаменитый учитель Александрійской школы и одинъ изъ плодовитѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ христіанскихъ писателей (въ концѣ II и началѣ III в.). Болѣе раннія изданія его сочиненій: Paris. 1512, 1522, 1530, 1536; Basil. 1536, 1545, 1571; Paris. 1574, 1604, 1619. Въ Палинодіи приводятся цитаты изъ двухъ сочиненій Оригена: 1) Praefacio Commentariorum in Epistolam ad Romanos (Пал. 388); 2) Commentaria in Evangelium secundum Matthaeum (Пал. 340, 360, 365, 384, 400).

Ортоло ъ, псевдонимъ, подъ которымъ въ 1610 году Мелетій Смотрицкій издалъ свой Өриносъ.

Орѣховскій, знаменитый проповѣдникъ, публицистъ и историкъ XVI вѣка, краковскій каноникъ. Живо чувствуя свое русское происхожденіе (по матери), онъ рядомъ дѣйствій и сочиненій доказалъ свое сочувствіе къ православію и русской народности. Современники сравнивали его съ Цицерономъ, Демосөеномъ и Перикломъ. Отъ него осталась масса произведеній ораторскихъ, полемическихъ, философскихъ и историческихъ, изъ которыхъ многія и по настоящее время еще не изданы. К—скій ссылается на его сочиненіе: Diatribe St. Orichovii contra calumniam ad Andream Miekicium Tribunum ac equitem ruthenum, изданное въ Краковѣ, въ 1548 г. (Пал. 931) а также на его рѣчи въ пользу православія и русской народности (Пал. 606, 997, 1162—63).

Патерикъ Кіево-Печерскій. Копыстенскій, по всей вѣроятности, пользовался изданіемъ патерика, сдѣланнымъ въ 1597 году, въ Острогѣ, указаніе на которое находимъ въ „Опытѣ Росс. Библіограф." Сопикова, (Ч. V, № 12039). Изданіе это въ настоящее время неизвѣстно библіографіи и нѣкоторыя библіографы даже сомнѣваются въ его существованіи (См. Обз. Слав. Р. Библ. Сахарова, № 106). Но на основаніи сдѣланныхъ въ Палинодіи указаній, можно думать, что оно дѣйствительно существовало. (Пал. 774, 848, 1003, 1009, 1010, 1094, 1159).

„*Переводникъ* (путеводитель) костеловъ краковскихъ". По свидѣтельству самаго Копыстенскаго (П. 990), сочиненіе это выпущено было незадолго предъ написаніемъ Палино-

дiи: „книжка такъ названная, поясняетъ онъ, недавно выданая на осмеринѣ (8°).

Сабелликусъ (sabellicus), Маркъ Антонiй, итальянскiй историкъ, одинъ изъ возстановителей классицизма въ Италiи (1436—1506). Онъ, между прочимъ, написалъ: 1) De vetustate Aquilejae libri VI и 2) Rerum venetarum historiae. Edit. Basil. 1560, а также in thesauro antiquitatum et histor. Ital. Послѣднее изъ этихъ двухъ сочиненiй находилось въ львовской братской библiотекѣ (Труд. К. Дух. Ак. 1878. Iюнь, Прилож. 169), а потому можно думать, что имъ именно и пользовался Копыстенскiй.

Скарга, Петръ, iезуитъ, оффицiальный придворный проповѣдникъ при короляхъ Стефанѣ Баторiѣ, и Сигизмундѣ Ш, одинъ изъ ревностнѣйшихъ латино-унiатскихъ пропагандистовъ (1546 — 1612). Копыстенскiй пользовался изданными имъ Анналами Баронiя (См. Баронiй).

Скилица, Iоаннъ, Куропалата († послѣ 1080 г.), византiйскiй историкъ; доводитъ свою „исторiю" до 1080 года. Копыстенскiй (Пал. 628, 640) приводитъ цитатъ изъ первой части исторiи Скилицы, которая дословно приводится въ „Compendium Historiarum" Георгiя Кедрина. (Сравн. Пал. ст. 628 съ Patrolog. Curs. Compl. Migne, S. G. tom. CXXI, col. 1135). — Имя Скилицы (Scylitza) въ печатномъ изданiи Палинодiи приводится въ искаженномъ видѣ: „Скитиза".

Соборныя постановленiя. Копыстенскiй пользовался постановленiями какъ вселенскихъ, такъ и помѣстныхъ соборовъ (Пал. 330). Болѣе раннiя изданiя: Jacobus Merlinus II t., Paris. 1535, P. Crabbe II t., Colon. 1538, 1551. Соборныя постановленiя, подъ названiемъ „Правилъ", существовали и въ Славянскомъ Переводѣ. Кревза упоминаетъ о существовавшихъ въ его время въ пяти редакцiяхъ славянскихъ правилахъ, между которыми выдѣляетъ правила, присланныя въ 1270 году Болгарскимъ деспотомъ Иваномъ Драгомысломъ въ подарокъ кiевскому митрополиту Кириллу (Русск. Ист. Биб. т. IV, ст. 180). Онъ сравниваетъ эти правила съ латинскимъ ихъ изданiемъ in Tomis Conciliorum и указываетъ замѣченное имъ различiе (ibid. 185, 285). Копыстенскiй тоже пользовался правилами въ славянскомъ переводѣ (Пал. 598, 601—602, 674, 678, 881, 1015).

Созоменъ Ермiй Саламинскiй, византiйскiй историкъ († послѣ 466). Historiae ecclesiasticae libri II, и Historiae ecclesiasticae christianae libri IX. Edit. Robert. Stephanus et H. Valesius, Parisiis, 1544 fol. (Пал. 539, 550. 570, 571, 572).

Соколовскiй. Можно предполагать, что Копыстенскiй пользовался сочиненiями Станислава Соколовскаго, извѣст-

наго проповѣдника и ученаго временъ Баторія и Сигизмунда III. Полное собраніе его сочиненій („Stanislai Socolovii — opera") издано было въ 1591 г. (Пал. 330).

Сократъ Схоластикъ, родомъ изъ Константинополя († около половины V в.). Historia ecclesiastica, libri VII. Edit. Gr., Parisiis, Rob. Stephanus 1544 fol., Genevae, Gr. Lat. 1612 г. fol. (Пал. 539, 554, 571, 572, 619, 621, 623. 628, 633, 634, 640, 659, 695, 746, 970, 971, 1175).

Статутъ Литовскій. напечатанъ въ Вильнѣ, въ Типографіи Мамоничей, въ 1588 г. fol. (Пал. 330, 1043. Описаніе Сл. русск. кн. Каратаева, № 103, стр. 218). Извѣстно и другое виленское изданіе статута, сдѣланное въ 1586 году (Экземпляръ Библ. С. Петерб. Дух. Акад.). Кромѣ этихъ печатныхъ изданій извѣстны еще двѣ болѣе раннія его редакціи: статутъ первый или старый 1529 г. и статутъ второй, значительно дополненный (Истор. Р. Ц. Макарія, Т. IX, стр. 6, прим. 4).

Стрыйковскій, Матѳей, польскій историкъ второй половины XVI в. Копыстенскій пользовался его сочиненіемъ: Kronika polska, litewska, żmódska i wszystkiei Rusi, изданная въ 1582 году (Пал. 974, 975, 979, 998, 1029, 1033, 1036, 1102).

Тарасій, патріархъ Константинопольскій († 806) Копыстенскій пользовался его письмами: Epistola encyclica ad Patriarchos orientales, epistolae II ad Hadrianum Papam, epistola ad Ioannem Anachoretam; Apologeticus. Edit. Gr. Lat. Concil. t. VII (Пал. 341, 350, 494. 495, 556, 561, 652, 653, 704, 721, 722, 1133, 1154).

Тертуліанъ, пресвитеръ карѳагенской церкви (около 150—240). Болѣе раннія изданія его сочиненій: Beatus Rhenanus, Basiliae, 1521; J. Pamelius, Antverp. 1597. Въ Палинодіи приводятся цитаты изъ сочиненій: 1) Adversus Marcionem libri V (Пал. 365, 388); 2) Liber adversus Judeos (Пал. 970) Второй цитатъ изъ книги противъ Маркіона выставленъ на полѣ въ искаженномъ видѣ: „Тертуліанъ, въ книгѣ II, на Марка и Іоанна", т. е. Марк—и—іона. Въ печатномъ изданіи это мѣсто оставлено безъ вниманія.

Требникъ. Копыстенскій пользовался двумя изданіями требника: 1) *славянскимъ*, изданнымъ въ Стрятинѣ, въ 1606 году, представляющимъ переводъ съ Греческаго (Пал. 1002), и 2) *сербскимъ*, изданнымъ въ Венеціи, въ 1520 году (Пал. 1004). (См. у Каратаева. Опис. Сл. р. кн. N 14).

Тріодь Постная. Копыстенскій, по всей вѣроятности, пользовался своимъ собственнымъ переводомъ этой книги

съ греческаго; переводъ этотъ впослѣдствіи изданъ былъ имъ въ Кіевской типографіи (1626—1627 гг.). (См. Строевъ. Опис. сл. Старопет. кн. № 32, стр. 60).

Филалетъ, Христофоръ (Псевдонимъ). Копыстенскій пользовался его „Апокрисисомъ", изданнымъ въ 1597 г. на польскомъ языкѣ, а потомъ скоро (1598 или 1599 г.) переведеннымъ на западно-русскій.

Флавій, Іосифъ, Іудей родомъ, языческій писатель перваго вѣка христіанской эры. Копыстенскій пользовался двумя сочиненіями Флавія: 1) Antiquitatum Judaicarum libri XX; 2) Contra Appionum libri II. Edit. Gr., Basil., 1544; Lat. ibid. 1567; Gr. Lat., Genevae, 1611 (Пал. 328, 821).

Фотій, патріархъ Константинопольскій († около 891). Копыстенскій пользовался двумя сочиненіями Фотія: 1) Μυριοβίβλον, sive Bibliotheca, edit. Gr. 1601, Gr. Lat. Genevae 1613 (Пал. 480, 537, 742, 743, 1138); 2) Nomocanon, sive canonum ecclesiasticorum et Legum imperialum de ecclesiastica disciplina conciliatio, in titulos XIV distributa. Edit. Gr. Lat. cum commentariis Theodori Balsamonis, Paris. 1615, 1620. (Пал. 579, 603, 607, 1162).

Халкокондилъ Лаоникъ, аѳинянинъ, послѣ разныхъ приключеній въ покоренномъ отечествѣ водворившійся въ Италіи около 1470 г. († около 1490 г.). Historia de origine et rebus gestis Turcarum libris X, ab. an. 1300 ad 1463. Edit. Lat., Parisiis 1550, Basil. 1556, 1562, Gr. Lat. Genevae, 1615. (Пал. 337, 338, 946, 950, 655, 1121).

Хоніатъ Никита, византійскій историкъ (конца XII и начала XIII в.). Копыстенскій пользовался двумя его сочиненіями: 1) Historia de rebus gestis imperatorum libri XXI. Edit. Lat., Parisiis, 1566, Francofurt. 1568 f., Gr. Lat. Basil. 1557, Genevae 1593 (Пал. 775, 777, 778, 911, 1013, 1162); 2) Thesaurus Orthodoxae fidei libri XXVII. Edit. Lat. Paris. 1580, Genevae 1592. (Пал. 538). По послѣднему сочиненію Копыстенскій называетъ Никиту „Фисаврамъ." (Пал. 329).

„*Часословъ* или Полуставъ краковскій". Относительно того изданія этой церковной книги, которымъ пользовался Копыстенскій, мы находимымъ подробныя свѣдѣнія въ Палинодіи: „есть, читаемъ здѣсь, и третяя книга, которую зъ грецкаго языка называемо „ὡρολόγιον", а по словенску „Часословъ", въ Краковѣ друкованая року 1491, черезъ нѣякогось Швайпολта Фіолея, за кроля Казимера Ягелловича, отца Албрихтова, Александрова, Жигмонта Першого, кролевъ польскихъ. Зъ которой книги уживанья на око видѣти дается, же тыи законницы Празскіи и Краковскіи были регулы не овыхъ теперешнихъ мнихов Латинскихъ, але св. Саввы

Іерусалимскаго, бо той „Часословъ“ такъ есть отитулованъ: „Часословецъ, имѣяй нощную и дневную службу, по уставу, иже въ Іерусалимѣ великія Лавры, иже въ святыхъ отца нашего Саввы“. Тая книга находится въ монастыру Печерскомъ кіевскомъ, въ церкви Любелской, и ве Львовѣ у Честнаго Креста на Личаковѣ, середмѣстью Галицкомъ, въ Великомъ Берестю въ Литвѣ, гдѣ соборъ великій былъ року 1596, и индѣ. Таковогo „Часословца або Полустава“ и нынѣшнего вѣку всѣ законницы Грецкіи заживаютъ“ (Пал. 991—992). (См. Каратаевъ. Описан. Слав. русск. кн. № 2).

Юстиніанъ 1, Великій, византійскій императоръ (527—565). Копыстенскій пользовался сдѣланнымъ при немъ изданіемъ церковно-гражданскихъ законовъ: 1) Corpus juris civilis (т. е. Jnstitutionum libri IV, pandectorum sive digestorum libri L, et Codicis libri XII) i 2) Novellae. Edit. Gr. per Haloandrum, Paris. 1553; per Schrigerum ibid. 1558. Gr. Lat. Antverp. 1557. (Пал 524, 569, 579. 602, 608, 658. 697 — 698, 1134, 1160, 1162).

Өеодоритъ, епископъ Кирскій († 458). Копыстенскій пользовался двумя его сочиненіями: 1) Historiae Ecclesiasticae libri V. Edit. Graece, Bas. 1535, Paris. 1544 fol., Gr. Lat. Genevae 1612 (Пал. 1132, 1133, 1165, 1166, 1175, 1176); 2) Commentarius in Canticum Canticorum. Edit. Lat., Romae 1556, Colon. 1567, 1573, Paris. 1608, Colon. 1617. (Пал. 344, 538, 539, 554, 627, 628, 1132, 1133, 1165, 1166, 1172, 1175, 1176).

Өеофилактъ, архіепископъ Болгарскій († 1077). Болѣе раннія изданія сочиненій, которыми пользовался Копыстенскій: Commentaria in IV Evangelia, edit. lat. Antverp. 1564; Gr. Romae 1542, 1568; Commentaria in Acta Apostolorum, Gr. Lat. Colon. 1568; Commentaria in Epistolas S. Pauli, Lat. Romae 1469, Antverp. 1564, Colon. 1531, Paris. 1552. Цитаты приводятся изъ: 1) Enarratio in Evangelium S. Matthaei (Пал. 344, 354, 361, 394, 399, 403, 404, 412, 465, 468, 930); 2) Enarratio in Evangelium S. Lucae (Пал. 413, 438); 3) Enarr. in Evangelium S. Joannis (Пал. 384, 422, 485, 508, 711); 4) Expositio in Acta Apostolorum (Пал. 434, 464, 719, 1131); 5) Expositio in Epistolam ad Galatos (Пал. 465).

Кромѣ сочиненій отдѣльныхъ авторовъ, Копыстенскій пользовался еще сборниками. Извѣстно, что въ старое время сборники были въ большомъ ходу на Руси. Изъ множества сборниковъ, бывшихъ подъ руками у

Копыстенскаго (Пал. стр. 613), одни были болѣе полные, другіе сокращенные (ст. 502). По языку сборники эти Копыстенскій раздѣляетъ на Русскіе, Славянскіе и „Греческій Святогорскій“ (ст. 657, 768); по внутреннему достоинству онъ отличаетъ сборники „Чистые“, каковъ, напр., Святогорскій, отъ сборниковъ „несоборыхъ,“ которые въ церкви не принято почитать, и которые онъ сравниваетъ съ кладовой безпорядочнаго хозяина, въ которой, на ряду съ ѣстными припасами, помѣщается смола, деготь и разнаго рода ядовитыя вещества (ст. 657). По своему составу сборники были тоже неодинаковы. Одни изъ нихъ имѣли характеръ по преимуществу церковно-историческій: содержаніе ихъ, какъ можно судить на основаніи приводимыхъ Копыстенскимъ цитатъ, заимствовалась изъ патериковъ, прологовъ, палей и другихъ памятниковъ этого рода письменности (Пал. ст 395, 396, 414, 482, 502, 564, 604, 605, 609, 612, 613, 632, 657, 765, 766, 773, 883, 955, 974, 978, 995, 1001, 1015, 1027, 1029, 1092, 1098, 1151, 1154). Другаго рода сборники составлялись изъ твореній того или другаго отца или учителя церкви. Таковъ знаменитый „Маргаритъ“, т. е. сборникъ словъ Св. Златоуста на разные случаи и по разнымъ предметамъ, вышедшій въ Острогѣ въ 1588 году и бывшій подъ руками у Копыстенскаго (ст. 328, 412). Были наконецъ сборники третьяго рода, которые составлялись изъ сочиненій спеціально полемическаго характера. Скарга въ предисловіи къ первому изданію своего сочиненія „О единствѣ церкви“ говоритъ о присланныхъ ему виленскимъ бискупомъ Валеріаномъ „русскихъ книжкахъ, написанныхъ противъ римскаго костела” (Вторая кн. пам. Западно-русск. Пал. литер. стр. 227--228). О подобнаго

рода сборникахъ говоритъ и Кревза въ своей *Обронѣ* (Русск. Ист. Библ. т. IV, ст. 210). Что у Копыстенскаго были подъ руками этого рода сборники, это видно изъ прямаго его свидѣтельства: онъ, напримѣръ, говоритъ о хранившемся въ Кіево-печерской лаврѣ „*Сборникѣ* словенскомъ старомъ рукописномъ, въ которомъ много писмъ собранихъ есть напротивъ костелови Римскому" (Пал. ст. 938; сравн. ст. 902 и 994). Въ настоящее время библіографіи извѣстно нѣсколько такихъ сборниковъ. Вотъ извѣстнѣйшіе изъ нихъ. 1) Сборникъ, писанный на пергаменѣ въ концѣ XIV, или въ началѣ XV в. въ 8-ку, хранящійся нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ, изъ собранія графа Толстова (отд. III, № 65); 2) Сборникъ, писанный на бомбицинѣ въ началѣ XV в. въ 4-ку, принадлежащій библіотекѣ покойнаго А. Попова; 3) Сборникъ, составленный во второй половинѣ XVI в., списокъ съ котораго, сдѣланный въ 1580 году въ Супрасльскомъ монастырѣ, хранится нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ Древнехранилищѣ Погодина. Всѣ эти три сборника подробно описаны А. Поповымъ[1]); 4) Сборникъ XVI в., хранящійся въ литовской Дух. Семинаріи (№ 28), носящій заглавіе: „Сказанія Полезпаа о латинахъ, когда отлучишася отъ Грекъ и Св. Божія Церкве" и содержащій до

---

[1]) Первые два въ „Историко-Литературномъ Обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, (XI—XV в.) стр. 155—174 и 174—238; Третій въ журналѣ „Чтеніе въ Императ. Общ. Ист. и др. Росс." Январь—Мартъ 1879 г. въ статьѣ: „Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ". Первые два направлены спеціально противъ латинянъ, третій—противъ жидовъ, латинянъ, протестантовъ и магометанъ.

десяти статей противъ латинянъ[2]); 5) Сборникъ тоже XVI в., отрывокъ котораго приплетенъ къ двумъ старопечатнымъ брошюрамъ: „Унія" (1565 г.) и „Гармонія" (1608), принадлежащимъ Чертковской Библіотекѣ[2]) и нѣкоторые другіе[3]). Кромѣ сборниковъ, цѣликомъ составлявшихся изъ памятниковъ полемической литературы, послѣдніе вносились также въ книги и съ другимъ содержаніемъ, примѣръ чего видимъ въ Кормчей книгѣ и Сербскомъ Требникѣ начала XV вѣка[4]). Изъ описанія перечисленныхъ сборниковъ видно, что они наполнялись переводной и подражательной литературой, образцомъ для которой служили сочиненія греческихъ полемистовъ, начиная съ произведеній патріарха Фотія и оканчивая полемикой, вызванной Флорентійской уніей[5]). При слабомъ развитіи оригинальнаго творчества, литература этого рода пользовалась въ свое время у насъ большою

---

[1]) Исторія Русск. Ц. Макарія т. IX, стр. 303, примѣч. 316.

[2]) Русск. Истор. Библіот. т. IV Примѣч. 6.

[3]) „Историко-литерат. Обзоръ"... Попова стр. 145.

[4]) Ibid. стр. 122.

[5]) Литература этого рода въ послѣднее время начала привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей и, кромѣ изданія ея памятниковъ при разнаго рода историческихъ сочиненіяхъ, ей въ послѣднее время посвящено нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій, каковы: „Полемическія сочиненія противъ латинянъ, писанныя въ Русской церкви въ XI и XII в". Іером. Августина; „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочинении противъ латинянъ. (XI—XV в.)" А. Попова; „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ" А. Павлова.

этого рода пользовалась въ свое время у насъ большою популярностію и послужила той, такъ сказать, школой, въ которой учились наши западно-русскіе полемисты конца XVI и начала XVII в. Такимъ образомъ, связь между этими двумя періодами нашей полемической литературы не подлежитъ сомнѣнію, хотя лучшіе полемисты втораго періода смотрѣли на полемическія произведенія перваго періода не столько какъ на образцы достойные подражанія, сколько какъ на историческій матеріалъ, на основаніи котораго они могли доказывать всегдашнюю преданность православію греко - русской церкви, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ Копыстенскій въ Палинодіи.

Вотъ какимъ богатымъ матеріаломъ располагалъ Копыстенскій для своей Палинодіи и нужно замѣтить, что обширная эрудиція автора обращаетъ на себя вниманіе не только количественною, но и качественною своею стороною. Способъ пользованія разнаго рода сочиненіями, гдѣ авторъ въ немногихъ строкахъ нерѣдко совмѣщаетъ краткое резюме цѣлыхъ страницъ цитуемаго произведенія, свидѣтельствуетъ, что Копыстенскій не какъ нибудь легко относился къ имѣвшимся у него подъ руками памятникамъ, а тщательно изучалъ ихъ, какъ говорится, отъ доски до доски, что также можно видѣть изъ самаго пріема приведенія цитатъ. Вслѣдъ, напримѣръ, за указаніемъ цифроваго характера, у него часто слѣдуетъ поясненіе въ родѣ, напримѣръ, такого: „см. выше или ниже, въ началѣ или въ концѣ и проч.“ Къ самому тексту памятниковъ, которыми ему приходилось пользоваться, онъ относится съ полною научною добросовѣстностію: онъ требуетъ, чтобы текстъ оригинала приводился буквально (ст. 610) и какъ намъ пришлось убѣдиться,

самъ строго слѣдуетъ этому требованію[1]). Словомъ, изъ всего видно, что эрудиція Копыстенскаго основывалась не на бумажной памяти, а была плодомъ полнаго и основательнаго изученія литературы своего предмета, чѣмъ только и можно объяснить ту рѣдко встрѣчающуюся свободу, съ какою авторъ распоряжается содержаніемъ большинства письменныхъ памятниковъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Послѣднее обстоятельство должно было оказать не малое вліяніе на самую систематизацію матеріала въ сочиненіи: все сочиненіе, не смотря на разнообразіе вошедшихъ въ него вопросовъ,

---

[1]) Къ сожалѣнію, полная провѣрка всѣхъ приводимыхъ на страницахъ Палинодіи цитатъ встрѣчаетъ почти непреодолимое препятствіе частію въ недоступности изданій, которыми пользовался Копыстенскій, частію въ изкаженіи позднѣйшими переписчиками цыфровыхъ данныхъ, перешедшихъ и въ настоящее печатное изданіе. Подтвердимъ нашу мысль примѣромъ. На 628 и 641 столбцахъ настоящаго печатнаго изданія Палинодіи (Русск. Истор. Биб. т. IV) говорится о томъ, что Константинопольскіе патріархи иногда посвящали патріарховъ Антіохійскихъ, причемъ дѣлается ссылка на 56 и 57 посланія Льва Великаго. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о посвященіи Константипольскимъ патріархомъ Анатоліемъ Антіохійскаго патріарха Максима. Теперь вопросъ, по какому изданію выставлены въ Палинодіи указанныя цыфровыя данныя? Замѣчательнѣйшихъ изданій сочиненій Льва В. два: Янсениста Pasquier Quesnel, Paris., 1675 г. и католиковъ, двухъ братьевъ Ballerini, Venet. 1753—57 гг. Въ каждомъ изъ нихъ счетъ посланій особый. Изданіями этими Копыстенскій, конечно, пользоваться не могъ. Но были и болѣе раннія изданія, которыя могли быть подъ руками у Копыстенскаго: одно полное (Paris., 1614—1618 гг.) и нѣсколько не полныхъ; письма тоже из-

представляетъ изъ себя схему положеній, поставленныхъ между собою въ систематическую связь и съ начала до конца проникнутыхъ одною общей идеей единства. Тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, съ которыми не рѣдко приходится встрѣчаться въ массивныхъ, по объему, сочиненіяхъ,—въ Палинодіи встрѣтить нельзя. Но если въ общемъ формальная сторона Палинодіи вполнѣ выдерживаетъ критику, то относительно нѣкоторыхъ частностей можно было бы пожелать лучшаго. Впрочемъ, строго говоря, можно указать только на одну выдающуюся слабую сторону, развившуюся, какъ можно думать, изъ у-

---

давались нѣсколько разъ (болѣе извѣстное Petri Conisii, Colonae, 1546, 1547 гг. и Laurent. Surii, 1561 г.). Въ этихъ ante Ouesnellum изданіяхъ счетъ былъ тоже особый. Но ни одно изх этихъ изданій не соотвѣтствуетъ тому, которымъ пользовалься Копыстенскій. О посвященіи Анатоліемъ Максима говорится въ 104 и 106 посланіяхъ по счету Ballerini; и 104 Baller.=78 Pasqu. и 54 ante Quesn.; 106 B.=80. P.=53 ante Q. Съ другой стороны, 56 ante Q.=86 P.=113 B; 57 ante Q.=84 P.=111 B. А въ 111 и 113 B. нѣтъ ни слова о посвященіи антіохійскаго патріарха Констатинопольскимъ. Слѣдовательно, цыфры въ Палинодіи выставлены или по какому нибудь неизвѣстному изданію, или онѣ Представляютъ ошибку переписчика. Что послѣднее могло случится, это тоже можно подтвердить фактомъ. Доказывая равенство власти и чести Константинопольскаго пат. ріарха съ римскимъ, Копыстенскій на 657 стр. печатано изданія Палинодіи дѣлаетъ вѣрную ссылку на 28 канонъ Халкидонскаго собора. Чрезъ нѣсколько же страницъ (688) этотъ канонъ уже называется 21, а еще чрезъ нѣсколько страницъ (697)—58-мъ. Очвидно, что при такихъ условіяхъ почти нѣтъ никакой возможности провѣрить всю массу встрѣчающихся на страницахъ Палинодіи цитатъ.

казаннаго стремленія автора быть обстоятельнымъ: желая избѣгнуть всякаго рода недомолвокъ и темноты въ изложеніи, авторъ превращаетъ нерѣдко отдѣльные артикулы въ самостоятельные трактаты, которые, хотя внутреннею своею стороною стоятъ въ непосредственной логической связи съ общимъ содержаніемъ сочиненія, но съ внѣшней стороны могутъ быть разсматриваемы какъ нѣчто самостоятельное, имѣющее свое начало, средину и конецъ. Результатомъ такой постановки дѣла является неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ повтореніе однихъ и тѣхъ же мѣстъ.

Тона, проникающаго изложеніе содержанія въ Палинодіи, нельзя охарактеризовать какимъ нибудь однимъ опредѣленнымъ терминомъ. Читая длинный рядъ ея страницъ, невольно убѣждаешься, что Копыстенскій, въ довольно продолжительный промежутокъ времени, въ какой написано было это сочиненіе, воспринялъ множество самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній и пережилъ не мало соотвѣтствующихъ имъ душевныхъ состояній. То возмущенный очевидною, доходящею до наглости, ложью своего противника, онъ въ порывѣ негодованія разражается цѣлою бурею филиппики; то смягченный и умиленный чувствомъ любви къ врагамъ православія, изливаетъ свое внутреннее настроеніе въ теплой, глубоко прочувствованной, задушевной тирадѣ; въ одномъ мѣстѣ онъ клеймитъ своего противника ѣдкой, проникнутой сарказмомъ сатирой, въ другомъ—завершаетъ одержанную надъ нимъ побѣду легкой, дышущей тонкимъ юморомъ остротой... Но мы должны замѣтить, что во всемъ этомъ нѣтъ ни мелкой, приправленной памфлетомъ, бранчивости, ни часто встрѣчающейся въ нѣкоторыхъ современныхъ полемическихъ сочиненіяхъ фанатической злости: въ

Палинодіи есть сатира, но соль ея въ остроуміи и она не имѣетъ ничего общаго съ тою, до цинизма пропитанной пасквилемъ, остротой, съ которою можно встрѣтиться въ нѣкоторыхъ современныхъ, особенно латино-уніатскихъ, полемическихъ сочиненіяхъ. Въ Палинодіи, далѣе, мы встрѣчаемся съ обличеніемъ, доходящимъ иногда до бурнаго взрыва негодованія; но въ этомъ негодованіи читатель невольно признаетъ законный протестъ честной, благородной души, глубоко возмущенной беззастѣнчивымъ попраніемъ очевидной истины, и поэтому самый сильный тонъ обличенія здѣсь всегда смягчается законностію мотива и благородствомъ вызваннаго имъ душевнаго порыва. Но указавъ на эти выдающіяся стороны, мы въ тоже время должны замѣтить, что въ общемъ ходѣ изложенія содержанія въ Палинодіи преобладаетъ тонъ ровнаго спокойнаго изслѣдованія. И это совершенно понятно: еслибы Копыстенскій задумалъ ввести въ Палинодію побольше лирическаго элемента, то и безъ того широкія ея рамки должны были бы значительно увеличиться въ своемъ объемѣ; поэтому, какъ бы избѣгая послѣдняго обстоятельства, онъ слишкомъ скупится на излишнее разглагольствованіе. Благодаря послѣднему обстоятельству, въ Палинодіи легко можно встрѣтиться съ извѣстнымъ количествомъ трактатовъ, состоящихъ почти исключительно изъ длиннаго ряда разнаго рода свидѣтельствъ, сцѣпленныхъ между собою двумя—тремя словами, служащими своего рода цементомъ, необходимымъ для внѣшняго выраженія ихъ внутренней связи.

Послѣ сдѣланнаго обзора научныхъ средствъ, которыми располагалъ Копыстенскій при выполненіи возложенной имъ на себя задачи, мы постараемся оцѣнить научное достоинство Палинодіи, при чемъ для удобства

разсмотримъ ее съ двухъ сторонъ: съ догматико-теоретической и чисто-исторической, замѣтивъ предварительно, что въ самой Палинодіи нѣтъ внѣшняго основанія для такого дѣленія.

Мы уже видѣли, что Копыстенскій, какъ человѣкъ съ чисто реальнымъ направленіемъ мысли, вообще не придавалъ большаго значенія апріорическому методу изслѣдованія. Этимъ методомъ въ частности онъ не пользуется и при изслѣдованіи чисто догматическихъ вопросовъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, сила доказательства у него заключается въ фактѣ, и тѣхъ схоластическихъ умствованій, которыми переполнена вся средневѣковая богословская литература, и съ которыми въ послѣдствіи приходится встрѣчаться въ сочиненіяхъ нашихъ писателей, вышедшихъ изъ Кіево-Могилянской коллегіи,—въ Палинодіи нѣтъ и слѣда. Далѣе, мы видѣли также, что Копыстенскій имѣлъ полную возможность основать свое изслѣдованіе на чисто фактической почвѣ, такъ какъ онъ владѣлъ богатѣйшимъ ученымъ матеріаломъ, который составляли: Священное Писаніе, свято-отеческая литература, сочиненія греческихъ полемистовъ и, наконецъ, литература историческая. — Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, сколько авторъ обнаружилъ критическаго такта при пользованіи этимъ разнообразнымъ матеріаломъ? Извѣстно, какими бреднями еще съ самыхъ древнихъ временъ переполнена была наша переводная богословская литература, въ формѣ хронографовъ, наполненныхъ разнаго рода апокрифами, переходившихъ къ намъ сначала изъ славянскихъ земель, по преимуществу изъ Болгаріи, а съ XV—XVI вв. и съ запада. Понятно, что отъ всякаго тогдашняго русскаго богослова, претендовавшаго на ученаго изслѣдователя, прежде всего

требовалось умѣнье и рѣшимость отказаться отъ старыхъ воззрѣній на эту литературу. Вотъ классическое мѣсто изъ Палинодіи, изъ котораго ясно видно, съ какою осторожностію, съ какимъ трезвымъ и свѣтлымъ взглядомъ относился онъ къ тѣмъ литературнымъ памятникамъ, которыми ему приходилось пользоваться. „Речетъ снать (отступникъ Кревза), — зъ „Соборника“ есть взятый (приводимый имъ аргументъ)! Отповѣдаю ему, же книга „Соборникъ“ есть у насъ великой поваги книга, але „Соборникъ“ чистый, яковый маемо — Свято-горскій. Лечъ и то въ перестерогу дерзну речи, находятся нѣгдѣ не соборныи „соборники“, которыхъ въ церкви не подано читати, а тыи подобни суть — непорядочнаго господаря спѣжарнямъ, который въ ныхъ не только ховаетъ, што бы ѣлъ и пилъ, але смолу и деготь, и отъ яду што и трутизны, которыми бысь моглъ и помазати и осмородити: а неосторожный бывши онъ або хто другій невѣдомый—и струти! Есть въ ныхъ полно басній зъ „четій“, снать, зъ отступницкихъ легендъ; бо „легенда“—по Руску — „четя“. Есть басніи въ ныхъ и зъ „Палей“ и зъ тымъ подобныхъ въ церкви нашей мѣстца не маючихъ книгъ, презъ неуки господарѣ межи чистую пшеницу церковную яко куколю назбиранныхъ, которыи намъ теперь отступниковъ вмѣсто пшеницы удаютъ и, абысмо его заживали, залецаютъ. Але омылитъ ихъ, уфаемо Богу нашему, тая надѣя! Оминаютъ, за ласкою Божею, Російскую нашу церковь лѣта грубой простоты: свѣтити ей почала свѣтлость умѣетности и правды! Суть еще и другіе нововыникліи легенди, зъ „Постилъ“ разныхъ нажебраныи, недавно зъ друку по Руску выданіи, въ которыхъ на многихъ мѣстцахъ находятся паденія и погрѣшенія не малыя такъ противъ правой богословіи,

якъ и противъ догматомъ церкве апостольской, каѳолической, всходней. И тыхъ стеречися потреба и бѣгати, якъ трутизны и непріязни къ церкви нашей, которыхъ есть много"[1]). Едвали нужно прибавлять что нибудь къ этимъ характернымъ словамъ, чтобы составить себѣ представленіе о критическомъ отношеніи автора Палинодіи къ попадавшемуся ему подъ руку разнородному ученому матеріалу. Эта тирада какъ нельзя лучше убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ какимъ нибудь современнымъ Московскимъ начетчикомъ, слѣпо вѣрившимъ всякой небылицѣ, готовымъ идти на плаху изъ за измѣненія одного слова въ старой книгѣ, хотя бы оно было воплощенной нелѣпостію, а съ человѣкомъ, который, съ подобающимъ ученому изслѣдователю критицизмомъ, сортируетъ попадающійся ему подъ руку матеріалъ для того, чтобы отличить въ немъ хорошее отъ дурнаго, годное къ употребленію отъ негоднаго. Главнымъ критическимъ правиломъ для него служитъ оцѣнка того или другаго литературнаго памятника путемъ сравненія съ другими такого же рода памятниками, при чемъ, памятники, писанные на славянскомъ, польскомъ и западно-русскомъ языкахъ, онъ старается, гдѣ это оказывается возможнымъ, провѣрять на основаніи памятниковъ латинскихъ и греческихъ; при этомъ памятникамъ послѣдняго рода у него отдается предпочтеніе предъ всѣми другими. Въ частности, между греческими памятниками на первомъ планѣ фигурируютъ у него, какъ самъ онъ выражается, —„древніе", „свято горскіе", т. е. добытые изъ Аѳона,— въ отличіе отъ ново-

---

[1]) Русск. Ист. Библ. т. IV ст. 656—657.

греческихъ, издававшихся въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ городахъ. Вторымъ практикующимся у Копыстенскаго критическимъ правиломъ служитъ оцѣнка факта на основаніи его внутренняго содержанія. Это правило примѣняется имъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится имѣть дѣло съ подложными, или по крайней мѣрѣ признававшимися православными за таковые, документами, которыхъ не мало выдвинуто было латино-уніатами во время поднявшейся тогда литературной борьбы и подлинность которыхъ могла быть опровергнута путемъ сопоставленія ихъ содержанія съ тѣми историческими условіями, при которыхъ должны были совершаться передаваемые въ нихъ факты. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходитъ о пониманіи того или другаго спорнаго мѣста или отдѣльнаго выраженія въ памятникѣ, авторъ прибѣгаетъ къ филологической критикѣ.—Что касается, далѣе, сравнительнаго достоинства отдѣльныхъ родовъ источниковъ, которыми ему приходилось пользоваться, то здѣсь онъ наблюдаетъ слѣдующую послѣдовательность: первое мѣсто занимаетъ у него „Святое Письмо", второе—„право Божіе", третье—„письма св. учителей церковныхъ", четвертое—„соборныя ухвалы" и, наконецъ, пятое—въ качествѣ пособія—сочиненія историковъ [1]). Здѣсь особаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что Копыстенскій между источниками довольно видное мѣсто отводитъ, какъ онъ выражается, „Божественному праву". „Божественное право", понимаемое въ широкомъ смыслѣ слова, по мнѣнію Копыстенскаго, доказывается „зъ Божого письма" [2]). Но

---

[1]) Ibid. ст. 671.

[2]) Ibid. ст. 713.

кромѣ этого общаго значенія оно имѣетъ еще свой специфическій смыслъ и въ этомъ случаѣ Копыстенскій понимаетъ подъ „Божественнымъ правомъ" фактъ непосредственнаго проявленія воли Божіей въ какомъ нибудь сверхестественномъ, чудесномъ актѣ[1]) и пользуется имъ, какъ особымъ, отличнымъ отъ Священнаго Писанія, видомъ аргументаціи[2]). Самое большое примѣненіе „Божественнаго права", какъ источника аргументаціи, въ Палинодіи мы встрѣчаемъ въ спорѣ Копыстенскаго съ Кревзою по вопросу о причинной связи между внѣшнимъ состояніемъ греческаго народа и греческой церкви съ одной стороны и православіемъ содержимаго восточною церквію исповѣданія — съ другой. Чтобы доказать дѣйствительность этой связи, Кревза, констатируя, во 1-хъ, фактъ униженнаго положенія грековъ въ политическомъ отношеніи подъ турецкимъ игомъ, во 2-хъ—отнятіе якобы святыхъ у восточной церкви и перенесеніе ихъ на западъ и въ 3-хъ—упадокъ между греками просвѣщенія и различныя нестроенія среди высшей іерархической власти, — утверждаетъ, что все это есть результатъ потери греческою церковію истиннаго православія, послѣдовавшей вслѣдствіе отдѣленія восточной церкви отъ западной (въ смыслѣ, конечно, непризнанія главенства папы), отдѣленія, навлекшаго на греческую церковь кару Божію[3]). Въ отвѣтъ на это Копыстенскій, доказавъ на основаніи аналогичныхъ примѣровъ какъ изъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной исторіи, что связь между сопоставляемыми Кревзою

---

[1]) Ibid. ст. 1071.

[2]) Ibid. ст. 671.

[3]) Ibid. ст. 209—219.

двоякаго рода явленіями не дѣйствительная, а фиктивная[1]), въ подтвержденіе того, что восточная церковь не потеряла древняго православія и что благодать Божія пребываетъ въ ней, сначала указываетъ на совершенныя въ сравнительно близкое къ автору время чрезъ Константинопольскихъ патріарховъ чудеса[2]), а затѣмъ, приводитъ длинный рядъ святыхъ и чудотворцовъ, появившихся въ нѣдрахъ восточной церкви уже послѣ раздѣленія церквей[3]). Въ настоящее время подобнаго рода аргументація въ спорѣ между учеными представителями отдѣльныхъ церквей не практикуется по той понятной причинѣ, что данныя подобнаго рода еще сами нуждаются въ обоснованіи. Но очевидно, что было бы грубой ошибкой переносить наши воззрѣнія на этотъ предметъ на современную Копыстенскому эпоху, и на основаніи ихъ произносить надъ нимъ приговоръ. Дѣло въ томъ, что противная сторона, ссылаясь, напримѣръ, на бѣдственное положеніе грековъ подъ турецкимъ игомъ, или на фактъ отнятія у Греческой церкви святыхъ и перенесенія ихъ на западъ, какъ на кару Божію за потерю восточною церковію древняго православія, этимъ самимъ выражала свое признаніе того самаго принципа, изъ котораго выходитъ въ данномъ случаѣ Копыстенскій. Если Кревза нашелъ умѣстнымъ сослаться на перенесеніе нѣкоторыхъ мощей съ востока на западъ какъ на доказательство оскудѣнія въ восточной церкви благодати и одолѣнія ея вратами адовыми, то Копыстенскій имѣлъ въ свою очередь такое же точно право, въ противовѣсъ

---

1) Ibid. ст. 820—833.
2) Ibid. ст. 833—841.
3) Ibid. ст. 841—857.

этому доказательству, сослаться на фактъ появленія въ восточной церкви новыхъ святыхъ, какъ на свидѣтельство ея святости. Это же нужно сказать и о пользованіи „Божественнымъ правомъ" въ спорѣ по вопросу о раздѣленіи церквей, гдѣ каждая изъ спорящихъ сторонъ признаетъ въ этомъ фактѣ непосредственное дѣйствіе Промысла, отдѣлившаго отъ тѣла вселенской церкви потерявшій православіе членъ, которымъ обыкновенно признается церковь, къ которой принадлежитъ противная сторона. Короче говоря, этотъ пріемъ доказательства, какъ практиковавшійся обѣими спорившими сторонами и, главное, какъ покоившійся, очевидно, на признаніи воли высшаго Промысла единственнымъ, безусловнымъ, и притомъ непосредственно дѣйствующимъ, факторомъ исторической жизни, могъ признаваться и дѣйствительно признавался имѣющимъ всѣ права на логическую состоятельность. Вообще, на это явленіе въ Палинодіи нужно смотрѣть, какъ на слѣды средневѣковаго теологическаго воззрѣнія на исторію, которое сплошь и рядомъ выступаетъ въ современной богословской литературѣ и которое въ частности сквозитъ и въ Палинодіи. Съ этой точки зрѣнія совершенно не трудно понять и то, на первый взглядъ кажущееся довольно страннымъ, явленіе, что въ Палинодіи, на ряду съ очень трезвыми, строго научными мыслями и взглядами, иногда попадаются и такіе, отъ которыхъ вѣетъ какою-то болѣзненностію. Таковъ, напримѣръ, высказанный въ предисловіи къ Палинодіи взглядъ на пришествіе антихриста, который раздѣлялся почти всѣми нашими современными Копыстенскому писателями и который выработался подъ вліяніемъ тѣхъ печальныхъ условій, въ которыя поставлена была тогдашняя западно-русская церковь. Впро-

чемъ, нужно замѣтить, что хотя de jure Копыстенскій отдаетъ и большое значеніе аргументаціи, заимствованной изъ „Божественнаго права", понимаемаго въ этомъ узкомъ смыслѣ, но de facto онъ прибѣгаетъ къ ней сравнительно рѣдко, такъ что главными источниками, которыми ему приходится пользоваться при рѣшеніи разнаго рода богословскихъ вопросовъ, служатъ: Священное Писаніе, отеческая литература, каноническое право, а гдѣ оказывается умѣстнымъ, и факты изъ древней церковной практики, заимствуемые изъ исторіи.

Послѣ сказаннаго, едвали нужно много говорить о томъ, какимъ долженъ былъ выйдти изъ подъ пера Копыстенскаго разсматриваемый отдѣлъ Палинодіи. Онъ поставилъ своею задачею спѣть „древнюю пѣснь (πάλιν ᾠδή), и нужно сознаться, что онъ пропѣлъ ее по всѣмъ правиламъ искуства. Вѣрность ученію и практикѣ древней церкви составляетъ неотъемлемую принадлежность этого отдѣла: его богословствованіе есть плодъ основательнаго изученія священнаго писанія и свато-отеческой литературы; его церковно-юридическія воззрѣнія твердо покоятся на опредѣленіяхъ церковныхъ каноновъ и практикѣ древней церкви. И мы думаемъ, что не скажемъ ничего лишняго, если замѣтимъ, что почти все, что только относится въ Палинодіи къ этому отдѣлу, если не имѣть въ виду, конечно, нѣкоторыхъ случайныхъ и притомъ большею частію только внѣшнихъ недостатковъ, достойно того, чтобы подъ нимъ подписалъ свое имя любой современный намъ православный богословъ. Мы выразились „почти все": есть въ Палинодіи одинъ, повидимому, слабый пунктъ, которымъ въ свое время попрекали еще Филалета и который впослѣдствіи отстаивалъ въ своей „Антопологіи" Дип-

лицъ: это именно вопросъ о правѣ мірянъ учавствовать въ духовныхъ дѣлахъ. Отстаивая противъ нападокъ латино-уніатскихъ полемистовъ ту мысль, что унія никакимъ образомъ не могла состояться безъ вѣдома какъ всѣхъ степеней іерархіи церковной, такъ и свѣтскихъ лицъ, авторъ говоритъ: „а же до соборовъ о вѣрѣ, набоженствѣ и о догматахъ и до обиранья на преложенства церковныи отправующихся при архіепископахъ, митрополитахъ и епископахъ, такъ низшаго степене духовныи, якъ тежъ и свѣтскіи стачове належать и на синодахъ бывали, а отдалены не были" [1]). Но отстаивая право мірянъ участвовать на соборахъ, онъ отводитъ имъ здѣсь второстепенную роль: „Заправды, говоритъ онъ въ сочиненіи *о правдивой едности,* яко епископы и клирикове безъ митрополита, такъ кто безъ епископовъ ничего не имѣетъ становити" [2]). Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Копыстенскій рѣшительно отвергаетъ право мірянъ вмѣшиваться въ дѣла церкви: „коли о грѣхи и иныи якіи припадки и проступки межи духовными, особъ самыхъ дотыкающиися, справы будутъ, свѣцкіи на той часъ не належатъ" [3]). Или: „всяко абовѣмъ обраніе, или постановленіе, которое отъ свѣтскихъ урядовъ бываетъ, не важно есть и ничто почитано и имено быти имѣетъ" [4]). Впрочемъ, необходимо замѣтить, что взглядъ Копыстенскаго на этотъ вопросъ не можетъ быть признанъ вполнѣ тожественнымъ съ мнѣніемъ по этому вопросу нашихъ авторитетовъ въ области богосло

---

[1]) Ibid. ст. 1129--1130.

[2]) Уваровскій Сборн. стр. 61.

[3]) Палинод. ibid. ст. 1129.

[4]) О нрав. едности. Ibid. обор. 60 стр.

вія[1]). Но, съ другой стороны, кому хоть сколько нибудь извѣстно, какую незабвенную услугу оказали міряне западно-русской православной церкви въ лицѣ братствъ, почти исключительно на своихъ плечахъ вынесшихъ ее изъ той глубокой пропасти, въ какой оказалась она въ разсматриваемую, очень трудную для нея минуту жизни, кому также извѣстно, какое участіе принимали міряне въ дѣлахъ церковныхъ въ первые три вѣка христіанской церкви и какую роль играла въ этомъ отношеніи свѣтская власть въ лицѣ византійскихъ императоровъ какъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ, такъ и въ слѣдующій періодъ исторіи, — а все это прекрасно извѣстно было автору Палинодіи,—тотъ легко согласится съ тѣмъ, что Копыстенскій, а равно и другіе современные западно-русскіе полемисты, не могли, да и не должны были высказывать по этому вопросу иныхъ взглядовъ, чѣмъ тотъ, который высказанъ въ Палинодіи. Необходимо при этомъ замѣтить, что западно-русскіе полемисты, отводя такую видную роль въ духовныхъ дѣлахъ мірскому элементу, не проповѣдывали въ данномъ случаѣ какой нибудь новой, неизвѣстной въ западно-русской церкви и сложившейся подъ вліяніемъ какихъ нибудь протестантскихъ воззрѣній, теоріи, а отстаивали только противъ нападковъ латино-уніятовъ давнымъ давно установившуюся практику своей церкви. Извѣстно, что еще по опредѣленію частнаго Львовскаго собора 1539 го года, Братства, какъ и строители монастырей или церквей, имѣли участіе въ правленіи церковномъ: именно — попечительство о зданіяхъ, содержаніи духовен-

---

[1]) Смотр. Введеніе въ Богословіе Макарія.

ства и бѣдныхъ, и право голоса при назначенiи настоятелей и священниковъ [1]). А какъ велико было на практикѣ участie свѣтскихъ лицъ въ дѣлахъ церкви, это можно видѣть изъ королевской грамоты, изданной отъ 2-го января 1592 года на имя всѣхъ властей, чиновъ и владѣльцевъ великаго княжества Литовскаго: „мы имѣемъ вѣдомость,—читаемъ здѣсь,—отъ велебнаго и въ Бозѣ достойнаго Михаила Рагозы, архiепископа, митрополита Кiевскаго и галицкаго и всея Руси, что вы вступаетесь въ справы духовныя греческаго закона, принадлежащiя митрополиту и епископамъ, судите ихъ поповъ, расторгаете ихъ браки, не допускаете надлежащаго послушанiя митрополиту въ дѣлахъ духовныхъ" [2]). Константируемый здѣсь фактъ можно было бы подтвердить массою другихъ свидѣтельствъ. И это явленiе не должно казаться страннымъ: вмѣшательство мiрянъ въ дѣла церкви было естественнымъ протестомъ противъ несоотвѣтствiя современнаго духовенства своему назначенiю и являлось какъ слѣдствiе сознанiя западно-русскимъ народомъ той опасности, которая угражала русско-православному элементу въ краѣ,—словомъ, оно было результатомъ пробужденiя народныхъ силъ для борьбы съ разрушительными началами. И если это само по себѣ вполнѣ желанное явленiе иногда сопровождалось крайностями, если мiряне въ своемъ попеченiи объ интересахъ церкви превышали свои права, расширяя ихъ на счетъ законныхъ правъ духовенства, то вина въ этомъ случаѣ должна пасть на тѣ историческiя условiя, которыя до-

---

[1]) Истор. Русск. Церк. Филарета, т. II, стр. 29.

[2]) А. З. Р. т. IV, № 31.

вели духовенство до такого жалкаго состоянія, что оно оказалось неспособнымъ стать во главѣ этого великаго движенія и должно было отойти на второй планъ, уступивъ напору силъ, развивавшихся снизу. Но мы позволяемъ себѣ думать, что если бы современное западно-русское духовенство оказалось на высотѣ своего призванія, то въ западной Руси въ разсматриваемое время выработался бы такой типъ церковнаго управленія, гдѣ міряне, не нарушая законныхъ правъ церковной іерархіи, принимали бы дѣятельное участіе въ дѣлахъ церкви, и очень возможно, что здѣсь мы имѣли бы примѣръ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ, выдвинутыхъ современною намъ церковною жизнію. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, Копыстенскій, предоставляя мірянамъ право на участіе въ дѣлахъ церковнаго управленія, недопустилъ здѣсь ничего несогланаго съ духомъ православной церкви. Послѣ всего сказаннаго легко понять, какъ мало правды въ слѣдующемъ приговорѣ надъ православіемъ Палинодіи іезуита Ив. Мартынова: — „обширнѣйшій трудъ Захаріи Копыстенскаго—Палинодія, гдѣ разобраны всѣ прежніе спорные вопросы, только такъ слабо и такъ не православно, что и по сю пору изъ нея напечатаны только нѣсколько главъ [1])“.

Но если теоретическая сторона Палинодіи выдерживаетъ критику и съ точки зрѣнія современной богословской науки, то историческая ея часть, по крайней мѣрѣ

---

[1]) Предисл. къ апологіи Мелетія Смотрицкаго ст. XXIX—XXX (см. Изученіе Визант. ист. и ея тенденц. прилож. въ др. Руси Терновскаго т. II, стр. 209).

въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ, можетъ быть оцѣниваема только съ исторической точки зрѣнія. Это прежде всего нужно сказать о томъ ея отдѣлѣ, гдѣ авторъ касается исторіи русской церкви. Мы уже видѣли, что Копыстенскій взялъ на себя трудъ прослѣдить фактъ отношенія западно-русской православной церкви къ церквамъ Греческой и Римской. Съ этою цѣлію, разсмотрѣвъ предварительно фактъ принятія Русью, въ связи съ другими славянскими народами, христіанства, онъ приводитъ каталогъ всѣхъ кіевскихъ митрополитовъ, начиная съ Михаила и окончивая своимъ современникомъ уніатскимъ митрополитомъ, Іосифомъ Вельяминомъ Рутскимъ, причемъ онъ иногда довольно подробно останавливается какъ на характеристикѣ личности того или другаго митрополита, такъ и на нѣкоторыхъ современныхъ событіяхъ изъ исторіи внѣшней и внутренней жизни церкви. Кромѣ того онъ останавливается довольно подробно на современныхъ ему событіяхъ и лицахъ, насколько, конечно, они стояли въ связи съ занимавшимъ тогда всеобщее вниманіе фактомъ Брестской уніи съ ея ближайшими послѣдствіями для православной церкви. Для этого отдѣла, какъ мы уже видѣли, авторъ имѣлъ подъ рукой тоже очень богатый, хотя въ высшей степени разрозненный, въ полномъ смыслѣ слова сырой матеріалъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, здѣсь приходится встрѣчаться съ нѣкоторыми неточностями, которыя въ настоящее время уже исправлены, и съ мнѣніями, которыя теперь уже отвергнуты. Причина этого, конечно, лежитъ въ самомъ хактерѣ предмета: здѣсь выдвинуто много такихъ вопросовъ, которые и въ настоящее время, составляя своего рода terra incognita, служатъ и, можетъ быть, долго еще будутъ служить предметомъ спо-

ровъ и пререканій между учеными; а между тѣмъ о сравненіи тѣхъ наличныхъ средствъ, которыми располагаетъ современная наука съ тѣми и, которыми пользовался Копыстенскій, не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Нѣсколько въ иномъ свѣтѣ выступаетъ та часть историческаго отдѣла Палинодіи, гдѣ авторъ касается событій и лицъ изъ исторіи византійской церкви. Прежде всего нужно замѣтить, что для этого отдѣла авторъ, кромѣ Анналовъ Баронія, располагалъ такою богатою коллекціей сочиненій византійскихъ историковъ, какой не имѣли подъ руками ни его предшественники, ни слѣдовавшіе за нимъ Западно-русскіе писатели. Онъ пользовался сочиненіями Евсевія Памфила, Сократа Схоластика, Созомена, Георгія Кедрина, Іоанна Зонары, Никиты Хоніата, Ѳ. Вальсамона, Никифора Каллиста, Нила Кавасила, Николая Кавасила, Никифора Григоры, Матѳея Властаря, Геннадія Схоларія, Лаоника Халкокондила, Ѳеодосія Зигомалы, Іереміи II, патріарха Константинопольскаго. Кромѣ того у него находились подъ руками дѣянія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и „Турко-Греція" Мартина Крузія. Еще ни одинъ западно-русскій писатель до Копыстенскаго не приводилъ на страницахъ своихъ сочиненій такой массы цитатъ изъ такого количества византійскихъ историковъ, какъ это мы видимъ въ Палинодіи. Сочиненіями Кедрина, Зонары, Н. Хоніата, Грегоры, Зигомалы, и „Турко-Греціей" Мартина Крузія не пользовался даже самый солидный изъ предшествовавшихъ полемистовъ— Филалетъ, о другихъ же современныхъ писателяхъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, разсматривая каталогъ книгъ, цитируемыхъ въ произведеніяхъ Петра Могилы и людей, работавшихъ подъ его непосред-

ственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, тамъ также не встрѣчаемъ именъ К. Арменопула, Н. Кавасила, Грегоры, М. Властаря, Геннадія Схоларія, А. Халкокондила и Зонары[1]). Конечно, изъ того, что сочиненіями поименованныхъ писателей не пользовался Петръ Могила и его сотрудники въ дошедшихъ до насъ ихъ сочиненіяхъ, еще не слѣдуетъ, что сочиненія этихъ писателей не сомнѣнно не были извѣстны имъ; но съ другой стороны, изъ того только, что этими сочиненіями пользовался Копыстенскій, въ виду указанныхъ нами путей, посредствомъ которыхъ онъ могъ пріобрѣтать свои научныя свѣдѣнія, еще не слѣдуетъ заключать, что эти сочиненія непремѣнно должны были быть и подъ руками его преемниковъ по ученымъ занятіямъ. Разсматривая, напримѣръ, каталогъ книгъ[2]), пріобрѣтенныхъ П. Могилой въ 1632 году въ Варшавѣ, мы находимъ здѣсь, напр., сочиненіе Н. Каллиста „Historia ecclesiastica", за которое уплачено было 35 флориновъ, что по тогдашнему курсу составляло около 18 рублей на наши деньги[3]). Послѣднее обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что до этого времени этого сочиненія не было въ библіотекѣ Кіевскаго братства, такъ какъ въ противномъ случаѣ едвали бы Могила рѣшился уплатить за него такую значительную сумму; а между тѣмъ этимъ сочиненіемъ, какъ мы видѣли, несомнѣнно пользовался Копыстенскій. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, остается не-

---

[1]) См. о составѣ Библіот. Петра Могилы (Кіевск. Епарх. Вѣд. за 1876 г. № 9 стр. 303).

[2]) Тамъ же стр. 299.

[3]) Флоринъ по тогдашнему курсу равнялся около 50 коп. на наше деньги. См. Слов. Горбачевскаго.

сомнѣннымъ тотъ фактъ, что Копыстенскій пользовался сравнительно очень значительными — научными средствами для разсматриваемаго отдѣла своего сочиненія, и по этому интересно знать, какъ онъ воспользовался ими для своей цѣли.

Г. Терновскій въ своемъ сочиненіи „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное примѣненіе въ древней Руси" между прочимъ замѣчаетъ: „понятно, что разработка византійской исторіи у обоихъ противниковъ (Копыстенскаго и Кревзы) была въ высшей степени тенденціозная"[1]). Что Копыстенскій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматриваемаго отдѣла Палинодіи нѣсколько тенденціозенъ, — это вѣрно; но что г. Терновскій въ приведенныхъ словахъ сказалъ больше, чѣмъ есть въ дѣйствительности, это тоже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Разсматриваемую часть историческаго отдѣла Палинодіи, если поставить основаніемъ дѣленія тенденціозность автора, можно подраздѣлить на двѣ половины; къ первой половинѣ необходимо отнести исторію, обнимающую собою періодъ семи вселенскихъ соборовъ; ко второй—періодъ, начинающійся со времени столкновенія церквей при патріархахъ Игнатіи и Фотіѣ. Что въ первой намѣченной половинѣ Копыстенскій свободено отъ всякаго рода тенденціозности, и главное, что здѣсь ему даже не зачѣмъ было прибѣгать къ какого бы то нибыло рода натяжкамъ и искаженію фактовъ, это легко можно видѣть изъ характера тѣхъ основныхъ положеній, которыя онъ здѣсь защищаетъ. Главное основное положеніе, которое авторъ старается обосновать въ разсматриваемой половинѣ историческаго отдѣла, заключа-

---

[1]) Терновскій стр. 208.

ется въ вопросѣ о церковномъ управленіи. Развивая этотъ основной вопросъ, онъ выдвигаетъ и доказываетъ слѣдующія положенія. Высшая судебно-административная власть въ церкви принадлежитъ вселенскому собору[1]; представители высшей ступени въ церковной іерархической лѣстницѣ— епископы всѣ въ равной по количеству и качеству степени унаслѣдовали свои права отъ Апостоловъ, и поэтому въ этомъ отношеніи они безусловно равны[2]; исторія выдвинула, а обычай закрѣпилъ за пятью епископами, именно: Римскимъ, Константинопольскимъ, Александрійскимъ, Антіохійскимъ и Іерусалимскимъ, *преимущество чести* предъ епископами всѣхъ другихъ каѳедръ; изъ этихъ пяти впослѣдствіи особенно выдвинулись — Римскій и Константинопольскій; но послѣдній фактъ совершился подъ вліяніемъ совершенно внѣшнихъ, по преимуществу политическаго характера, мотивовъ и по этому de jure онъ ничего не привнесъ для увеличенія унаслѣдованныхъ ими отъ апостоловъ правъ, и на него нужно смотрѣть какъ на закрѣпленіе соборами простаго обычая[3]. Если же de facto епископы этихъ двухъ каѳедръ и выдѣлялись изъ ряда другихъ, то причина этого лежала какъ въ ихъ личныхъ достоинствахъ, такъ и въ ихъ исключительномъ положеніи въ столицахъ Имперіи (Римѣ и Константинополѣ), въ близи къ высшей государственной власти, вслѣдствіе чего ихъ вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ, естественно, получало особый, исключительный характеръ[4]. Вотъ тѣ основныя положенія, съ точки зрѣнія которыхъ Копы-

---

[1]) Палинодія, часть II, отд. VII, artik. I.
[2]) Ibid. отд. I, artic. 2; отд. VIII, artic. 1 и др.
[3]) Ibid. отд. 1, artic. 3.
[4]) Ibid. отд. IX, artic. 2.

стенскій старается освѣтить массу затрогиваемыхъ въ этомъ отдѣлѣ фактовъ. Мы предлагаемъ всякому специалисту по разсматриваему отдѣлу всеобщей церковной исторіи сказать, была ли какая надобность Копыстенскому путемъ тенденціознаго отношенія къ изученію историческихъ фактовъ придти къ признанію указанныхъ положеній, и съ другой стороны, была ли какая-нибудь нужда прибѣгать къ искаженію, перетолковыванію и вообще къ какого бы то ни было рода натяжкамъ при передачѣ историческихъ фактовъ для того, что бы исторически обосновать эти положенія? Насколько позволяетъ наша компетентность, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что на этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Нѣсколько въ иномъ свѣтѣ является вторая половина разсматриваемой нами части историческаго отдѣла Палинодіи, гдѣ авторъ имѣетъ дѣло съ періодомъ исторіи, начинающимся приблизительно фактомъ столкновенія церквей при Патріархахъ Игнатіѣ и Фотіѣ. Прежде всего нужно замѣтить, что съ этого пункта авторская роль Копыстенскаго значительно измѣняется: изъ простаго полемиста съ этого момента онъ превращается въ полемиста—апологета. До этого времени ему приходилось только отстаивать у латинянъ право восточныхъ патріарховъ на равенство ихъ іерархической власти съ властію римскаго папы; съ этого же момента онъ беретъ подъ свое покровительство самую восточную церковь и защищаетъ ее отъ разнаго рода нападокъ латинянъ. Но такъ какъ латино-уніаты нападали не столько на вѣроученіе Восточной церкви, сколько на практическую сторону ея жизни, т. е. предметомъ своего обличенія ставили не столько вѣроисповѣдную ея часть, сколько нрав-

ственныя качества ея членовъ и особенно высшей іерархіи, и, вообще, главнымъ образомъ обращали вниманіе на самую церковную жизнь и отсюда уже дѣлали выводы и относительно теоретическихъ ея основъ; то Копыстенскій и взялъ подъ свою защиту по преимуществу самый характеръ церковный жизни и, главнымъ образомъ, высшую церковную іерархію, которая, какъ замѣчено, особенно подвергалась нападкамъ противной стороны. Мы уже сказали, что эту задачу Копыстенскій исполнилъ не безъ нѣкоторой тенденціозности. Но предварительно необходимо замѣтить, что для того, чтобы отстоять чистоту и неповрежденность вѣроученія греческой церкви, а это было его конечною цѣлію,— ему не было крайней необходимости непремѣнно отстаивать и чистоту жизни и дѣятельности ея членовъ и въ частности ея іерархіи. Въ спорѣ съ Кревзою по вопросу о причинахъ порабощенія Грековъ Турками, онъ, между прочимъ, проводитъ ту мысль, что между чистотою вѣроученія, содержимаго тою и другою церквію, и характеромъ жизни ея членовъ нѣтъ необходимой причинной связи, и что очень возможно, что при чистотѣ содержимаго церковію вѣроученія, члены ея могутъ отличаться „плотскою“ грѣховностію [1]). Выходя изъ такого принципа, Копыстенскій, не рискуя повредить себѣ въ достиженіи своей основной задачи, легко могъ дѣлать уступки своему противнику во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его нападки на греческую церковь основывались на твердой исторической почвѣ. Между тѣмъ, онъ старается во что бы то ни стало защитить ее на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, въ которые только направляли свои стрѣлы латино-уніатскіе полемисты, въ чемъ соб-

---

[1]) Ibid. отд. X, artic. 2.

ственно и заключается слабая сторона этого отдѣла Палинодіи. Общая и, можетъ быть, главная причина такого отношенія къ дѣлу, понятна. Для Копыстенскаго, какъ взявшаго на себя роль апологета, и слѣдовательно, какъ для человѣка, уже лично заинтересованнаго этимъ дѣломъ, безъ сомнѣнія, не безразлично было то, совершенно ли будетъ очищена греческая церковь отъ взносимаго на нее обвиненія, или останется хотя съ неважными, но всеже темными пятнами на общемъ болѣе или менѣе свѣтломъ фонѣ ея исторической жизни. Очищеніе ея и отъ этихъ темныхъ пятенъ было тѣмъ желательнѣе, что онѣ легко могли соблазнять православныхъ западноруссовъ, на что, очевидно, и разсчитывали латино-уніатскіе полемисты, когда указывали на нихъ. Такова, говоримъ, была, по всей вѣроятности, главная причина, побуждавшая иногда Копыстенскаго жертвовать исторической истиной въ пользу проводимой тенденціи. Но есть нѣкоторое основаніе думать, что была и другая причина, обусловливавшая такую тенденціозность автора. Читая разсматриваемый отдѣлъ Палинодіи, невольно убѣждаешься, что авторъ, останавливаясь на періодѣ изъ исторіи греческой церкви, слѣдовавшемъ послѣ вселенскихъ соборовъ, съ полною вѣрою въ свою правоту, переноситъ на него тотъ идеальный взглядъ, какой образовался у него при изученіи жизни церкви въ первые вѣка ея историческаго существованія. Если же ближе присмотрѣться къ дѣлу, то въ нѣкоторой степени становится понятною и причина такого обольщенія: именно, оказывается, что не смотря на всю свою эрудицію, Копыстенскій, тѣмъ не менѣе, часто не имѣлъ возможности располагать достаточными данными, которыя, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ,

могли бы вывести его изъ заблужденія. Вотъ примѣры, подтверждающіе эту мысль. Разсматривая фактъ раздѣленія церквей, Кревза главнымъ и даже исключительнымъ виновникомъ этого печальнаго событія признаетъ Михаила Керулларія, при чемъ старается выставить его дѣятельность въ этой исторіи въ возможно темномъ свѣтѣ; а такъ какъ этотъ святитель, какъ историческій дѣятель, дѣйствительно представляетъ изъ себя далеко не свѣтлую личность, то Кревзѣ и удается достигнуть своей цѣли, въ чемъ ему особенно помогаетъ письмо къ Михаилу Керулларію Петра Антіохійскаго, въ которомъ этотъ патріархъ указываетъ на излишнюю ревность своего собрата, доходящую до мелкой придирчивости, и въ которомъ вообще сильно компрометируется личность этого Константинопольскаго святителя[1]). Послѣднее обстоятельство не могло не смущать Копыстенскаго: письмо Петра Антіохійскаго было фактомъ, фактъ же онъ уважалъ по принципу; да и вообще противъ факта трудно что нибудь сказать. А между тѣмъ, съ другой стороны, личность Михаила Керулларія въ сознаніи Копыстенскаго рисовалась окруженною ореоломъ такого нравственнаго величія, что всякое обвиненіе, взнесенное на него, казалось страшнымъ кощунствомъ. Оказавшись среди такого противорѣчія, авторъ ищетъ выхода и, по видимому, находитъ его. Извѣстно, что Петръ Антіохійскій, какъ человѣкъ умный и высокообразованный, не сочувствовалъ враждебному столкновенію константинопольской церкви съ римскою, вызванному довольно безтактнымъ поведеніемъ Михаила Керулларія и, поэтому, въ своихъ письмахъ онъ старается ослабить жаръ про-

[1]) Obrona Uniy. Часть II, rozd. 9. Р. И. Б. т. IV, ст. 202.

тивниковъ обѣихъ сторонъ и показать, что предметъ ихъ раздора не настолько важенъ, чтобы изъ занего слѣдовало нарушать церковный миръ. Съ такимъ направленіемъ имъ написано было нѣсколько писемъ и между прочимъ одно на западъ, на имя Доминика Аквилейскаго, которое впослѣдствіи должно было быть переслано и къ папѣ Льву IX,—другое (отвѣтное) въ Константинополь на имя Михаила Керулларія [1]). Если не знать той тактики, съ которою дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ Петръ, то, при сличеніи между собою этихъ двухъ писемъ, они могутъ показаться противорѣчащими одно другому, такъ какъ оба они въ извѣстной степени заключаютъ въ себѣ упреки той сторонѣ, для которой каждое изъ нихъ предназначалось, и на первый взглядъ можетъ показаться противорѣчіемъ,— особенно если кому желательно отыскать это противорѣчіе, — что одно и тоже лице въ одномъ письмѣ порицаетъ ту сторону, которую въ другомъ защищаетъ. Это-то противорѣчіе и нашелъ Копыстенскій, когда сличилъ имѣвшееся у него подъ руками письмо Петра, отправленное имъ на западъ, съ приводимымъ Кревзою письмомъ, адресованнымъ на имя Михаила Керулларія. Но все же одного этого противорѣчія еще не достаточно было какъ для того, чтобы признать самый фактъ подложности котораго нибудь одного изъ этихъ писемъ, такъ, тѣмъ болѣе, для того, чтобы рѣшить, которое изъ нихъ слѣдуетъ признать подложнымъ и которое подлиннымъ. Но и изъ этого затрудненія нашъ авторъ нашелъ вполнѣ благопріятный для себя исходъ. Обратившись къ русскимъ сборникамъ, онъ

---

[1]) Corn. Vill. Acta et scripta.

нашелъ тамъ точно также два письма Петра Антіохійскаго, писанныя по тому же поводу; но только оба они оказались, въ 1-хъ, адресованными на западъ, именно, одно на имя того же Доминика, другое на имя папы Льва IX и во 2-хъ, что всего важнѣе, между ними не оказалось такого противорѣчія, какое найдено было между двумя первыми; напротивъ, оба они оказались совершенно тождественными по содержанію, которое клонилось въ пользу М. Керулларія и вообще въ пользу восточной церкви и направлено было противъ допущенныхъ западною церквію новшествъ [1]). Какимъ образомъ въ русскихъ сборникахъ появилось два письма, тогда какъ въ дѣйствительности Петромъ Антіохійскимъ по этому поводу и съ такимъ содержаніемъ на западъ было отправлено только одно, относительно этого трудно сказать что нибудь опредѣленное. Всего вѣроятнѣе то, что эти два письма были только различными редакціями перевода одного и того же текста, выданными впослѣдствіи за два отдѣльныхъ памятника. На эту мысль наводитъ какъ очень близкое сходство приводимыхъ Копыстенскимъ выдержекъ изъ нихъ; такъ и фактъ несомнѣннаго существованія въ древней Руси нѣсколькихъ редакцій разсматриваемаго письма [2]). Что же касается письма Петра къ Михаилу Керулларію, то усомниться въ его подлинности Копыстенскій могъ, основываясь на его малоизвѣстности. Кревза, сказавъ о письмѣ къ Доминику,

---

[1]) Палинод. Ч. II, отд. IX, artic. 8. ст. 789--790.

[2]) Русск. Ист. Биб. т. IV. Сравн. стр. 789—791 съ примѣчаніями къ этому тому, стр. 3 и слѣд. —См. также „Историко-Литературный обз. др. русск. Полемич. Соч. противъ Латинянъ“ А. Попова стр. 165.

что оно находится во многихъ русскихъ книгахъ, относительно письма къ Керулларію замѣчаетъ только, что оно есть въ Вильнѣ „u sw. Ducha"[1]). Такимъ образомъ, въ то время какъ письмо къ Доминику появилось въ русскихъ сборникахъ во множествѣ экземпляровъ, письмо къ Керулларію было рѣдкостію. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Копыстенскій, отвергая въ данномъ случаѣ подлинность дѣйствительнаго историческаго памятника, отвергалъ его не только потому, что онъ шелъ въ разрѣзъ съ проводимою имъ тенденціей, а и потому, что для этого у него были довольно значительныя основанія. — Нѣчто подобное встрѣчаемъ еще раньше при защитѣ Копыстенскимъ патріарха Фотія. Кревза, чтобы унизить личность этого патріарха, приводитъ свидѣтельства изъ Зонары объ участіи Фотія въ ужасномъ будто бы истязаніи Вардою патріарха Игнатія, а изъ Никиты Пафлагонскаго — разсказъ этого историка объ участіи Фотія въ фабрикаціи другомъ его Сантавариномъ извѣстной рукописи, заключавшей въ себѣ генеалогію, производившую родъ Василія Македонянина отъ армянскаго царя Тиридота[2]). Сочиненія Никиты Пафлагонскаго у Копыстенскаго подъ руками не оказалось, но провѣривъ свидѣтельство, приводимое Кревзою изъ имѣвшагося у него подъ руками Зонары и найдя, что оно не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ разсказомъ этого историка, Копыстенскій заключаетъ: „если ся теды такъ отступникове зъ Зонарою обошли, хто вонтпити захочетъ, же иначей и зъ Микитою"[3]).

---

[1]) Obrona Un. Ibid. ст. 206.

[2]) Ibid.

[3]) Палин. Ч. II, отд. IX, artic. 5 ibid. ст. 740.

И далѣе, ничтоже сумняся, переименовываетъ Никиту Пафлагонскаго въ Никиту „Ватиканскаго,“ указывая этимъ на источникъ его происхожденія.

Мы указали на эти примѣры для того, чтобы показать, что именно нужно понимать подъ тенденціозностію въ Палинодіи. Какъ изъ этихъ, такъ и изъ подобныхъ имъ примѣровъ ясно видно, что Копыстенскій, утверждая или отрицая тотъ или другой фактъ, поступаетъ такъ не потому только, что этотъ фактъ стоитъ въ противорѣчіи съ проводимою имъ тенденціей, а главнымъ образомъ потому, что въ пользу его онъ всегда имѣетъ довольно вѣскія данныя, которыя такому или иному его рѣшенію всегда придаютъ значительную степень состоятельности. Такимъ образомъ, его тенденціозность скорѣе носитъ на себѣ характеръ поспѣшнаго обобщенія, чѣмъ дѣйствительнаго преднамѣреннаго искаженія истины.

Послѣ всего сказаннаго уже нетрудно рѣшить вопросъ о мѣстѣ Палинодіи въ современной ей западно-русской полемической литературѣ. Со стороны содержанія Палинодія является повтореніемъ всего того, что встрѣчается въ однородныхъ съ нею памятникахъ предыдущей полемической литературы, съ другой стороны, — продолженіемъ раскрытія новыхъ вопросовъ, которыхъ мало или вовсе не касалась предшествующая полемика. Послѣднею своею стороною Палинодія затрогиваетъ между прочимъ слѣдующихъ два пункта, почти совершенно обойденныхъ предшествующими полемистами: въ 1-хъ, здѣсь впервые довольно подробно разработана фактическая сторона вопроса о раздѣленіи церквей при Михаилѣ Керулларіи, въ связи съ предшествовавшими и сопровож-

давшими этотъ фактъ обстоятельствами, во 2-хъ, здѣсь впервые проведена—по мѣстамъ, впрочемъ, очень тонкая—нить исторіи западно-русской церкви, причемъ главное вниманіе обращено на фактъ отношенія Кіевскихъ митрополитовъ къ Константинопольскимъ патріархамъ съ одной стороны, и къ римскимъ папамъ съ другой. Разсматриваемая, затѣмъ, со стороны общей програмы своего содержанія, Палинодія, представляя вполнѣ аналогичное явленіе съ Оброной уніи Л. Кревзы въ латино-уніятской полемикѣ, является послѣднимъ завершительнымъ, такъ сказать, звеномъ въ современной православной полемической литературѣ въ первый, такъ называемый, историческій періодъ ея развитія; такъ что литературная борьба православія съ латиноуніятствомъ на исторической почвѣ въ Палинодіи вступаетъ въ послѣдніи фазисъ своего развитія. Попытка латино-уніатовъ отыскать въ исторіи прочную основу для Брестской уніи въ обронѣ Кревзы достигла послѣдняго предѣла своего прогресивнаго развитія. Въ этомъ сочиненіи исчерпаны были послѣднія средства, чтобы поставить этотъ вопросъ на твердую историческую почву, и по этому, Палинодія, какъ отвѣтъ на Оброну Кревзы, въ свою очередь была послѣднимъ словомъ по этому вопросу и со стороны православныхъ. Въ предѣлахъ намѣченной въ Палинодіи программы могли, конечно, подниматься новые частные вопросы, но общія рамки этой программы должны были остаться нетронутыми, такъ какъ здѣсь онѣ достигли до (nec plus ultra) полной широты своего возможнаго объема. Такимъ образомъ, если за основаніе дѣленія исторіи на періоды брать не отдѣльныя какія нибудь явленія и событія, а фактъ законченности развитія воплощающейся въ этихъ яв-

леніяхъ и событіяхъ одной общей идеи, то Палинодію можно поставить гранью, которою оканчивается первый *историческій* періодъ въ исторіи западно-русской полемической литературы, и за которою начинается новый періодъ, когда богословствующая мысль устремляется главнымъ образомъ къ разработкѣ теоретической стороны въ системѣ православнаго богословія.—Разсматриваемая, далѣе, со стороны научнаго своего достоинства, Палинодія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе богатствомъ и разнообразіемъ ярко выступающей въ ней эрудиціи, и въ этомъ отношеніи она не имѣетъ ничего себѣ равнаго въ предшествующей полемической литературѣ. Что же касается критической разработки матеріала и, вообще, по своему научному методу, Палинодія не уступаетъ ни одному изъ предшествующихъ ей православныхъ полемическихъ сочиненій, и можетъ быть поставлена наравнѣ съ Апокрисисомъ Филалета и сочиненіями М. Смотрицкаго.—Теоретическою своею стороною, какъ сочиненіе богословское, Палинодія основывается на древнемъ церковномъ преданіи и имѣетъ подъ собою твердую историческую почву, и поэтому совершенно свободна отъ той неустойчивости мысли и примѣси протестантизма, которыя проглядываютъ, напр., въ Апокрисисѣ Хр. Филалета. Наконецъ, какъ историческій памятникъ, Палинодія заключаетъ въ себѣ во 1-хъ матеріалъ для исторіи западно-русской церкви, во 2-хъ, она служитъ драгоцѣннымъ памятникомъ, на основаніи котораго можно судить какъ о высотѣ уровня современной богословской науки, такъ и о направленіи въ ея разработкѣ.

Содержаніе „Палинодіи“ въ связи съ „Обороной Уніи“ Льва Кревзы.

Предисловіе. — Печальное положеніе дѣлъ въ окружающемъ автора современномъ христіанскомъ мірѣ наводитъ его на мысль, что „пришли, приходятъ, и выполняются оные дни и лѣта,“ которые въ свящ. писаніи характеризуются, какъ времена пришествія антихриста и его предтечъ. Это предположеніе авторъ мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что если апокалипсическое пророчество о томъ, что по истеченіи 1000 лѣтъ „разрѣшенъ будетъ сатана отъ темницы своея и изведетъ прельстити языки сущія на четырехъ углѣхъ земли“ (Апок. гл. 80. ст. 7), съ поразительною точностію исполнилось въ печальномъ фактѣ раздѣленія церквей, то очень вѣроятно, что еще худшее зло настанетъ, когда въ счетѣ лѣтъ исполнится другая таинственная цыфра 666 (т. е. 1666 г.), что отчасти уже замѣчается въ увеличеніи числа противниковъ Христа новыми отступниками отъ истинной вѣры. Представивъ далѣе, на основаніи священнаго писанія, характеристику антихриста и его предтечъ, авторъ видитъ послѣднихъ въ новыхъ отступникахъ отъ православія (уніатахъ), въ истинности чего его убѣждаетъ какъ поразительное совпаденіе факта новаго отступленія отъ истинной вѣры съ исходомъ въ лѣтосчисленіи нѣкоторой части вышеупомянутой таинственной цыфры, такъ и поведеніе этихъ отступниковъ въ отношеніи къ пред-

ставителямъ истинной вѣры, не останавливающихся ни предъ какими мѣрами для причиненія имъ вреда [1]).— Коснувшись, за тѣмъ, побужденій, заставившихъ приступить къ написанію сочиненія и указавъ на предметъ послѣдняго, авторъ заканчиваетъ предисловіе увѣреніемъ въ добросовѣстномъ исполненіи взятаго на себя труда и заявленіемъ, что выпускаемое сочиненіе „отдано было на разсмотрѣніе мудрыхъ и въ Свящ. Писаніи свѣдущихъ людей, которыми оно читано, одобрено и исправлено“.

Послѣ предисловія въ собственномъ смыслѣ, слѣдуетъ еще въ качествѣ приложенія: 1) Разборъ мнѣнія о привиллегіяхъ, данныхъ императоромъ Константиномъ Великимъ Римскому престолу, гдѣ авторъ, на основаніи историческихъ данныхъ, опровергаетъ въ 4-хъ пунктахъ выставляемое латинянами положеніе, что будто бы еще Константинъ В. надѣлилъ римскаго епископа тѣми правами и привиллегіями, которыя въ настоящее время приписываютъ ему его поклонники [2]); 2) „Каталогъ книгъ

---

[1]) Проведенный здѣсь Копыстенскимъ взглядъ на близкое пришествіе антихриста представляетъ повтореніе въ смягченной формѣ того что высказано было Ст. Зизаніемъ въ его „Казаніи св. Кирилла объ Антихристѣ“. Это воззрѣніе, какъ въ свое время указано было нами, перешло къ намъ изъ протестантской литературы и, благодаря благопріятствующимъ условіемъ, успѣшно привилось въ западной Руси, а впослѣдствіи перешло и къ раскольникамъ. Специальное изслѣдованіе по этому вопросу см. въ Трактатѣ: „Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ“ (Правосл. Собесѣдн. 1858 г. часть II, стр. 138—156 и 262—301).

[2]) Этотъ вопросъ мимоходомъ затронутъ былъ еще въ Апокрисисѣ Х. Филалета; но полный и подробный раз-

учителей, которыхъ ся до тоей книги уживано", и 3) „Завѣтъ святыхъ и славныхъ великомучениковъ Христовыхъ, 40, иже въ Севастіи скончавшихся"[1]).

Часть 1. Отдѣлъ I. Артикулъ 1.—Въ качествѣ основанія" для всей послѣдующей аргументаціи, авторъ приводитъ цѣлый рядъ данныхъ, на основаніи которыхъ доказываетъ, что I. Христосъ называется въ свящ. писаніи: 1) пастыремъ, 2) архипастыремъ, 3) іереемъ, 4) архіереемъ, 5) главою церкви и 6) краеугольнымъ камнемъ[2]). Коснувшись далѣе, мимоходомъ, той мысли, что

боръ его представленъ въ Ѳриносѣ М. Смотрицкаго. Здѣсь приводится и самый текстъ этого Константинова вѣна подъ заглавіемъ: „Summa Organum, albo daniny Konstantina". Сущность его заключается въ слѣдующемъ: Константинъ В., будучи еще язычникомъ, однажды заболѣлъ. Наученный воснѣ ап. Петромъ и Павломъ, онъ обратился за уврачеваніемъ къ папѣ Сильвестру, былъ крещенъ и выздоровѣлъ. Въ награду за благодѣяніе, Константинъ подарилъ Сильвестру и его преемникамъ городъ Римъ, все западное царство, а съ нимъ свою золотую корону, скиперъ и другіе царскіе знаки. Въ концѣ этой дарственной грамоты Константинъ заклинаетъ своихъ преемниковъ вѣчнымъ одскимъ огнемъ не нарушать даруемаго имъ папѣ права до скончанія міра. Данъ въ Римѣ 30 марта (см. Ѳриносъ, обор. 56 и 57 л.). Въ своемъ разборѣ Смотрицкій въ 14 пунктахъ доказываетъ подложность этаго документа, и нужно замѣтить, что доводы его имѣютъ полную доказательную силу.

[1]) Приводя этотъ завѣтъ, авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду сблизить современное состояніе западно-русской церкви съ состояніемъ первыхъ Христіанъ въ періодъ гоненія на церковь языческихъ императоровъ, съ цѣлію утѣшить православныхъ въ ихъ страданіяхъ.

[2]) Сравн. Апокрисисъ, часть III, гл. 1.

I. Христосъ, надѣливши всѣми этими достоинствами („урядами") въ одинаковой степени всѣхъ апостоловъ, не лишился въ тоже время ихъ и Самъ [1]) и, направляя рѣчь противъ перваго отдѣла „Обороны" Кревзы, онъ переходитъ къ перечисленію взглядовъ отцовъ и учителей церкви по вопросу о томъ, какъ нужно понимать слово „Петръ" въ слѣдующихъ, обращенныхъ къ апостолу Петру словахъ Спасителя: „ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь мою" (Мат. 16, 18) [2]). Такихъ взглядовъ насчитывается четыре; 1) по мнѣнію однихъ, подъ словомъ „Петръ"—камень, нужно разумѣть всякаго вѣрующаго во Христа: 2) по мнѣнію другихъ,—апостола Петра; 3) по мнѣнію третьихъ, подъ словомъ „πέτρα" (а не πέτρος) нужно понимать Самого I. Христа, и 4) наконецъ, по мнѣнію четвертыхъ, слово „камень" означаетъ здѣсь исповѣданную Петромъ вѣру. Всѣ эти мнѣнія имѣютъ своихъ защитниковъ въ отцахъ и учителяхъ церкви и, правильно понимаемыя, могутъ быть приняты православною церковію, хотя двумъ послѣднимъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе.— Остальная часть этого артикула посвящается анализу свидѣтельствъ отцовъ и учителей какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, служащихъ къ обоснованію двухъ послѣднихъ мнѣній. Что подъ „камнемъ" нужно разумѣть исповѣданіе вѣры,—это подтверждается цитатами изъ сочиненій слѣдующихъ учителей церкви.—Восточныхъ:—I. Златоуста, Кирилла Александрійскаго, св. Іакова (въ литургіи), Григорія Нисскаго,

---

[1]) Сравн. Ѳриносъ. обор. 36 л.

[2]) Всей этой части Палинодіи, начиная съ этого мѣста, въ Апокрисисѣ Филалета соотвѣтствуетъ только 2-ая глава III части. Сравн. Ѳриносъ, л. 37.

Епифанія, Ѳеодорита; І. Дамаскина и Ѳеофилакта. — Западныхъ: — Августина, Амвросія, Иларія, Григорія Двоеслова, Феликса III, еписк. римскаго, Адріана I, Іоанна VIII, Стефана VI, Иннокентія II. — Третье мнѣніе, т. е. что подъ словомъ „πέτρα" нужно разумѣть Самого І. Христа, находитъ основаніе для себя въ ученіи: Іеронима, Кирилла Александрійскаго, Тарасія, патріарха Константинопольскаго, Беды, Августина [1]).

Артикулъ 2. Чтобы устранить разногласіе двухъ послѣднихъ взглядовъ съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому церковь трактуется основанною на Петрѣ и чтобы примирить, такимъ образомъ, кажущееся противорѣчіе между церковными учителями, необходимо обращенныя къ Петру слова: „И Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою," понимать въ томъ смыслѣ, что здѣсь дается Петру лишь простое *обѣщаніе* создать церковь или на исповѣдуемой имъ вѣрѣ, или на Самомъ І. Христѣ, исповѣданномъ *отъ Петра* Спасителемъ міра, какое созиданіе, по ученію учителей церкви, совершалось въ одинаковой мѣрѣ всѣми апостолами, путемъ ихъ пастырской проповѣди. Мнѣніе же, что обѣщаніе І. Христа „на семъ камени созижду церковь Мою" исполнено было въ порученіи Петру пасти овецъ, ничего не говоритъ въ пользу „единовластія Петра", потому что въ такомъ случаѣ между обѣщаніемъ и исполненіемъ его не было бы соотвѣтствія. Что касает-

---

[1]) Филаретъ для обоснованія этого пункта ссылается въ Апокрисисѣ только слѣдующихъ учителей церкви: Григорія Нисскаго, Иларія Пуатьескаго, котораго онъ по ошибкѣ называетъ Иларіономъ, І. Златоуста, Кирила Александрійскаго, Оригена, Кипріана, Амвросія, Ѳеофилакта и Беду.

ся упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ *двѣнадцати основаній* церкви, то подъ ними нужно разумѣть проповѣдь двѣнадцати апостоловъ. Метафорическое выраженіе нѣкоторыхъ учителей церкви, что церковь создана на Петрѣ и Павлѣ, нужно понимать въ смыслѣ выдѣленія этихъ двухъ первоверховныхъ апостоловъ изъ ряда другихъ за ихъ необыкновенныя личныя качества, обнаруженныя ими при исполненіи своего апостольскаго призванія. Правда, блаженный Августинъ высказалъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ мнѣніе, что церковь создана на Петрѣ, какъ на твердомъ основаніи, но въ сочиненіи „Retractaciones" онъ исправляетъ свою ошибку, утверждая на ряду съ нѣкоторыми другими учителями, что Петръ единствомъ своей личности въ данномъ случаѣ изображалъ единство церкви. — Выяснивши такимъ образомъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать созиданіе церкви на комъ бы то нибыло изъ земныхъ ея представителей, авторъ утверждаетъ, что въ этомъ смыслѣ церковь основана была не на одномъ только Петрѣ, а на всѣхъ апостолахъ, что онъ доказываетъ путемъ анализа свидѣтельствъ изъ священнаго писанія и учителей церкви, длинный рядъ которыхъ заканчиваетъ цитатой изъ Беллярмина, „котораго отступники слухати повинни."

Артикулъ 3. Мысль отступниковъ, что въ данномъ случаѣ нужно различать вѣру вообще, взятую безотносительно, отъ вѣры исповѣданной Петромъ, и что I. Христосъ, выразившисъ—„на семъ камени *созижду*. . . ., а не *созидаю*, или *созидалъ*, т. е. употребивши будущее время, а не настоящее, или прошедшее, этимъ будто бы показалъ, что церковь должна быть создана не на вѣрѣ вообще, которая въ первыхъ Его послѣдователяхъ существовала раньше исповѣданія Петрова

и на которой, слѣдовательно, если бы она была основанiемъ церкви, послѣдняя уже созидалась,—а на вѣрѣ исповѣданной личностью Петра, о которой, какъ современной моменту самаго обѣщанiя—,,созижду", дѣйствительно можно было выразиться, что на ней еще *будетъ* создана церковь,—мысль эта, говоритъ авторъ, не вѣрна въ виду слѣдующихъ соображенiй. Во первыхъ, всѣ учители церкви, какъ это выше было показано, ясно и категорически утверждаютъ, что вѣра исповѣданная Петромъ и личность его—двѣ вещи различныя, и что церковь основана на вѣрѣ Петра, разсматриваемой отдѣльно отъ его личности; во вторыхъ, говоря о церкви, I. Христосъ, въ данномъ случаѣ, имѣлъ въ виду церковь понимаемую не въ смыслѣ собранiя вѣрующихъ въ Него вообще, потому что, понимаемая въ этомъ смыслѣ, церковь Христова существовала еще до явленiя I. Христа на землѣ въ лицѣ Богочеловѣка, а въ смыслѣ собранiя лицъ, уже фактически искупленныхъ Его кровiю; а о церкви, разсматриваемой съ этой стороны, въ данномъ случаѣ, I. Христосъ могъ говорить только въ будущемъ времени; такъ какъ созиданiе церкви въ этомъ смыслѣ началось, собственно, послѣ Его смерти и воскресенiя. Возраженiе противниковъ, что вѣра, взятая отдѣльно, можетъ быть основанiемъ лишь для оправданiя и разнаго рода добродѣтелей, но не можетъ быть основанiемъ церкви, такъ въ противномъ случаѣ не было бы соотвѣтствiя между основанiемъ—понятiемъ абстрактнымъ и самымъ зданiемъ, состоящимъ какъ бы изъ живыхъ камней,— заключаетъ въ себѣ простое недоумѣнiе. Возражатели въ данномъ случаѣ, во первыхъ, выпускаютъ изъ виду то, что когда рѣчь идетъ о вѣрѣ, какъ основанiи церкви, то имѣется въ виду не вѣра сама по себѣ, а вѣ-

ра, принятая, содержимая и исповѣдуемая людьми, вѣрующими въ І. Христа, который собственно и есть дѣйствительное основаніе церкви; во вторыхъ, они слишкомъ грубо понимаютъ метафорическое сравненіе созиданія церкви съ сооруженіемъ зданія: люди на столько являются членами церкви, насколько они суть вѣрующіе; церковь созидается не черезъ положеніе этихъ живыхъ камней одного на другой, а черезъ нравственное соединеніе отдѣльныхъ лицъ единствомъ вѣры во Христа.

Артикулъ 4. Для доказательства монархическихъ правъ въ церкви ап. Петра, отступники ссылаются на свидѣтельство блаженнаго Іеронима, по которому, обращенныя къ ап. Петру слова І. Христа: „ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою“, сказаны были на Сирскомъ языкѣ и въ такой формѣ: „ты еси кифа и на томъ кифѣ созижду церковь Мою“; причемъ слово „кифа“ (камень) въ обоихъ случаяхъ относятъ къ личности этого апостола. Но эта ссылка неудачна, потому что, на основаніи сдѣланнаго св. евангелистомъ Іоанномъ греческаго перевода этихъ словъ и согласно съ яснымъ ученіемъ блаженнаго Августина и хорошаго знатока еврейскаго языка, блаженнаго Іеронима, слово „кифа“ въ первомъ случаѣ должно быть переводимо словомъ „πέτρος“ а въ второмъ—словомъ „πέτρα“; сообразно съ этимъ и вышеприведенныя слова должны быть понимаемы такъ: ты еси Петръ, т. е. каменный („πέτρος“ отъ „πέτρα“), и на томъ *камнѣ*, отъ котораго ты получилъ свое имя каменнаго, созижду церковь мою“. Камень же здѣсь означаетъ или Самаго І. Христа, или твердую вѣру въ Него, и въ этомъ смыслѣ всякій вѣрующій въ І. Христа тоже можетъ быть названъ Петромъ, т. е. каменнымъ. Попытка отступниковъ подкрѣпить свой взглядъ указаніемъ

на то, что въ разсматриваемой фразѣ выраженіе „ἐπὶ ταύτῃ— на семъ (въ смыслѣ упомянутомъ) ясно будто бы показываетъ, что здѣсь вѣра не можетъ быть разсматриваема безъ отношенія ея къ Петру,—тоже неудачна, такъ какъ женскій родъ этого мѣстоименія показываетъ, что оно должно быть относимо къ „τῇ πέτρᾳ“, а не къ предыдущему „πέτρος.“.

Артикулъ 5. Безуспѣшно также отступники стараются найти подкрѣпленіе своей монархической теоріи въ самомъ фактѣ перемѣны имени ап. Петра. Учители церкви, опредѣляя смыслъ этого обстоятельства, разсматриваютъ его съ двухъ сторонъ: со стороны самаго факта перемѣны, какъ онъ является самъ по себѣ, взятый безотносительно, и со стороны отношенія его къ обѣщанію, заключающемуся въ словахъ: „на семъ камени созижду церковь Мою“; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ они ни единымъ словомъ не намекаютъ на монархическія права въ церкви ап. Петра, а, напротивъ, ставятъ этотъ фактъ на ряду съ множествомъ другихъ подобныхъ же фактовъ; поэтому, если бы перемѣна имени доставила Апостолу Петру право на монархическую власть въ церкви, то тоже нужно было бы сказать и о нѣкоторыхъ другихъ апостолахъ, которымъ I. Христосъ точно также перемѣнилъ имена; при чемъ, давая своимъ ученикамъ различныя названія, заимствовалъ ихъ точно также отъ Своихъ собственныхъ названій, какъ это было въ отношеніи къ Петру.

Артикулъ 6. Представивъ краткое обобщеніе всего сказаннаго, авторъ считаетъ себя обязаннымъ, по примѣру своихъ противниковъ, привести еще нѣсколько свидѣтельствъ спеціально изъ церковныхъ книгъ въ подтвержденіе той мысли, чтоне одинъ только Петръ, но и

всѣ апостолы, евангелисты, пророки и учители церкви часто называются *камнями вѣры* и *основанiями церкви*. Впрочемъ, при выполненiи этой задачи, онъ приводитъ также свидѣтельства изъ Св. Писанiя и церковныхъ учителей.

Артикулъ 7. Данное Спасителемъ Петру обѣщанiе: „дамъ ти ключи царства небеснаго" (Матѳ. 16, 19,), согласно съ смысломъ дальнѣйшихъ словъ Самаго Спасителя, и по ученiю учителей церкви, должно быть понимаемо въ смыслѣ врученiя Петру права вязать и разрѣшать грѣхи; а если такъ, то этоже обѣщанiе дано было и всѣмъ остальнымъ апостоламъ, когда Господь сказалъ къ нимъ: „елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ" (Матѳ. 18, 18). Исполненiе же этого обѣщанiя послѣдовало не раньше, какъ послѣ воскресенiя I. Христа изъ мертвыхъ, когда Господь не одному Петру, а всѣмъ апостоламъ сказалъ: „прiимите Духъ Святъ. Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имъ же держите, держатся" (Iоан. 20, 21—23). И такъ, отступники напрасно прибѣгаютъ къ этимъ словамъ Спасителя для подтвержденiя своихъ церковно-монархическихъ тенденцiй. Затѣмъ, авторъ приводитъ длинный рядъ выдержекъ изъ учителей церкви, подтверждающихъ какъ то, что ключи царствiя небеснаго даны были въ лицѣ Петра всѣмъ апостоламъ, такъ и то, что отъ апостоловъ они по преемству переданы всей церкви въ лицѣ ея пастырей.

Артикулъ 8. То обстоятельсво, что I. Христосъ въ присутствiи всѣхъ апостоловъ обращался съ рѣчью къ одному Петру, нисколько не говоритъ въ пользу того вывода изъ этого факта противниковъ, что будто бы I. Хри-

стосъ хотѣлъ этимъ показать преимущество власти Петра предъ другими апостолами и его монархическія права въ церкви: по мнѣнію учителей церкви, Петръ въ этомъ случаѣ единствомъ своей личности изображалъ лишъ образъ единства основанной Христомъ церкви.

Артикулъ 9. Девятый и послѣдній въ первомъ отдѣлѣ первой части артикулъ спеціально посвященъ критическому разбору приведенныхъ Кревзою для обоснованія своего мнѣнія о церковномъ главенствѣ Петра свидѣтельствъ изъ учителей церкви: І. Златоуста, Василія Великаго, Ипполита, Ѳеофилакта, Ефрема и Кирилла Іерусалимскаго. Пораженія своего противника авторъ достигаетъ возстановленіемъ истиннаго смысла приводимыхъ имъ мѣстъ частію путемъ разсмотрѣнія ихъ въ контекстѣ рѣчи и указаніемъ аналогичныхъ примѣровъ,—причемъ онъ обыкновенно отсылаетъ читателя за подробностями къ предыдущимъ артикуламъ,—частію же путемъ разоблаченія прямыхъ искаженій въ приводимыхъ выдержкахъ текста и возстановленія оригинала.

Часть 1. Отдѣлъ II. Артикулъ 1. Относительно обращенія І. Христа къ апост. Петру съ словами: „паси овцы моя", нужно сказать тоже, что сказано было и относительно другихъ вышеупомянутыхъ подобныхъ же фактовъ: вѣрно то, что слова эти сказаны были одному Петру, но вѣрно также и то, что дѣйствіе ихъ, согласно съ мнѣніемъ учителей церкви, простиралось и на всѣхъ апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и на всю церковь, и что здѣсь, равно какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, Петръ своимъ образомъ изображалъ церковь Христову, а своею личностію ея единство. Пасти овецъ, по мнѣнію „латинскаго доктора" Бернарда, значитъ проповѣдывать Евангеліе, и поэтому, обращенное къ одному Пе-

тру порученіе пасти овецъ, со стороны заключающагося въ немъ полномочія, не выше другихъ подобныхъ же порученій, уже, безъ всякаго сомнѣнія, обращенныхъ ко всѣмъ апостоламъ, каковы, напр: „якоже насла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы" или „дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли: шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ" (Матѳ. 28, 18—20). Ясно выступающее здѣсь равенство всѣхъ апостоловъ есть найвѣрнѣйшій залогъ единства церкви, а отсутствіе его — выдѣленіе одного лица,—своего рода господина надъ подчиненными,— неминуемо влечетъ къ „схизмѣ". При томъ же „пасти" не значитъ господствовать, а быть примѣромъ стаду и выказывать къ нему свою любовь; а такого рода пастырство, какъ еще и въ Ветхомъ Завѣтѣ предсказано было (Іерем. гл. 3, ст. 15 и гл. 16, ст. 16), вручено было не одному только лицу, а многимъ, каками были всѣ апостолы и ихъ преемники.

Отд. II. Артикулъ 2. Авторъ, константировавъ тотъ фактъ, что онъ уже достаточно доказалъ какъ то, что право пастырскаго служенія ввѣрено было одинаково всѣмъ апостоламъ, такъ и то, что выдѣленіе въ данномъ случаѣ латинянами Петра изъ ряда другихъ апостоловъ съ цѣлью найти въ этомъ основаніе для церковно монархической теоріи, не имѣетъ за себя законныхъ основаній, старается, далѣе, объяснить причину, почему І. Христосъ съ словами „паси овцы Моя" счелъ нужнымъ, въ присутствіи всѣхъ апостоловъ, обратиться къ одному лицу и почему именно къ Петру, а не къ кому нибудь другому изъ апостоловъ. Такихъ побужденій онъ насчитываетъ три: 1) Этимъ прежде всего І. Христосъ имѣлъ въ виду предупредить могущее возникнуть между апостола-

ми разъединеніе, такъ какъ они, въ виду троекратнаго отреченія Петра отъ Христа, могли бы отнестись къ нему съ пренебреженіемъ и исключить изъ своего сонма. 2) Слова эти, далѣе, обращены были къ одному апостолу Петру потому, что онъ представилъ собою въ данномъ случаѣ всѣхъ пастырей церкви, а своею личностію выражалъ образъ послѣдней. 3) Троекратнымъ, наконецъ, побужденіемъ Петра исповѣдать любовь къ Себѣ І. Христосъ заставилъ его раскаяться въ троекратномъ отреченіи своемъ отъ Господа, а порученіемъ пасти овецъ возстановилъ его въ апостольскомъ званіи, котораго онъ лишился было своимъ троекратнымъ отреченіемъ.

Отд. II. Артикулъ 3. Направляя мысль противъ своихъ противниковъ, авторъ развиваетъ слѣдующія четыре положенія. 1) І. Христосъ сравненіемъ любви Петра съ любовію другихъ апостоловъ въ словахъ „любиши ли Мя паче сихъ" и порученіемъ ему вслѣдъ затѣмъ пасти овецъ, не имѣлъ въ виду, какъ думаютъ противники, предоставить ему верховную власть надъ всѣми остальными апостолами, а чрезъ это и надъ всею церковію: этотъ фактъ правильнѣе всего объясняетъ a) во первыхъ тѣмъ, что Петръ когда то выставилъ себя любящимъ Господа больше всѣхъ другихъ апостотовъ и не исполнилъ этого на дѣлѣ троекратнымъ отреченіемъ отъ Него; b) во вторыхъ тѣмъ, что нужно было довести до сознанія самоувѣреннаго ученика его слабость и побудить къ болѣе плодотворной любви къ Господу; c) въ третьихъ тѣмъ, что І. Христосъ, какъ думаютъ нѣкоторые, хотѣлъ довести Петра до того, чтобы онъ, превышая другихъ апостоловъ любовію къ Нему, превышалъ также ихъ и самыми ея плодами. Поэтому, неправильно также и то мнѣніе противниковъ,

что Петръ за свою сравнительно большую любовь сдѣланъ былъ будто-бы верховнымъ пастыремъ стада Христова, а всѣ остальные были его помощниками: сравнительно большая любовь Петра была причиною лишъ того, что онъ былъ призванъ Христомъ къ сравнительно большей дѣятельности. 2) Ученіе отцевъ и учителей церкви не позволяетъ согласиться съ мнѣніемъ противниковъ, что будто-бы съ порученіемъ Петру пасти „овцы" и „агнцевъ" ввѣрена была ему пастырская власть какъ надъ всѣми членами церкви вообще, такъ въ частности и надъ апостолами. 3) Мѣстоименіе „Мои", въ обращенныхъ къ Петру словахъ „паси овцы Моя", не даетъ основанія для того вывода, что будто бы всѣ, которые не могутъ быть названы овцами Петра, не исключая и самихъ апостоловъ, не могутъ принадлежать къ стаду Христову; подъ словами „Мои овцы" скорѣе можно разумѣть сыновъ Израилевыхъ, которые, дѣйствительно, поручены были по преимуществу паствѣ Петра, подобно тому какъ язычники—паствѣ ап. Павла. 4) Мысль, что будто-бы I Христосъ былъ пастыремъ овчарни, состоящей изъ однихъ только іудеевъ, и что приведеніе къ нему язычниковъ еще только возложено было на Петра, невѣрна, въ виду словъ Самого I. Христа: „и ины овцы имамъ (а не буду *имѣть*), яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести"

Отд. II. Артикулъ 4. Этотъ артикулъ авторъ посвящаетъ разбору приводимыхъ Кревзою во второмъ отдѣлѣ первой части своей „Обороны" свидѣтельствъ изъ Василія Великаго, Іоанна Златоуста, блаженнаго Ѳеофилакта съ цѣлію перетолковать уже извѣстное намъ мѣсто изъ Евангелія Іоанна 21 гл. 15—17 ст. въ смыслѣ поставленія ап. Петра единымъ верховнымъ на-

стыремъ церкви. Опровергая противника, авторъ не ограничивается возстановленіемъ истиннаго смысла приводимыхъ свидѣтельствъ и указаніемъ несостоятельности дѣлаемыхъ изъ нихъ Кревзою выводовъ; прямѣе говоря, онъ не ограничивается лишь простымъ отрицаніемъ того, что утверждаетъ противникъ, а беретъ на себя болѣе положительную задачу: онъ посредствомъ длиннаго ряда свидѣтельствъ по преимуществу изъ этихъ же отцевъ церкви, а главнымъ образомъ изъ Златоуста, доказываетъ уже и прежде достаточно обоснованную имъ мысль, что іерархическія права всѣхъ апостоловъ въ церкви равны, причемъ онъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на личности ап. Павла и доказываетъ, что этотъ апостолъ, не только по своему іерархическому достоинству, но и по своей необыкновенно энергической и въ высшей степени плодотворной дѣятельности, ни мало не уступалъ апостолу Петру.

Отд. II. Артикулъ 5. Что Іисусъ Христосъ не поставлялъ ап. Петра единымъ верховнымъ главою церкви, это видно также изъ того, что какъ Самъ Онъ, такъ впослѣдствіи апостолы, вопреки мнѣнію Кревзы[1]), нигдѣ не признаютъ за нимъ главенства, хотя къ этому представлялось множество случаевъ. Въ подкрѣпленіе этой мысли авторъ приводитъ три случая изъ поведенія Самого І. Христа и 9 случаевъ изъ практики апостоловъ. Въ заключеніе онъ прибѣгаетъ къ авторитету Діонисія Ареопагита, ученика ап. Павла, который признаетъ только три степени церковной іерархіи.

Часть 1. Отдѣлъ III. Артикулъ 1. Такъ какъ Кревза въ третьемъ своемъ отдѣлѣ, на основаніи книгъ и пѣс-

---

[1]) Оброна уніи. Часть I. Отд. II. стр. 167.

ношеній церковныхъ, приписываетъ ап. Петру тѣже самые „похвальные титулы", какъ и въ первыхъ двухъ отдѣлахъ, то, отославши читателя къ первымъ двумъ отдѣламъ, авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть этотъ вопросъ на основаніи тѣхъ же источниковъ, которыми пользуется и его противникъ.

Отдѣлъ III. Артикулъ 2. Объяснивъ на основаніи ученія отцевъ церкви смыслъ приведенныхъ Кревзою въ III отдѣлѣ первой части выдержекъ изъ церковныхъ требниковъ, авторъ, въ доказательство того, что ключи царствія небеснаго, въ лицѣ Петра, даны были всей церкви и что дѣйствіе ихъ фактически проявляется въ восточной церкви и до послѣдняго времени, приводитъ три свѣжихъ примѣра, изъ которыхъ одинъ даже современенъ автору. Львовскій священникъ Григорій Горбачевскій, отлученный отъ церкви антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1579 году за измѣну иноческому чину и умершій въ 1589 году безъ разрѣшенія, въ теченіи трехъ лѣтъ не подвергался разложенію; найденный случайно въ 1591 году его трупъ не прежде разложился, какъ братъ покойнаго, Симеонъ Горбачевскій, отправившись въ Константинополь, выпросилъ у патр. Іереміи разрѣшеніе наложеннаго на него проклятія. Тоже случилось и съ одной дѣвицей въ Константинополѣ, проклятой въ 1455 году патріархомъ Геннадіемъ и разрѣшенной патріархомъ Максимомъ въ 1471 году, и съ діакономъ Арсеніемъ Апостоломъ, проклятымъ патріярхомъ Пахоміемъ. Вѣрой восточной церкви въ эту силу данныхъ ей ключей объясняется характеръ ея разрѣшительныхъ молитвъ. Въ заключеніе авторъ касается приводимаго Кревзою свидѣтельства изъ Григорія Семивлаха.

Отдѣлъ III. Артикулъ 3. Въ этомъ артикулѣ, спеціально посвященномъ отвѣту на третій отдѣлъ первой части „Обропы“ Кревзы, авторъ, замѣтивъ коротко о томъ, что прославленіе высокими похвалами святыхъ должно быть понимаемо въ смыслѣ мудраго обычая воздавать достойную честь угодникамъ Божіимъ, приводитъ рядъ выдержекъ изъ различныхъ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній, (переплетая ихъ цитатами изъ отцевъ церкви), показывающихъ, что церковь воздаетъ такое же прославленіе всѣмъ апостоламъ, какое противники хотятъ приписать одному Петру.

Часть II. Отдѣлъ 1· Артикулъ 1. Направляя мысль противъ того положенія Кревзы, что послѣ смерти ап. Петра власть видимой верховной главы церкви перешла къ его преемнику, римскому епископу, авторъ доказываетъ, что истинная глава церкви есть самъ І. Христосъ, причемъ сравниваетъ церковь то съ невѣстой, которая, при жизни своего жениха—Христа, не нуждается въ постороннемъ „опекунѣ“, то съ состоящимъ изъ многихъ членовъ организмомъ, который объединяетъ и животворитъ единая глава Христосъ. Затѣмъ авторъ критически разсматриваетъ приводимыя Кревзою въ 1 отд. 2 част. данныя, на основаніи которыхъ послѣдній старается доказать, что древняя Восточная церковь всегда признавала за римскими епископами главенство въ церкви. Именно, Кревза приводитъ мѣста изъ учителей Восточной церкви и церковныхъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ римскимъ папамъ: Адріану, Сильвестру, Льву, Григорію, Клименту, Целестину, Алексію и Льву III приписываются эпитеты, утверждающіе якобы за ними монархическія права церкви. Копыстенскій, въ свою очередь, на основаніи тѣхъ же источниковъ, доказываетъ, что подоб-

ные же эпитеты приписываются и многимъ изъ святителей Восточной церкви. Въ заключеніе авторъ категорически отвергаетъ подлинность извѣстнаго посланія къ Сиксту IV[1]).

Отд. I. Артикулъ 2. Латиняне, раздѣляя іерархическую власть въ апостолахъ на апостольскую и епископскую, утверждаютъ, что хотя первая принадлежала всѣмъ апостоламъ, но только одинъ Петръ владѣлъ ею съ правомъ передачи по преемству, чего не имѣли другіе апостолы, въ которыхъ преемственною была лишь вторая,— епископская власть, и то на столько, насколько съ нею соединялось право простаго попеченія („печалованя") о церкви. Соглашаясь съ такимъ раздѣленіемъ апостольской власти, авторъ, на основаніи авторитета учителей церкви, доказываетъ, что въ отношеніи къ праву передачи епископской власти, которая только и есть преемственная, апостолы ничѣмъ не отличались между собою, и, что преемники ихъ, принимая епископскую власть, наслѣдуютъ ее не отъ того или другаго изъ апостоловъ, какъ опредѣленнаго лица, а отъ апостоловъ вообще, какъ отъ такого учрежденія (уряда), въ которомъ всѣ составлявшіе его члены были равны между собою и каждый изъ нихъ изъ своей власти могъ передать своему преемнику только то, что принадлежало всѣмъ имъ вообще[2]).

Отд. 1, Артикулъ 3. Преимуществомъ чести, кото-

---

[1]) Артикулъ этотъ не оконченъ; въ немъ нѣтъ ни выводовъ, ни обычнаго заключенія. Въ синодальномъ спискѣ Палинодіи вслѣдъ за послѣдними словами слѣдуетъ еще двѣ съ половиною страницы, оставленныя пустыми.

[2]) Этотъ и предыдущій Артикулы сравн. съ Апокр. часть III. гл. 3.

рое принадлежитъ нѣкоторымъ епископскимъ каѳедрамъ, каковы: Римская, Константинопольская, Александрійская, Антіохійская, и Іерусалимская, послѣднія обязаны не своему основанію непосредственно чрезъ самихъ апостоловъ и въ частности не авторитету ап. Петра и его преемника, римскаго епископа, какъ учатъ Латиняне: оно признано было отцами церкви на вселенскихъ соборахъ, а отцы руководились въ данномъ случаѣ, какъ это особенно ясно видно изъ 5 прав. четвертаго вселенскаго собора, установившимся обычаемъ, выдѣлившимъ изъ ряда другихъ тѣ епископскія каѳедры, которыя находились въ городахъ, имѣвшихъ особенное политическое значеніе. Такимъ образомъ, первенство указанныхъ каѳедръ имѣетъ не божественное происхожденіе, а есть дѣло простаго человѣческаго обычая и, слѣдовательно, Римскій епископъ, какъ и вообще всѣ епископы особенно чествуемыхъ каѳедръ, не имѣетъ какихъ нибудь высшихъ іерархическихъ правъ въ церкви сравнительно съ остальными: ему принадлежитъ преимущество чести, но не власти[1]).

Часть II. Отд. II. Артикулъ 1. Кревза[2]), чтобы доказать, что римскому епископу принадлежитъ право предсѣдательствовать на вселенскихъ соборахъ, указываетъ на тотъ аналогическій фактъ, что ап. Петръ, въ счетѣ апостоловъ, всегда будто бы ставится евангелистами на первомъ мѣстѣ. Съ цѣлью подорвать доказательную силу этого довода, нашъ авторъ, путемъ анализа свидѣтельствъ изъ учителей церкви, доказываетъ, что поставленіе въ данномъ случаѣ Петра на первомъ мѣстѣ обу-

---

[1]) Сравн. Апокр. часть III. гл. 4.

[2]) Оброна уніи. Часть II. Отд. 2.

словливалось его сравнительно болѣе почтенными лѣтами, его первымъ призваніемъ отъ Самаго Господа (Андрей первый послѣдовалъ, но Петръ первый былъ призванъ) и, наконецъ, особою теплотою его любви, въ которой онъ превосходилъ другихъ апостоловъ. Конецъ посвящается указанію примѣровъ, показывающихъ, что самый фактъ поставленія Петра при перечисленіи апостоловъ на первомъ мѣстѣ не такъ всеобщъ, какъ это думаютъ противники.

Отд. II. Артикулъ 2. Не вѣрно мнѣніе противниковъ, будто на вселенскихъ соборахъ лично присутствовали и предсѣдательствовали римскіе епископы. Если же при перечисленіи епископскихъ каѳедръ первое мѣсто отводилось римской, то это первенство было первенствомъ чести, а не власти, какъ это замѣчено было и по отношенію къ апостолу Петру.

Отд. II. Артикулъ 3. Кревза[1]) доказываетъ, что на всѣхъ вселенскихъ соборахъ присутствовали и предсѣдательствовали римскіе епископы или лично, или въ лицѣ своихъ пословъ. Въ опроверженіе этого Копыстенскій утверждаетъ, что ни на одномъ вселенскомъ соборѣ лично римскій епископъ не присутствовалъ, что на нѣкоторыхъ соборахъ даже не было и пословъ римскаго епископа, что, наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они и присутствовали, то предсѣдательскаго мѣста не занимали и въ самыхъ подписяхъ подъ соборными актами ихъ имена занимаютъ второстепенныя мѣста. Все это доказывается на основаніи фактическихъ данныхъ, заимствуемыхъ изъ исторіи слѣдующихъ соборовъ: Апостоль-

---

[1]) Ibidem.

скаго въ Іерусалимѣ, вселенскихъ: Никейскаго 1 (325 г.) Константинопольскаго 1 (381 г.), Ефесскаго (431 г.), Халкидонскаго (451 г.), Константинопольскаго (помѣстнаго-536 г.), Константинопольскаго II (553 г.), Константинопольскаго III (680 г.), Трульскаго (692 г.), Никейскаго II (787 г.) и помѣстныхъ: Константинопольскаго (879 г.), Карѳагенскаго (419—426 г.), Сардикійскаго (347 г.) и нѣкоторыхъ другихъ[1]).

Отд. II. Артикулъ 4. Высказываемое Кревзою мнѣніе[2]), что будто бы присутствовавшіе на седмомъ вселенскомъ соборѣ иноки: Іоаннъ и Ѳома были послами папы, не вѣрно, такъ какъ, по словамъ историковъ, эти два лица были представителями на этомъ соборѣ трехъ восточныхъ патріарховъ. Не вѣрно также и то мнѣніе Кревзы[3]), что будто бы присутствовавшимъ на Карѳагенскомъ соборѣ посламъ римскаго епископа предоставлено было право слѣдить за правовѣріемъ всѣхъ церквей вообще; напротивъ, есть факты, изъ которыхъ видно, что это право въ отношеніи къ нѣкоторымъ восточнымъ церквамъ въ извѣстной степени практиковалось епископами антіохійскими.

Отд. II. Артикулъ 3. Вмѣстѣ съ правомъ отправлять пословъ Кревза (ibid) приписываетъ римскому епископу высшее право слѣдить за православіемъ церквей во всей вселенной. Въ отвѣтъ на это, Копыстенскій доказываетъ, что не только Римскій епископъ, но и епископы всѣхъ остальныхъ каѳедръ отправляли отъ себя къ различнымъ народамъ миссіонеровъ, посылали отъ свое-

---

[1]) Ср. Апокр. часть III, гл. 7.

[2]) Оброн. уніи. Часть II Отд. 2.

[3]) Ibidem.

го имени пословъ на соборы, отправляли также уполномоченныхъ лицъ для очищенія отъ ереси зараженныхъ ею народовъ; но во всѣхъ этихъ случаяхъ ими руководила любовь, а не жажда власти. Только одинъ римскій епископъ сталъ злоупотреблять этимъ обычаемъ: учредивъ, въ интересахъ болѣе удобнаго сношенія съ востокомъ, въ нѣкоторыхъ, не принадлежащихъ къ его діоцезу, епископіяхъ такъ называемыхъ „легатовъ отъ боку", впослѣдствіи онъ задумалъ распространить на эти епископіи полную свою власть, что, напримѣръ, пытался практиковать въ отношеніи къ епископу Солунскому.

Отд. II. Артикулъ 6. Чтобы показать несостоятельность мысли о зависимости въ церковно-іерархическомъ отношеніи церковнаго востока отъ римскаго папы, авторъ доказываетъ, что святители востока часто, входя въ сношеніи съ западомъ посредствомъ личнаго путешествія или отправленія пословъ, соборныхъ опредѣленій и частныхъ посланій, слѣдили за правовѣріемъ западныхъ церквей, обличали появлявшіяся тамъ ереси, наставляли въ истинахъ вѣры, что римскіе епископы, при вступленіи на свои каѳедры, должны были отправлять на востокъ свое исповѣданіе вѣры, что, словомъ, между римскимъ папою и восточными патріархами существовали такія же отношенія, въ какихъ находились между собою и эти послѣдніе.

Часть II Отдѣлъ III. Артикулъ I. Кревза[1]) приводитъ свидѣтельства изъ Стефана Новаго и Ѳеодора Студита, на основаніи которыхъ доказываетъ, что вселенскій соборъ ни подъ какимъ условіемъ не можетъ состояться въ отсутствіи римскаго папы или его уполномочен-

---

[1]) Ibidem.

ныхъ, и что, напротивъ, отсутствіе восточныхъ патріарховъ не имѣетъ въ данномъ случаѣ такого рѣшающаго значенія. Копыстенскій, замѣтивъ, что на второмъ и пятомъ вселенскихъ соборахъ не было ни римскаго папы, ни его пословъ, и что это тѣмъ не менѣе не помѣшало имъ получить значеніе вселенскихъ, на основаніи словъ того же св. Стефана, св. Іоанна Дамаскина и актовъ седмаго вселенскаго собора, доказываетъ, что въ разсматриваемомъ отношеніи права римскаго папы и восточныхъ патріарховъ безусловно равны[1]).

Отд. III. Артикулъ 2. Авторъ въ 3-хъ пунктахъ опровергаетъ каноническое значеніе правила, упоминаемаго въ письмѣ римскаго епископа Юлія[2]) къ восточ-

---

[1]) Копыстенскій, указавъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что священная пятерица патріарховъ разстроилась съ отдѣленіемъ римскаго папы, замѣчаетъ, что по волѣ Промысла его мѣсто занялъ новой патріархъ Великой Руси. По поводу этой мысли въ синодальномъ спискѣ Палинодіи на полѣ находимъ слѣдующую, нелишенную интереса, замѣтку: „Барзо то не слушне учинено, (т. е. постановленіе русскаго патріарха), бо гды геретикамъ предъ тымъ, кого узнано, теды, самаго анаѳематизовавши, той епархіи православнаго святителя за пастыря давали, а новыхъ provinciy вмѣсто старихъ нечинили, въ нагороду съ тыхъ которого епископовъ. Простижъ за тое! Належало бо вѣмъ той Россіи подъ митрополитомъ Кіевскимъ быти. А то ся штось по жестосердіи стало, якъ и папежъ 4-хъ при себѣ въ Римѣ маетъ патріарховъ зъ кардиналовъ ихъ, для зуполного клиру починивши, абы надъ всѣми монарховалъ, штоже самъ ганишь. И овогожъ новаго патріаршества не хвалю“. Сравн. Апокр. Часть III гл. 7.

[2]) На это правило впервые сослался Фавстинъ, посолъ папы Зосимы на Карѳагенскомъ соборѣ, выдавая его за пра-

нымъ патріархамъ, которымъ (правиломъ) католики любили пользоваться для доказательства своей монархической теоріи[1]).

Часть II Отд. IV. Артикулъ. I. Кревза пишетъ (Часть II. Отд. IV.), что римскому епископу принадлежало право принимать аппелляціи отъ епископовъ другихъ церквей, и въ доказательство ссылается на 3 и 4 правила Сардикійскаго собора. Въ отвѣтъ на это, Копыстенскій доказываетъ, что Сардикійскій соборъ былъ соборомъ помѣстнымъ и что постановленія его обязательны только для римскаго діоцеза, въ предѣлахъ котораго онъ происходилъ и изъ духовенства котораго состоялъ.

Отд. IV. Арт. 2. Здѣсь авторъ доказываетъ, что приводимыя Кревзою (ibid) выдержки изъ 3 и 4 правилъ Сардикійскаго собора[2]) и выписки изъ толкованій на

вило собора Никейскаго. Но отцы Карѳагенскаго собора тогда же заявили, что между канонами Никейскаго собора этого правила отыскать нельзя и что его смастерилъ самъ Зосима. На это-то правило ссылался впослѣдствіи папа Юлій въ своемъ письмѣ къ восточнымъ епископамъ, каковой фактъ имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ Копыстенскій. Въ доказательство подложности этого правила онъ указываетъ во 1-хъ на то, что его нѣтъ въ списках греческихъ канонов, во 2-хъ на то, что имъ не пользовались преемники Юлія и въ 3-хъ на то, что ни одинъ изъ восточныхъ учителей и толкователей каноновъ не упоминаетъ о немъ, а Сократъ и Созаменъ, касаясь его, замѣчаютъ только, что о немъ пишетъ папа Юлій.

[1]) Сравн. Апокр. Часть III, гл. 5.

[2]) IV-ое правило Сардикійскаго собора Кревза приводитъ въ такомъ видѣ: „Jeśliby episcop degradowany, abo z dośtoinstwa swoiego złożony był, a przeczyłby y mowił, ze iest niesprawiedliwie sądzony, ieśli Rzymski nie roskaże, nie

нихъ Вальсамона искажены и потому не заслуживаютъ довѣрія; взятыя же въ подлинномъ своемъ видѣ, онѣ даютъ основаніе для совершенно другихъ выводовъ, чѣмъ тѣ, къ какимъ приходятъ противники.

Отд. IV. Артикулъ 3. Замѣтивъ, что ни на одномъ соборѣ не признано было за римскимъ епископомъ право принимать апелляціи отъ церквей всей вселенной, авторъ останавливается на 31 и 125 канонахъ карѳагенскаго собора съ толкованіями на нихъ Вальсамона, которыми прямо запрещается членамъ Карѳагенской церкви, недовольнымъ домашнимъ судомъ, апеллировать

---

ma być postawiony (na iego, miejsce) inszy, ten bowiem ma rozsąndzić złożenie, albo przez posły, albo przez listy" Р. Ист. Биб. т. IV ст. 180—181). Копыстенскій говоритъ, что послѣднихъ словъ нѣтъ ни въ греческомъ, ни въ славянскомъ, ни въ латинскомъ текстахъ. Дѣйствительно, фразы „ten bowiem..." до конца нѣтъ въ подлинномъ текстѣ правила; слова эти буквально приводятся въ толкованіи Аристена, откуда, по всей вѣроятности, и взяты Кревзою. Въ подлинномъ текстѣ правило это читается такъ: „Аще который епископъ судомъ епископовъ, въ сосѣдствѣ находящихся, изверженъ будетъ отъ сана и речетъ, что онъ паки возлагаетъ на себя долгъ оправданія: то не прежде поставляти другаго на его мѣсто, развѣ когда епископъ римскій, дознавъ дѣло, произнесетъ свое опредѣленіе по оному" (кн. Прав. стр. 284). Правило это приводится и въ сочиненіи Скарги „Synod Brzeski" (Rozd. VI), который переводитъ его ближе къ подлиннику, чѣмъ Кревза. Филалетъ, въ своемъ отвѣтѣ на это сочиненіе, не касается этого правила, считая его, вѣроятно, достаточно ослабленнымъ предыдущими, не прямо направленными противъ него, доводами (см. Апокр. Часть III, гл. 5). Точно такому же искаженію подвергалось у Кревзы и III-е правило Сардійскаго собора: послѣднихъ словъ приведенной

въ Римъ. Далѣе авторъ указываетъ самую причину, побудившую Карѳагенскій соборъ издать такое постановленіе. Причина эта заключалась въ стремленіи папы Зосимы (а за нимъ Бонифація и Целестина), по поводу аппелляціи къ нему одного карѳагенскаго пресвитера Апіарія [1]), заставить карѳагенскую церковь признать на основаніи правилъ Сардикійскаго собора, выдаваемыхъ имъ за правила собора Никейскаго,— за римскимъ епископомъ право принимать аппелляціи отъ недовольныхъ домашнихъ судомъ членовъ карѳагенской церкви. Наконецъ, опровергается мнѣніе Кревзы, что будто бы аппелляціи въ Римъ Карѳагенскій соборъ запретилъ для низшихъ клириковъ, а не для епископовъ.

Отд. IV. Артикулъ. 4. Обобщивъ коротко достигнутые въ предыдущихъ артикулахъ результаты и указавъ мимоходомъ на несправедливость мнѣнія Кревзы (Ч. II.

Кревзою выписки также нѣтъ въ подлинномъ текстѣ этого правила.

[1]) Срави. Апокр. Ч. III, гл. 5. Въ этомъ пунктѣ между Палинодіей и Апокрисисомъ существуетъ полнѣйшее сходство. Различаются они только въ слѣдующемъ: Филалетъ приводитъ только выписку изъ посланія отцовъ церкви къ папѣ Целестину, Копыстенскій же, кромѣ этой выдержки, которая выписана у него сравнительно въ большемъ объемѣ, приводитъ еще 31 (37) и 125 (139) каноны этого же собора. Здѣсь необходимо замѣтить, что въ изданіи церковныхъ правилъ, которымъ пользовался Копыстенскій, счетъ каноновъ Карѳагенскаго собора несоотвѣтствуетъ счету позднѣйшихъ изданій и, между прочимъ,--счету „Книги Правилъ“. Такъ 31 и 125 каноны изданія Копыстенскаго соотвѣтствуютъ 37 и 139 „Книги Правилъ“. Въ приведенной Копыстенскимъ изъ этихъ правилъ выпискѣ удержаны буква и смыслъ подлинника.

Отд. IV), что будто бы осуществленію намѣренія св. Аѳанасія аппеллировать въ Римъ попрепятствовали Евсевіане, авторъ доказываетъ несостоятельность слѣдующихъ положеній Кревзы (ibid), направленныхъ къ отысканію въ канонахъ Карѳагенскаго собора основаній для подтвержденія мнѣнія, что римскому епископу принадлежало право принимать аппелляціи отъ членовъ провинціальныхъ церквей, недовольныхъ своимъ домашнимъ судомъ. 1) Изъ того, что Карѳагенскій соборъ былъ помѣстнымъ, значеніе его постановленій нисколько не уменьшается, какъ это утверждаетъ Кревза, и во первыхъ потому, что онъ касается Африки, а для послѣдней онъ имѣлъ значеніе вселенскаго, такъ какъ на немъ были представители всѣхъ африканскихъ церквей; во вторыхъ потому, что онъ признанъ былъ всѣми последующими вселенскими соборами, и присутсвовавшими на немъ, и въ третьихъ потому, что сами римскіе папы никогда не отвергали каноническаго значенія сдѣланныхъ на немъ постановленій, такъ что постановленія этого собора не могутъ быть даже и сравниваемы съ постановленіями собора Сардикійскаго, осужденными, какъ было замѣчено, Карѳагенскимъ соборомъ, каковое осужденіе подтверждено было соборомъ Халкидонскимъ и всѣми послѣдующими. 2) Мнѣніе Кревзы, что будто бы на Карѳагенскомъ соборѣ сдѣлано было лишь ограниченіе случаевъ аппелляціи въ Римъ, — ограниченіе добровольно якобы допущенное самимъ папою въ виду нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствъ, нелѣпо, потому что оно противорѣчитъ прямому, ясному смыслу каноновъ этого собора, которыми отвергается самое право римскаго епископа принимать аппелляціи. Въ концѣ авторъ останавливается на нѣкоторыхъ мелкихъ со-

ображеніяхъ противника, въ большей или меньшей степени клонящихся къ обоснованію тойже мысли.

Отд. IV. Артикулъ 5. А что римскій епископъ дѣйствительно не составляетъ высшей судебной инстанціи въ церкви, это видно изъ фактовъ апелляціи отъ его суда къ императорской верховной власти, законность каковой признавалась и самими римскими епископами. Таковъ напр. случай двукратной апелляціи донатистовъ въ лицѣ своего епископа Маіорина, при столкновеніи его съ православнымъ епископомъ Цециліаномъ, отъ суда римскаго епископу Мельхіада къ императору Константину Великому[1]).

Отд. IV. Артикулъ 6. Доказавъ на основаніи соборныхъ каноновъ (9 и 17 Халкидонскаго собора), „кодекса" императоровъ (Граціана, Валентиніана и Өеодосія) и Номоканона Фотія[2]) право Константинопольскаго патріарха судить членовъ клира не принадлежащихъ ему діоцезовъ, авторъ подтверждаетъ эту мысль фактами примѣненія этого права въ отношеніи къ округамъ епископовъ александрійскаго, антіохійскаго и римскаго. За тѣмъ, приведши отзывъ по этому вопросу Перемышльскаго каноника Оржеховскаго[3]) и указавъ на нѣкоторыя

---

[1]) Сравн. Апокр. Часть III, гл. 5. Разсказъ объ этомъ фактѣ у Копыстенскаго и Филалета значительно различаются между собою. По Копыстенскому, православный епископъ Целестинъ имѣетъ дѣло съ Маіориномъ, какъ это было и въ дѣйствительности; у Филалета же—съ Донатомъ, который, какъ извѣстно, сдѣлался епископомъ донатисткимъ лишь послѣ смерти Маіорина.

[2]) Сравн. Апокр. Часть III, гл. 5.

[3]) Сравн. Апокр. Часть IV, гл. 1. Копыстенскій и Филалетъ приводятъ различныя цитаты изъ Оржеховскаго.—

данныя, доказывающія безапелляціонность патріаршаго суда, авторъ заканчиваетъ артикулъ заключеніемъ, что римскому епископу никакимъ образомъ не можетъ принадлежать право верховнаго суда во всей церкви.

Часть II. Отд. V. Артикулъ 1. Въ доказательство того, что и послѣ Карѳагенскаго собора аппелляція въ Римъ практиковалась [1]), Кревза ссылается на славянскій сборникъ, гдѣ подъ 16 числомъ мѣсяца Іюля (Lipca), между прочимъ, говорится, что Константинопольскій патріархъ Флавіанъ, осужденный на соборѣ (разбойнич.) по настоянію Діоскора на низложеніе, писалъ къ папѣ Льву Великому („to jest appellowawszy“). Тамъ же, по словамъ Кревзы, помѣщено отвѣтное письмо къ Флавіану Льва и замѣчаніе, что это письмо читано было на 4 Халкидонскомъ соборѣ. Направляя мысль противъ этого довода, авторъ увѣряетъ, что онъ, во первыхъ, пересмотрѣлъ нѣсколько сборниковъ, но письма о Флавіанѣ не нашелъ; во вторыхъ, вставка Кревзы: „to jest appellowawszy“ есть не удачный комментарій на слово писалъ“, такъ какъ писать еще не значитъ аппеллировать; въ третьихъ, историки, описывая этотъ соборъ, ни слова не говорятъ объ аппелляціи Флавіана, напротивъ изъ расказа ихъ видно, что Флавіанъ не могъ писать въ Римъ, такъ какъ онъ, побитый Діоскоромъ на соборѣ, на 3-й день умеръ. Что же касается отвѣтнаго письма къ Флавіану Льва, то изъ свидѣтельства историковъ видно, что оно писано было еще предъ „разбойничьимъ“ соборомъ.

Свѣдѣнія объ этомъ лицѣ см. Апокр., кіевск. изд., примѣчаніе 63 и 65.

[1]) Оброна уніи. Часть II. Отд. V.

Отд. V. Артикулъ 2. Далѣе, для подтвержденія той же мысли Кревза (ibid) доказываетъ, что когда будто бы восточные патріархи: Пирръ, Киръ, Сергій и Петръ, на составленномъ ими соборѣ, на ряду съ другими епископами и Императоромъ Ираклiемъ, утвердили монофелитское ученіе, многіе изъ епископовъ, отвергнувъ это опредѣленіе, аппеллировали въ Римъ къ папѣ. Въ доказательство этого онъ ссылается на жизнеописанія папы Мартина и Максима Исповѣдника, помѣщенныя въ сборникахъ, и на славянскіе прологи, гдѣ между прочимъ говорится, что Максимъ ходилъ въ Римъ „и просилъ" Мартина осудить ересь на помѣстномъ соборѣ. Въ отвѣтъ на эту аргументацію Копыстенскій замѣчаетъ, что въ 1-хъ, патріархи: Сергій, Пирръ, Павелъ и Петръ послѣдовательно одинъ за другимъ занимали Константинопольскій престолъ въ промежутокъ времени, обнимающій собою около 40 лѣтъ[1]), а собора, продолжавша-

---

[1]) Копыстенскій вѣренъ исторіи: изъ упомянутыхъ Кревзою 4-хъ патріарховъ только одинъ Киръ, бывшій патріархомъ александрійскимъ, по занятію патріаршей каѳедры, можетъ считаться современникомъ константинопольскихъ патріарховъ Сергія и Пирра; чтоже касается Петра, то онъ занялъ каѳедру константинопольскаго патріарха не непосредственно послѣ Пирра, а ему предшествовали: Павелъ и Пирръ II-й, изъ которыхъ первый былъ патріархомъ около 13 лѣтъ. Такимъ образомъ присутствовать на одномъ и томъ же соборѣ указанные патріархи не могли какъ потому, что не были современниками по патріаршеству, такъ и въ частности по причинѣ довольно значительнаго періода времени, отдѣлявшаго патріаршество перваго отъ послѣдняго:

Сергій—отъ 610 по 638 } Киръ
Пирръ—отъ 639 по 641 } отъ 630 по 640.
Павелъ—отъ 641 по 654

гося такъ долго, исторія не знаетъ, что во 2-хъ, сборниковъ, въ которыхъ говорилось бы объ аппелляціи въ Римъ, онъ, не смотря на свое тщательное изслѣдованіе, не могъ отыскать и что, въ 3-хъ, наконецъ, въ прологѣ говорится, что Максимъ не просилъ Мартина, а „расказалъ" (повелѣлъ) ему, что, слѣдуя софистикѣ противника, слѣдовало бы понимать въ томъ смыслѣ, что Максимъ былъ старше папы. Въ дѣйствительности же Максимъ, будучи въ Римѣ „совѣтовалъ папѣ собрать помѣстный соборъ для осужденія монофелитовъ".

Отд. V. Артикулъ 3. Съ тою же цѣлію, наконецъ, Кревза ссылается на письмо осужденнаго на соборѣ „около 870 г." (т. е. 861 г.) Игнатія къ папѣ Николаю 1, въ которомъ послѣдній называется „преблагословеннымъ патріархомъ всѣхъ столицъ" „намѣстникомъ князя апостоловъ", „вселенскимъ папою" и проч. и проч. и въ концѣ котораго онъ умоляетъ Николая оказать ему защиту. Разбирая этотъ аргументъ, Копыстенскій, замѣтивъ, что приведенныя Кревзою слова письма взяты изъ Баронія, „а не изъ книгъ нашихъ", доказываетъ, что вообще братскія письма нашихъ восточныхъ патріарховъ въ Римъ латиняне привыкли перетолковывать въ смыслѣ „аппелляцій", и что, въ частности, изъ приведенныхъ Кревзою словъ никакимъ образомъ нельзя вывести того заключенія, какое дѣлаетъ Кревза.

Отд. V. Артикулъ 4. Кревза доказываетъ, что за римскимъ папою признавалось право поставлять и низлагать съ каѳедръ восточныхъ патріарховъ. Въ под-

---

Пирръ II отъ 654 по 655.
Петръ отъ 655 по 666.

твержденіе этого онъ ссылается, между прочимъ, на возвращеніе якобы папою Юліемъ Аѳанасію В. каѳедры, послѣдовавшее вслѣдъ за аппелляціей къ нему низложеннаго Аѳанасія[1]). Въ отвѣтъ на этотъ аргументъ Копыстенскій утверждаетъ, что обращаясь въ Римъ, Аѳанасій питалъ надежду найти тамъ защиту отъ своихъ враговъ: въ папѣ онъ надѣялся встрѣтить своего единомышленника и сотоварища, въ глазахъ котораго интересы Аѳанасія должны были быть интересами и всей православной церкви, а слѣдовательно, и его собственными интересами; въ Констансѣ же, тогдашнемъ западномъ императорѣ, онъ видѣлъ православное лицо, могущее, въ силу своей власти, оказать ему внѣшнюю защиту. Словомъ, здѣсь мы видимъ обращеніе слабаго къ сильнымъ, а не подчиненнаго къ властвующимъ. А что дѣйствительно случай обращенія Аѳанасія въ Римъ не подтверждаетъ правъ римскаго епископа на верховную власть въ церкви, это видно во 1-хъ, изъ того, что исторія представляетъ множество аналогичныхъ примѣровъ обращенія не только къ римскому папѣ, но и къ патріархамъ восточнымъ и, въ 2-хъ, изъ того, что папа лично, однимъ своимъ авторитетомъ, ни однажды не былъ въ состояніи возвратить каѳедру Аѳанасію[2]).

---

[1]) Оброна уніи. Часть II, Отд. IV.

[2]) Сравн. Апокр. ч. III, гл. 4. Въ основномъ взглядѣ на фактъ обращенія Аѳанасія въ Римъ Копыстенскій и Филалетъ существенно сходны между собою. Но есть нѣкоторое внѣшнее различіе. Такъ напр., они различаются прежде всего по источникамъ, изъ которыхъ приводятъ свои историческія свѣдѣнія. Филалетъ приводитъ свидѣтельства изъ Сократа Схоластика, Кассіодора и Блаж. Феофилакта; Копыстенскій--изъ Пролога, Сократа Схоластика, „Аполо-

Отд. V. Артикулъ 5. Өсобенно сильнымъ доказательствомъ правъ на главенство римскаго епископа въ церкви служитъ, по мнѣнію Кревзы, тотъ фактъ, что папа будто бы судилъ, низлагалъ, анаѳематствовалъ какъ восточныхъ патріарховъ, такъ и лицъ всѣхъ другихъ чиновъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Въ доказательство этого онъ ссылается на извѣстный въ исторіи оригенистическихъ споровъ фактъ низложенія (по интригамъ Ѳеофила Александрійскаго и придворной партіи во главѣ съ Евдоксіей) съ Константинопольской каѳедры св. І. Златоуста, вслѣдъ за чѣмъ, когда св. І. Златоустъ умеръ въ заточеніи, послѣдовала апеляція въ Римъ къ папѣ Иннокентію, на которую послѣдній отвѣчалъ анаѳемой противъ всѣхъ виновниковъ этого дѣла, что заставило тогдашняго восточнаго императора Аркадія смириться предъ властью римскаго первосвященника и просить прощенія у него за себя и за Евдоксіею [1]). Разсматривая этотъ доводъ, Копыстенскій, на основаніи свидѣтельствъ изъ историковъ: Созомена, Сократа Схоластика, Никифора Каллиста и Касіодора, а также на основаніи письма самаго Иннокентія къ Константинопольскому клиру, доказываетъ, что какъ по требованію низложеннаго св. І.

гіу“ самаго же Аѳанасія, Кассіодора, Созомена и Никифора Каллиста. Филалетъ, кромѣ того, смѣшиваетъ западнаго императора Константа (337—350 г.), который оказалъ защиту Аѳанасію, съ Валентомъ (364—375 г.), отъ чего свободенъ Копыстенскій. Здѣсь мы должны также замѣтить, что путешествіе Аѳанасія въ Римъ Копыстенскій разсматриваетъ въ двухъ артикулахъ: въ 4-омъ V-го Отд. и въ 3-мъ VI-го.

[1]) Оброна уніи. Часть II, Отд. VII.

Златоуста и стоявшаго за него Константинопольскаго народа, такъ и по сознанію самаго Иннокентія, дѣло это могло быть разсмотрѣно и разрѣшено лишь на соборѣ; что по прямому свидѣтельству Арменопула и другихъ историковъ, свѣдѣнія о низложеніи св. І. Златоуста дошли въ Римъ не путемъ формальной аппелляціи, а частными путями, что если даже и согласиться съ противниками и признать, что св. Златоустъ лично писалъ въ Римъ, то изъ формы приписываемаго ему письма видно, что оно адресовано было не на имя одного римскаго епископа, а на имя всего клира; что цѣль этого письма—не аппелляція, а простое желаніе оправдаться въ глазахъ Римскаго духовенства отъ взводимыхъ противниками ложныхъ обвиненій; что побужденіемъ къ сношенію съ Римомъ въ данномъ случаѣ были чисто нравственные мотивы, и что, наконецъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, при подобныхъ условіяхъ и члены римской церкви обращались за помощью къ восточнымъ патріархамъ.

Часть II. Отд. VI. Артикулъ 1. Кревза (Obr. unii Часть II. Отд. IV.) утверждаетъ, что римскій папа поставлялъ восточныхъ патріарховъ и низложенныхъ вновь возстановлялъ въ епископскихъ правахъ. Направляя рѣчь противъ этого положенія въ самомъ его принципѣ, Копыстенскій доказываетъ, что оно могло бы имѣть силу лишь тогда, если бы было основано не на случайныхъ фактахъ, а на соборныхъ канонахъ; а между тѣмъ изъ исторіи извѣстно, что въ соборныхъ опредѣленіяхъ права всѣхъ пяти патріарховъ въ разсматриваемомъ отношеніи ограничены опредѣленными областями. Если и встрѣчались случаи, когда епископы одного діоцеза поставляли или низлагали епсикоповъ въ другихъ, не принадлежащихъ имъ, діоцезахъ, то эти исключенія изъ об-

щаго правила практиковались не однимъ римскимъ епископомъ, а, какъ показываютъ многочисленные примѣры, и многими другими, и слѣдовательно, по логикѣ противника, всѣхъ ихъ нужно признать церковными монархами.

Отд. VI. Артикулъ 2. Кревза (ibid.), на основаніи свидѣтельства изъ пролога, доказываетъ, что папа Сильвестръ поставилъ и сопровождалъ къ мѣсту назначенія перваго Константинопольскаго патріарха Митрофана. На это Копыстенткій отвѣчаетъ, что приводимыя Кревзою слова пролога искажены сравнительно съ ихъ греческимъ подлинникомъ, что смыслъ этого свидѣтельства противорѣчитъ историческимъ даннымъ, и что наконецъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ приводитъ Кревза, они ничего не говорятъ въ пользу главенства римскаго епископа.

Отд. VI. Артикулъ 3. Кревза (ibid.) приводитъ изъ „сборниковъ“ свидѣтельство о томъ, что будто бы епископы Павелъ Константинопольскій и Аѳанасій Александрійскій, будучи низложены съ своихъ каѳедръ, возстановлены были на нихъ папою Юліемъ, хлопотавшимъ объ этомъ предъ императоромъ. Копыстенскій отвѣчаетъ, что въ томъ мѣстѣ „сборниковъ“, на которое указываетъ Кревза, ничего подобнаго нѣтъ, а что въ „прологѣ“ подъ тѣмъ же числомъ того же мѣсяца, дѣйствительно, говорится о возстановленіи этихъ двухъ епископовъ, только не по волѣ Юлія, а вслѣдствіе ходатайства за нихъ императора Константа предъ своимъ братомъ Констанціемъ; мысль эту онъ подтверждаетъ свидѣтельствами историковъ. Далѣе авторъ поясняетъ, что письмо, на которое намекаетъ Кревза, писано было не къ императору, а къ Александрійской паствѣ, и что свидѣтельство Созомена о возвращеніи Юліемъ Аѳанасію и нѣ-

которымъ другимъ епископамъ каѳедръ нужно понимать въ смыслѣ принятія ихъ въ общеніе, чѣмъ признавалось ихъ православіе, а слѣдовательно и правоспособность къ занятію своихъ каѳедръ.

Отд. VI. Артикулъ 4. Далѣе Кревза (ibid.) указываетъ на примѣръ посвященія папою Агапитомъ Константинопольскаго патріарха Мины на мѣсто низверженнаго еретика Анѳима. Фактъ этотъ онъ обосновываетъ на свидѣтельствѣ пролога, гдѣ говорится между прочимъ, что Агапитъ прибылъ изъ Рима въ Константинополь „для исправленія и попеченія о церковныхъ дѣлахъ". На это Копыстенскій отвѣчаетъ, что указанныхъ словъ нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ и что если бы прибытіе въ Константинополь Агапита и дѣйствительно обусловливалось мотивами чисто церковнаго характера, то во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе крайняго упадка въ то время просвѣщенія на западѣ, онъ пріѣзжалъ на востокъ „не учить, а учиться"; но въ дѣйствительности Агапитъ прибылъ въ Константинополь съ чисто политическими цѣлями въ посольствѣ отъ „Ѳеодота Готѳа"[1]). Посвященіе Мины предложено было ему изъ почтенія къ нему какъ почетному гостю. Въ осужденіи Анѳима онъ участвовалъ лишь какъ представитель римской церкви на собравшемся тогда въ Константинополѣ соборѣ[2]).

---

[1]) Здѣсь Копыстенскій по своему передаетъ имя готскаго короля Теедориха В., которымъ, дѣйствительно, отправлено было въ 536 году посолство къ Юстиніану 1-му въ которомъ и прибылъ въ Константинополь Агапитъ.

[2]) Сравн. Апокр. Часть III, гл. 4. Это мѣсто въ Апокрисисѣ можно разсматривать какъ краткое резюме Палинодіи. Впрочемъ въ одномъ пункѣ наши полемисты расходятся между собою. Филалетъ признаетъ, что Агапитъ

Отд. VI. Артикулъ 5. Въ заключеніе VI отдѣла II части Кревза приводитъ изъ Словацкой хроники свидѣтельство о посвященіи папою Іоанномъ XII Константинопольскаго патріарха Ѳеофилакта посредствомъ отправленія ему чрезъ пословъ палліума. На это Копыстенскій замѣчаетъ, что, во 1-хъ, всѣ историки, говорящіе о Ѳеофилактѣ, даже не заикаются о принятіи имъ палліума отъ папы, и что, во 2-хъ, еслибы это было даже и правда, то, во всякомъ случаѣ, это былъбы фактъ единственный въ своемъ родѣ, подобнаго которому исторія не знаетъ ни прежде ни послѣ него.

Часть II. Отд. VII. Артикулъ 1. Направляя мысль противъ Кревзы,[1]) авторъ, на основаніи соборныхъ каноновъ и частію посредствомъ выдержки изъ сочиненія Нила Кавасила „о первенствѣ папъ", доказываетъ, что римскій епископъ „найвысшимъ судьею" въ церкви никогда не былъ, не могъ и не можетъ быть и что самъ нерѣдко суду и наказанію церковному былъ подвергаемъ.

Отд. VII. Артикулъ 2. Кревза въ VII отд. II части приводитъ рядъ данныхъ, на основаніи которыхъ силится доказать, что римскому папѣ принадлежитъ высшее право судить, низлагать и проклинать восточныхъ патріар-

---

прибылъ въ Константинополь на соборъ, слѣдовательно, по дѣламъ церковнымъ. Копыстенскій же, какъ замѣчено, утверждаетъ, что причина прибытія была исключительно политическая. Мнѣніе Филалета, конечно, ошибочно: собравшійся въ это время въ Константинополѣ соборъ созванъ былъ случайно и Агапитъ въ Римѣ о немъ не могъ знать. При томъ же это былъ соборъ помѣстный, а извѣстно, что Римскіе епископы лично не бывали даже и на вселенскимъ соборахъ, а всегда присылали пословъ.

[3]) Оброна увіи. Ч. II, Отд. VII.

ховъ, низшее духовенство и представителей свѣтской власти. Копыстенскій, частію путемъ критическаго анализа приводимыхъ Кревзою свидѣтельствъ, частію же путемъ многочисленныхъ аналогическихъ примѣровъ, опровергаетъ мнѣніе своего противника и доказываетъ, что одни изъ приписываемыхъ въ данномъ случаѣ папѣ частныхъ правъ въ одинаковой степени принадлежатъ представителямъ всѣхъ іерархическихъ степеней, другія же - всѣмъ безъ исключенія епископамъ, и поэтому выдѣлять въ разсматриваемомъ отношеніи римскаго епископа изъ ряда другихъ нѣтъ никакихъ основаній.

Отд. VII. Артикулъ 3. А что дѣйствительно за римскимъ епископомъ церковь никогда не признавала особыхъ правъ и преимуществъ въ разсматриваемомъ отношеніи, это Копыстенскій доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что во всѣ періоды исторіи встрѣчаются примѣры суда и отлученія отъ церкви римскихъ епископовъ какъ цѣлыми соборами, такъ и отдѣльными высшими восточными іерархами. Что же касается проклятій, которыми римская церковь осыпаетъ греческую со времени отпаденія отъ послѣдней, то эти проклятія, какъ выходящія изъ устъ нарушителей каноновъ, не имѣютъ никакой силы.

Отд. VII. Артикулъ 4. На основаніи фактовъ, заимствуемыхъ изъ Анналъ Баронія, авторъ доказываетъ, что не только восточные патріархи, но и свѣтскіе государи римскихъ епископовъ судили и низлагали съ каѳедръ, чего не могло бы случиться, если бы за римскимъ епископомъ признавалось исключительное право высшаго судьи въ церкви.

Часть II. Отд. VIII. Артикулъ 1. Въ VIII отдѣлѣ II части Обороны Кревза дѣлаетъ попытку опровергнуть тѣ

возраженія (zažuty), какія дѣлались православными противъ церковно-монархической теоріи. Прежде чѣмъ приступить къ критикѣ этого отдѣла, авторъ съ положительной точки зрѣнія старается доказать полное равенство іерархическихъ правъ епископовъ всѣхъ пяти привиллегированныхъ каѳедръ (римской, константинопольской, александрійской, антіохійской и іерусалимской) и въ частности равенство епископа Новаго Рима съ епископомъ Стараго Рима. Съ этою цѣлью онъ приводитъ рядъ выдержекъ изъ правилъ 1, 2, 4 и 6 вселенскихъ соборовъ съ толкованіемъ на нихъ Вальсамона и въ заключеніе резюмируетъ вытекающіе изъ нихъ выводы въ 6-ти пунктахъ, представляющихъ развитіе различныхъ сторонъ той главной мысли, что всѣмъ пяти патріархамъ (въ томъ числѣ и римскому папѣ) принадлежатъ равныя во всѣхъ отношеніяхъ церковно-юридическія права, и что они отличаются одинъ одъ другаго лишь по тому мѣсту, какое каждый изъ нихъ занимаетъ въ общемъ счетѣ.

Отд. VIII. Арт. 2. Доказавъ мысль о равенствѣ всѣхъ пяти патріарховъ съ положительной точки зрѣнія, авторъ старается обосновать ее и съ точки зрѣнія отрицательной. Съ этою цѣлію онъ приводитъ длинный рядъ выдержекъ и простыхъ цитатъ изъ постаноленій соборовъ какъ вселенскихъ, такъ и помѣстныхъ на основаніи которыхъ доказываетъ, что въ территоріальномъ отношеніи права всѣхъ епископовъ, не исключая и римскаго, самымъ строгимъ образомъ ограничены запрещеніемъ вмѣшиваться въ дѣла чужихъ епархій, занимать въ нихъ каѳедры, посвящать клириковъ для нихъ и къ себѣ изъ нихъ принимать и, наконецъ, принимать въ единеніе отлученныхъ отъ церкви епископами другихъ епархій.

Отд. VIII. Артикулъ 3. Возраженіями (см. выше артикулъ 1.) со стороны православныхъ противъ монархической теоріи Кревза считаетъ постановленія втораго, четвертаго и пято-шестаго вселенскихъ соборовъ, изъ которыхъ на первомъ признано, а на двухъ послѣднихъ подтверждено равенство чести константинопольскаго патріарха съ римскимъ папою. Относительно первыхъ двухъ соборовъ онъ замѣчаетъ, что приписываемыя имъ правила 3 и 28, уравнивающія константинопольскаго патріарха въ правахъ съ римскимъ,—подложны, а о третьемъ (правило 36) утверждаетъ, что этотъ соборъ не считается вселенскимъ. Такъ какъ этихъ вопросовъ Копыстенскій касался еще раньше, то па этотъ разъ, для опроверженія своего противника, онъ частію ссылается на предыдущіе артикулы, частію приводитъ новыя данныя, направленныя, главнымъ образомъ, къ доказательству подлинности вышеуказанныхъ каноновъ и вселенскаго характера шестаго вселенскаго собора. Но ужъ слишкомъ очевидная ложь Кревзы, его крайне безцеремонное обращеніе съ столь высокочтимымъ предметомъ, глубоко возмущаютъ нашего автора и поэтому весь этотъ артикулъ имѣетъ форму обличенія, причемъ авторъ въ остроумныхъ, по мѣстамъ довольно ѣдкихъ, замѣчаніяхъ разоблачаетъ ту низость средствъ, какими противники православія пользовались для достиженія своихъ цѣлей.

---

[1]) 28-е правило Халкидонскаго собора въ заглавіи этого артикула (въ печатномъ изданіи) названо 21, а въ самомъ текстѣ 58. Это, очевидно, ошибки позднѣйшихъ переписчиковъ, въ чемъ легко убѣдиться чрезъ сравненіе этого артикула съ первымъ артикуломъ этого же отдѣла, гдѣ оно вѣрно названо 28.

Часть II. Отд. IX. Артикулъ 1. Въ началѣ девятаго отдѣла II-й части Кревза замѣчаетъ, что будтобы многіе изъ православныхъ признаютъ, что въ періодъ семи вселенскихъ соборовъ восточная церковь признавала за римскимъ епископомъ право верховной власти и что этого права онъ, по ихъ мнѣнію, лишился лишь послѣ раздѣленія церквей. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Копыстенскій, отъ лица всѣхъ православныхъ, категорически заявляетъ, что всѣ члены православной церкви безусловно отвергаютъ навязываемую имъ Кревзою мысль; напротивъ, они признаютъ, что римскій епископъ никогда не имѣлъ этой власти; съ раздѣленіемъ же церквей, онъ потерялъ не верховную власть надъ восточною церковію, а лишь разорвалъ общеніе съ нею, и такъ какъ это раздѣленіе естъ величайшее зло для церкви, то православные, во имя любви, съ величайшею радостію готовы встрѣтить фактъ возстановленія прежняго единенія, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы папа отказался отъ своихъ незаконныхъ притязаній на главенство, а римская церковь—отъ всѣхъ своихъ нововведеній.

Отд. IX. Артикулъ 2. Здѣсь авторъ считаетъ умѣстнымъ и своевременнымъ познакомить читателя съ тѣми преимуществами и привиллегіями, какими дѣйствительно пользовался римскій епископъ въ періодъ до раздѣленія церквей и которыя выдѣляли его изъ ряда другихъ епископовъ, что, какъ сознается самъ авторъ, уже отчасти достигнуто посредствомъ прежде сдѣланныхъ, разбросанныхъ по различнымъ артикуламъ, замѣчаній. Показавъ предварительно на основаніи отзывовъ Іеронима и папы Григорія, что въ іерархическомъ отношеніи всѣ епископы равны между собою и что древняя церковь никогда не признавала за римскимъ епископомъ титула „вселен-

скаго“, онъ указываетъ тѣ историческія причины, благодаря которымъ, древняя церковь признавала за римскимъ епископомъ нѣкоторыя преимущества чести: 1) какъ представитель церкви, основанной первоверховными апостолами Петромъ и Павломъ, римскій епископъ почитался лучшимъ охранителемъ церковныхъ каноновъ; 2) какъ епископъ церкви, находившейся въ царствующемъ градѣ, гдѣ находилась высшая государственная власть, онъ имѣлъ возможность оказывать защиту угнетеннымъ христіанамъ; 3) указанныя два обстоятельства имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что на римскаго епископа смотрѣли какъ на посредствующій членъ, призванный соединять отдѣльныя звенья церковнаго организма; 4) всѣ эти вмѣстѣ взятыя обстоятельства, совершенно естественно, обезпечивали за нимъ важное, но, впрочемъ, далеко не исключительное значеніе при рѣшеніи вопросовъ вѣры; 5) наконецъ, какъ епископъ, имѣвшій у себя подъ бокомъ высшую государственную власть, онъ могъ съ особеннымъ успѣхомъ способствовать подавленію появлявшихся въ церкви ересей. А что все это вѣрно, въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что всѣ эти преимущества признаны были впослѣдствіи и за епископомъ Константинопольскимъ, когда Константинополь сдѣлался центромъ высшей государственной власти.

Отъ. IX. Арт. 3 [1]). Кревза [2]) силится доказать, что и послѣ 7 вселенскаго собора цареградскіе патріархи находились

---

[1]) Всѣ остальные артикулы этого отдѣла (3—8) посвящены вопросу, котораго, насколько намъ извѣстно, не касался ни одинъ изъ современныхъ православныхъ русскихъ полемистовъ, не исключая даже и Филалета.

[2]) Obrona Un. Часть II. Отд. IX.

въ единеніи съ Римомъ (въ смыслѣ, конечно, признанія главенства папы), примѣромъ чего прежде всего служатъ патріархи: Тарасій, Никифоръ и Меѳодій. На это Копыстенскій отвѣчаетъ, что нѣтъ ни одного историческаго памятника, который бы подтверждалъ это мнѣніе Кревзы. Что же касается попытки сослаться на свидѣтельство Зонары, въ которомъ говорится объ отправленіи въ Римъ Меѳодія по дѣламъ церкви, то, во 1-хъ, свидѣтельства этого у Зонары нѣтъ, а, во 2-хъ, дѣлаемый изъ него выводъ логически несостоятеленъ.

Отд. IX. Артикулъ 4. Съ особымъ вниманіемъ Кревза (ibid.) останавливается на извѣстной исторіи патріарховъ Игнатія и Фотія; на основаніи какой то „Славянской Хроники" и Византійскихъ историковъ Зонары и Никиты Пафлагонскаго онъ передаетъ эту исторію, причемъ все дѣло направляетъ къ тому, чтобы 1) доказать, что римскіе папы, въ лицѣ своихъ пословъ, имѣли полное рѣшающее значеніе въ дѣлѣ повторившагося нѣсколько разъ низложенія и возстановленія патріарховъ Игнатія и Фотія;—во 2-хъ) чтобы представить личность Фотія въ возможно худшемъ свѣтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить его главнымъ виновникомъ раздѣленія церквей. Отвѣчая на первый изъ этихъ пунктовъ, Копыстенскій прежде всего доказываетъ, что „Славянская Хроника", на которой главнымъ образомъ основывается Кревза, есть съ предзанятою цѣлію искаженный переводъ исторіи Зонары; за тѣмъ, на основаніи „правдиваго" Зонары, онъ передаетъ истинную исторію Игнатія и Фотія, при чемъ оказывается, что главными дѣйствующими лицами въ этой исторіи были Византійскіе императоры; послы же папскіе играли совершенно пассивную роль, принимая лишь на ряду съ другими іерархами участіе въ

соборахъ, созывавшихся императорами съ цѣлію придать своимъ дѣйствіямъ церковную санкцію. Въ заключеніе авторъ опровергаетъ мнѣніе противника, что будтобы папа Іоаннъ VIII-й, силою своей власти, „утвердилъ“ Фотія константинопольскимъ патріархомъ.

Отд. IX. Артикулъ 5. Между различными пунктами обвиненія, взводимыми Кревзою на Фотія, важнѣйшихъ два: Кревза обвиняетъ Фотія, во первыхъ, въ томъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ раздѣленія церквей и, во вторыхъ, въ томъ, что онъ занялъ патріаршій престолъ при жизни законнаго патріарха Игнатія. Отвѣчая на первый пунктъ, Копыстенскій указываетъ на то, что фактъ раздѣленія церквей произошелъ, спустя почти 200 лѣтъ послѣ Фотія; а если онъ на время и подвергъ было отлученію римскую церковь за допущенное ею искаженіе символа вѣры, то въ этомъ случаѣ его дѣйствіе совершенно солидарно съ дѣйствіемъ патріарховъ: Сергія II-го и Михаила Керулларія и съ дѣйствіемъ римскихъ папъ — Льва III и Іоанна VIII, осудившихъ прибавку къ символу filioque. Въ отвѣтъ на второй пунктъ, Копыстенскій доказываетъ, что Игнатій лишенъ былъ каѳедры не по волѣ Фотія, а силою императорской власти; если же Фотій при жизни Игнатія занялъ патріаршую каѳедру, то его поведеніе въ данномъ случаѣ совершенно аналогично съ поведеніемъ многихъ другихъ высокочтимыхъ церковію іерарховъ и, слѣдовательно, не должно быть осуждаемо. Въ этомъ же артикулѣ нашъ авторъ оправдываетъ Фотія отъ обвиненія его въ истязаніи Игнатія, отвергаетъ подлинность (sic) свидѣтельства Никиты Пафлагонскаго объ участіи Фотія въ составленіи подложныхъ документовъ, производившихъ родъ Василія Македонянина отъ фамиліи древняго армянскаго царя Тиридата

(знаменитое „Beklas"), доказываетъ нелѣпость измышленнаго противниками факта, что будто актъ низложенія на константинопольскомъ соборѣ Фотія подписанъ былъ евхаристійнымъ виномъ, приводитъ почетные отзывы о Фотіѣ разныхъ авторитетныхъ лицъ и, наконецъ, доказываетъ, что личный раздоръ и частные споры Игнатія съ Фотіемъ не имѣютъ отношенія къ дѣламъ вѣры и не мѣшаютъ православной церкви оказывать обоимъ имъ должное почитаніе[1]).

---

[1]) Чтобы вполнѣ оцѣнить сравнительное достоинство мнѣній Кревзы и Копыстенскаго по вопросу о столкновеніи между Игнатіемъ и Фотіемъ, необходимо знать слѣдующее. Писатели, передающіе эту исторію, раздѣляются на двѣ группы: одни изъ нихъ сочувственно относятся къ Игнатію и враждебно къ Фотію, другіе, наоборотъ, держатся противоположнаго направленія. Между первыми, по крайности направленія и рѣзкости сужденій, особенно выдѣляется Никита Пафлагонскій: „его біографія Игнатія, скажемъ словами Іеромонаха Герасима, есть въ одно и тоже время панегирикъ св. Игнатію и памфлетъ противъ Фотія" („Отзывы о св. Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ, его современниковъ". Христ. Чтеніе. 1873 г. Ч. 2. стр. 315). Задавшись цѣлію восхвалить Игнатія и очернить Фотія, Никита не только самымъ безцеремоннѣйшимъ образомъ искажаетъ факты, но нерѣдко прибѣгаетъ къ вымысламъ, разсказывая небылицы. Само собою разумѣется, что такой историкъ долженъ былъ встрѣтить особое сочувствіе со стороны латинскихъ писателей и они, дѣйствительно, охотно имъ пользуются даже до послѣдняго времени для того, чтобы какъ можно больше унизить личность св. Фотія. Послѣ этого понятно, почему Кревза предпочелъ въ данномъ случаѣ Никиту другимъ историкамъ и почему въ свою очередь Копыстенскій простеръ свой скептицизмъ до того, что даже усу

Въ заключеніе этого артикула, авторъ, въ особомъ трактатѣ, касается причинъ, породившихъ столкновеніе между Фотіемъ съ одной стороны и папами Николаемъ и Адріаномъ II съ двугой, оцѣниваетъ сравнительную важность происходившихъ въ это время въ Римѣ и Константинополѣ соборовъ и въ заключеніе указываетъ на тотъ фактъ, что имена патріарховъ Игнатія и Фотія внесены въ списки высокопочитаемыхъ православною церковію святителей.

Отд. IX. Артикулъ 6. Здѣсь авторъ приступаетъ къ обозрѣнію тѣхъ печальныхъ событій, которыя слѣдовали въ періодъ непосредственно слѣдовавшій за вселенскими соборами и виновниками которыхъ, по его мнѣнію, были исключительно римскіе епископы. Папа римскій Левъ III-й, преслѣдуя свои собственные интересы, короновалъ императорскою короною короля франковъ и произвелъ чрезъ это раздѣленіе римской имперіи на двое, чего онъ не сдѣлалъ бы, еслибы наблюдалъ интересы церкви и слѣдовалъ примѣру многихъ мудрыхъ своихъ предшественниковъ. Это политическое раздѣленіе было подготовленіемъ къ раздѣленію церковному [1]),

---

мнился въ подлинности его разсказа, назвавъ Никиту Пафлагонскаго — „Никитой Ватиканскимъ", указывая этимъ на источникъ его происхожденія.

[1]) Здѣсь авторъ дѣлаетъ попытку освободиться отъ того узкаго взгляда на причины раздѣленія церквей, по которому вся вина въ этомъ печальномъ фактѣ взваливалась, обыкновенно, на представителей западной церкви: узурпаціонныя стремленія римскихъ Папъ, оправдываемыя измышленной теоріей церковнаго монархизма, и ихъ личныя качества считались нашими древними полемистами единственной причиной случившагося факта распаденія церковнаго организ-

поводомъ къ которому послужило внесеніе въ символъ filioque, которое имѣло свою исторію и окончательно введено было при папѣ Сильвестрѣ II, современникѣ константинопольскаго патріарха Сергія II[1]). Вслѣдъ за этимъ послѣдовало отпаденіе отъ тѣла вселенской церкви одного ея члена—церкви западной, отпаденіе, которое, по дивному усмотрѣнію Промысла, вознаграждено было крещеніемъ русскаго народа.—Затѣмъ авторъ, коснувшись мимоходомъ самого факта крещенія Руси при Владимірѣ и окончательнаго раздѣленія церквей при Михаилѣ Керулларіѣ, приводитъ выдержку

ма. Въ разсматриваемое время этотъ взглядъ былъ до того всеобщъ, что отъ него не могъ освободиться даже такой свѣтлый умъ, каковъ—авторъ Апокрисиса (см. Ч. III., гл. 6, стр. 717). Копыстенскій, повидимому, понялъ, что такое крупное явленіе въ исторіи не могло быть произведено одной этой причиной; но, тѣмъ не менѣе, и у него не хватило духу вполнѣ освободиться отъ вліянія старыхъ традиціонныхъ воззрѣній: онъ признаетъ, что политическая разрозненность между востокомъ и западомъ занимала далеко не послѣднее мѣсто среди факторовъ, обусловливавшихъ фактъ раздѣленія церквей, но въ то же время онъ доказываетъ, что причиной самаго политическаго распаденія была не внутренняя разрозненность между двумя половинами искуственно соединеннаго политическаго организма, а личная воля римскаго папы Льва III-го.

[1]) Вопросъ о времени внесенія въ символъ filioque въ настоящее время считается нерѣшеннымъ (см. „Церковь римская и византійская" А. Лебедева. Чт. въ Общ. люб. дух. прозв. 1875 г. Январь, стр. 96). Копыстенскій же свое мнѣніе основываетъ въ данномъ случаѣ на изданномъ въ 1582 году Ст. Соколовскимъ сочиненіи Константинопольскаго патр. Іереміи II: „Censura orientalis ecclesiae..."

изъ Никиты Хоніата о взятіи латинянами Константинополя (въ 1204 г.) съ цѣлію показать, насколько враждебны были отношенія христіанскаго запада къ востоку послѣ ихъ церковнаго разъединенія, и въ заключеніе высказываетъ надежду, что при извѣстныхъ уступкахъ западной церкви, прежнее единеніе церквей можетъ быть возстановлено.

Отд. IX. Артикулъ 7. Авторъ частію разбираетъ, частію просто перечисляетъ слѣдующія нововведенія, допущенныя римскою церковію сравнительно съ восточною: 1) прибавленіе въ символѣ вѣры filioque; 2) совершеніе евхаристіи на опрѣснокахъ; 3) причащеніе міряпъ подъ однимъ видомъ; 4) отдѣленіе таинства миропомазанія отъ таинства крещенія; 5) признаніе главою церкви римскаго епископа; 6) отрицаніе нѣкоторыхъ постановленій II и IV вселенскихъ соборовъ[1]); 7) допущеніе чистилища; 8) пренебрежительное отношеніе къ посту; 9) ученіе о полномъ возмездіи душамъ умершихъ до всеобщаго суда; 10) введеніе новаго календаря; 11) введеніе органъ; 12) „отмѣна литургіи святой"; 13) измѣненіе древнихъ обрядовъ; 14) употребленіе монахами мяса. Эти и другія подобныя отклоненія латинянъ отъ истинной вѣры и послужили причиною раздѣленія церквей.

Отд. IX. Артикулъ 8. Копыстенскій берется отвѣтить на нѣкоторые остатки 9-го артикула Оброны. Въ этомъ

---

[1]) Здѣсь авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду 3-е правило втораго и 28-е четвертаго вселенскихъ соборовъ, изъ которыхъ на первомъ признано, а на второмъ подтверждено равенство чести константинопольскаго патріарха съ римскимъ папою. Сравн. Артикулъ 3. Отд. VIII этой же части.

артикулѣ Кревза, между прочимъ, останавливается на полемической переепискѣ, вызванной столкновеніемъ константинопольскаго патріарха Михаила Керулларія съ папою Львомъ IX. Именно, приводитъ выдержки изъ слѣдующихъ писемъ: Доминика Аквилейскаго къ Петру Антіохійскому, Михаила Керулларія къ тому же Петру и Петра Антіохійскаго къ Михаилу Керулларію. Опираясь на данныя, заключающіяся въ этихъ письмахъ, особенно въ послѣднемъ изъ нихъ, онъ старается доказать, что виновникомъ возникшаго въ это время раздора между востокомъ и западомъ, завершившагося фактомъ окончательнаго раздѣленія церквей, былъ Михаилъ Керулларій, который излишнею, доходящею до мелкой придирчивости, навязчивостію, осужденною тогда же Петромъ Антіохійскимъ, поставилъ римскую церковь въ необходимость прервать единеніе съ востокомъ. Въ отвѣтъ на эту аргументацію Копыстенскій прежде всего пытается отвергнуть подлинность письма Петра Антіохійскаго къ Михаилу Керулларію. Съ этою цѣлію онъ сравниваетъ это письмо съ другими двумя, имѣвшимися у него подъ руками, письмами тогоже Петра къ упомянутому Доминику и къ папѣ Льву IX и находитъ, что послѣднія два письма настолько отличаются отъ перваго, что ихъ никакимъ образомъ нельзя признать произведеніями одного и того же автора такъ такъ они, по его мнѣнію, существенно различаются между собою по основному характеру проводимыхъ въ немъ взглядовъ, а это даетъ автору основаніе думать, что это письмо къ Михаилу Керулларію подложно. Но и въ томъ случаѣ, думаетъ авторъ, еслибы даже и признать подлинность этого письма, то все таки изъ него нельзя дѣлать такихъ выводовъ, какіе

допускаетъ противникъ. Вообще, заключаетъ авторъ, на всѣ обвиненія, взводимые латинянами на лучшихъ сыновъ восточной церкви, нужно смотрѣть какъ на попытку безсильной злобы во чтобы то нистало запятнать славу тѣхъ благочестивыхъ дѣятелей православной церкви, которые съ ѳособою ревностію и успѣхами обличали ихъ заблужденія.

Часть II: Отдѣлъ X. Артикулъ 1[1]). Кревза въ началѣ десятаго отдѣла высказываетъ мысль, что порабощеніе грековъ турками нужно ставить въ причинную связь съ потерей восточною церковью православія, происшедшаго, по его мнѣнію, вслѣдствіе отпаденія греческой церкви отъ римской. Нашъ авторъ, послѣ глубоко прочувствованнаго размышленія о непостижимости путей Промысла Божія, управляющаго судьбою человѣка, на основаніи различныхъ мѣстъ какъ изъ новозавѣтнаго, такъ и ветхозавѣтнаго писанія, развиваетъ мысль, что „егоже любитъ Господь,—наказуетъ", что само христіанство утверждено кровію мучениковъ, что, поэтому, въ уничиженномъ состояніи грековъ слѣдуетъ видѣть лишь дѣйствіе испытующей руки Божіей, и что свобода латинянъ сама по себѣ не свидѣтельствуетъ о ихъ православіи, и возносящійся до небесъ гордый Римъ можетъ пасть подобно древнему Вавилону.

Отд. X. Артикулъ 2. Продолжая развивать туже мысль, авторъ утверждаетъ, что если слѣдовать логикѣ противника, то необходимо признать, что римская цер-

---

[1]) Этотъ артикулъ составляетъ введеніе къ X отдѣлу и въ немъ авторъ обще касается тѣхъ положеній которыя подробно развиваются въ слѣдующихъ артикулахъ.

ковь порабощена была готами вслѣдствіе потери ею православія, чего латиняне однакоже не признаютъ. Кромѣ того, разореніе византійской имперіи арабами началось въ началѣ 7-го столѣтія, когда о раздѣленіи церквей не было и рѣчи. Что же касается дѣйствительныхъ причинъ порабощенія грековъ турками, то ихъ можно указать двѣ: „грѣхи плоти" и попеченіе Промысла объ очищеніи отъ этихъ грѣховъ посредствомъ тяжкихъ испытаній исповѣдниковъ истинной вѣры, къ которымъ должны быть отнесены и находящіеся въ Малой Руси и Литвѣ русскіе, такъ жестоко страждущіе за вѣру отъ своихъ гонителей.

Отд. X. Артикулъ 3. Вся исторія домостроительства Божія на землѣ представляетъ намъ непрерывный рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что истинные исповѣдники вѣры всегда должны были переносить разнаго рода страданія и это допускалось для того, чтобы посредствомъ испытаній очистить ихъ отъ грѣховъ и побудить къ проявленію во внѣ содержимой ими истинной вѣры.

Отд. X. Артикулъ 4. Церковь Христова создана на крови Самого ея основателя; Самъ І. Христосъ и Его апостолы предсказывали о имѣющихъ постигнуть истинныхъ исповѣдниковъ вѣры разнаго рода бѣдствіяхъ; наконецъ, отцы и учители церкви о терпѣливомъ перенесеніи страданій говорятъ какъ объ отличительномъ признакѣ истинно вѣрующаго человѣка и, поэтому, латиняне попрекаютъ въ данномъ случаѣ православныхъ тѣмъ, что составляетъ ихъ достоинство.

Отд. X. Артикулъ 5. Хотя восточные христіане и подпали внѣшнему политическому рабству, но тѣмъ не

менѣе, правая вѣра, благодать и милость Божія въ нихъ не оскудѣли. Примѣры подобнаго положенія дѣлъ во множествѣ встрѣчаются въ исторіи какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной церкви, въ которыхъ современные православные христіане могутъ находить для себя подкрѣпленіе[1]).

Отд. X. Артикулъ 6. Указавъ на то, что самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ истинности той или другой церкви служитъ фактъ присутствія въ ней божественной благодати, проявляющейся въ чудесахъ и святости ея членовъ, авторъ переходитъ къ подробному перечисленію чудесъ и святыхъ угодниковъ во всемъ христіанскомъ восточно—православномъ мірѣ, появившихся уже послѣ раздѣленія церквей.

Отд. X. Артикулъ 7. Отступники утверждаютъ, что греки, потерявъ царство, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и вѣру; но это не вѣрно: потерявъ политическую свободу, греки оказались въ такихъ условіяхъ, которыя лучше всего благопріятствуютъ развитію истинно христіанской вѣры и жизни. Итакъ, потеря царства земнаго влечетъ за собою пріобрѣтеніе царства небеснаго.—Исторія знаетъ много такихъ царствъ, которыя просуществовавъ извѣстный періодъ времени, сошли со сцены; царство же Христово, къ которому принадлежатъ греки, вѣчно и неизмѣнно; это знаютъ греки и, поэтому, потеря царства земнаго нимало не смущаетъ ихъ.

Отд. X. Артикулъ 8. Но, продолжаетъ свое утѣше-

---

[1]) Мысли, высказанныя въ послѣднихъ 5 артикулахъ, развиваются только болѣе сжато въ 1 гл. IV-й части Апокрисиса.

ніе авторъ, греки, а равно и всѣ порабощенные христіане, не должны отчаяваться въ надеждѣ возвратить и политическую свободу. Въ подкрѣпленіе этой надежды онъ приводитъ два пророчества о имѣющемъ послѣдовать въ будущемъ сверженіи греками своего рабства: 1) пророчество Меѳодія Патарскаго о имѣющемъ послѣдовать освобожденіи грековъ изъ рабства, вслѣдъ за которымъ послѣдуетъ появленіе антихриста и второе пришествіе Христово, и 2) пророчество персидскаго царя Хозроя о порабощеніи грековъ Вавилоцянами, отъ котораго они освободятся по истеченіи четырехъ седминъ.[1]) Пророчества эти, заключаетъ авторъ, имѣютъ за себя основаніе въ надеждѣ христіанъ, что Господь услышитъ наконецъ мольбы истинныхъ своихъ почитателей и посѣтитъ ихъ Своею милостію.

Отд. X. Артикулъ 9. Раздѣлавшись съ обвиненіями латинянъ, направленными противъ греческой церкви, Копыстенскій въ свою очередь принимается за церковь римскую и призываетъ ее къ суду. Указавъ на реформацію, чрезъ которую римская церковь потеряла очень значительную часть своихъ членовъ, намѣтивъ, на основаніи латинскихъ же писателей, нѣкоторыя изъ мрачныхъ сторонъ ея внутренней жизни, которыя послужили поводомъ къ реформаціи и которыя, по мнѣнію автора, были слѣдствіемъ отдѣленія западной церкви отъ

---

[1]) Подобное предсказаніе объ уничтоженіи турецкаго рабства находится въ книгѣ „Лебедь" Іоаникія Голятовскаго, который при этомъ ссылается на Баронія, Ипполита епископа Сицилійскаго, Ѳому Вруколенскаго и др. (см. Труды кіевск. дух. академіи за 1872 г. іюнь, стр. 504). Копыстенскій же дѣлаетъ ссылку на І. Зонару.

своей матери—церкви греческой, онъ предлагаетъ разсудить, насколько римская церковь воспользовалась своею хваленою свободою и не въ лучшемъ ли положенiи оказалась церковь греческая, утратившая внѣшнюю свободу, но сохранившая истинную вѣру и чистоту внутренней жизни своихъ членовъ.

Отд. X. Артикулъ 10. Въ десятомъ отдѣлѣ II-й части Кревза, на основанiи одного Словацкаго сборника („Слово или повѣсть о латинянахъ, какъ они отдѣлились отъ грековъ"), который извѣстенъ и Копыстенскому, касается исторiи разоренiя Византiйской имперiи сначала арабами, а затѣмъ турками, говоритъ о неудачной войнѣ Iоанна Палеолога въ союзѣ съ сербами противъ турокъ и о унiональныхъ стремленiяхъ Мануила Палеолога. Во всемъ этомъ онъ видитъ кару Божiю за отпаденiе грековъ отъ римской церкви. Такъ какъ источникъ, на основанiи котораго пишетъ Кревза, былъ направленъ противъ латинянъ, то Копыстенскiй, для опроверженiя своего противника, только возстановляетъ его подлинный смыслъ. На неудачи грековъ въ военномъ дѣлѣ онъ смотритъ какъ на явленiе случайное, допущенное Богомъ съ Ему одному извѣстною цѣлiю, и ничего неговорящее о истинности или ложности исповѣдуемой ими вѣры. Чтоже касается Мануила Палеолога, то онъ по преимуществу заботился объ унiи политической, а не о церковной; а если даже и о церковной, то во всякомъ случаѣ, поведенiе его на западѣ показываетъ[1]), что онъ нисколько не бла-

---

[1]) „Чого знаменитый доводъ въ „Исторiи константинопольской политицкой" овый, ижъ Емануилъ (т. е. Мануилъ) у одного плебана латинскаго не хотѣлъ цѣловати образа

говолилъ къ римской вѣрѣ. Въ заключеніе авторъ опять повторяетъ надежду, что рабству грековъ настанетъ конецъ.

Часть II. Отд. XI. Артикулъ 1. Кревза въ началѣ XI-го отдѣла, въ доказательство виновности грековъ въ раздѣленіи церквей, указываетъ на то, что мощи многихъ восточныхъ святыхъ, въ виду будтобы нераскаянности грековъ, по допущенію Божію, оставили восточную церковь и переселились на западъ. Копыстенскій, замѣтивъ, что перенесеніе латинянами мощей святыхъ греческой церкви на западъ совершено было частію святотатственнымъ образомъ, развиваетъ далѣе ту мысль, что этотъ фактъ допущенъ былъ Промысломъ для того, чтобы посредствомъ чудесъ отъ мощей святыхъ восточной церкви побудить латинянъ къ отреченію отъ своихъ заблужденій и склонить ихъ возвратиться къ прежней истинной вѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ единенію съ восточною церковію. Этотъ путь дѣйствія Промысла съ цѣлію вразумить отступниковъ отъ истиннаго благочестія имѣетъ за себя примѣры въ исторіи.

Отд. XI. Артикулъ 2. Кревза, въ подтвержденіе вышеуказанной мысли, въ началѣ XI отдѣла указываетъ прежде всего на фактъ перенесенія мощей Николая Чудотворца изъ Мѵръ Ликійскихъ въ Баръ Апулійскій; а во II отдѣлѣ третьей части, говоря о кіевскомъ митрополитѣ Ефремѣ, чтобы доказать, что этотъ митрополитъ находился въ подчиненіи у римскаго папы, указываетъ на введеніе имъ праздника въ честь *перенесенія* мощей

Спасова, который на правой маникіи (рукавѣ) выготованный былъ (ст. 885).

свят. Николая, что, при отсутствіи праздника въ честь этого событія у грековъ, даетъ поводъ Кревзѣ заключать, что русская церковь въ это время признавала надъ собою власть римскаго папы, отъ котораго (Урбана II-го) и получено было благословеніе на введеніе этого праздника. Отвѣчая на этотъ аргументъ противника, Копыстенскій доказываетъ, что Калабрія въ описываемое время еще была въ зависимости у византійскихъ императоровъ и что, поэтому, мощи свят. Николая перенесены были отъ грековъ къ грекамъ же, что введенію этого праздника въ греческой церкви воспрепятствовали разнаго рода тогдашнія политическія замѣшательства въ Калабріи и во всей Греціи, вызванныя приготовленіемъ западныхъ христіанъ къ освобожденію Іерусалима и другихъ мѣстъ отъ агарянъ, что русскихъ не касались эти условія и, поэтому, они, какъ ревностные почитатели этого святого, могли ввести у себя праздникъ въ честь перенесенія его мощей; но это сдѣлано было независимо отъ воли папы, что доказывается отсутствіемъ этого праздника въ западной церкви [1]).

Часть II. Отд. XII. Артикулъ 1. Отпаденіе латинянъ отъ восточной церкви повлекло за собою утрату ими истинной мудрости, что въ свою очередь породило разногласіе въ вѣрѣ и вѣчные споры, подкрѣпляемые зачастую „кровавыми аргументами". Если къ этому присоединить искаженіе латинянами нѣкоторыхъ истинъ вѣры, то окажется, что они больше наказаны Промысломъ, чѣмъ Греки, такъ какъ утрата чистоты вѣры больше лишенія временныхъ благъ.

---

[1]) Вопросъ о введеніи у насъ этого праздника считается не установившимся. Не установлено ни имя митрополита,

Отд. XII. Артикулъ 2. Латиняне хвалятся своею мудростію; но мудрость у нихъ, какъ свѣтская, такъ и

при которомъ въ первый разъ введенъ этотъ праздникъ, ни время и причины введенія его. Установленіе этого праздника при Ефремѣ, кромѣ Кревзы, признаетъ еще Карамзинъ въ своемъ Каталогѣ Россійскихъ Архіереевъ (II. примѣч. 161). Напротивъ Копыстенскій, въ каталогѣ кіевскихъ митрополитовъ (Часть III, разд. II, артик. 1), по этому поводу замѣчаетъ: „А же-бы за того Ефрема празникъ Перенесенія мощей Св. Николы въ Баръ мѣлъ быти принятый въ Россіи, до того часу не читалемъ нигдѣ, т. е. котораго бы року въ Россіи той праздникъ священъ быти постановленъ былъ“. И, дѣйствительно, изъ всѣхъ русскихъ лѣтописей, одна только Никоновская упоминаетъ о имени митрополита, при которомъ совершилось перенесеніе мощей Св. Николая, но называетъ этого митрополита не Ефремомъ, а Іоанномъ. Такое же разногласіе существуетъ по вопросу о времени установленія этого праздника. Показанія различныхъ свидѣтелей въ этомъ случаѣ расходятся на 9 лѣтъ (1087—1096). Высокопреосвященный Макарій правдоподобнѣйшимъ признаетъ свидѣтельство, относящее это событіе къ 1087 году. Что же касается причинъ установленія этого праздника въ русской церкви, при отсутствіи его у грековъ, то мнѣніе Копыстенскаго въ этомъ случаѣ можно признать заслуживающимъ полнаго вѣроятія. Мнѣніе же Кревзы, который объясняетъ это обстоятельство фактомъ подчиненія современной русской церкви римскому папѣ, хотя оно раздѣляется и многими другими писателями, не можетъ быть принято въ виду того несомнѣннаго факта, что два современные кіевскіе митрополита—Іоаннъ II (поставленъ около 1080 г.) и Никифоръ (1104—1121 г.), какъ это видно изъ ихъ посланій, находились во враждебномъ отношеніи къ Риму. Полное изслѣдованіе вопроса о введеніи у насъ разсматриваемаго праздника см. въ „Исторіи Русской Церкви“ Высокопр. Макарія (т. II., стр. 191—194).

духовная, заимствована у грековъ, и если русскіе обращаются за наукою къ нѣмцамъ, то они заимствуютъ тамъ мудрость не латинскую, а греческую. Латинянамъ же принадлежитъ въ данномъ случаѣ лишь честь искаженія великихъ истинъ, открытыхъ востокомъ, въ чемъ они неоднократно были обличаемы.

Отд. XII. Артикулъ 3. Было время, когда и латиняне не имѣли у себя никакихъ наукъ, но, тѣмъ не менѣе, твердо содержали истины вѣры. Настоящая ихъ схоластическая наука, съ которою они „вылетаютъ высоко, а падаютъ низко",—явленіе не давнее. При томъ же можно много указать примѣровъ, какъ изъ прошлаго, такъ и изъ настоящаго, гдѣ люди, при высокой учености, допускали заблужденія въ вѣрѣ. Настоящіе греки не имѣютъ свѣтской учености, но у нихъ есть истинная евангельская мудрость и апостольская простота.

Отд. XII. Артикулъ 4. Въ началѣ 12-го отдѣла Кревза упрекаетъ грековъ въ оскудѣніи у нихъ, особенно по завоеваніи Константинополя турками, наукъ. Въ отвѣтъ на это Копыстенскій замѣчаетъ, что свѣтскими науками, хотя и онѣ не совсѣмъ оскудѣли, православные не особенно дорожатъ; что же касается духовной мудрости, то за восточною церковью и въ этомъ отношеніи должно быть признано право первенства. Въ подтвержденіе послѣдней мысли онъ сначала ссылается на фактъ существованія въ современномъ ему православномъ мірѣ истинныхъ подвижниковъ, какъ лицъ, владѣющихъ настоящею христіанскою мудростію; затѣмъ указываетъ на священное писаніе, творенія отцовъ церкви и постановленія соборовъ, какъ на такой источникъ, изъ котораго православные почерпаютъ свою мудрость, и происхожденіемъ котораго мы обязаны, главнымъ образомъ,

древней восточной церкви, наконецъ, онъ переходитъ къ перечисленію новѣйшихъ православныхъ писателей, по преимуществу писавшихъ противъ латинянъ.

Отд. XII. Артикулъ 5. Чтобы доказать невѣжество греческаго духовенства, Кревза приводитъ извѣстное свидѣтельство Григоры о томъ, какъ прибывшіе въ Константинополь (при Андроникѣ Палеологѣ младшемъ) отъ папы Іоанна XXII легаты для разсужденія о вѣрѣ, не нашли тамъ между духовными ни одного лица, способнаго вступить съ ними въ состязаніе о вѣрѣ, такъ что найдено было необходимымъ во избѣжаніе срама предложить принять на себя полемику Григорѣ, свѣтскому человѣку. Затѣмъ, указавъ вообще на сильное развитіе на востокѣ симоніи, онъ передаетъ со словъ какого-то современника „гречина" фактъ существованія въ Константинополь трехъ патріарховъ, захватывавшихъ престолъ при жизни своихъ предшественниковъ, и наконецъ указываетъ на не сыновнее отношеніе Андроника Палеолога старшаго къ своему отцу Михаилу, котораго онъ лишилъ христіанскаго погребенія, и на самодурство этого государя въ отношеніи къ патріархамъ, которыхъ онъ низлагалъ и поставлялъ по своему произволу.—Отвѣчая на первый пунктъ, Копыстенскій признаетъ приведенное свидѣтельство изъ Григоры ложнымъ и въ доказательство этого приводитъ почти всю рѣчь Григоры, сказанную имъ[1]) послѣ сдѣланнаго ему предложенія вступить въ диспутъ, и посвященную, главнымъ образомъ, доказа-

[1]) На этотъ разъ Копыстенскій не совсѣмъ правъ. Въ 1333 г. папа Іоаннъ XXII отправилъ въ Византію для переговоровъ о соединеніи церквей двухъ пословъ: Франциска de Camerino, архіепископа босфорскаго, и Рикарда, епископа Херсонскаго. Упомянувъ объ этомъ, Григора замѣчаетъ: по

тельству безплодности подобныхъ диспутовъ; фактъ одновременнаго существованія на константинопольской каѳедрѣ трехъ патріарховъ Копыстенскій частію отвергаетъ, частію объясняетъ по своему [1]); по поводу обвиненія кон-

---

случаю прибытія пословъ, „многіе изъ народа тотчасъ же воспламенились ревностію не по разуму, принялись легкомысленно и безъ мѣры кричать, и самого патріарха принуждать къ состязанію. Но патріархъ уклонялся отъ состязанія потому, что какъ самъ не имѣлъ дара слова, развитаго упражненіемъ, такъ и о большей части епископовъ зналъ, что они живутъ въ *полнѣйшемъ невѣжествѣ.*" Впрочемъ этотъ рѣшительный приговоръ въ дальнѣйшихъ своихъ словахъ Григора значительно смягчаетъ, выдѣляя изъ общей массы невѣжественнаго духовенства „ученыхъ епископовъ" и особенно „епископа диррахійскаго", который, по его словамъ, украшалъ „ученостію добродѣтель и добродѣтелью ученость". Но Копыстенскій въ данномъ случаѣ ссылается, главнымъ образомъ, на рѣчь Григоры, значительную часть которой онъ приводитъ въ дословномъ переводѣ. Дѣйствительно, если основываться на одной этой рѣчи, то прійдется признать, вмѣстѣ съ Копыстенскимъ, что главною причиною отклоненія диспута было сознаніе его безплодности. Но дѣло въ томъ, что эта рѣчь, по свидѣтельству самого Григоры, сказана была лишь для отвода глазъ, для успокоенія тѣхъ, „которые", по выраженію Григоры, „не привыкли сдерживать свою мысль и свой языкъ". Дѣйствительно же причиною уклоненія отъ диспута было отсутствіе среди духовныхъ лицъ людей, которые могли бы съ успѣхомъ сразиться съ послами. (Византійскіе Историки. С. П-гъ. 1862 г. Никифоръ Григора. Кн. 0, стр. 497—517).

[1]) Именно, онъ говоритъ, что Неофитъ, сознавая свою неспособность къ занятію патріаршаго поста, подъ конецъ своей жизни уступилъ добровольно престолъ Тимоѳею, послѣ смерти котораго, на его мѣсто переведенъ былъ патріархъ Александрійскій Кириллъ.

стантинопольскихъ патріарховъ въ симоніи и самодурства Андроника онъ совѣтуетъ Кревзѣ присмотрѣться къ тому, что дѣлается въ Римѣ; а относительно поведенія Андроника къ своему отцу, замѣчаетъ, что здѣсь царь интересы церкви предпочелъ своему сыновнему чувству [1]).

Отд. XII. Артикулъ 6. Копыстенскій не довольствуется однимъ оборонительнымъ положеніемъ, а, отдѣлавшись отъ нападеній своего противника, и самъ переходитъ въ наступленіе. Сравнивъ современное положеніе греческихъ патріарховъ съ подобнымъ же положеніемъ римскихъ папъ въ періодъ управленія Италіей языческими государями и, показавъ, что практикуемыя въ подо

---

[1]) Дѣло въ томъ, что Михаилъ Палеологъ былъ ревностнымъ сторонникомъ уніи съ западною церковію, да кромѣ того, онъ отлученъ былъ отъ церкви за ослѣпленіе дитяти Ласкаря; этихъ двухъ причинъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы, по обычаю того времени, лишить его послѣ смерти христіанскаго погребенія. И дѣйствительно, не только Григора но и Францъ и Пахимеръ единогласно свидѣтельствуютъ, что по смерти Михаила, Андроникъ приказалъ, чтобы нѣсколько человѣкъ отнесли тѣло ночью по дальше отъ лагеря (Михаилъ умеръ въ походѣ) и зарыли его по глубже въ землю. Григора добавляетъ, что „причиной тому было уклоненіе Михаила отъ ученія православной церкви, которое онъ допустилъ въ своей жизни...“, но что Андроникъ питалъ такое отвращеніе не къ отцу, а къ поступку отца, и сыновнею преданностію попеченіемъ и должнымъ уваженіемъ къ отцу превзошелъ всѣхъ сыновей, которые когда либо заслуживали отцовскую любовь къ себѣ“. На этомъ-то свидѣтельствѣ Григоры и основываетъ свое мнѣніе Копыстенскій, Визант. Ист. Никифоръ Григора. С.-П-гъ. 1862 г. кн. 5, стр. 157—158.

бныхъ случаяхъ разнаго рода денежныя подачки, какъ вынужденныя крайнею необходимостію, не могутъ быть называемы симоніей [1]), авторъ переходитъ къ обнаруженію дѣйствительной симоніи, практикуемой папами въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ іерархамъ, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Польшѣ [2]). Затѣмъ, по поводу дѣлаемаго Кревзою упрека въ томъ, что греки лишены политической свободы и вообще не пользуются внѣшнимъ благосостояніемъ, авторъ яркими красками рисуетъ картину бѣдственнаго положенія православныхъ въ Польшѣ и находитъ, что положеніе грековъ въ Турціи относительно свободы вѣроисповѣданія несравненно лучшее, чѣмъ православныхъ въ Польшѣ.

Отд. XII. Артикулъ 7. Кревза въ XII отдѣлѣ дѣлаетъ выводъ, что врата адовы одолѣли восточную церковь. Копыстенскій, на основаніи одного мѣста изъ Ѳеофилакта, устанавливаетъ критерій для опредѣленія признаковъ одолѣнія церкви вратами ада, оцѣниваетъ съ точки зрѣнія этого критерія православіе восточной церкви и дѣлаетъ отрицательный выводъ. А въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ отзывъ уже извѣстнаго каноника Оржеховскаго, которому придаетъ особенно важное значеніе, какъ католику.

Отд. XII. Артикулъ 8. Но если относительно восточной церкви нельзя утверждать, что ее одолѣли врата адовы, то этого никакъ нельзя сказать относительно церкви западной. Для обоснованія этой мысли Копыстенскій воспроизводитъ, главнымъ образомъ, по Баронію и Кро-

---

[1]) Сравн. Апокр. Ч. IV., гл. 3.

[2]) Ibidem

меру, то безобразіе, какимъ отличались многіе изъ средневѣковыхъ папъ[1]), при чемъ онъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на извѣстномъ разсказѣ историковъ о женщинѣ паписсѣ, и при этомъ дѣлаетъ ссылки на 21 писателя.[2])

Часть II. Отд. XIII. Артикулъ 1. Въ XIII отдѣлѣ второй части „Обропы", спеціально посвященной вопросу о Флорентійскомъ соборѣ, Кревза доказываетъ, что соборъ этотъ, во первыхъ, имѣетъ всѣ признаки вселен-

---

[1]) Сравни Ѳриносъ стр. 69— 80.

[2]) Въ средніе вѣка пользовалась всеобщею извѣстностію легенда, что въ половинѣ IX стол. молодая дѣвушка въ Майнцѣ влюбилась въ монаха и, убѣжавъ изъ родительскаго дома, поселилась въ его обители, гдѣ ее приняли въ число братій. Послѣ нѣкотораго времени, проведеннаго съ своимъ возлюбленнымъ въ этомъ монастырѣ, она бѣжала вмѣстѣ съ нимъ и путешествовала по различнымъ странамъ Европы; между прочимъ она была въ Аѳинахъ, гдѣ изучала древнее греческое право. Наконецъ она прибыла въ Римъ и, основательно изучивъ богословскія науки, сдѣлалась профессоромъ и на ея лекціи стекались самые знатные и ученые современники ея. Мало по малу она пріобрѣла такую извѣстность своими знаніями и святостію, что, послѣ смерти Льва IV, въ 855 году, она была единогласно возведена на папскій престолъ, подъ именемъ, одни говорятъ, Іоанна, а другіе—Льва V. Тутъ она замѣнила своего стараго возлюбленнаго какимъ-то кардиналомъ и, процарствовавъ благополучно два съ половиною года, вдругъ, среди торжественнаго шествія въ церковь Св. Петра, родила публично, на улицѣ, ребенка. Одни говорятъ, что она немедленно умерла въ родахъ а другіе, что народъ побилъ ее камнями.—Историческими трудами, главнымъ образомъ не католиковъ Бранделя и Бейля, доказано, что это преданіе вымышленно. (Отеч. Зап. 1878 г. Февраль, стр. 597).

скаго собора и что, во вторыхъ, постановленія его приняты были какъ греками, такъ и русскими. Копыстенскій въ свою очередь доказываетъ, что соборъ этотъ, вслѣдствіе тогдашняго раздѣленія въ самой западной церкви (Базельскій соборъ), не можетъ быть признанъ не только вселенскимъ, но даже и помѣстнымъ, что ближайшія слѣдствія этого собора и сочиненія греческихъ писателей, особенно же Марка Ефесскаго и Геннадія Схоларія, ясно доказываютъ, что постановленія его не приняты были ни въ Греціи, ни въ Россіи[1]).

Отд. XIII. Артикулъ 2. Въ доказательство того, что Флорентійская унія принята была въ западной Руси, Кревза ссылается между прочимъ на привиллегіи короля Владислава, которыя будто бы даны были Русскимъ лишь подъ условіемъ принятія этой уніи. Копыстенскій же, послѣ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній по другимъ вопросамъ, доказываетъ, что сопоставленіе нѣкоторыхъ историческихъ событій заставляетъ признать, что привиллегіи эти никакимъ образомъ не могли быть даны Владиславомъ, а если они и даны были, то значеніе ихъ уничтожено актами Люблинской уніи. Въ заключеніе авторъ приводитъ прекрасную рѣчь, произнесенную на варшавскомъ генеральномъ сеймѣ Иваномъ Гербуртомъ, гдѣ этотъ ораторъ доказываетъ несостоятельность политики правительства Сигизмунда III-го въ отношеніи къ православнымъ западно-руссамъ, и гдѣ мимоходомъ высказываетъ свой отрицательный взглядъ на практическое значеніе Флорентійской уніи[2]).

---

[1]) Сравн. Апокр. кіевск. изд. стр. 218 и 329; примѣч. 49.

[2]) Полный текстъ рѣчи Гербурта помѣщенъ М. О. Кояловичемъ въ изданныхъ имъ „Документахъ, объясняющихъ

Часть III. Отд. 1. Артикулъ 1. Коснувшись коротко личности апостола Андрея (основателя константинопольской каоедры), которому, по допущенію Промысла, суждено было сдѣлаться провозвѣстникомъ евангельской

исторію западно-русскаго края" стр. 214—229. Интересны подробности спора нашихъ полемистовъ по вопросу о Флорентійской уніи. Въ доказательство того, что унія эта принята была греками и русскими, Кревза дѣлаетъ ссылки на слѣдующие документы: a) самый „декретъ этого собора, вписанный по славянски въ церковные сборники, и имѣющійся въ Вильнѣ въ трехъ книгахъ." b) Посланіе константинопольскаго патріарха Нифонта къ кіевскому митрополиту Іосифу „оригиналъ котораго", замѣчаетъ Кревза, „писанный на пергаментѣ съ оловяною печатью, у насъ есть", c) „Хроника русская"; свидѣтельствующая, что папа Евгеній, собравшій соборъ совмѣстно съ патріархомъ во Флоренціи, привелъ въ единеніе съ церковью римскою константинопольскаго императора Іоанна Палеолога", d) грамота московскаго митрополита Исидора на имя холмскаго намѣстника (здѣсь имѣется, вѣроятно, въ виду грамота, данная въ Холмѣ Исидоромъ въ защиту одного священника, подвергавшагося притѣсненію отъ своихъ согражданъ), „оригиналъ которой имѣется на пергаментѣ", e) универсалъ этогоже митрополита (вѣроятно разосланный изъ Будина), адресованный на имя всѣхъ людей какъ греческаго, такъ и латинскаго вѣроисповѣданія, находящійся въ „Московской хроникѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ привезенной изъ Москвы", f) привиллегіи, по латынѣ, Владислава, короля польскаго, данныя духовенству на вольность, въ которыхъ упоминается о томъ, что соборъ этотъ (Флорентійскій) принятъ былъ Русью", g) наконецъ, посланіе (Мисаила) къ папѣ Сиксту IV (Оброна уніи. Часть II. Отд. XIII, стр. 222 — 223). Копыстенскій о посланіяхъ Нифонта, Исидора и къ Сиксту IV на этотъ разъ только коротко замѣчаетъ: „О листѣ Нифона патріархи повѣдаемо: ижь есть подметъ и

истины среди народа русскаго, авторъ на основаніи греческихъ, латинскихъ, польскихъ и русскихъ источниковъ довольно подробно воспроизводитъ исторію важнѣйшихъ моментовъ первоначальной христіанской проповѣди на Руси, которыхъ онъ насчитываетъ четыре: 1) проповѣдь ап. Андрея; 2) проповѣдь миссіонеровъ, отправленныхъ патріархомъ Фотіемъ, 3) крещеніе Ольги, 4) и крещеніе святаго Владиміра. Изъ всего этого онъ дѣлаетъ нравоучительный выводъ о непостижимости судебъ Промысла, благоволившаго пролить свѣтъ евангельской истины на народъ русскій не изъ Рима, а изъ Константинополя, сохранившаго чистоту древней вѣры. Въ заключеніе коротко говоритъ объ отношеніи Ярослава Великаго къ христіанской вѣрѣ и о его заботахъ о просвѣщеніи[1]).

прелесть, такъ яко и оныи Схолярія подметныя письма. А што ся тычетъ Исидора, той якъ самъ, такъ и писма его всѣ суть отъ церкве Божей отвержены и прокляты, якъ и нынѣшныи отродки его. Тогожъ духа и посельство до Сикста расумѣй быти, на которое не разъ южъ отповедано"- (Палин. Часть II. Отд. XIII. Артик. 2. ст. 653). Чтоже касается привиллегій Владислава, то сущность доказательства Копыстенскаго заключается въ слѣдующемъ: въ 1442 году, къ которому уніяры относили изданіе этихъ привиллегій, послѣднія не могли быть изданы потому, что присланные въ этомъ году послы отъ папы Евгенія IV не были приняты Владиславомъ, слѣдовательно, и унія въ это время еще не могла быть введена въ Польшѣ; а въ слѣдующемъ 1443 году, по свидѣтельству Кромера, Владиславъ былъ убитъ въ сраженіи подъ Варной.

[1]) Этотъ артикулъ направленъ противъ первой половины 1-го отдѣла III-й части „Обороны". Въ этомъ отдѣлѣ Кревза силится доказать, что христіанство на Руси распространилось не изъ Константинополя, а изъ Рима. Съ этою цѣлію

Отдѣлъ 1. Артикулъ 2. Кревза доказываетъ, что среди славянскихъ народовъ св. Кириллъ и Меѳодій проповѣдывали съ дозволенія и благословенія римскаго папы (тамъ же). Опровергая эту мысль, Копыстенскій, на основаніи иностранныхъ хроникеровъ, (по преимуществу Кромера), русскихъ сборниковъ и лѣтописей и нѣкоторыхъ памятниковъ (каковы: славянскія богослужебныя книги древняго времени, остатки живописи и надписей на иконахъ и стѣнахъ храмовъ), говоритъ о миссіонерской дѣятельности въ славянскихъ земляхъ Кирилла и Меѳодія и о посредственномъ или непосредственномъ распространеніи ими христіанства въ формѣ *византійскаго православія* въ Болгаріи, Сербіи, Чехіи, Моравіи,

---

преданіе о проповѣди апостола Андрея, о крещеніи Ольги и Владиміра онъ игнорируетъ. Останавливается же только на крещеніи Аскольда и Дира, которое, по его увѣренію, происходило при константинопольскомъ патріархѣ Игнатіѣ а не Фотіѣ, потому что, хотя въ это время патріаршій престолъ занималъ Фотій, но дѣйствительнымъ патріархомъ былъ Игнатій. Этотъ маневръ Кревза употребляетъ въ виду того, что Игнатія онъ признаетъ союзникомъ Рима; а проповѣдь изъ Константинополя при такомъ патріархѣ для него имѣетъ значеніе проповѣди изъ Рима, потому что быть въ единеніи съ Римомъ, значитъ, по его представленію, признавать главенство папы и быть у него въ подчиненіи. Въ противовѣсъ Кревзѣ, Копыстенскій, въ свою очередь, воспроизводя исторію первоначальной проповѣди на Руси, особенно обращаетъ вниманіе на то, что проповѣдь эта исходила изъ Константинополя, а не изъ Рима. Съ этою цѣлію онъ подробно останавливается на преданіи о проповѣди ап. Андрея, какъ основателя константинопольской каѳедры, и на крещеніи Владиміра съ предшествующими ему обстоятельствами (сказаніе о посольствахъ).

Венгріи и Польшѣ и о замѣнѣ впослѣдствіи въ этихъ странахъ православія латинствомъ чрезъ происки западныхъ миссіонеровъ. Въ заключеніе онъ спеціально касается попытки латинскихъ писателей представить Кирилла и Меѳодія проповѣдниками, дѣйствовавшими въ своей миссіонерской дѣятельности подъ непосредственнымъ руководствомъ римскихъ папъ.

Отдѣлъ 1. Артикулъ 3. На основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ не менѣе разнообразныхъ источниковъ, авторъ доказываетъ, что крещеніе Руси при Владимірѣ совершилось въ то время, когда латинская церковь уже утратила древнюю чистоту вѣроученія и когда прежняя тѣсная связь между восточною и западною церквами уже была порвана, вслѣдствіе чего и сама русская церковь сразу же стала въ оппозиціонное отношеніе къ Риму. Въ частности онъ доказываетъ, что Николай Хризовергъ, при которомъ совершилось крещеніе Владиміра, не былъ въ общеніи съ Римомъ.

Отд. II. Артикулъ 1. Кревза во второмъ отдѣлѣ III части приводитъ каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, начиная отъ перваго Михаила и оканчивая И. Поцѣемъ; при этомъ онъ всѣми силами старается доказать, что тѣ изъ кіевскихъ митрополитовъ, при которыхъ константинопольскіе патріархи не поддерживали единенія съ Римомъ, разрывали связь съ послѣдними. Въ противовѣсъ Кревзѣ, Копыстенскій въ свою очередь приводитъ свой каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, при чемъ касается и важнѣйшихъ церковныхъ и частію политическихъ событій, современныхъ тому или другому митрополиту и свидѣтельствующихъ о неизмѣнномъ, за исключеніемъ немногахъ случаевъ, сохраненіи русскою церковію восточнаго православія и о непрерывной связи ея съ констан-

тинопольскимъ престоломъ [1]). Далѣе, съ цѣлію показать всегдашнюю вѣрность православію восточныхъ патріарховъ, онъ приводитъ изъ Арменопула и Ѳеодосія Зигомалы каталогъ константинопольскихъ патріарховъ. Дѣятельность патріарха Іереміи на пользу русской церкви даетъ автору поводъ коснуться современной уніи; при этомъ онъ говоритъ о причинахъ возникновенія ея, о самомъ актѣ совершенія и о поведеніи уніатовъ въ отношеніи къ православнымъ.

Часть Ш. Отд. III. Артикулъ 1. Отвѣчая на Ш отдѣлъ II части Обороны, гдѣ Кревза старается подорвать основанія зависимости кіевскихъ митрополитовъ отъ константинопольскаго патріарха, Копыстенскій говоритъ о правѣ, по которому русская церковь должна подлежать вѣдѣнію константинопольскаго патріарха. Право это имѣетъ 5 видовъ: 1) право божественное и апостольское, 2) право пріобрѣтенное въ крещеніи Руси, 3) право закрѣпленное соборными канонами, 4) право признанное царями, князьями и королями и 5) наконецъ, право освященное многовѣковой практикой.

Отд. Ш. Артикулъ 2. Отступленіемъ нѣкоторыхъ кіевскихъ митрополитовъ отъ константинопольскаго патріарха указанное право не нарушилось, какъ это утверждаетъ Кревза; такъ какъ уніатскіе митрополиты не могутъ быть признаны прямыми наслѣдниками православныхъ кіевскихъ митрополитовъ.

Часть III. Отд. IV. Артикулъ 1. Въ отвѣтъ на пятый отдѣлъ тойже части Обороны, гдѣ Кревза взвѣшиваетъ пользу и вредъ отъ зависимости русской церкви отъ кон-

---

[1]) Говоря о Мих. Рогозѣ, авторъ два раза дѣлаетъ ссылку на Апокрисисъ.

стантинопольскаго патріарха, авторъ указываетъ выгоды отъ послушанія константинопольскому патріарху и

Отд. IV. Артикулъ 2. вредъ отъ подчиненія римскому папѣ.

Часть III. Отд. V. Артикулы 1—6. Приложенное Кревзою къ третьей части Обропы письмо Петра Антіохійскаго къ Михаилу Керулларію, сопровождаемое нѣкоторыми предварительными комментаріями, побуждаютъ автора вторично остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ изъ исторіи столкновенія церквей при Михаилѣ Керулларіѣ [1]).

---

[1]) Въ *первомъ* артикулѣ Копыстенскій, между прочимъ, отвергаетъ констатируемый Кревзою фактъ сожженія Никитою Пекторатомъ своего сочиненія: „книга противъ латинянъ". Копыстенскій не правъ. Сочиненіе это Никиты дѣйствительно публично сожжено было авторомъ предъ народомъ, въ присутствіи папскаго легата Гумберта; только сдѣлано это было не вслѣдствіе убѣжденія автора въ ложности раньше высказанныхъ имъ мыслей, какъ утверждаетъ Кревза, а въ силу приказанія императора Константина Мономаха, желавшаго изъ видовъ политическихъ дружить съ папою Львомъ IX. (Migne Curs. patrol. L. S. Tom. CXLIII Col. 973—984). Въ пятомъ артикулѣ авторъ доказываетъ, что приведенное Кревзою посланіе Петра Антіохійскаго къ Мих. Керулларью искажено, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ посланіе склоняется на сторону латинянъ. Это тоже не вѣрно. Сравн. Corn. Vill. Acta et scripta...— Въ концѣ шестаго артикула сдѣлана слѣдующая приписка: „ту вписати листъ Петра Антіохійскаго, до папежа римскаго писаній, ижъ опрѣснока не пріймуетъ, и другій листъ того до Доминика, архіепископа Венедицкого, о томъ же, третій листъ Іоанна, Антіохійскаго патріарха, ко Андріанополиту, о томъ же писаный".

Часть IV. Отд. 1. Артикулъ 1. Чтобы показать мужество и военную доблесть русскаго народа съ одной стороны, и всегдашнюю вѣрность восточному православію— съ другой, авторъ, въ короткихъ чертахъ, частію на основаніи легендарныхъ сказаній, частію на основаніи дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ, намѣчаетъ нѣкоторые пункты изъ исторіи отношенія славянскихъ народовъ, по преимуществу русскаго, къ другимъ сосѣднимъ народамъ.

Отд. 1. Артикулъ 2. Кревза замѣчаетъ [1]), что большая часть православныхъ самый фактъ совершившейся (Брестской) уніи одобряютъ, осуждаютъ же только способъ введенія ея. Копыстенскій, напротивъ, доказываетъ, что всѣ православные безусловно осуждаютъ унію какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отношеніи и затѣмъ перечисляетъ тѣ пункты разногласія между греческою и римскою церквами, по отношенію къ которымъ латиняне должны сдѣлать уступку, если хотятъ войти въ единеніе съ православными.

Отд. 1. Артикулъ 3. Унія русской церкви съ Римомъ иначе не можетъ состояться, какъ только съ разрѣшенія константинопольскаго патріарха.

Отд. 1. Артикулъ 4. Кревза законность Брестской уніи доказываетъ, ставя ее въ причинную связь съ постановленіями Флорентійскаго собора [2]). Копыстенскій опять повторяетъ, что этотъ соборъ не имѣлъ законной силы и не сопровождался ожидавшимися отъ него послѣдствіями.

---

[1]) Оброна уніи, Часть IV, розд. 1.

[2]) Ibidem.

Отд. 1. Артикулъ 5. Заявивъ, что русскій православный народъ отрекается отъ измѣнившей православію іерархіи, авторъ разбираетъ приведенное Кревзою[1]) письмо Нифонта къ І. Солтану и отвергаетъ его подлинность.

Отд. 1. Артикулъ 6. Копыстенскій пытается доказать подложность посланій константинопольскаго патріарха Діонисія, адресованнаго, по словамъ Кревзы[2]), на имя В. Новгорода и всей московской Руси, и имѣвшаго цѣлію утвердить Григорія, преемника Исидора, митрополитомъ всея Руси[3]).

Отд. II. Артикулъ 1. Кревза утверждаетъ[4]), что восточная церковь, по отдѣленіи отъ нея церкви западной, совершенно подчинилась свѣтской власти, что въ Коп-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Мнѣніе свое Копыстенскій основываетъ, вопервыхъ, на томъ, что Діонисій не могъ быть современникомъ Григорію, вовторыхъ, на томъ, что онъ твердо держался православія, и поэтому не могъ признать митрополитомъ ученика Исидора.— Первый фактъ не вѣренъ. Григорій умеръ въ 1473 году, а патріархъ Діонисій занималъ каѳедру съ 1466 —1476 г. Что же касается православія Діонисія, то оно дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе подлинность грамоты не можетъ быть оспариваема. Существуютъ несомнѣнныя данныя, свидѣтельствующія, что Григорій, отвергнутый патріархомъ Симеономъ, получилъ благословеніе и утвержденіе въ митрополичьемъ санѣ отъ его преемника Діонисія, который „даже отправилъ своего посла не только ко всей Руси литовской, но и въ Москву и въ Новгородъ, съ своею грамотою, чтобы Григорія признавали за истиннаго митрополита“ (IX т. Ист. рус. цер. Макарія стр. 37).

[4]) Ibidem, отд. II.

стантинополѣ императоръ, въ Москвѣ великій князь, а въ царствѣ польскомъ каждый шляхтичъ, имѣющій своего попа, распоряжается имъ, какъ хочетъ. Въ отвѣтъ на это Копыстенскій замѣчаетъ, что положеніе римской церкви въ періодъ ея зависимости отъ греческихъ императоровъ было несравненно лучше, чѣмъ подъ властію западныхъ королей; страданія же русскаго православнаго духовенства въ Польшѣ отъ насилія свѣтскихъ лицъ не дѣлаютъ чести гг. полякамъ, какъ виновникамъ этихъ страданій.

Отд. II. Артикулъ 2. Кревза во 2 отд. IV части доказываетъ, что унія могла состояться безъ участія свѣтскихъ лицъ. Копыстенскій опровергаетъ эту мысль и доказываетъ, что она могла состоятся не иначе, какъ съ согласія всѣхъ духовныхъ степеней и свѣтскихъ чиновъ.

Отд. II, Артикулъ 3. Чтобы доказать, что Брестская унія состоялась по волѣ не однихъ только епископовъ но что въ ней принимали участіе и нѣкоторые изъ свѣтскихъ представителей православной церкви [1]), Кревза приводитъ извѣстное письмо Константина Острожскаго (отъ 21 іюня 1593 г.) къ Ипатію Поцѣю, въ которомъ этотъ ревнитель православія проситъ Поцѣя отправиться въ Москву, познакомить великаго князя и тамошнее православное духовенство съ тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, въ которомъ находится западно—русскій православный народъ, страдающій отъ притѣсненія латинянъ, и посовѣтоваться о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры къ примиренію церквей, вражда между которыми

---

[1]) I bidem.

такъ вредно отзывается на внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи православной западно-русской церкви. Въ отвѣтъ на это Копыстенскій, усумнившись предварительно въ подлинности письма, воспѣваетъ, въ формѣ панигирика, великія достоинства этого князя, причемъ говоритъ о знатности его рода, о его личныхъ качествахъ, о умѣньи выбирать и окружать себя достойными людьми, какъ свѣтскими, такъ и духовными, о его строгомъ благочестіи и всегдашней преданности православію. Въ заключеніе авторъ считаетъ умѣстнымъ упомянуть и о князѣ Іоаннѣ Острожскомъ, каштелянѣ краковскомъ, который, хотя лично и измѣнилъ православію, но всегда внимательно относился къ интересамъ православной церкви и никогда не прибѣгалъ къ насилію для обращенія православныхъ въ унію; а подъ старость даже высказывалъ сожалѣніе о своемъ единеніи съ западною церковью.

Отд. II. Артикулъ 4. Что же касается самаго письма, то оно не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что Константинъ Острожскій имѣлъ намѣреніе измѣнить православію и перейти изъ подъ власти константинопольскаго патріарха подъ власть римскаго папы. Если же онъ хлопоталъ объ уніи, то его унія не имѣла ничего общаго съ тою, какую смастерили отступники отъ православія. Его послѣдующія дѣйствія показываютъ, что онъ не только не сочувствовалъ Брестской уніи, но даже прямо сталъ во враждебное къ ней отношеніе[1]).

---

[1]) Подлинность этого письма не подлежитъ сомнѣнію (Акт. Р. З. т. IV, № 45); но высказанный Копыстенскимъ взглядъ на отношеніе К. Острожскаго къ уніи совершенно согласенъ съ историческими данными.

Отд. II Артикутъ 5. Здѣсь приводится разговоръ между княземъ Константиномъ Острожскимъ и королемъ Стефаномъ Баторіемъ, изъ котораго видно, что этотъ государь считалъ опаснымъ и потому неумѣстнымъ принуждать православныхъ къ принятію новаго календаря[1]).

Приложеніе.—Въ нѣсколькихъ небольшихъ трактатахъ авторъ представляетъ рядъ новыхъ доказательствъ для обоснованія той мысли, что древняя церковь не признавала существеннаго различія между восточными патріархами и римскими папами.

---

[1]) Разговоръ этотъ вполнѣ правдоподобенъ. Хотя Стефанъ Баторій, вслѣдъ за обнародованіемъ папою Григоріемъ XIII новаго календаря (буллой отъ 13-го Февраля 1582 г.), и издалъ указъ, обязывавшій всѣхъ его подданныхъ, не только католиковъ, но и иновѣрцевъ, принять этотъ календарь; но когда православные, поддерживаемые грамотами константинопольскаго патріарха Іереміи (всѣ эти грамоты въ 1584 году были напечатаны въ Острожской типографіи, а недавно вновь изданы при книгѣ Малышевскаго: „Алекс. патр. М. Пигмсъ" II. прилож. III, 84—100), отказались отъ этого, то король сдѣлалъ уступку и двумя новыми грамотами (1584 и 1585 гг.) предписалъ оставить православныхъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, „пока между римскимъ папою и греческими патріархами не будетъ окончательно рѣшенъ споръ объ употребленіи календаря" (Истор. Р·Ц. Макарія. Т. IX, стр. 428—433).

СПИСОКЪ

Кіевскихъ Митрополитовъ по каталогамъ:

Л. Кревзы.	З. Копыстенскаго.	Преосвящ. Макарія.	Е. Голубинскаго.
1. Михаилъ. Около 1000 г.	1. Михаилъ.	1. Михаилъ. 988—992 гг.	—
2. Леонтій.—1020 г.	2. Леонтій.—Съ 992 г.	2. Леонтій. 992—1008 гг.	1. Леонъ. † Послѣ 1004 г.
—	—	3. Іоаннъ I. 1008–1035 гг.	2. Іоаннъ I. Съ 1008 г.
3. Ѳеопемптъ.—1038 г.	3. Ѳеопемптъ.—1039 г.	4. Ѳеопемптъ. 1035—1049 гг.	3. Ѳеопемптъ.—1039 г.
—	4. Кириллъ I.	—	4. Кириллъ I.
4. Иларіонъ.—1051 г.	5. Иларіонъ.—1051 г.	5. Иларіонъ. Съ 1051 г.	5. Иларіонъ.—1051 г.
—	—	6. Ефремъ I, упом. въ 1055 г.	6. Ефремъ, упом. въ 1055 г.
5. Георгій.—1063 г.	6. Георгій.—1072 г.	7. Георгій. 1065--1079.	7. Георгій, упом. въ 1072 и 1073 гг.
6. Іоаннъ I.—1080 г.	—	8. Іоаннъ II. 1080—1089 гг.	8. Іоаннъ II. 1077—1089 гг.
7. Іоаннъ II.—1090 г.	7. Іоаннъ I.—1089 г.	9. Іоаннъ III. 1089—1090 гг.	9. Іоаннъ III. 1089—1090 гг.
8. Ефремъ.—1092 г.	8. Ефремъ.—1091 г.	10. Ефремъ II. 1092—1097 гг.	—
9. Николай.—1102 г.	9. Николай.—1106 г.	11. Николай, уп. 1097 — 1101 гг.	10. Николай, уп. 1097—1101 гг.
10. Никифоръ I.—1014 г.	10. Никифоръ I.—1121 г.	12. Никифоръ I. 1114—1121 гг.	11. Никифоръ I. 1103—1121 гг.
11. Никита.—1126 г.	11. Никита.—1126 г.	13. Никита. 1122—1126 гг.	12. Никита. 1122—1126 гг.
12. Михаилъ II.—1127 г.	12. Михаилъ II.	14. Михаилъ II. 1130—1145 гг.	13. Михаилъ. 1131—1145 гг.
13. Климентъ.—1146 г.	13. Климентій.—1149 г.	15. Климентъ. 1147—1155 гг.	14. Климентъ. 1147—1154 гг.
—	—	16. Константинъ I. 1156—1159 гг.	15. Константинъ I. 1156—1158 гг.
14. Ѳеодоръ.—1160 г.	14. Ѳеодоръ.	17. Ѳеодоръ. 1161—1163 гг.	16. Ѳеодоръ. 1161—1162 гг.
15. Іоаннъ III.—1170 г.	15. Іоаннъ II.	18. Іоаннъ IV. 1164—1166 гг.	17. Іоаннъ IV. 1164—1166 гг.
16. Константинъ.—117 г.	16. Константинъ.	19. Константинъ II. Съ 1167 уп. 1172.	18. Константинъ II. Съ 1167, уп. въ 1169 г.
17. Никифоръ II.—1185 г.	17. Никифоръ II.—1185 г.	20. Никифоръ II, упом. съ 1182—1197 гг.	19. Никифоръ II, уп. съ 1182—1197 гг.
—	—	—	20. Гавріилъ (Въ лѣтописяхъ
—	—	—	21. Діонисій (не упоминаются.
18. Матѳей.—1200 г.	18. Матѳей.—1211 г.	21. Матѳей, уп. 1201—1202; † 1220 г.	22. Матѳей, уп. 1210—1220 гг.
19. Кириллъ I.—1225 г.	19. Кириллъ II.—1228 г.	22. Кириллъ I. 1224—1233 гг.	23. Кириллъ II. 1224—1233 гг.
20. Кириллъ II.—1230 г.	20. Кириллъ III.—1251 г.	—	—
21. Іосифъ I.—1237 г.	21. Іосифъ I.	23. Іосифъ I. Съ 1237 г.	24. Іосифъ I. Съ 1239 г.

Л. Кревзы.	З. Копыстенскаго.	Преосвященнаго Макарія.
22. Кириллъ II.—1250.	22. Кириллъ III.—1274 г.	24. Кириллъ II. 1243—1280 гг.
23. Максимъ.—1283.	23. Максимъ.— 1283 г.	25. Максимъ. 1283—1305 гг.
24. Петръ.—1307 г.	24. Петръ.—1308 г.	26. Петръ. 1308—1326 гг.
25. Феогностъ.—1328 г.	25. Феогностъ.— 1329 г.	27. Феогностъ. 1328—1353 гг.
26. Алексій.—1364 г.	26. Алексій.— 1355 г.	28. Алексій. 1354—1378 гг.
27. Кипріанъ.— 1378 г.	27. Кипріанъ.— 1397 г.	29. Кипріанъ. 1376—1406 гг.
28. Пименъ. (Упоминаются	28. Пименъ.	30. Пименъ. 1389— 1389 гг.
29. Діонисій. (мимоходомъ.	29. Діонисій.—1384 г.	31. Діонисій II. 1384 г.
30. Фотій.—1407 г.	30. Фотій.	32, Фотій. 1408—1431 гг.
31. Григорій Цемивлахъ.—1415 г.	31. Григорій Цемивлахъ.—1415 г.	33. Григорій Самвлахъ. 1416—1419 гг.
—	—	34. Герасимъ. 1434—1435 гг.
32. Исидоръ.—1437 г.	32. Исидоръ.—1437 г.	35. Исидоръ. 1437—1442 гг.
33. Іона (Московскій только).	33. Іона I.—1440 г.	36. Іона I. 1448 – 1461 гг.
34. Григорій.—1442 г.	34. Григорій (непризнанный).	37. Григорій. 1458—1473 гг.
35. Михаилъ.—1474 г.	35. Михаилъ.— 1474 г.	38. Михаилъ. 1475—1480 г.
—	—	39. Спиридонъ. (Непризнанный).
36. Симеонъ.—1477 г.	36. Симеонъ.— 1477 г.	40. Симеонъ. 1481 – 1482 гг.
37. Іона I, Глезпа.—1482 г.	37. Іона II, Глезна.—1482 г.	41. Іона II, Глезна. 1492—1494 гг.
38. Макарій I.—1490 г.	38. Макарій I—1490 г.	42. Макарій I. 1495— 1497 гг.
39. Іосифъ II, Солтанъ.—1497.	39. Іосифъ II, Солтанъ.—1477 г.	43. Іосифъ II, Болгариновичъ. 1498—1501 гг.
40. Іона II.—1516 г.	40. Іона III.	44. Іона III. 1503— 1507 гг.
—	—	45. Іосифъ III, Солтанъ. 1507—1521 гг.
41. Іосифъ III.—1526 г.	41. Іосифъ III.—1526 г.	46. Іосифъ IV. 1522—1534 гг.
42. Макарій II.—1538 г.	42. Макарій II.	47. Макарій II. 1534—1556 гг.
43. Сильвестръ Велькевичъ.—1556 г.	43. СильвестръВелькевичъ.—1556 г.	48. Сильвестръ Велькевичъ. 1556—1567 гг.
44. Іона III, Протасовичъ.—1568 г.	44. Іона IV, Протасовичъ.— 1568 г.	49. Іона IV, Протасовичъ. 1568—1577 гг.
45. Илья Куча.—1577 г.	45. Илья Куча.—1577 г.	50. Илья Куча. 1577 –1579 гг.
46. Онисифоръ Дѣвочка.—1578 г.	46. Онигифоръ Дѣвочка.	51. Онисифоръ Дѣвочка. 1579 — 1589 гг.
47. Михаилъ Рагоза.— 1588 г.	47. Михаилъ Рагоза.— 1588 г.	52. Михаилъ Рагоза съ 1589 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Западно-русская богословско-полемическая литература конца XVI и начала XVII в.

Предисловіе.

VI.